

Альманах *Ветуск IX* библиофила

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ 85

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

**АБ / Альманах
библиофила**

Альманах библиофила
рассказывает
о книгах и книжниках
прошлого и настоящего,
библиотеках и библиофилах,
поисках и находках в книжном мире,
о делах минувших и современной жизни
книголюбов в разных концах нашей страны
и других странах

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Альманах библиофила

Выпуск IX

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. С. Аверинцев, В. И. Безъязычный,
В. П. Ерохин (*ответственный секретарь*),
Н. Х. Еселев, В. В. Кожинов,
И. А. Котомкин, В. Я. Лазарев,
А. Э. Мильчин, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский,
В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

Одним из важнейших событий в современной идеологической жизни было появление замечательных документов нашей эпохи — книг воспоминаний Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Они сразу же привлекли внимание читателей у нас и за рубежом. Присуждение и вручение Ленинской премии их автору стало настоящим праздником социалистической культуры. Оно еще раз продемонстрировало глубочайшую и плодотворную связь нашей литературы и искусства с идеями партии, с ее деятельностью, со свершениями нашего народа, строящего коммунизм. Выступая на собрании, посвященном вручению премии, Георгий Мокеевич Марков отметил: «Выход в свет книг товарища Леонида Ильича Брежнева „Малая земля“, „Возрождение“ и „Целина“ явился в духовной жизни советского общества событием огромного значения. Миллионы читателей в нашей стране, миллионы людей в зарубежных странах восприняли эти книги как пламенную, правдивую повесть о героических подвигах советского народа в важнейшие периоды его истории».

Ярко и проникновенно написанные книги Л. И. Брежнева не только воскресили в нашей памяти незабываемые картины героической обороны Малой земли, восстановления разрушенных гитлеровцами заводов и городов Приднепровья и покорения целины. Прошлое предстало в них как источник богатейшего опыта, жизненно важного и необходимого нам сегодня. Когда читаешь эти замечательные книги, то ощущаешь себя не во власти воспоминаний, а в кипении острейших проблем современности. Форма воспоминаний использована Леонидом Ильичом прежде всего для того, чтобы указать читателям на пути и методы решения этих проблем, чтобы еще раз сосредоточить внимание на насущных задачах, которые сегодня решают партия и наш народ. Он сам подчеркнул в своей

речи при вручении Ленинской премии, что писал свои книги, думая не столько о прошлом, сколько о настоящем: «Меньше всего мне хотелось, чтобы книги „Малая земля“, „Возрождение“, „Целина“ воспринимались как мемуарные сочинения. Работая над своими записками, думал я не о себе — и даже, пожалуй, не столько о прошлом, сколько о том, чем опыт прошлого может быть полезен людям сегодня». В этой речи чрезвычайно знаменательны и слова, обращенные к молодежи, проходящей сегодня на практике науку коммунистического созидания. «Юношам и девушкам, — указал Л. И. Брежнев, — необходимо приобщаться и к истокам формирования социалистических общественных отношений. Они должны хорошо представлять себе, как создавался исполинский экономический и духовный потенциал государства. Сознание преемственности наших дел поможет лучше понять и задачи сегодняшнего дня, и дела, которые ожидают наш народ завтра». В воспитании уважения к прошлому и умения делать из него самые актуальные и самые необходимые для современности выводы книги Л. И. Брежнева играют поистине неоценимую роль.

Содержание воспоминаний Леонида Ильича Брежнева чрезвычайно многогранно. Они являются одновременно и очень важным военно-историческим и политико-историческим документом, и интереснейшим литературно-публицистическим произведением, и огромным вкладом в разработку вопросов идеологической и политико-воспитательной работы, и необычайно ярким и убедительным воплощением подлинного демократизма и гуманизма политики Коммунистической партии.

Ни в коей мере не претендуя на сколь-нибудь полное и всестороннее освещение всего идейного богатства, которое заложено в этих небольших по объему, но чрезвычайно емких по содержанию книгах, я хотел бы сказать об их значении для нашей литературы, для идейно-нравственного воспитания читателя. Но прежде всего несколько слов о «Малой земле», «Возрождении» и «Целине» как литературном явлении, как образце нашей партийной литературной публицистики.

В своей речи при вручении премии Л. И. Брежнев напомнил ленинские слова о том, что основная задача партийной публицистики — это «писать историю современности», писать так, чтобы пером своим приносить посильную помощь практическому делу нашей партии, нашего народа. В более широком плане, сказал он, это главнейшая задача нашей художественной литературы и искусства вообще.

Воспоминания Л. И. Брежнева являют собой образец такой партийной публицистики, партийной литературы. Опреде-

ляя, обосновывая и отстаивая политику Коммунистической партии и Советского государства в своих докладах, речах и выступлениях, Леонид Ильич избрал еще один способ для того, чтобы довести важнейшие идеи партии до сознания широчайших масс народа,—откровенный и правдивый рассказ о событиях прошлого, в которых ему довелось участвовать, перерастающий в необыкновенно задушевный и глубоко продуманный и прочувствованный разговор о самом главном в жизни советского народа, каждого советского человека. Логика и строгость научного анализа исторических событий, страстное партийное слово публициста соединяются здесь с живым и выразительным воссозданием картин героического прошлого и человеческих характеров. Свое повествование автор строит не хронологически, год за годом, а выбирает периоды труднейших испытаний и великих свершений, свидетелем и активным участником которых он был, периоды наибольшего напряжения народных сил и наивысшего подъема народной энергии.

Великая Отечественная война, возрождение разрушенного войной хозяйства, покорение целины—в этих трех подвигах советского народа, составляющих содержание трех книг Л. И. Брежнева, раскрылись во всей полноте неисчерпаемые возможности социалистического строя, несокрушимая сила советского человека. Его образ, воплощенный в героях «Малой земли», «Возрождения» и «Целины»,—центральный в этих произведениях. Он объединяет их в своеобразную трилогию—трилогию о советском человеке.

Создавая яркие картины незабываемого прошлого и живые человеческие образы, автор использует не только логически-смысловую, но и эмоциональную силу слова. Книги его привлекают многомиллионного читателя и значительностью содержания, и удивительно задушевной, откровенной и проникнутой любовью к людям манерой изложения. В них звучит то страстное партийное слово, которое сам Леонид Ильич считает главным оружием политработника. Никаких громких речей, никаких бьющих на эффект приемов, но слово его всегда точно и отточено. Сотрудники «Нового мира», где впервые увидели свет воспоминания Л. И. Брежнева (я работал в то время в этом журнале) стали свидетелями того, как он работает над словом. В те дни, когда набирался текст «Возрождения», когда шли корректуры, Леонид Ильич совершал поездку по Сибири и Дальнему Востоку. Корректуры высылались ему самолетом, и в кратчайший срок они возвращались в журнал с правкой автора. Знакомясь с этой правкой, мы видели, как отдельные формулировки становились еще

точнее и выразительнее. Можно только поражаться, как во время столь ответственной и напряженной работы глава нашей партии и государства находил возможность снова и снова возвращаться к написанному и совершенствовать язык своих воспоминаний.

Книги Л. И. Брежнева не могут не привлечь внимание писателей и читателей своим подходом к целому ряду важнейших идеологических, политических и нравственных проблем, с которыми литераторы постоянно сталкиваются, стремясь воспроизвести современную жизнь и современного человека.

Искусство вообще и искусство слова в частности предстает в воспоминаниях Л. И. Брежнева как органическая и необходимая часть нашей жизни. Он вспоминает о том, как важно было для солдат обращенное к ним меткое слово или выразительный рисунок, как помогали партии в коммунистическом воспитании строителей и рассказ о рекорде, о яркой человеческой судьбе, и острая, принципиальная критика.

Наша литература всегда была верной и надежной помощницей партии в деле коммунистического воспитания трудящихся. И мысли Л. И. Брежнева о политической работе, о долге политработника, о его качествах имеют самое непосредственное отношение к деятельности каждого работника культурного фронта — от писателя до библиотекаря. Если смысл деятельности политработника на фронте заключался в том, что он, как пишет автор воспоминаний, «идейно вооружал бойцов, укреплял в них великое чувство любви к Родине, вселял веру в свои силы, вдохновлял на подвиг», то в этом же был и смысл деятельности советского писателя. И о нем можно сказать, что ему было доверено самое важное дело в годы войны: «Души и сердца воинов закалял он, без чего ни танки, ни пушки, ни самолеты победы нам бы не принесли». И у него, как у политработника, главным оружием было всегда правдивое, «страстное партийное слово». Это слово сыграло большую роль и как средство воодушевления людей, возрождавших свои заводы и города и осваивающих целину.

Все содержание книг Леонида Ильича, о чем бы он ни писал — о боях, о стройке, о работе обкома КПСС, — говорит нам о человеке, о людях труда, причем автор рассказывает о них с глубоким пониманием их психологии, интересов, переживаний и чаяний. Он глубоко убежден, что без этого немыслима никакая политработа. Ведь политика, как говорил В. И. Ленин, ведется через людей. Перечислив сложные и многообразные обязанности первого секретаря обкома, Л. И. Брежнев заключает: «И во всей этой работе главное — люди, главное — понять их и быть понятым ими». А не к этому

ли сводится и смысл деятельности писателя — понять людей и быть понятым ими?

Читатели «Малой земли», «Возрождения» и «Целины» не могут не обратить внимание на то, что эти небольшие по объему книги до предела насыщены событиями и людьми. Как могла память автора сохранить столько фактов и лиц, несмотря на то, что он не вел дневниковых записей? Думаю, что ключ к разгадке этой поразительной способности в том, что это память на хорошее в людях, что она рождена любовью и величайшим уважением к советскому человеку — защитнику своей Родины. В этой догадке я еще более укрепился, когда, читая «Возрождение», нашел там следующие строки: «...Память на людей, особенно на хороших людей, у партийного работника является и человеческим долгом, и профессиональной обязанностью». Слова эти исполнены глубокого значения. Они содержат в себе подлинно гуманистический подход к одной из острейших проблем современности — чрезвычайно важной для литературы и искусства. «Память на людей, особенно на хороших людей», — это долг не только партийного работника, это и долг советского литератора, партийного литератора. Если реакционная буржуазная литература проникнута неверием в человека, если она изображает его как злое животное или как перепуганного обывателя и бездушного потребителя, то советская литература исполнена уважения к человеку, веры в его безграничные возможности и пафоса коммунистического преобразования жизни и человеческой души. Спор о человеке — это основное поле идеологической битвы двух миров. И воспоминания Л. И. Брежнева, как и его политические выступления и вся его деятельность руководителя Коммунистической партии и Советского государства, дают нашей литературе и искусству мощное оружие в этой битве и образец подлинного социалистического гуманизма в действии.

Воспоминания Л. И. Брежнева насыщены не только событиями и лицами, они насыщены и мыслями о современном советском человеке. Среди этих мыслей мне хотелось бы обратить внимание на одну — принципиально важную для современной нашей литературы. «Дело, — говорит Леонид Ильич, — вот оселок, на котором познается истинная цена человека».

В свое время, отстаивая тему труда, многие критики упрекали тех или иных писателей в отрыве их произведений от производственной тематики, в излишней психологизации. Теперь же произведениям, рисуящим человека в труде, обычно предъявляются противоположные претензии — в том, что в них недостаточно глубоко и широко раскрывается

внутренний мир героев, их психология, их эмоции. Если это и справедливо по отношению к иным авторам, то главное направление современной советской литературы продолжает развивать горьковскую традицию раскрытия человеческой личности в труде, в деянии. Об этом говорят и успехи нашей литературы в области производственной темы, которые отметил Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС. Об этом говорят и лучшие произведения последних лет, в которых гуманистический смысл деяний советских людей раскрывается как поиск и обретение ими смысла жизни. И слова Л. И. Брежнева о том, что истинная цена человека познается в деле, являются вернейшим ориентиром для нашей современной литературы.

Советский человек не раб дела, а сознательный и заинтересованный участник. Ради него он идет на героический труд и на подвиг. Размышления Леонида Ильича о подвиге, о его природе, о психологическом состоянии человека, совершающего подвиг, читаются с особым интересом.

Когда мы читаем воспоминания Леонида Ильича, перед нами все полнее раскрывается и личность самого автора как выдающегося политического и государственного деятеля нового типа — ленинского типа, для которого характерны глубочайшая убежденность в правоте нашего дела, в силе социалистического строя, в величии коммунистического идеала, неразрывное единство слова и дела.

История и сейчас дает многочисленные примеры того, как буржуазные политические деятели, говоря одно, думали и делали совсем другое. Недаром предвыборные программы буржуазных партий никогда не выполнялись в той своей части, в которой они сулили какие-либо блага трудящимся. Не знаю, мучила ли совесть руководителей этих партий, когда они порою шли на путь заведомого обмана народа. Но я уверен, что они никогда не испытывали и не испытают той радости и того счастья, о котором так проникновенно говорит Леонид Ильич Брежнев: «Счастлив политик, счастлив государственный деятель, когда может говорить то, что он действительно думает, делать то, что он действительно считает необходимым, добиваться того, во что он действительно верит. Когда мы выдвигали Программу мира, выступали на многих международных встречах с инициативами, направленными на устранение угрозы войны, то я делал то, добивался того, говорил о том, во что как коммунист глубоко и до конца верю».

Все это и есть основа подлинной, а не мнимой демократии, подлинного, действенного гуманизма, а не гуманизма на словах.

Своей глубокой убежденностью и неутомимой борьбой за проведение ленинской политики мира товарищ Брежнев снискал себе любовь и уважение и в нашей стране, и за рубежом. Он проводит как государственную политику волю советского народа к миру, к созидательному труду во имя построения коммунизма. И его взволнованный и яркий рассказ о героизме советских людей, разгромивших фашистских захватчиков и за кратчайшие сроки восстановивших народное хозяйство, воспринят миллионами читателей как еще одно слово в защиту этой подлинно человеческой политики, еще одно проявление заботы о советских людях.

Человек, чей авторитет выдающегося партийного и государственного деятеля столь высок у нас в стране и во всем мире, откликнулся на просьбы простых людей рассказать о тех событиях, непосредственным и активным участником которых он был.

Я никогда не забуду того радостного возбуждения, которое царило в редакции «Нового мира» в те дни, когда в нем печатались эти замечательные документы о советских людях, об их героической жизни. Стремясь поскорее донести до народа проникновенное слово Леонида Ильича о пережитом, сотрудники журнала и издательства «Известия» — редакторы, машинистки, корректоры, наборщики — трудились порою без выходных. Они понимали, какой интерес вызовет публикация воспоминаний, какую огромную роль сыграют они в идеологической жизни страны.

И действительно, за короткий срок воспоминания Л. И. Брежнева стали самыми популярными книгами нашего времени. Миллионные тиражи книжных изданий, десятки миллионов экземпляров газет и журналов, в которых они были напечатаны, призваны удовлетворить всевозрастающий читательский спрос в Советской стране. Однако интерес к ним далеко перешагнул границы нашей Родины. Сейчас они переведены и изданы во многих странах мира, и каждый день приносит сообщения о все новых и новых изданиях «Малой земли», «Возрождения» и «Целины» у нас и за рубежом.

Книги Л. И. Брежнева пробудили у читателей желание поделиться и собственными впечатлениями о прочитанном, воспоминаниями о тех событиях, которые они воскресили в памяти, своими мыслями о насущных проблемах жизни советского общества. Множество писем идет в редакции журналов и газет. «Кто еще мог так живо, жизненно передать обстановку на Малой земле,— пишет донецкий шахтер П. Е. Лементарь.— Большое спасибо Вам, дорогой Леонид Ильич, за то, что столько труда, столько энергии, нервов вложили

Вы в Победу. Сейчас постоянно ощущаешь Вашу заботу о простом человеке». Учебником жизни называет «Возрождение» учительница из поселка Полотняный Завод М. Г. Романова. По ее мнению, книга эта «должна стать настольной в каждой семье, в кабинете каждого руководителя, в каждом учреждении, так как каждый найдет в ней ответ: каким быть, что делать, как преодолевать трудности». Своими мыслями о книге Л. И. Брежнева «Целина» делится оператор пятигорского института «Севкавгипроводхоз» А. А. Неловкин: «Написано сильно, образно, впечатляюще. Вникая в каждое слово, создающее целинную эпопею пятидесятих годов, вновь перечитываю воспоминания. На примерах подвигов людей, вдохнувших жизнь в мертвую степь, будут учиться любить Родину и быть готовыми к подвигу подрастающие мальчишки и девчонки сегодняшнего дня».

Воспоминания Л. И. Брежнева действительно стали учебником жизни для миллионов советских людей. Они обсуждаются по всей стране. Мне довелось участвовать в читательских и научно-практических конференциях на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях Москвы и городов Поволжья. Чувствовалось, что каждый из выступавших почерпнул в этих удивительных книгах нечто очень важное для себя лично, для своего коллектива. Рабочие Электростали и КамАЗа с волнением говорили о том, что рассказ Леонида Ильича о людях, в кратчайшие сроки поднявших из руин и пепла разрушенные заводы и проявивших при этом необыкновенное упорство, самоотверженность и творческую инициативу, укрепляет в них дух новаторства, стремление совершенствовать формы и методы труда. О живой связи поколений, о молодежи, наследующей и развивающей лучшие качества отцов, шла речь в студенческих аудиториях Казани и Горького. Размышлениями о том, как повысить уровень планово-экономической деятельности и работы с кадрами, были проникнуты выступления сотрудников аппарата Министерства гражданской авиации СССР на читательской конференции, посвященной «Целине». Вопросы военно-патриотического воспитания были в центре внимания участников научно-практической конференции, организованной политуправлением Московского военного округа и Союзом писателей СССР.

Книги Л. И. Брежнева вызвали живейший отклик и у широких кругов зарубежной общественности. Особенно запомнилась мне встреча в Генуе с ветеранами итальянского движения Сопротивления. Мы с большим интересом прочитали «Малую землю», говорили они. Русские показали всему

миру чудеса героизма, защищая свою Родину. Они помогали и нам, итальянским партизанам, в нашей борьбе против фашизма. У нас похоронен отважный советский воин — Федор Полетаев, ставший героем итальянского Сопротивления. Мы просим передать автору «Малой земли» нашу благодарность за его неутомимую деятельность в защиту мира.

Появление книг воспоминаний Л. И. Брежнева отвечает духу времени, его запросам. Принятое весной 1979 г. постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркивает, что «идеологическая работа должна быть поднята на более высокий качественный уровень, отвечающий требованиям развитого социализма, новым задачам коммунистического строительства». Обобщая принципы советской демократии и социалистического гуманизма, определяя стратегию и тактику строительства коммунизма, Л. И. Брежнев своими воспоминаниями дает новый импульс развитию нашей теоретической мысли, совершенствованию форм и методов идейно-воспитательной работы, новому подъему социалистической культуры. Все содержание их предстает перед нами как наука о новых человеческих отношениях, наука о подлинной человечности.

Раскрывая все богатство накопленного нашей партией и народом социально-политического опыта, книги Л. И. Брежнева помогают миллионам советских людей достойно встретить XXVI съезд КПСС.

Борис Слуцкий

* * *

Перевожу с монгольского и с польского,
С румынского перевожу и с финского,
С немецкого, а также и с ненецкого,
С грузинского, а также с осетинского.
Работаю с неслыханной охотой
Я только потому над переводами,
Что переводы кажутся пехотою,
Взрывающей валы между народами.
Перевожу смелее все и бережней
И старый ямб, и вольный стих теперешний.
Как в Индию зерно для голодающих,
Перевожу правдивых и дерзающих.
А вы, глашатаи идей порочных,
Любой земли фразеры и лгуны,
Не суйте мне, пожалуйста, подстрочник —
Не будете вы переведены.
Пучины розни разделяют страны.
Дорога нелегка и далека.
Перевожу,
 как через океаны,
Поэзию
в язык
 из языка.

Книга

и Жизнь

Петр Проскурин
И КНИГА, И ЖИЗНЬ

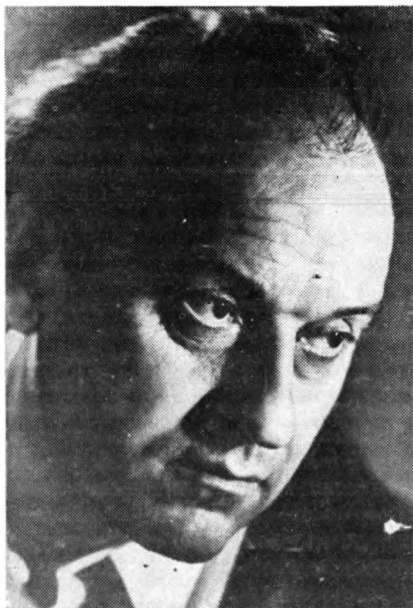
Беседу вел Ф. Медведев

Мы рассуждали о книге—этой конечной цели писательского труда, его светлой мечте, его радости. Мы говорили о вещах, быть может, уже известных и отчасти даже банальных: о том, что нельзя стать писателем, если не знаешь жизни, что именно жизненный опыт помогает найти героя, что, если писатель хотя бы раз не переживает того, о чем он хочет писать, он не сможет создать художественно правдивого романа, повести, рассказа; мы говорили о пользе начитанности, образованности литератора, о том, что нельзя все время быть на «содержании» собственной юности и питаться только соками ее памяти, которая, конечно же, абсолютно необходима в творчестве, и вдруг мой собеседник почти безапелляционно заявил:

— И все-таки я твердо убежден: литературу делает литература!

— Это значит—книги, написанные до тебя? Но, позвольте, Петр Лукич, по вашим книгам этого не скажешь. Все ваши произведения, от ранних рассказов до романа «Имя твое», опровергают это утверждение, ибо имеют собственную судьбу, в чем-то, быть может, и похожую на судьбы произведений других писателей вашего поколения, но все-таки неповторимую, единственную, самобытную.

— Я считаю, что героя будущего произведения писатель должен искать в жизни, но понять свое «чадо», взрастить его в своей душе писателю помогает широта кругозора, образованность. Когда я чувствую, что «подталкиваю» героя, что в его поведении недостает естественности и даже сам я перестаю его понимать, вот тогда, по-моему, начинается литературщина. Дал герою не то слово, не ту мысль, подчинил его каким-то

П. Л. Проскурин

сиюминутным требованиям, смотришь — получилась схема, чувствуешь — идешь по проторенному пути. Приходится все начинать сначала.

Каждая эпоха, каждый излом социального уклада (наше ли это время или прошлые эпохи) дают свои яркие, острые характеры. Творческий опыт Шекспира, а в наше время — М. Шолохова, Л. Леонова помогает осмысливать время, в котором ты живешь. Могу сказать больше: произведения классиков вдохновляют меня на работу, на замыслы — такова уж их притягательная сила. Только позже начинаешь осознавать некое родство литературных героев, сравниваешь их, анализируешь. И снова учишься.

— Кстати, Петр Лукич, Л. Н. Толстой в одном

из писем 1878 г. к тетке говорил о своей «учебе» у книг, у писателей прошлого: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время <...> Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается, и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед <...> И готовить трудно и страшно... А обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело!»

— А ведь Толстой здесь как раз рассуждает о классике, о литературе двадцатых годов XIX в., когда уже творил Пушкин. Для писателя ж нашего времени весь девятнадцатый век — это классика, образец. Недаром великий Толстой вчитывался в страницы даже второстепенных авторов — для него это была «кухня» истории.

Я считаю, что вся художественная культура прошлых веков предполагает какое-то ею же самой заложенное движе-

ние вперед. Она растет, как дерево, пуская глубокие корни, и не может остановиться. Вот и литература своими соками порождает новые ветви, направления, силы. Я уверен, что без культурного наследия прошлого, без литературы, на которой мы базируемся, формируемся, невозможно сегодня написать роман. Почему русская литература славится именно романом? Да потому, что в ней как бы потенциально заложены коды большого эпического, гуманистического освещения мира. Русская литература — это народная литература. Она выражает стремление народа к светлому, прекрасному будущему. Во всей нашей литературе заложено это доброе семя, и поэтому невозможен современный советский роман без опоры на эти могучие корни.

А теперь, возвращаясь к ранее сказанному: без знания жизни, в том числе и опыта «книжного», все-таки ничего создать невозможно. О таланте я не говорю, талант — это само собой разумеющееся. Но на знании писателем жизни держится настоящая русская литература. Потому что в творчестве отражающаяся душа и опыт человека. Если ты пишешь о крестьянине, ты должен знать, как пахнет земля, если пишешь о каменщике, надо почувствовать тяжесть кирпича, его структуру, услышать, как он шлепается в раствор. Я не понимаю людей, которые пишут, пользуясь только книжным материалом. Правда, хочу оговориться: если ты берешься за большой социальный тип, тебе может не хватить одного только знания жизни. Вот тут-то и приходится обращаться к опыту других, к книгам, архивам, свидетельствам очевидцев. Я, например, массу времени провел в архивах Москвы, Смоленска, Сибири, вчитываясь в самые различные свидетельства людей. А сколько прочитано книг писателей-современников! И все равно ощущаю: не хватает почему-то материала. Не хватало его, когда писал «Судьбу», «Имя твое»; сейчас заканчиваю новый роман — и опять ощущаю нехватку материала. Помню, как трудно мне было писать о кулаках, например, о Макашине. Пришлось поехать на Верхнюю Каму. Я бродил по родным местам моих будущих героев, подолгу беседовал с людьми, которые жили здесь в тридцатые годы. И чем больше я узнавал, тем богаче становилось мое представление о том сложном и героическом времени. Художник — прежде всего исследователь, а потом уже судья. Там, на Каме, я встретил прекрасного человека, чей труд был отмечен правительственной наградой; его отец был кулаком. И это не единичный случай. Наверно, это познание уберегло меня от однозначности решения. Я уже не имел морального права судить всех по одной мерке, ибо увидел сложную эволюцию поколений.

— *Петр Лукич, а как в таком случае вы решили ввести в «Имя твоё» новый для вас материал о жизни и труде ученых?*

— Это долгий разговор. Я могу рассуждать и об истоках художественного творчества, и о дерзости писателя, берущегося за незнакомую ему тему и все-таки решающего ее, о доли вымысла, о возможностях творческой фантазии... Другое дело, убедительно ли выписаны сцены жизни и труда ученых, запоминаются ли характеры людей науки?

Как автор, скажу, что я сознательно поместил своих героев в такую обстановку, где происходит борьба идей, борьба мысли. Обычно свои романы я проверяю на тех, о ком пишу. Читал я «Имя твоё» и физикам. Они сделали мне конкретные замечания. Приходилось переделывать диалоги, переписывать заново страницы, учиться говорить и мыслить, как говорит и мыслит доктор наук.

Конечно, трудно порой приходится, когда имеешь дело с малознакомым тебе материалом. Жалеешь, что этого не успел в жизни и того не успел: не побывал в таких-то местах, не повстречался с людьми, прообразы которых могли бы лечь в основу произведения, не стал свидетелем такого-то важного события. Короче говоря, чувствуешь «нехватку» жизни, но для меня понятие «жизненный опыт» включает в себя и опыт «книжный». Иной раз сдашь билет, чтобы только не ехать «за жизнью» на какой-нибудь край света, возьмешь книгу в руки, и — честное слово! — одна реплика Гамлета, один монолог у Достоевского, описание донской природы у Шолохова, приобщая тебя к непреходящим духовным ценностям, откроют подлинные человеческие глубины.

— *Не слишком ли категорично?!*

— Ну, это как понимать. Вы согласитесь, что документальная литература дает человеку знания, информацию, искусство же приносит и эстетическое наслаждение. Я, конечно, имею ввиду подлинное искусство. Оно возносит человека, кто бы он ни был по своей профессии — писатель, академик или рабочий, — возносит к духовным вершинам, к вечно доброму началу в человеке, будит то, что зачастую еще только в нем дремлет.

— *Я знаю, что вы часто снимаете с полки «Войну и мир» Толстого. Мне кажется, что описание войны у Толстого как бы пробуждает во всех нас, независимо от возраста, священную память о погибших, жажду справедливости. А ведь в ваших произведениях, Петр Лукич, много страниц посвящено Великой Отечественной войне. Родились вы в 1928 году, значит, война для вас была как раз тем самым*

жизненным материалом, который и сегодня питает ваше творчество. Не так ли? А было-то вам тогда всего тринадцать-пятнадцать лет. Именно в те годы вы, наверное, прочли первые в своей жизни серьезные книги? Но я думаю, что перевес в получении информации был явно на стороне жизни, на стороне собственного опыта.

— Как раз на это трудно ответить однозначно. И вот почему. С одной стороны, я действительно пережил оккупацию фашистами моего родного Севска, моей родной Брянщины. Внимательный читатель наверняка обратит внимание на «дотошные» описания смерти моих героев. Я тщательно смог это описать только потому, что сам умирал не однажды. Смерть невозможно по-настоящему изобразить на бумаге, если ты не умирал сам. Так вот, помню, как в сорок третьем году меня накрыло при бомбежке Севска. По его центральной улице проходила передовая: полгорода за нами, половина — за фашистами. Я вышел из убежища раньше времени, и то, что довелось мне ощутить тогда, я запомнил на всю жизнь: над головой висело несколько десятков немецких бомбардировщиков, сыпались бомбы, но — удивительно! — я ничего не слышал. Тишина меня поразила. Тот миг был для меня ощущением небытия.

И таких ощущений в войну было несколько. Однажды, отступая от немцев, я вместе со взрослыми брел на восток. «Отступал» с нами и маленький братишка, которого я вез на санках. Уставший до изнеможения, я склонился над лужей, чтобы напиться. Дело было в начале весны, ночи были морозные, и вода была подернута тонким ледком. Я сделал несколько жадных глотков и вдруг остолбенел — передо мной, перед моими глазами — оторванная человеческая рука. Луна жутко освещала ее. Мне вдруг стало до тошноты страшно. И я ощутил в тот миг холодок смерти.

Я, действительно, люблю Толстого и часто перечитываю его книги. Толстой не был участником войны, которую он описал в своем бессмертном романе, но он знал войну по Севастопольской обороне. Он видел смерть. Вот почему у него такие потрясающие описания последних часов и минут человеческой жизни. Это трудно выговорить, но он пишет смерть, как «человек с того света».

Художественная литература — это прежде всего эмоциональное воздействие на сердце читателя, на его душу. Когда писатель достигает этого воздействия, начинается подлинное искусство. Нужно писать так, чтобы найти отклик в душе читателя. Если же ты не затронул его сердца, пиши хоть в сто раз разумнее самого бога, — это — пустое...

Да, я пережил войну мальчишкой, и память о войне всегда со мной. Но ведь она несовершенна, человеческая память. И когда я в своих книгах стал касаться военных страниц нашей истории, я поехал туда, на места боев. Побывал на кладбище, где проходила передовая, ходил по полю и искал ржавые гильзы, делал с натуры карты конкретной местности. Я зашел в Успенский собор, в котором венчался Кутузов и который не тронул Наполеон. Этот собор чудом уцелел и в последнюю войну. Я хотел понять все, что называется войной...

Теперь о другом, почему нельзя ответить на ваш вопрос однозначно. Дело в том, что именно в войну я впервые по-взрослому ощутил, как нужна человеку хорошая книга.

Начало моего литературного образования заложила Севская районная библиотека, в которой я перечитал почти все. Даже занятия бросил в школе — вот насколько поглотила меня страсть к чтению, к книге. Родителям пришлось просить библиотекаря не давать мне на дом книг. Я затосковал, жизнь потеряла всякий интерес.

В эту трудную минуту меня поддержала любимая учительница Александра Митрофановна, которая поступала, быть может, не «педагогично» — из своей домашней библиотеки она приносила мне книги для чтения. Была она бездетной женщиной и привязалась ко мне, как к сыну. И как сына баловала... книгами. Как-то после уроков она протянула мне завернутую в газету книгу. Это был «Тиль Уленшпигель». «Не читал?» — «Нет», — сказал я, и, забыв обо всем на свете, жадно разглядывал темно-зеленую обложку. Простившись с Александрой Митрофановной, я полез за монастырскую ограду, забрался там на высокую старую грушу и, раскрыв книгу, попал в чудесный мир ее героев. Опомнись от наступления темноты. Книгу домой не понес, спрятал здесь же, в бурьяне. Впечатление было непередаваемое: я смеялся и плакал одновременно.

Тиль и его друзья вошли в меня навсегда, и когда через несколько лет, в сорок первом году, увидел выброшенные под обрыв книги из школьной библиотеки, я схватил первую попавшуюся — ею оказалась именно книга де Костера, — спрятал за пазуху, а придя в себя (в здании школы располагался немецкий госпиталь, и меня могли пристрелить), перетаскал домой и рассовал по углам несколько мешков книг. Это, очевидно, спасло мою душу: вымышленная человеческим гением великая жизнь заслонила меня от подлинно непереносимой по своему страданию действительности.

В связи с книгой запомнился еще один эпизод. Однажды на улицах Севска я увидел трех повешенных партизан. Среди

них был мальчик лет десяти. На груди у всех висели дощечки: «Бандит-партизан». Я был потрясен увиденным. И вдруг смотрю—ко мне идет Александра Митрофановна. От ее голоса, родного и близкого, я заплакал. «Вот это не надо,— сказала она.—Я, конечно, все понимаю, но не надо слез, скоро все переменится. Возьми это от меня и помни: быть человеком всегда трудно». Она сунула мне сверток и пошла своей дорогой. Дома я его развернул. У меня в руках была книга «Слово о полку Игореве». С тех пор я знаю ее наизусть. Вместе с этой удивительной книгой лежала другая—«Тарас Бульба» Гоголя.

— Ну что же, вы приобщились к литературе, читая прекрасные книги. А помните, как писал о первой прочитанной им книге («Птичница Агафья») Маяковский: если бы попалась еще одна такая—бросил бы читать... Петр Лукич, а что было дальше: шли годы, вы выросли, стали писателем—какие книги воздействовали на ваше сердце, стали любимыми, необходимыми?

— Я люблю книги писателей, которые меня воспитали, пробудили творческое сознание: Пушкина, Достоевского, Толстого, Герцена, Лескова, Мельникова-Печерского, Чехова, Бунина, Куприна. Из иностранных классиков многим предпочитаю Шекспира, Мериме, Стендаля, Байрона, в детстве очень любил Джека Лондона—с годами к нему остыл. Из современных нравится Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Много дал мне Драйзер для изучения противоположного нам мира. Когда-то любил Хемингуэя и Ремарка, но сегодня не считаю себя их горячим поклонником.

Очень люблю русскую поэзию. В первую очередь стихи Есенина, Анны Ахматовой. В последнее время как бы заново для себя открыл Тютчева—звезду первой величины. Идешь к нему трудно, быть может, всю первую половину жизни, но зато потом он озарит тебя ярким светом глубокой мысли.

Ну, и совершенно особняком стоит для меня, читателя, Гоголь. Он как бы заново открыл литературный язык, а по волшебству мысли он не сравним ни с кем. Вы слышали что-нибудь о «литературе предчувствия»?

— Да, я помню, как несколько лет назад, вы, Петр Лукич, выступили с докладом на эту тему.

— Так вот, я считаю, что, начиная со «Слова...», а может быть, и еще раньше—с былин, сказаний, песен—предчувствие художника явилось тем живым огнем, той таинственной силой, которая выражала боль, тревогу, надежду народа, говорила о его стремлениях и чаяниях, ограждала от многих исторических невзгод. Эта особенность самовыражения

русской народной души особенно проявилась в литературе девятнадцатого века, и одно из самых ярких тому подтверждений — творчество Пушкина, Гоголя, а затем Толстого и Достоевского. Ведь в «Войне и мире», к примеру, в изображении дисгармонии народа и правящих сил уже заложено предчувствие неизбежных перемен, оправдание грядущих сдвигов и общественных катаклизмов. И благословение, и страстное желание ускорить их приход.

С еще большей силой предчувствие грядущих перемен прозвучало в гениальных романах Достоевского. Тут невыносим беспредельный океан боли и социального и человеческого неравенства.

А как беспощаден Булгаков в освещении жизненных процессов! И это — беспощадность истинного художника. Он ничего не прощает даже Воланду и Иешуа. Параллели между Пилатом, Иешуа и Мастером, окруженным темными силами зависти, бездарности, приспособленчества в лице критика Латунского и других так называемых литдеятелей, как бы подчеркивают однозначность предательства, в какую бы эпоху и по каким бы причинам оно ни случилось. Но рукописи не горят, как утверждает Булгаков. Другими словами, истина бессмертна. И самый большой порок — это трусость, заставляющая человека изменить своей совести и совершить самое тяжкое преступление — предать истину.

— Я чувствую, Петр Лукич, что вы равнодушны к Булгакову, и, честно говоря, мне кажется это удивительным. Я думаю, что творческие принципы ваши и Булгакова расходятся. Ведь ваши произведения полны жизненных реалий, проза же Булгакова насыщена мифами, мистикой, всяческой «чертовщиной».

— Если бы вы меня к тому же спросили нравится ли мне Габриэль Гарсиа Маркес, я бы ответил утвердительно. Вас это не удивляет? «Секрет» в том, что я люблю Гоголя.

Веками, к примеру, складывалось, вырабатывалось и определялось в народе отношение к так называемой нечистой силе. По толкованию народа, это противоположная всему добру на земле сила. Именно такое отражение нашла она у великого Гоголя. Он отразил борьбу двух вечных начал: созидания и разрушения, жизни и смерти... У Булгакова нечто другое, если Воланд и не творит добро, то он и не мешает ему быть. Наоборот, если он вершит суд и расправу, то лишь над теми, кто предал идеалы добра.

— Будем считать, что это ваша точка зрения, и предоставим каждому читателю по-своему толковать творчество этого сложного и талантливого писателя.

— Наш разговор о «литературе предчувствия» «затормозился» на Булгакове, но я хотел бы добавить, что у Леонида Леонова предостерегающе в свое время зазвучала нота трагического оскуднения природы, а в литературе последнего десятилетия эта же нота щемяще звучит у Виктора Астафьева и Василия Белова.

Художников, которые своим зорким глазом видят далеко вперед, к сожалению, мало. Но я считаю, что именно на них и держится подлинное искусство. И если такой художник появляется, его надо вовремя заметить. Впрочем, и Волга начинается с укромного незаметного родничка, а ведь можно и не знать, что вот именно здесь, из этой светлой речки начинается великая русская река.

— Если уж мы перешли на современный литературный процесс, то я попросил бы вас охарактеризовать его с точки зрения нашего с вами разговора: соотношения жизненного и книжного материала в произведениях современной прозы.

— В конечном итоге, дело не в этом соотношении, хотя все-таки приоритет принадлежит реалиям бытия, конкретным событиям. Конечно, много еще у нас издается книг, в которых жизнь как бы выдумана, будто не наше сложное время описывает автор. Наверное, если бы подобные книги преподнесли в качестве некоего материала для творческой «ревизии» Николаю Васильевичу Гоголю, он горестно бы развел руками и спросил: «А где же поэзия, а где талант?!» Но, к счастью, литература никогда не брала числом.

А Гоголю я преподнес бы из нашей советской литературы, которой уже более 60 лет, и томики Есенина, и романы Булгакова, и рассказы Платонова, и произведения Шолохова, Алексея Толстого, Леонова... И тотчас бы стало ясно, что есть еще порох в пороховницах русской словесности.

Современный литературный процесс... Дело ведь не в том, что проза усилиями некоторых критиков стала делиться на «деревенскую», «рабочую», «молодежную»... Вы понимаете, что литература есть хорошая или плохая, а точнее — литература и нелитература, все остальные деления в большей или меньшей степени условны. Так вот, из-под пера писателей уже известных, талантливых, любимых народом за последние годы вышло немало первоклассных творений. Имена этих писателей у всех на устах. И неважно, в деревне они живут или в городе, на «деревенскую» тему пишут или на «городскую», их произведения — это слова правды, истины в искусстве.

Другое дело, что мы подчас говорим об одних и тех же литераторах, пишем о них статьи, спорим об их книгах. И не замечаем, что на обширных российских литературных нивах

выросли немалые урожаи. Как это случилось в свое время с Вамиловым, которого долго не замечали. Вот и я могу назвать имя белгородского прозаика Олега Кириллова, новые романы которого «Лихолетье» и «Сполохи» я недавно прочитал залпом. «Сполохи» — это роман, в котором поставлена очень важная сегодня проблема взаимоотношения человека и природы. Я считаю, что творчество этого писателя, так же, как, допустим, и дальневосточного поэта и прозаика Павла Халова, заслуживает общесоюзной известности.

А писательский подвиг (да, да, я считаю это подвигом!) Николая Павловича Задорнова, рассказавшего о мирном заселении Дальнего Востока, Камчатки, Хабаровского края русскими в своих известных романах «Война за океан», «Капитан Невельской», «Амур-батюшка» и других? Задорнов показал нам историю далеких окраин нашей страны, прославленных ныне трудовыми подвигами советских людей. А критика о Задорнове молчит. Я считаю, что ей, да и писателям тоже, и читателям нашим не грех обратить свои взоры на имена неизвестных пока писателей, живущих на периферии, но также активно участвующих в общем литературном процессе наших дней. Тут только глаз зоркий нужен. Да любопытства побольше.

— А ведь ваша творческая биография и писательская судьба складывались нелегко: позднее начало, поздняя первая книжка, непонимание некоторой части критики, ваши личные сомнения: писать дальше или не писать...

— Действительно, стоял передо мной такой вопрос: что мне делать с романом «Глубокие раны», дописывать его или нет, а вместе с этим вопросом возникало и желание бросить все писание, мечты о творчестве, завербоваться в очередной леспромхоз, благо деньги к тому времени вышли. Но жизнь послала мне на выручку прекрасного человека — Сергея Леонтьевича Рослого, независимого в суждениях, честного, принципиального журналиста. Страстно влюбленный в литературу, он поверил в то, во что не верил я сам: в мои способности. И сумел в этом убедить не только меня, но и других: редакцию газеты «Тихоокеанская звезда», журнал «Дальний Восток», Хабаровский комитет радиовещания. Именно там приняли и «обнародовали» мои первые работы. В один из дней «Тихоокеанская звезда» вышла с моим рассказом «Цена хлеба». Счастливый, улыбающийся Сергей Леонтьевич сказал мне тогда: «Ну вот, лиха беда начало. Давай, жми!» И заставил дописать оборванный на середине роман. «От этого будет зависеть твой дальнейший путь в литературу», — твердо сказал он.

И роман я дописал. Было это в конце пятидесятых годов, а в 1960-м в Москве в издательстве «Советская Россия» вышла моя первая тоненькая книжечка рассказов «Таежная песня».

— А потом появился принесший известность роман «Горькие травы»?

— Легко сказать «появился». Работал над ним, одновременно занимаясь на Высших литературных курсах Союза писателей. Дал на прочтение прозаику Юрию Лаптеву. Роман ему понравился, и он написал рекомендацию в журнал «Знамя». Там прочитали в отделе литературы и ответили отказом, дескать, роман слишком «утяжеленный», для «Знамени» не подходит. Ладно, думаю, пойду-ка я к Александру Трифоновичу Твардовскому, в «Новый мир». Что он скажет. С трудом попал к нему на прием, он в это время был очень занят, что-то решал со своим заместителем и был недоволен, что я к нему ворвался. «С чем пришли, с романом? А сколько страниц?» — «Шестьсот шестьдесят», — говорю. «А вы можете написать маленький рассказ?» Я оторопел: «Могу, наверное»... Затем немного пришел в себя, осмелел и выпалил: «А у вас вот вышел роман в стихах „За далью—даль“, в нем страниц триста будет». Твардовский вдруг часто заморгал глазами, расхохотался и говорит: «Не обижайтесь, мы познакомимся с вашим романом».

Но мне опять не повезло, прочитала его консультантка и сделала вывод: «Роман слишком облегченный, слишком розовый, поэтому для „Нового мира“ не подходит». Пошел я в «Октябрь».

Там прочитали быстро, но ответили не менее утешительно, дескать, произведение выражает частнособственническую мужицкую психологию. Странное заключение, но делать нечего — надо искать другого издателя. Пришел в журнал «Дружба народов» к Сергею Смирнову. Тот прочитал и сказал, что «Горькие травы» надо положить в стол лет на десять, пусть, дескать, вылежится.

Действительно, горькими оказались для меня времена публикации этого романа. Но вот кто-то из критиков сводит меня с Анатолием Ивановым. Тогда я его не знал, работал он в «Сибирских огнях» и приехал в Москву в командировку. Опять тот же вопрос: «Сколько страниц?» Когда узнал, что много, в шутку заупрямился, говорит: нет, мне надо апельсины детям везти, а тут весь лимит груза в самолете съест рукопись. В общем, буквально через неделю пришла телеграмма в Хабаровск, где я тогда жил: «Будем печатать».

С этого романа и началась по-серьезному моя писательская судьба. Анатолий Иванов, которому я очень благодарен,

ныне стал известным советским писателем. Тогда он проявил (пусть это будет немного нескромно с моей стороны) настоящую редакторскую смелость и хватку.

— *Во всех ваших книгах, Петр Лукич, как бы всплывают глубокие пласты народной жизни, поднимаются актуальные и глубоко современные проблемы. Но вот новый роман посвящен истории нашей Родины. Не могли бы вы немного рассказать о нем?*

— Этот роман навеян книгами по истории России. Где-то в Курской губернии во время гражданской войны нашли изъеденные временем дощечки с непонятными письменами. находка в то бурное и сложное время попала за границу. Один историк высказал предположение, что это древнеславянские руны. Из них известно стало, что история славянства протягивается от олеговой поры еще на полторы тысячи лет вглубь.

И вот, ознакомившись с этими исследованиями, я «направил» героев нового романа (условное его название «Старый дом») в глубь истории наших предков.

— *Любопытно! Вот еще о чем хотелось бы спросить вас. В последнее время в печати появились стихи Петра Проскурина. Это что — серьезно для вас или своего рода творческое хобби, отдохновение от прозы?*

— Книгу стихов пока выпускать не собираюсь. Стихи я начал писать лет в пятнадцать. Время было военное, бумаги не было, и я вырывал листы с великолепными иллюстрациями Доре к «Библии» (не могу себе простить этого до сих пор), царапал на них свои вирши и посылал в редакции. После войны не бросил это дело и лет до двадцати извел много бумаги на сочинительство: на поэмы, драмы, стихотворные романы. Когда ушел в армию, мать свалила все в ящики из-под мин и забросила на чердак. От всей моей графомании остались крохи — поели мыши. Да, это были плохие стихи, но они привили мне потребность логически мыслить, приучили к усидчивости, к желанию емко выражать свои мысли. А сегодня я пишу в основном для себя. Стихи помогают выразить чувства, которые нельзя порой выразить прозой.

— *И последний вопрос — вы считаете себя книголюбом?*

— Видите ли, я положительно смотрю на книголюбие, если это не бездумное собирательство, с уважением отношусь к деятельности Общества любителей книги, выступаю по его приглашениям перед читателями. Но я считаю, что ставить книгу на полку, как мертвый груз, чтобы она бездействовала, вбирая в себя пыль времен, — значит изымать частицу духовного потенциала общества. Взгляните еще раз на мою библи-

отеку — вы не найдете ни одной лишней, ненужной мне книги: классика, словари, справочники, любимые книги стихов. Все самое нужное мне, самое необходимое. Поэтому считаю, что к книге отношусь серьезно.

ВОКу надо бороться с «книголюбом»-обывателем. Вообще работы у него много: воспитывать культуру чтения, помогать формировать библиотеки крупных строек и отдаленных сельских районов, чаще организовывать встречи с писателями, заняться, быть может, изучением проблемы «почему издаются плохие книги». Ведь очень важно вскрыть причины этого явления. К счастью, читатель у нас понимающий, чувствующий литературу. Сколько бы подчас бодренькими рецензиями ни рекомендовали ему слабую книгу, он читать ее не станет. Зато с какой радостью примет читатель каждое заметное произведение нашей литературы, каждую новую хорошую книгу!..

*Игорь Ильинский,
Народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда*

КНИГА ПЕРЕЖИВЕТ ВЕКА!

Вы видели человека, который сказал бы, что книга не нужна? Таких людей, наверное, нет! Иное дело, что одни читают мало, другие не обладают высокой читательской культурой. А жаль! В наши дни, полные суеты и громадного объема информации, роль книги возрастает особенно. Только надо уметь ориентироваться в книжном потоке. Друг А. С. Пушкина С. А. Соболевский всю жизнь собирал книги. И вот он смеялся над тем книжным маньяком, который свозит к себе без всякого разбора всё то, что покажется ему редкостью, в каком бы ни было виде и каково бы ни было содержание...

Как в театральном деле, так и в книжном необходимо обладать хорошим вкусом. Воспитывать этот вкус — дело трудоемкое, кропотливое. Оно требует и большой культуры, и тонкой интуиции. Собираительство — дело творческое. Бездумное наполнение дома собраниями сочинений — это та же «игра на публику».

В каждом доме должна быть библиотека — из книг нужных, без которых нельзя жить.

В разные годы разные книги оставляли след в душе. И это естественно! С возрастом меняются привязанности, мы учимся по-новому глядеть на окружающий мир. Но две книги мне все же хотелось бы отметить. В детстве потрясли меня приключения Гекльберри Финна и Тома Сойера. Эти неудержимые искатели приключений заставляли сильнее биться сердце и бушевать воображение.

Другая памятная встреча произошла при подготовке к съемкам в роли Кутузова в фильме «Гусарская баллада». Роман «Война и мир» Л. Н. Толстого на годы сделался моей настольной книгой. Если мне удался образ Кутузова, то это, в частности, благодаря внимательному прочтению «Войны и мира».

Мне, как актеру, сыгравшему немало комедийных ролей в кино и на сцене, близка сатирическая литература. Ее лучшие образцы помогали глубже войти в образ, сделать его более выразительным.

Кстати, о смехе. Н. В. Гоголь утверждал, что смех значительней и глубже, чем о нем думают. Полагаю, нет другого писателя, который так тонко разбирался бы в «технологии» смеха, его нюансах, оттенках — от грозного, обличающего до душевного, мягкого, — как Гоголь.

Вот таким мягким, ласковым смехом отличается, на мой взгляд, А. П. Чехов. Его произведения, его юмор пронизаны любовью к человеку.

Люблю читать со сцены басни И. А. Крылова. Меня поражает удивительное сочетание добродушного юмора с глубочайшими сатирическими образами.

Смех Ильфа и Петрова — это мудрый сплав гневной сатиры Салтыкова-Щедрина с душевным юмором Чехова.

Я не перестаю обращаться к классикам русской сатиры. У меня довольно обширная подборка такой литературы. Работа с книгами помогает мне приблизиться в сценических образах к тому светлому смеху, который Гоголь ставил выше всего. Этот смех не порождается «временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера: не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей...» Гоголь ратует за тот смех, «который весь излетает из светлой природы человека, излетает из нее потому, что на дне ее заключен вечно бьющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека».

Постоянное чтение специальной и художественной литературы и пополнение личной библиотеки помогают мне в работе как актеру.

Недавно спросил сына: «Ты читал такую-то книгу?» «Что ее читать, — отвечает, — я в кино инсценировку смотрел». Обычное заблуждение!

Книга и кинофильм — вещи разные. Талантливый режиссер и умелые актеры могут создать яркие образы, выделить интересной игрой и изобретательной постановкой отдельные сюжетные повороты литературного произведения. И все же хорошая книга всегда содержит интеллектуальную мощь, которая свойственна только ей. Уверен: как бы ни развивалась зрелищная техника, как ни менялись бы зрительские вкусы, книга переживает века!

ИЗДАНИЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Формально говоря, пять томов журнала, лежащего перед нами, вроде ни по какому показателю не могут быть отнесены к разряду библиографических редкостей. Это орган Наркомзема СССР, издававшийся немалым по своим временам тиражом и посвященный вполне будничным вопросам. Это ежемесячник военных лет, выполнивший свое назначение. Сейчас он редко у кого сохранился.

А между тем как много могут рассказать ставшие редкостью полные комплекты ежемесячника, вошедшего в историю вместе со временем, его породившим...

ДЕСЯТЬ УДАРОВ НАБАТНОГО КОЛОКОЛА

...Женщина шагает за плугом. Правой рукой держит чашку, левой — веревочную вожжу. До горизонта простирается ожидающее вспашки поле. Небо перечеркнуто плотными торопливо начертанными буквами: *«Фронт надеется на нас!»*

Так выглядит обложка одного из номеров журнала «Колхозное производство» за 1943 год.

Оборот обложки занят страничкой «Колхозного календаря» с численником, таблицей восхода и захода солнца и луны по московскому декретному времени, с памяtnыми датами, с колонкой коротких заметок для памяти... На первой странице прямо под титулом передовая: «Заложим основы высокого урожая, который фронт и страна должны получить от сельского хозяйства в 1943 году!»

За корреспонденцией «Тракторная бригада в колхозе» заметки о работе полеводов. Низ правой колонки на нечетной

полосе срезан плотными литерами: «Они надеются на нас!» Под ними фотография, сделанная на переднем крае: атака, солдаты в касках, с автоматами в руках устремились вперед. И подпись: «Посеять быстро и хорошо—значит помочь им изгнать ненавистных фашистов со священной советской земли».

Переворачиваешь страницу, и внизу справа опять торопливые буквы и снимок: распластавшиеся на снегу бойцы в маскхалатах перекусывают длинными щипцами колючую проволоку заграждения. Подпись: «Не щадя жизни, прокладывают путь к победе бойцы Красной Армии. Их доблесть зовет нас к самоотверженному труду на полях весеннего сева».

Еще страница, и снова в глаза бросаются те же слова. Под ними артиллерийский расчет у орудия. Подпись: «Каждый снаряд Красной Армии метко разит врага. Каждый отлично посеянный гектар—это новый снаряд по фашистским захватчикам».

Новый разворот бережит сердце: палата военного госпиталя, раненые, врачи... «Поможем скорее поправиться и выздороветь! Посеем быстро и хорошо»...

В номере напечатаны статьи о весенней агротехнике и борьбе с сорняками, заметка специалиста по защите растений, две консультации: о льне и картофеле...

И на каждой нечетной странице, в правом нижнем углу сжатое в четыре слова напоминание, снимок, подпись...

Десять документальных фотокадров превращены на страницах журнала в десять плакатов, в десять ударов набатного колокола. И они придают новое звучание сугубо деловым материалам о повседневных нуждах хозяйств, статье зоотехника о содержании раннего молодняка, растениевода о культуре топинамбура (рубрика: «Война требует мобилизации продовольственных ресурсов»), корреспонденции К. Сидоровой из колхоза «Трактор» Калачинского района Омской области—здесь, в «Тракторе», приучили коров работать в поле. И еще заметки—обмен полезными сведениями, советы. Как консервировать подмороженный картофель. Как использовать для удобрения золу каменного угля. Как узнавать, не будет ли заморозков. Как своими силами построить деревянную турбину.

Автор письма рассказывает: «Я хоть и старик, но по кузнечному делу все умею, и как столяр, и как слесарь могу, и не одну за свою жизнь мельницу колесную построил. Нам сейчас позарез нужен двигатель, не только избы или дворы освещать, но и на приводе, чтобы молотилки работали, соломо-силосорезки». В ответ—иллюстрированная чертежами

Обложка журнала, 1943, № 4

це мая, пришли от сельского счетовода целых три телеграммы: на частные депеши установлен лимит слов, и он слал одну вслед за другой, сообщал, как отзывались оленеводы на номер, благодарил за консультации о бухгалтерском учете в колхозах.

Старый учитель с Урала отзывался целой тетрадкой: как правление колхоза обсудило номер на заседании и постановило отнести его в школу, как и что говорили ребята в младших и старших классах, по очереди его рассматривая, как номер передали в бригады...

О ТАКТИКЕ И СТРАТЕГИИ В ПОЛЕ И В РЕДАКЦИИ

Последний предвоенный — июньский номер. На второй полосе цветной обложки неправдоподобно спокойное объявление («Продолжается подписка на второе полугодие»), четвертая страница обложки украшена беззаботной заставкой «В часы досуга» и щеголеватой вязью «Кроссворда». Рассылался этот номер уже когда началась война, когда мобилизация

консультация инженера-гидротехника и сообщения из колхозов, где деревянные турбины работают уже не первый год.

Письма из прифронтовой полосы, из первых освобожденных районов, из глубокого тыла... Бесхитростные рассказы о том, как колхоз вышел из трудного положения, сложившегося на севе, на прополке, на уборке, на вывозе урожая, на ремонте машин, на строительстве... Сотни писем от ребят и женщин, которым увиделись в снимках братья, отцы, мужья. Фронтовые треугольники с благодарностью: «Из дому пишут, что моя фотография в журнале напечатана. А когда снимали, не припомню...»

Из заполярного колхоза, куда журнал добрался в кон-

призвала под ружье среди других военнообязанных тысячи и тысячи подписчиков журнала — председателей колхозов, бригадиров, звеньевых, заведующих фермами, счетоводов, кузнецов — опытных работников, мастеров, организаторов сельского хозяйства. Село отдавало фронту свои ценнейшие кадры. Оратаи становились ратью.

Товарищи, работавшие в редакции, вспоминают...

В один из тех дней в конференц-зале издательства, выпускавшего сельскохозяйственные журналы, собрался редакционный актив. Заведующий «периодсектором» Мирза Зиновьевич Давыдов открыл летучку. Она была короткой, как того требовало время.

— Принято решение, — сказал Давыдов, — на время войны приостановить выпуск всех наших изданий, кроме четырех, имеющих особое оборонное значение. Они передаются в издательство Наркомзема. Для трех журналов тиражи несколько урезаются. «Колхозному производству» оставлен сотысячный тираж. Отдел печати ЦК просил передать товарищам, которых перебрасывают на работу в эти журналы, что им поручено ответственное задание. От себя добавлю: пусть каждый продумает тактику и стратегию своей работы!

Свое прощальное слово и наставление старый коммунист, член партии с 1919 г., полковник запаса произносил уже получив назначение в воинскую часть.

Работать было нелегко. И самая большая трудность заключалась в том, что почти все давние селькоры были на фронте. Их место заняли необученные, неопытные призывники трудового фронта первого военного года. Прежде всего требовалось установить связь с ними и помочь им. Журнал печатает письма немногих старых председателей колхозов и предоставляет страницы для статей новичков-председательниц, возглавивших артели после начала войны. Журнал сделал главной темой обмен опытом работы лучших председателей колхозов, агрономов, переводивших колхозное производство на военные рельсы.

Хороший знаток колхозной жизни журналист Андрей Шушаков умно и доходчиво рассказал о делах и днях одного из ветеранов артельного строительства Горьковской области — председателя колхоза им. Тимирязева Городецкого района И. А. Емельянова. Позже и сам Емельянов, откликаясь на вопросы читателей, выступил с размышлениями о подборе и воспитании бригадиров. Видный специалист по экономике сельского хозяйства Иван Лаптев проанализировал успешный опыт управления колхозом «Нива» в Набережных Челнах. Производительность труда выросла втрое, — подводил итог

Лаптев. Академик Иоганн Эйхфельд (впоследствии президент эстонской Академии наук) в статье «Колхоз, работающий по-военному», глубоко вникая в детали и обстоятельства, вскрыл слагаемые успеха А. П. Тернова — председателя артели «Заря» Ачитского района Свердловской области. Позже была напечатана статья самого Тернова «Электричество в колхозе». Она положила начало серии материалов об электрификации производства в колхозах.

«Нас, старых председателей колхозов, война научила многому. Мы убедились, что до войны с нашими людьми и средствами можно было работать гораздо лучше», — так закончил свою статью С. Коротков — председатель колхоза «Согласие» Чкаловского района Горьковской области. А возглавившая артель «Коммунар» Лунинского района Пензенской области А. Тихонова свою статью «Военный год» начала с уведомления, что отстававшая в прошлом артель стала в районе передовой, и рассказала, как были завоеваны успехи, преодолены трудности.

Перестройка энергетической базы. Использование старых ветряков и усовершенствованные ветродвигатели. Мельницы на реках. Газогенераторное топливо. Расширение водопроводной сети. Речной транспорт и зимние дороги. Сани-полуторатонки. Простейшая механизация...

Трудно переоценить воспитательное, можно сказать, нравственное значение коротких заметок под рубрикой: «Лучше. Дешевле. Быстрее» или рекомендаций бывалых людей.

Из номера в номер подборки: «Работы в поле на коровах». Сухая информация, но как много читается за строкой!

Советы: о заготовке картофельных клубней и их хранении, об использовании верхушек корнеплодов для посадки (при этом сами корнеплоды можно пускать в пищу или на корм), о зимней пастьбе скота, о тепловом обеззараживании семян и о повышении всхожести тех, что собраны в непогоду... И еще подсказки кузнецам, пастухам, конюхам, садоводам, пасечникам, птичницам — всего не перечислить.

Менялось положение на фронтах — перестраивалась и тематика номеров, возникали новые силовые поля, требовавшие внимания.

Комплект журнала — подлинная сельскохозяйственная энциклопедия военного времени, адресованная руководителям хозяйств, организаторам производства. Вот почему в каждом номере неизменно уделяется место вопросам хозяйственной стратегии: севооборот, кормовой, фуражный баланс, финансовое дело, взаимоотношения с МТС, работа с молодыми кадрами, труд подростков на разных участках производства...

И все это для выполнения и перевыполнения государственных планов поставок по всем видам продукции.

ОРУЖИЕМ РАЗНЫХ КАЛИБРОВ

В каждом номере две предпоследние страницы обязательно отведены переписке с читателями. Отвечают на вопросы колхозников члены коллегии Наркомата, начальники главков, ученые. Случается, на вопрос одного читателя отвечает другой, более опытный. Темы — разные, но каждая интересна и важна для многих, кто трудился в эти суровые годы в поле и на фермах.

Последние страницы обложки отведены объявлениям: откуда какую помощь можно получить советом, типовыми проектами, литературой, семенами, препаратами...

Скажем еще об одном. «...Порой на войне одной минутки не прожить без прибаутки, шутки самой немудрой», — это бессмертный Василий Теркин. В «Колхозном производстве» некоторые читательские письма стали печататься с карикатурами и комментариями Ивана Соломотряса, который, когда пословицей, когда рифмованной прибауткой, шпынял лодырей, бракоделов, критиковал нерасторопность, бесхозяйственность. С 1943 г. уже в каждом номере под постоянным заголовком «Соломотряс» одна из страниц отведена язвительным карикатурам Валентина Сэппа на темы, сообщаемые в набранных тут же читательских письмах.

Каждое утро в редакции наводили справки, откуда кто из командировки прибыл, куда кто убывает. У первых старались выудить все мало-мальски пригодное для журнала и уж обязательно адресок-другой местных работников: авось, кто откликнется. Вторым вручали памятку-вопросник, добивались обещания привезти если не статью председателя, то беседу с ним или с кем из колхозных активистов. Не очень высок был КПД таких заказов, тем больше радовали удачи.

...И вот в 1945 г. журнал увидел свет вновь в цветной обложке — даже лучшей, чем довоенная! Комбайнер ведет по полю золотой пшеницы новенький агрегат, а над штурвалом полочется красный флаг. Передовая статья «Солнце победы» призывала: наш долг быстрее залечить раны, нанесенные сельскому хозяйству войной, способствовать дальнейшему расцвету Советской державы.

Пошли статьи «Очистить от мин колхозные поля», письма из освобожденных районов, фотомонтаж: «Встречайте, колхозы, своих героических сынов и дочерей!..»

Но это уже другая тема. А чтобы закончить с нашей, остается сообщить: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1945 г. в числе других работников Наркомзема орденом Трудового Красного Знамени был награжден Григорий Лоза — ответственный редактор журнала «Колхозное производство», орденом «Знак Почета» — Иосиф Халифман — заместитель ответственного редактора.

...Пожелтела, пожухла бумага; выцвела печать. Шрифты выглядят устаревшими. Да и в верстке ничего особенного. Листаешь ставшие хрупкими страницы, вчитываешься и вдруг — ощутишь дыхание тех суровых и горьких дней, тех героических лет, видишь отсветы подвига, равного которому еще не знало человечество.

СПАСЕННАЯ РУКОПИСЬ

Прославленная Пересопницкая рукопись — выдающийся памятник письменности середины XVI в., без которого ныне немыслима история украинской литературы. Его «биография» полна тайн, недомолвок и неожиданностей. Любопытство к их разгадке и привело меня к открытию неизвестной до сих пор страницы судьбы этого интересного памятника славянской культуры.

Знаменитая рукопись была создана в 1556—1561 гг. Михаилом Васильевичем, сыном сяноцкого протопопа, и архимандритом Григорием в Пересопницком монастыре на Волыни. К сожалению, мы не знаем имени автора великолепных миниатюр, написанных нарядно и празднично, создателя декоративного убранства рукописи, исполненного в стиле лучших образцов итальянского Ренессанса. В 1701 г. Мазепа дарит это евангелие Переяславскому кафедральному собору, но как оно попало к хитрому гетману и где хранилось предыдущие сто с лишним лет, неизвестно! Да и потом о рукописи мало что знали. Лишь в 1837 г. ее находит в библиотеке Переяславской духовной семинарии видный ученый О. М. Бодянский и, наконец, открывает ее научному миру. Представляет ее так: «Величиною слишком пол-аршина, оправлена в доски, обитые малиновым бархатом... писана прекрасным большим уставом, весьма хорошими чернилами; всех листов в нем 482».

Но и позднее один из исследователей рукописи, уже прославленной и описанной во множестве, тем не менее, замечал, что «загадочна судьба этого евангелия: не совсем выяснено его возникновение, любопытна его дальнейшая история, таинственна его связь с именем гетмана Ивана Мазепы...»

В 60-х годах прошлого столетия Переяславскую семинарию переводят в Полтаву, сюда же переезжает и Пересопницкое евангелие. В двадцатых годах уже нашего времени памятник письменности передается в «Музей Полтавщины», позднее преобразованный в краеведческий музей. В его библиотеке и хранится до начала Великой Отечественной войны.

Еще одна деталь, которая впоследствии станет весьма немаловажной. Последний из ученых, кто перед войной внимательно ознакомился с рукописью в Полтаве, был ныне покойный член-корреспондент Академии наук УССР, книговед, крупный специалист в области древних рукописей Сергей Иванович Маслов.

Но вот — война, и Пересопницкое евангелие... бесследно исчезает! Драгоценный памятник считается погибшим. И не без основания. Взятый в плен в 1942 г. обер-штурмфюрер ботальона особого назначения германского министерства иностранных дел Норман Ферстер, между прочим, показал, что в Полтаве фашисты растащили и частью уничтожили областную библиотеку и местный музей. Расхищены многие выдающиеся произведения письменности, в том числе «редчайший памятник — рукописное Пересопницкое евангелие...» Это скорбное сообщение попадает на страницы центральных советских газет.

Кончилась война. И вдруг, уже в 1948 году, к С. И. Маслову обратилась заведующая фондами Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника А. Колпакова с просьбой установить название неизвестной рукописи, полученной вместе с возвращенными из эвакуации — из Уфы, через Москву в Киев — материалами. Посмотрел Маслов и ахнул! Да ведь это — казалось, навсегда утерянная знаменитая рукопись, столь знакомая ему по многочисленным описаниям в научной литературе, рукопись, которую он сам столь благоговейно держал в руках в конце 1940 г. в Полтавском музее. Можно представить радость и ликование старого ученого и его коллег. Национальная реликвия остается в столице республики и передается центральной научной библиотеке Академии наук УССР, где она хранится и ныне. Но как сохранилось Пересопницкое евангелие? А главное — кто, как и где сберег древнюю рукопись? Весьма занимали меня эти вопросы, много месяцев потратил я на розыски имен неизвестных вначале людей, на выяснение обстоятельств спасения национальной реликвии.

Написал статью со множеством вопросов. Она была опубликована в «Советской культуре», а затем перепечатана областной газетой «Заря Полтавщины». В статье я просил откликнуться тех, кто мог бы уточнить или дополнить расска-

занную мною историю, а вернее, мои догадки и гипотезы. И такие отклики пришли!

Сообщили мне из Полтавы, что хотела бы кое-что прибавить к напечатанному сотрудница краеведческого музея Галина Алексеевна Сидоренко.

Звоню в Полтаву.

— Да, в 1941 году работала я в этом музее лаборантом,— сообщила она.— Помогала собирать вещи к эвакуации.

— Какие?

— Старинное оружие, ковры, народную вышивку, нумизматическую коллекцию...

— И рукописи?

— Да. Старые рукописи, кое-какие книги...

— Не помните, было среди них Пересопницкое евангелие?

— Наверное, было...

— А поточнее не смогли бы вы сказать? Как вывозили музейные вещи?

— Насколько я помню, директор музея Иван Игнатьевич Скробот договорился в обкоме партии об эвакуации наиболее ценных экспонатов в первую очередь и в специальном вагоне, предназначенном для вывоза из Полтавы золота и денег...

Галина Алексеевна не могла подробнее сказать о таинственном «специальном» вагоне, ведь она тогда лишь упаковывала вещи, о вагоне же прослышала из разговоров сотрудников.

Поначалу я довольно сдержанно отнесся к версии о каком-то «специальном» вагоне, да еще «для вывоза золота» (!) — времени с тех пор прошло много, а человеческая память, как мы знаем, несовершенна. Но взял это сообщение на заметку, правда, без особой надежды на его будущее использование. Однако неожиданно именно эта версия стала наиболее реальной в моем поиске и привела к интересным открытиям.

Вскоре после нашего разговора в редакцию «Зари Полтавщины» пришел пожилой человек и объявил, что это он эвакуировал музейные вещи и, действительно, в специальном вагоне, предназначенном для перевозки банковских ценностей. Он представился как бывший инкассатор 1-го разряда полтавской областной конторы Госбанка. Член партии с 1929 г., ныне персональный пенсионер Константин Макарович Герасименко.

Вскоре я получил от него письмо. А затем мы созвонились. И еще не раз подолгу беседовали. Что я узнал от него? Константин Макарович работал в полтавской конторе Госбанка с 1939 г. С начала войны вывозил деньги и драгоценности из районных отделений Госбанка в Полтаву для дальнейшей их транспортировки в Уфу. Был выделен «тот самый» специ-

альный пульмановский вагон, в существование которого я вначале не поверил. Герасименко назначается начальником вагона, все документы оформляются на его имя—он полностью отвечает за целостность груза, за доставку его на место назначения. Ему подчиняется охрана из семи бойцов.

10 августа 1941 г.—Константин Макарович запомнил день, ибо он выпал на воскресенье,—в вагон стали свозить деньги, золото, валюту. А вечером доставили восемь ящиков непривычного груза—музейного имущества. И передали Герасименко запечатанный конверт с описями экспонатов, которые находились в ящиках. По правде сказать, такой посторонний, как считал Константин Макарович, груз не обрадовал его. Он был человеком педантичным и придирчиво следовал установленным правилам перевозки ценностей. Поэтому вначале категорически отказался принять музейные ящики, мотивируя свои возражения тем, что не знает их содержимого, поэтому не может гарантировать их сохранность. Однако управляющий областной конторой Госбанка А. А. Голубев приказал их взять, пояснив, что они вывозятся в банковском вагоне по прямому указанию секретаря областного комитета партии С. Ф. Кондратенко. (Он стал позже руководителем полтавского подпольного обкома партии и командиром объединенного партизанского отряда на оккупированной фашистами территории. Погиб в начале 1942 г. в бою с гитлеровцами.)

...В Уфе Константин Макарович сдал деньги, валюту, золото комиссии, возглавляемой заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров Н. А. Булганиным. Когда же передавал музейные ящики, то добавил, что не знает их содержимого. Вручил и пакет. Когда члены комиссии ознакомились с описью экспонатов, то их реакция несказанно удивила Герасименко. Они благодарили его, жали руки, говорили, что «в этих ящиках вы привезли самое ценное!..» Среди экспонатов, можно заявить теперь с уверенностью, было и Пересопницкое евангелие.

И небольшое послесловие. Герасименко вернулся в Полтаву, вновь доставлял из районов в областной центр банковские ценности, вновь отвозил их в Уфу. В последнюю поездку настигла его здесь 18 сентября страшная весть о том, что гитлеровцы захватили Полтаву. А в городе оставались еще жена и больной сын... Константин Макарович поступает в распоряжение штаба партизанского движения. Назначается заместителем командира одной из разведывательных групп, которая засылается в фашистский тыл... Но это—уже другая история.

Библиотеки

и библиофилов

КНИГОГРАД ПАВЛА ТЫЧИНЫ

Любознательный, впечатлительный мальчик, который с трепетом рассматривает подаренное ему сельской учительницей дешевое издание Глибова... Человек огромнейшей эрудиции, для которого стали родными и понятными культуры и языки многих народов и стран. Художник с мировым именем, поэт-академик, создавший мудрые и прекрасные книги... Две вехи одной биографии, между которыми — целая эпоха, десятки лет труда и возмужания, созидания добра и красоты. И на протяжении всех лет верный спутник — книга. И не только потому, что это обусловлено самим характером работы в мастерской слова. Для Тычины книги — чарующий мир мудрости, проявление могущества человеческого духа, нетленные мосты из прошлого в будущее.

«Я долго болел. А когда болезнь уже ушла от меня... — я начал читать то, что пропустил по нездоровью (целой же стопой лежали возле меня книги и жадными глазами смотрели на меня: а когда же я возьму их, наконец-то, в руки?...)»¹.

Так трогательно писал поэт. Уже этот дневниковый фрагмент характеризует его как страстного книголюбца и неутомимого читателя.

Автор «Истории советского библиофильства» отмечал, что «по недостатку места, а в некоторых случаях — материала, в настоящую книгу почти не вошли сведения о советских библиофилах Украины (Ю. А. Меженко, А. И. Белецкий, П. Г. Тычина, М. Ф. Рыльский, П. Н. Попов, И. Ф. Максименко и др.)»².

¹ Архив П. Г. Тычины. (Далее все тексты П. Г. Тычины, не снабженные ссылкой на печатный источник, даются по его архиву.)

² Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1971, с. 236.

Это признание одного из самых видных наших книговедов ставит П. Г. Тычину в ряды библиофилов союзного масштаба.

Существенным дополнением является и автограф П. Н. Беркова на работе «О людях и книгах (из записок книголюбца)»:

«Одному из немногих и истинных книголюбов, замечательному поэту и филологу Павлу Григорьевичу Тычине от его давнего читателя и почитателя маленький знак глубокого уважения и благодарности. 21.VI.66. П. Берков».

Деятельность Павла Тычины — поэта, переводчика, ученого — многогранна. И всегда, во всем ему помогала напряженная, вдохновенная работа с книгой.

1

Когда речь идет о библиофиле, интересно не только поспать во взлелеянное им книжное царство, но хочется раскрыть глубинные, духовные мотивы его увлечения.

Поэтому не будем торопиться в библиотеку П. Г. Тычины, а перенесемся мысленно в прошлое, в село Пески на Черниговщине, в хату его отца — дьячка и учителя грамоты Григория Тимофеевича. А поможет нам в этом сам поэт, строками из автобиографии: «В нашей хате, в первой комнате с глиняным полом (а еще была и вторая комната с дощатым полом) стояли две длинные парты. На каждой парте сидело человек по десять или по двенадцать учеников. Не знаю, сколько точно мне было лет, когда в одну из зим уже подседал то к одному, то к другому ученику и как-то быстро, незаметно для себя научился читать»³.

В одной из анкет на вопрос «Первое литературное произведение, прочитанное Вами» Павло Григорьевич ответил: «Сказки слушал, издание Гоголя было с картинками. Сказка. От матери. Отец очень любил читать „Тараса Бульбу“». Следует дополнить, что поэту с малых лет открылся волшебный мир народной песни, а это в свою очередь не могло не привить любви к слову. Отец научил его петь украинские песни «Ой, за гаєм, гаєм...», «Тече річка невеличка», «У сусіда хата біла», «Сонце низенько», а также русские — «Хуторок», «По синим волнам океана».

Большое и благотворное влияние на формирование будущего поэта и, в частности, на его отношение к книге, к обучению, к познанию мира вообще имела его учительница С. Н. Морачевская — она обладала незаурядным педагогиче-

³ Тычина П. 3 минулого — в майбутнє. Київ, 1978, с. 7.

ским дарованием, мастерством рассказчика, слово в ее устах, по свидетельству Тычины, «буквально светилось, как рубин на солнце».

«Никогда не забуду той зимы я,—вспоминал поэт,—когда Серафима Николаевна, доложив до казенных копеек всю свою получку, да устроила нам елку в школе, и на елке этой получил я вместе с мешочком позолоченных орехов две книжки: „Под землей“ (о шахтерах) М. Загирной, „Байки“ Л. Глибова. С тех пор в нашей хате рядом со сказками Пушкина и Жуковского, наряду с „Тарасом Бульбой“ Гоголя всегда читали и перечитывали вслух эти две украинские книжки»⁴.

В архиве Тычины находим отдельные записи, которые раскрывают его читательские интересы детских лет.

«О Гаркуше роман—в детстве своем читал у Нарезного: надо бы найти то издание в публ. библиотеке. Конча-Заспа. 19.VI.62».

«Микешина картинки к произведениям Гоголя сильно поражали меня».

«Когда-то, в моем детстве еще, нам маленьким, в том числе и мне, тоже давали домой книжки читать такие (из библиотеки школьной) как христианизованную „Сколько человеку земли нужно“ (Л. Толстого). Я представляю, что бы то было с нами, если бы тогда да могли выдавать нам такие книги, как, например, „Моя встреча с Олексой“ Ивана Франко (конечно, в сокращенной и приспособленной к детскому восприятию форме)!

Сейчас я ее не впервые читаю и как только дошел до конца, плачу: такая сила и яркость, правдивость и красота изложения».

Из такого рода заметок (они сделаны на отдельных листиках, «для памяти» и зачастую использовались в статьях)

П. Г. Тычина

⁴ Тычина П. Магістралями життя. Київ, 1941, с. 152.

узнаем, что во время учебы в Черниговской бурсе и семинарии Тычина имел «библиотеку собственную в сундучке», что всегда с ним был «Кобзарь» Т. Г. Шевченко. Из других изданий названы книги А. Кольцова, Б. Гринченко, записки И. Рудченко, народные песни с нотами. Читал он в то время и произведения Вольтера.

Есть и такая важная заметка: «Давал Коцюбинский книги из своей библиотеки».

Как известно, библиотека писателя-демократа была доступна для прогрессивной молодежи Чернигова. Следует отметить и то, что он был одним из организаторов Черниговской общественной библиотеки (в 1908 году по распоряжению губернатора закрыта как «неблагонадежная»). Встречи с Коцюбинским, его произведения революционизировали молодежь. Дом писателя на Севернянской улице был известен черниговским большевикам-подпольщикам. Здесь в 1912—1913 гг. нередко происходили собрания большевистской организации. Понятно, что знаменитые «субботы» Коцюбинского не носили глубоко литературного характера, а должным образом направляли политическое развитие их участников. Позже на квартире Коцюбинского хранилась нелегальная библиотека черниговской организации большевиков.

Беседы М. Коцюбинского о настроениях трудового народа, о борьбе за светлые идеалы, его рассказы о встречах с Максимом Горьким, Иваном Франко, Панасом Мирным, Василием Стефаником, Иваном Нечуем-Левицким раскрывали перед юным семинаристом широкий мир — вводили его в храм культуры, формировали его эстетические взгляды, углубляли любовь к книге, закрепляли навыки серьезного чтения.

Заметим, что Тычина, как и передовые его товарищи, отдавал предпочтение общеобразовательным предметам перед богословскими. Это поддерживали лучшие учителя В. Г. Дроздов — преподаватель теории словесности и И. П. Львов — преподаватель логики и психологии.

В бурсе воспитателем Тычины был Н. И. Подвойский, профессиональный революционер, член РСДРП с 1901 г. В монастырской атмосфере бursы он в меру своих сил смягчал мрачный быт мальчиков-хористов. Благодаря ему, они впервые в жизни посетили театр и цирк (дважды смотрели «Ревизор» Гоголя). Некоторых из своих подопечных Н. И. Подвойский записал в городскую библиотеку на свой абонемент. «Какая это радость была для нас — самому выбрать по каталогу книгу и принести ее домой, в общежитие!»⁵, — писал

⁵ Тычина П. 3 минувшего — в майбутнє, с. 20.

П. Г. Тычина в автобиографии. В этой библиотеке он, в частности, брал «Одиссею» Гомера, «Ромео и Джульетту» У. Шекспира, «Тружеников моря» В. Гюго. Н. И. Подвойский вместе со своими воспитанниками читал газеты, журналы, книги, в том числе произведения Чехова и Горького. Среди читанных газет была и «Искра». В одном из ее номеров давалась оценка семинарским бунтам как серьезному проявлению недовольства молодежи тогдашними порядками. Все это порождало серьезные размышления о несправедливости существующего общественного строя.

О чутком, благородном сердце Подвойского, о том, как он помог своим воспитанникам полюбить книги Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова не раз вспоминал Тычина. Через всю жизнь он пронес чувство глубокой благодарности к своему наставнику.

19 января 1967 года, находясь в больнице, он записывает следующее:

«Подвойский открывает нам в земской библиотеке каждому абонемент (и нас — человек 5—7 повел туда с собой).

Пешком из „Троицы“ до земской библиотеки при книжном магазине, которую еще Б. Гринченко и Л. Глибов основали, а со временем поддерживал М. Коцюбинский».

Таким образом, книги органически входили в жизнь юного Тычины. Не расставался он с ними и во время каникул. Собираясь в родные Пески, он брал с собой библиотечку, знакомил с книгами односельчан. Часто читал им произведения Т. Шевченко и других писателей.

К черниговскому периоду жизни поэта относится и такой интересный эпизод, как его участие в семинарском бунте, когда на имя ректора была подана петиция с требованиями: зачислять семинаристов без экзаменов в университеты, расширить преподавание общеобразовательных предметов, вернуть в семинарскую библиотеку изъятые книги Максима Горького, купленные за свой счет семинаристами.

Об этом бунте, о желании читать роман Горького «Мать» семинаристы написали письмо на Капри М. Коцюбинскому, который находился там на излечении. Они сообщали, что, несмотря на запрещения, с удовольствием читают новеллы «Смех», «Он идет», «Неизвестный». Это подпольное чтение было своего рода протестом против засилия черной реакции (шел 1911 год).

В стихотворении «Как мы писали письмо М. Коцюбинскому» Тычина со словами благодарности обращается к писателям, чьи произведения помогали ему духовно расти, выходить на жизненную дорогу.

Юного Тычину потряс рассказ Максима Горького «Мальва». Со временем он прочел «Коновалова», «Песню о Соколе», «Челкаша», «Песню о Буревестнике».

Тычина постоянно был в курсе литературных новинок. В послании «Максиму Рыльскому» он рассказывает, как его «спасла от семинарской скуки» книжечка «На белых островах», первый сборник пятнадцатилетнего Рыльского. Тайно, под «богословием», хранил он эту книжечку и читал ее с украдкой на уроках, проникаясь ее оптимистическим настроением.

Став студентом Киевского коммерческого института (после семинарии в это учебное заведение принимали без экзаменов), Тычина вынужден был одновременно работать (в редакциях газеты «Рада», журнала «Світло»), чтобы иметь возможность платить за обучение. Редакция художественно-педагогического журнала «Світло» получала украинские, русские, белорусские газеты, а также книги. И в это время Тычина серьезно знакомится с творчеством белорусских писателей.

Хотелось читать побольше, но свободного времени было мало. Об этом он с сожалением писал в одесский журнал «Основа»: «По должности я занят вечерами... читать абсолютно некогда, и я ужасно завидую всем, кто имеет возможность раскрыть книгу...»

В 1915 году Тычина вместе с Василием Элланским (впоследствии — известный писатель и общественный деятель Василь Блакитный) передавал художественную и запрещенную политическую литературу раненым, находящимся в Черниговском военном госпитале. Среди книг были издания М. Горького, М. Коцюбинского, Т. Шевченко. Оба юноши-студента вели среди солдат просветительную работу, раскрывали сущность самодержавия, разъясняли, кому и зачем нужна война.

Бывает, что книга, завладевшая человеком в юности, имеет ощутимое, а то и решающее влияние на всю его жизнь, на выбор профессии, на формирование вкусов, интересов. Одной из таких книг для Тычины стала антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» в переводах Валерия Брюсова, вышедшая в 1916 г. «Я был так увлечен этой книгой, — вспоминал поэт, — что она служила мне подушкой...»

Эта антология вызвала у поэта такой интерес к Армении, к ее культуре, что он уже в 20-е гг. изучил армянский язык, стал неутомимым пропагандистом армянской литературы, непревзойденным переводчиком армянских классиков.

С победой Великого Октября Тычина активно включается в общественно-культурную жизнь, работает в редакции журнала «Мистецтво», во Всеукраинском издательстве — в областях, непосредственно связанных с зарождением советской книги, изданий для народа.

В 20-е гг. поэт плодотворно и настойчиво работает над изучением европейских и восточных языков. «Он был тогда жадно пытливым к становлению нового мира на земле, к языкам и культурам братских советских народов,— вспоминает Мариэтта Шагинян,— он изучал в то время грузинский и армянский языки и оставил мне автограф на этих языках»⁶.

К тому времени начал определяться облик библиотеки поэта. Об этом, в частности, идет речь в его письме к Ованесу Ованесяну, написанном в 1925 г. (на русском и армянском языках):

«Дорогой поэт! <...> Спрашиваете, читал ли я Ваши произведения в русских переводах? Конечно, читал, и давно! Читал в переводах, читаю и в оригинале — хотя и не совсем свободно. В моей библиотеке представлены в оригиналах почти все главные литературы Ближнего и Дальнего Востока. Армянская литература занимает целую полку. Отдельно есть <далее — по-армянски>: Ваан Терьян, Акоп Акопян, Егише Чаренц, а остальное — хрестоматии, брошюры, журналы, сборники»⁷.

Переехав в 1923 году в Харьков для работы в журнале «Червоний шлях», поэт некоторое время жил в нелегких бытовых условиях, но это не помешало его неуклонному труду над книгой по самообразованию, не выбило из творческого ритма.

Петро Панч, посетив Тычину, живущего в то время в редакции «Селянської правди», отмечал, что на его столе лежали последние издания произведений Ленина, книги Сквороды, новые французские литературные журналы.

В 1929 году П. Г. Тычина избран действительным членом АН УССР по специальности «литературоведение». В том же году как член Всеукраинской ассоциации востоковедения он в составе делегации ученых посетил Турцию. В библиотеке поэта есть ряд книг, которые он привез из этой научной

⁶ Шагинян М. Золоті промені дружби.— В кн.: Павлові Тичині. Київ, 1961, с. 253.

⁷ Великая дружба. Сборник, посвященный 300-летию воссоединения Украины с Россией. Ереван, 1954, с. 132.

командировки. Как видно из архива, бандероли с книгами поступали в его адрес из Турции в то время часто.

Где бы ни побывал поэт — в заграничной ли поездке, на сессии ли Верховного Совета СССР, или на праздновании юбилеев классиков братских литератур — отовсюду, всегда и непременно он привозил самые дорогие сувениры — пачки книг с автографами друзей, с марками многих издательств, со штампами букинистических магазинов.

К концу 30-х годов поэт-академик П. Г. Тычина собрал большую библиотеку, в которой имелось все необходимое для работы. В комплектовании литературы ему постоянно помогала жена Лидия Петровна, библиотекарь по специальности (до войны она заведовала одной из киевских библиотек).

Поэта можно было часто увидеть в книжных магазинах Киева за любимым занятием — подбором литературы.

Об одной такой встрече рассказывает Лев Озеров:

«...Середина тридцатых годов. Букинистический магазин на улице Ленина, бывшей Фундуклеевской. Узнаю Николая Ивановича Терещенко с его открытой широкой улыбкой... Вижу: на стремянке стоит Павло Тычина. Вот он! Такой, как на портретах. Сердце мое радуется.

Он достает с полки книгу и передает ее букинисту»⁸.

Племянник поэта Владислав Евгеньевич Тычина, который в то время был студентом Киевского университета и жил в семье Тычины, в своих воспоминаниях касается и библиотеки: «Поэт свободно ориентировался в своей „лаборатории“. Помню, однажды мы работали в библиотеке, раскладывая новые книги и журналы. Я имел неосторожность выразить сомнение в целесообразности чрезмерной скрупулезности. Реакция не замедлилась. Поэт поставил мне ряд довольно сложных вопросов. И сказал: „Если не знаешь чего — можешь заглядывать в источники“. Разумеется, нужные книги были, но на одно только отыскивание их я затрачивал десятки минут (хотя отрасли наук на стеллажах везде были указаны).

— А теперь попытайся меня атаковать, — улыбаясь сказал поэт. — Причем без ограничений и в любой отрасли науки, экономики, культуры.

Сейчас уже не помню, какие я тогда задал вопросы (преимущественно, кажется, по истории). Но ответы поражали глубиной, ссылками на источники, историографическими справками и т.д.»⁹

⁸ Озеров Л. Людина з майбутнього. — В кн.: Співець нового світу. Спогади про Павла Тичину. Київ, 1971, с. 322—323.

⁹ Тычина Вл. Поет зблизка. — Там же, с. 122—123.

Корреспондент журнала «Молодой большевик» после посещения Тычины в 1938 г. писал о его рабочем кабинете: «От пола до потолка выстроились книжные полки. Книги лежат на столе, на полу, на рояле. И почти из каждой видно закладку, и почти каждая, кажется, только что отложена, только что прочитана <...> И тут же рукописи. На отдельных листах. Переpletены. И снова книги, газеты, журналы. На многих языках. Это одиннадцать республик живут тут с ним рядом — на полках, в рукописях, в душе»¹⁰.

С началом Великой Отечественной войны П. Тычина вместе с АН УССР и Союзом писателей Украины эвакуировался в Уфу. Когда же через два с половиной года возвратился в освобожденный Киев, то из своей библиотеки, насчитывавшей свыше 10 тыс. томов, нашел лишь случайно уцелевшие отдельные тома. Часть книг сохранил один из друзей семьи. Погибли ценные издания, архив с перепиской и рукописями.

Пришлось все начинать сначала. Вскоре книги уже не вместились в библиотеке и властно заняли место в других комнатах: в гостиной — энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, «История искусств» П. Гнедича, произведения Леонардо да Винчи, Бальзака, Роллана, Гамсуна; в кабинете — словари, альбомы с репродукциями картин любимых художников; на рояле — нотные издания с произведениями А. Бородина, С. Рахманинова, Н. Лысенко, К. Стеценко, Н. Леонтовича, Г. Веревки, на отдельном столике — только что подаренные книги; в коридоре — справочная литература, ряд подписных изданий, шкаф с изданиями Т. Шевченко (приобретенными в десятках экземпляров с тем, чтобы дарить гостям или отсылать корреспондентам).

Квартиру, в которой жил поэт, воистину можно назвать храмом книги. Все, кто имел счастье бывать в его доме, независимо от того — ученый ли это с именем или студент-первокурсник, с восхищением рассматривали прежде всего сокровища книжного моря. А оно начиналось сразу же, стоило перешагнуть порог квартиры.

Это отмечают многие в своих воспоминаниях о поэте. Приведем некоторые из этих свидетельств.

Александр Дейч:

«Меня поражало большое количество книг, газет и журналов в рабочем кабинете Павла Тычины»¹¹.

Семен Журахович:

¹⁰ Молодой большевик, 1938, № 8, с. 115—116.

¹¹ Олександр Дейч. Кризь роки.— В кн.: Співець нового світу, с. 49.

«Высокие стеллажи с книгами стояли вдоль стен. Хозяин перехватил мой любопытный взгляд и начал показывать редкие издания, старые украинские альманахи, которых мне не приходилось видеть, иноязычные книги, в частности, армянские <...> Я услышал краткую, но отличную лекцию о литературно-исторических памятниках, которые являются неотделимой частью мировой культуры, которые нужно читать, нужно знать»¹².

Писательница-переводчица Анна Иоаннисиан, дочь выдающегося армянского поэта Ованеса Ованесяна, с которым дружил Тычина:

«Так, стоило увидеть Павла Григорьевича дома, в семье. В кабинете, где, казалось бы, ногой негде ступить, где книги лежали на рояле, на стульях, а то и просто кипами, все оказывается, имело свое место. Меня всегда удивляло, как легко находил Павло Григорьевич то, что ему было нужно: статью в газете, заметку, письмо или просто кусочек бумаги с только ему известными пометками...»¹³

Борис Олейник:

«Помню, как растеряннo и даже испуганно ступил я на порог квартиры поэта, как со всех сторон на меня устремились тысячи книг, как они смотрели на меня пристально и, казалось, пренебрежительно. Но вот вошел седой человек выше среднего роста, молодой и порывистый, с одухотворенным лицом, и забеспокоился о гостях, стараясь их устроить поудобнее. И сразу же стало тепло и привычно, словно ты был здесь не впервые, и тысячи книг доброжелательно и дружески приняли тебя в свой круг»¹⁴.

«Библиотека писателя—это словно продолжение его собственного творчества и комментарий к нему... Библиотека писателя—это также частица его сердца и души»,—эти слова Юрия Смолича хочется вспомнить, переступив порог библиотеки Тычины, для которого она была также и рабочим кабинетом.

Просторная комната, стены которой до потолка заставлены книгами... К тому же стеллажи и посреди комнаты.

Стройные ряды томов (их около 15 тысяч, около десяти тысяч погибло во время оккупации Киева немецко-фашистскими захватчиками). Полные собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, история философии, история

¹² Журахович С. І нижній, і сталевий.—В кн.: Про Павла Тичину. Статті, нариси, спогади. Київ, 1976, с. 120—121.

¹³ Иоаннисиан А. Друг Вірменії.—В кн.: Співєць нового світу, с. 98.

¹⁴ См. в кн.: Тичина П. Юності непереможний дух. Київ, 1974, с. 5.

СССР, украинская, русская литература, литературы народов СССР и зарубежная. По несколько полок занимают литературы Белоруссии, Армении, Грузии, Литвы, Башкирии, целая секция отведена Болгарии... И здесь не только художественная литература, но и монографические исследования о той или иной республике по разным отраслям. Поэзия всех времен и народов, «Библиотека поэта» (обе серии — «большая» и «малая»). Востоковедение. Языкознание. Книги по искусству, музыке, нотные издания...

Павло Григорьевич любил располагать книги по темам или, как он говорил, «гнездами». Это значит, что, например, рядом с произведениями Пушкина стояли книги о его жизни и творчестве: монографии, воспоминания, художественные биографии, летописи жизни, авторефераты диссертаций — вся персоналия. При таком расположении было удобно пользоваться литературой, работая, скажем, над статьей о том или ином писателе.

Нет возможности остановиться на описании состава библиотеки поэта. Но хочется несколько подробнее сказать о книгах с автографами — ведь они, как и книги с маргиналиями, существенно дополняют портрет их владельца. В частности, автографы писателей братских республик — это своеобразная летопись дружбы, по которой можно проследить широкие по своему диапазону и глубокие своими корнями связи певца «чувства семьи единой» с литераторами народов СССР.

Николай Асеев и Павел Бажов, Николай Тихонов и Илья Эренбург, Михаил Исаковский и Мария Комиссарова, Якуб Колас и Янка Купала, Джамбул и Мухтар Ауэзов — десятки дорогих Тычине имен, десятки душевных надписей, свидетельствующих о любви к украинскому поэту выдающихся мастеров слова всей нашей страны, свидетельство его огромного авторитета и всеобщего признания.

Приведем несколько самых характерных автографов:

Николай Асеев («Удивительные вещи», М., 1934 г.):

«Павлу Григорьевичу Тычине — любимейшему поэту моей страны».

Павел Бажов («Ключ-камень», Свердловск, 1943 г.):

«Глубокоуважаемому Павлу Григорьевичу Тычине как одна из памяток о времени непосредственного соприкосновения с Уралом и его людьми.

3.VII.43 г. Свердловск, ул. Чапаева, 11».

Сергей Баруздин («Повторение пройденного», М., 1965 г.):

«Дорогому Павлу Григорьевичу Тычине от давнего читателя его и почитателя, с самыми сердечными и добрыми пожеланиями в славный день 75-летия!

Киев, 27 января 1966 г.»

Александр Безыменский («Шахматы», М., 1927 г.):

«Я рад тебе, Павло Тычина.

И рад тому,—безумно рад,

Что ты рифмуешься, мой брат,

Не только лишь со словом „Украина“,

Но и со словом „Пролетариат“.

12.П.1929.»

Николай Браун («Звенья», Л., 1937 г.):

«Глубокоуважаемому Павлу Григорьевичу Тычине — да будет последнее звено этой книги первым звеном моей дружбы с украинской поэзией.

1938. I. 9.»

Мариэтта Шагинян («Гете», М., 1950 г.):

«Дорогому поэту, одному из любимейших в мире, Павло Тычине — с надеждой, что он прочтет эту книгу.

18.X.50. 2-я конф. стор. Мира. Москва».

Петрусь Бровка («Выбранные творы», Минск, 1947 г.):

«Песняру и человеку». <Надпись по-украински.> 23.XII. 1947 г.

Сильва Капутикян («Стихи», М., 1947 г.):

«Старому и верному другу моего народа и его литературы, несравненному Павлу Григорьевичу Тычине от Сильвы Капутикян.

26.IX.48. Ереван».

Сайфи Кудаш («Незабываемые минуты», Уфа, 1962 г.):

«Дорогому Павлу Григорьевичу с неизменным чувством дружбы и братства.

6.XII.1962. Уфа».

Гайнан Амири («Радость», Уфа, 1953 г.):

«Дорогому Павлу Григорьевичу — большому поэту, каждая новая строка которого, как новый весенний цветок, как вновь построенный завод, как вновь выращенный урожай,— радует меня.

6.VI.54 г. Киев».

Трудно назвать имя известного украинского писателя, чьей книги с автографом не было бы в библиотеке Тычины. Многие из них подарили ему свои первые книги, изданные в то время, когда не без его отеческой поддержки входили в литературу.

Автографов некоторых писателей имеется свыше 10, а Сайфи Кудаш, которого с Тычиной связывала крепкая долготная дружба, подарил ему 30 книг, Максим Рыльский — 19, Педер Хузангай — 18.

Литературному следопыту здесь простор для поиска.

Например, на одном из томов Максима Рыльского такая надпись: «Дорогому Павлу Григорьевичу Тычине на память об улице Кузнечной и Бульонской улице».

В 30-е годы там они жили и творили, воспели эти улицы в стихах. Там встречались, вели беседы...

Привлекают внимание и коллективные автографы, такие, например, как от Института истории АН Армянской ССР, от делегаций армянских, белорусских, киргизских писателей, терминологической комиссии АН УССР.

Со всеми этими сокровищами можно ознакомиться в мемориальной квартире-музее Павла Тычины, где бережно хранится каждая книжная закладка, сделанная им.

3

Эрудиция поэта-академика П. Г. Тычины, его начитанность и блестящая память общепризнаны. Все, кто общался с ним, отмечают его необыкновенную скромность и деликатность: он никогда не подавлял собеседника своим авторитетом, не кичился своими знаниями. А они были колоссальны. И что важно, Тычина был не просто знатоком литературы, аккумуляровавшим богатейший фактический материал без отдачи, — его знания не лежали в кладовой памяти мертвым грузом, им написаны сотни страниц о деятелях культуры — статьи, исследования, очерки, рецензии... Все это вошло в книги «Магистралами жизни» (1941), «Творческая сила народа» (1943), «Из прошлого — в будущее» (1973), «Читаю, думаю, замечая» (1975) и др.

Посмотрим именной указатель книги «Из прошлого — в будущее», в которой собраны статьи, воспоминания, заметки, очерки, не вошедшие в прижизненные издания. Свыше 600 имен! Какой труд кроется за этим, какая широта интересов! Большинство названий посвящено конкретно деятелям отечественной и мировой культуры. Вот только некоторые имена; Рудаки, Саади, Шота Руставели, Ян Амос Коменский, Адам Мицкевич, Шандор Петефи, Ян Райнис, Константин Ушинский, Николай Некрасов, Рабиндранат Тагор, Акоп Акопян, Максим Горький, Николай Асеев, Тарас Шевченко, Иван Франко, Михайло Коцюбинский, Андрей Малышко... Целая энциклопедия культуры! Сколько нужно было прочесть, осмыслить, усвоить!

Поэт Григорий Донец приводит весьма характерный эпизод. Как-то он приехал к Павлу Григорьевичу в Конча-Заспу, захватив сборник японских поэтов, изданный в Москве в русских переводах. Невольно речь зашла о литературе Японии.

Тычина проявил глубокую осведомленность об этом предмете и буквально ошеломил собеседника своими познаниями.

«Как известно,—отмечает Донец,—японские фамилии трудно произносятся, нелегко запоминаются, к тому же и ударения в японском языке часто неожиданны. Павло Григорьевич попросил меня открыть книгу на любой странице и назвать только фамилию поэта, а имя не называть. Я сначала не понял, зачем это ему нужно.

Он заметил мою растерянность и предложил полностью назвать фамилию и имя какого-нибудь поэта. Я раскрыл книгу и прочел:

— Симадзаки Тосон...

— Симадзаки Тосон,—повторил с соответствующим ударением Павло Григорьевич и тут же добавил:—Симадзаки—прекрасный поэт-романтик. Называйте еще, но только фамилии.

Я открыл книгу на первых страницах:

— Яманоз...

— Яманоз Окура... Это выдающийся поэт древней Японии. А какие же чудесные его стихотворения о бедняках!»¹⁵

В этой своеобразной беседе он дал характеристики таким поэтам, как Кодама Кагай, Исигава Такубоку, Накано Сигехару. А на вопрос восхищенного Донца, откуда он так хорошо знает японскую поэзию, ответил четко и ясно: «изучал».

«И какое же содержание было вложено в одно слово!—комментирует этот лаконичный ответ Г. Донец.—Не просто интересовался, не просто—читал, а изучал! И это была одна из определяющих черт характера поэта—всегда знакомиться с какой-либо отраслью литературы, искусства, истории или философии не „вообще“, не „между прочим“, а глубоко, всесторонне, досконально»¹⁶.

В сентябре 1939 года во время дружеской встречи грузинских, русских и украинских писателей Павло Григорьевич неожиданно четко и звонко, с правильной интонацией и проникновением в стихию грузинской речи прочел наизусть знаменитый отрывок из поэмы Бараташвили «Судьба Грузии» («Морбис Арагви арагвиани») и стихотворение Галактиона Табидзе «Так пели ангелы».

Латыши, посетив Тычину, были приятно удивлены его знанием их классиков, литовских собратьев поэт приветствовал в своей квартире на их родном языке и понимал прочитанные ими в оригинале произведения.

¹⁵ Донец Г. Наш Павло Тычина.— В кн.: Про Павла Тычину, с. 265.

¹⁶ Там же, с. 266.

Армяне считали квартиру Тычины уголком своей республики—здесь они могли просмотреть свежие ереванские газеты, поговорить с хозяином о книжных новинках, вышедших в их республике, к тому же это братское общение происходило на их родном языке.

Постоянное изучение национальных литератур народов СССР, пополнение своей библиотеки их произведениями вооружало поэта знаниями, которые он использовал в статьях и выступлениях, приводя яркие примеры, прибегая к сравнениям и сопоставлениям. Так, выступая на 50-летнем юбилее Владимира Сосюры, он рассматривал его стихотворения и поэмы о шахтерах Донбасса в связи с творчеством Павла Бажова, Акопа Акопяна и др.

«И Владимиру Сосюре,—говорил Тычина,—в тон сегодня откликаются родственные голоса: из Донбасса—голос Павла Беспощадного, для которого Донбасс является каменной книгой; Ашота Граши из Армении (всем нам известен его сборник «Горы поют»), Мамеда Рагима—из Азербайджана, который прославляет подземный труд по добыче подземной крови—азербайджанской нефти, и голоса еще многих других»¹⁷.

Можно без преувеличения сказать, что Павло Тычина был всегда в курсе значительных явлений литературы, так как читал постоянно и непрестанно.

Член-корреспондент АН СССР Н. Ф. Бельчиков вспоминает, как при одной из встреч Павло Григорьевич спросил его, прочел ли он книгу Рея Бредбери «451° по Фаренгейту» (повесть вышла в 1956 году в издательстве «Иностранная литература». 451° по Фаренгейту—температура, при которой воспламеняется и горит бумага). При этом он назвал эту фантастическую повесть «символической и грозной, своевременной и полезной, потому что в ней—призыв спасать культуру от оков загнивающего капитализма»¹⁸.

Преподаватель и литературовед из Сухуми Е. М. Ищенко в воспоминаниях о Тычине отмечает, что, узнав о монографии доктора исторических наук Ш. Д. Инал-Ипа «Абхазы», Павло Григорьевич сразу же захотел ознакомиться с ней. Когда же услышал, что из печати вышел «Русско-абхазский словарь», обрадовался возможности приобрести его для практического пользования. На прощание поэт подарил гостю из Абхазии 16 книг.

¹⁷ Павло Тычина. Читаю, думаю, нотую. Київ, 1974, с. 40.

¹⁸ Микола Бельчиков. Вірність високим ідеалам.—В кн.: Співець нового світу, с. 213.

Читал Павло Григорьевич поразительно много, а просматривал буквально горы литературы. В очерке «День мира второй» он перечисляет, что принесла ему почта только за один день — 27 сентября 1960 года: очередной номер журнала «Вітчизна» («Прочитаю после, но я не могу не остановиться на тех страницах журнала, где помещена статья Александра Ведмеденко о давнем друге нашей семьи Владимире Петровиче Филатове»), автореферат кандидатской диссертации Н. Т. Пронина «О лексике романа С. П. Злобина „Степан Разин“», гранки статей на букву «Д» 4-го тома «УРЕ» (П. Г. Тычина был членом Главной редколлегии Украинской Советской Энциклопедии), проект 1-й части 1-го тома Толкового словаря украинского языка, письмо иностранной комиссии Союза писателей СССР с предложением вступить в члены Европейского Сообщества писателей, пять писем от избирателей с различными ходатайствами, «Тематику V Международного съезда славистов» (прислал Украинский комитет славистов с просьбой дать свои замечания)...

Кроме этого, около 20 газет. Корреспонденция целого учреждения!

И в часы отдыха поэт часто возвращался в мыслях к прочитанному, к личности того или иного художника. В его архиве находим следы размышлений, которые отличаются тонкой наблюдательностью и экспрессивностью, как например:

«Мы говорим: море беспокойное, опять оно взбунтовалось, выходит из рамок нормальных. А того и не знаем, что море как раз и нормальное именно в бурю. Потому что это его обычный способ мышления. Шекспир. Достоевский, Бетховен. Сочи. 13.X.34».

Отдельные заметки раскрывают манеру чтения, и не только его внешнюю сторону, но и психологию освоения текста. «Жить для того, чтобы знать и познавать — большая радость. Далеко-далеко разветвляется. Другой в тебя проникает», — эта самохарактеристика Тычины может быть ключевой для понимания его как читателя.

В этом плане показательна прежде всего его работа по изучению наследия классиков марксизма-ленинизма. В библиотеке поэта рядом с полными собраниями и отдельными книгами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина хранятся свыше 20 папок с выписками, подборками, комментариями. Среди них — «К. Маркс, Ф. Энгельс», «Ф. Энгельс и вопросы литературы», «Ф. Энгельс и естествознание», «Выписки. Отдельные места из произведений В. И. Ленина», «Ленин о Фейербахе», «Ленин о Герцене», «Ленин и задачи художника», «Библиография работ о Ленине».

Выписки из журналов «Вопросы философии», «Вісник АН УРСР», в частности, из статей «Ленин о пространстве, времени и теория относительности Эйнштейна», «Диалектика Н. Г. Чернышевского», «Новое о Демокрите», «Новые книги по истории философии в Армении» свидетельствуют о живом и постоянном интересе поэта к философской литературе.

А. Губарь вспоминает, что Тычина в одной из бесед увлеченно говорил о работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», советовал глубоко изучать ее с тем, чтобы развенчивать попытки буржуазных философов отставать упадочную культуру, советовал учиться у Ленина глубине мысли, принципиальности, партийной воинственности.

Изучая в уфимской библиотеке эпоху Мажита Гафури, Тычина делает такие пометки: «Посмотреть в работы Ленина „Пролетариат и крестьянство“, „Партийная организация и партийная литература“, „Социализм и религия“, „Платформа большинства“». Эти и другие работы академик штудировал с таким усердием, которому может позавидовать любой добросовестный студент.

В черновиках повести-дневника «Путешествие с капеллой Стеценко» помечено: «Проследить еще раз по произведениям Ленина».

Павло Григорьевич почти всегда читал с карандашом. Поэтому в книгах его мемориальной библиотеки множество маргиналий, подчеркиваний, различных пометок и т. п.

Возьмем, к примеру, книги его близкого друга Николая Асеева. В них подчеркнуты те строки, которые вызвали особый интерес украинского поэта и которые дают возможность полнее прочувствовать гармонию душ двух выдающихся мастеров:

«Я не привыкну к мудрости сидячей среди куличьих, праведных болот» («В чужом краю»), «И стихи должны такие быть, чтоб — взлет, а не шажки»... («Всему народу»), «...А труд наш — меж столетий мост» («Друзьям»).

Откроем «Сочинения в одном томе» Александра Блока. В предисловии к поэме «Возмездие» Блок пишет:

«Все эти факты, казалось, столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор»¹⁹.

¹⁹ Блок А. Сочинения. М.; Л., 1946, с. 240.

Рукой Тычины подчеркнуты выражения «музыкальный смысл», «единый музыкальный напор».

При чтении, безусловно, запоминались оригинальные мысли, меткие выражения.

Часто поэт делился своими впечатлениями от таких находок с товарищами.

Так, Д. Белоус вспоминает:

«Вот Павло Григорьевич показывает на спиленное дерево над Днепром:

— А припоминаете в „Русском лесе“ Леонова: „Дерево еще не знало, что оно срубано“. Как это сильно, проникновенно сказано»²⁰.

Подбирая материал к какой-либо теме, Тычина делал массу выписок из книг, журналов, газет. «Болгария», «Грузия», «Армения», «Башкирия», «И. Франко», «Н. Асеев», «Муса Джалиль», «А. Довженко», «Творческая молодежь» — таких тематических папок у него было десятки.

В этих выписках, кроме обширного справочного материала, собраны мысли о задачах художника, мастерстве, психологии творчества.

Например, из журнала «Огонек» (1960, № 43) выписано несколько высказываний К. Ф. Юона об искусстве:

«Качественное — то, что борется с нашествием количественного»; «в жизни искусства происходит постоянная борьба качественного с количественным»; «мастерство есть творческая мысль плюс техника и плюс культура».

Из 12-го тома «Собрания сочинений» Р. Роллана выписана такая его оценка «Девятой симфонии» Бетховена:

«Именем господи заклинаю вас: принимаясь за изучение гениального произведения, не гасите его пламени! Ибо оно составляет сущность гения! Девятая симфония — целый мир огненных планет».

Некоторые выписки снабжены комментариями Тычины.

К выписке из книги «День мира», где речь идет об изучении Р. Ролланом русского языка, дано объяснение: «И дальше... очень и очень интересно. Жаль, что книга „День мира“ у меня, как и все, с нашествием фашистов пропала».

Около 40 лет Тычина работал над крупным поэтическим произведением — симфонией (как он определил его жанр) «Сковорода». При жизни автора эта симфония печаталась в отрывках, отдельной книгой вышла в 1971 году в издательстве «Радянський письменник».

²⁰ Білоус Д. Ой цвілось життя...— В кн.: Співець нового світу, с. 353.

В архиве поэта хранятся десятки тематических папок, свидетельствующих о том, что им проштудировано огромное количество литературы, изучены сотни источников. Вот только несколько тем, по которым тщательно подобран материал (выписки, комментарии, библиография, заметки и т. п.): «Гомер и Сковорода», «Сковорода и Аристотель», «Мог ли знать Шекспира Сковорода?», «Сковорода и Вольтер», «Сковорода и Ломоносов», «Сковорода и Радищев», «Чернышевский», «Сковорода и всемирная история», «Сковорода и логика», «Сковорода и геометрия», «Сельское хозяйство у Сковороды», «Славяне у Сковороды», «Материя у Сковороды», «Что мог читать Сковорода. Кого мог знать или о ком слышать», «Кого Сковорода цитирует или вспоминает в своих трактатах», «Что нужно прочесть», «Рецензии на работы о Сковороде».

«Необходимо достать историю химии Карла Шорлеммера, просто стыдно, что я с ней незнаком, тем более, что она доведена до конца XVIII века и мне была бы нужна в работе над драмой» <о Сковороде>, — записывает он 4 ноября 1931 года, находясь на отдыхе в Сочи.

Весьма ценны заметки Тычины о том, что он прочел, что его больше всего поразило, какие мысли вызвало:

«„Переводчик — не механический толкователь, который калькирует букву оригинала, а сознательный сотрудник автора, рупор его мыслей для иноязычного читателя“.

К. Маркс — К русскому переводчику „Капитала“. Также — в книге „Артур Рембо. Стихотворения“. М., 1960, стр. 26».

«Найти у Кирова то место, где он говорит, что мечта — это уже есть первичный план произведения.

В Лондоне. 27.X.49. Во время разговора с товарищами моими».

«„Я постоянно дрожу при мысли, что наконец откроют какой-нибудь секрет, который даст более краткий путь для того, чтобы губить людей и уничтожать целые народы“.

Монтескье (1689—1755). Из ст. „Проницательный мыслитель“, ж. „Огонек“, № 6, 1955, стр. 24. Лежит на полке „Философия“. И особенно дальше читай — о том, что право человеческое запретило бы такое открытие...»

«„Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников“. Толстой о Лермонтове: „Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий“». <Подчеркнуто П. Г. Тычиной>.

«Давид Ойстрах: „Мой путь“, „Советская музыка“, № 9, 1958, стр. 98: «Сколько бы я ни перебирал в своей памяти, не могу вспомнить себя в детстве без скрипки. Мне было три с половиной года, когда отец принес в дом игрушечную скрипочку...»

«Мачтет Григорий Александрович. (Брокгауз и Эфрон, т. 36, стр. 828).

О Мачтете, помню, рассказывал нам, молодым посетителям „Суббот“, М. М. Коцюбинский».

«Много есть библиотек по санаториям, в них книг всяких масса и энциклопедий, но весь месяц я только одной довольствовался книгой, „Калевалой“. 1934. Сочи».

«Анри Барбюса читал я все то, что выходило после Октября—сразу же, да и потом тоже».

«...Каким светлым, каким многонадежным и радостным душа моя звучала, когда я „Тронку“ перечитывал...»

«„А нужно, чтобы произведение молодого поэта пробуждало чувство борца“».

Мухтар Ауэзов. „Лит. газета“, 20.XI.62.

В этой же газете стихи Назыма Хикмета. Как тонко предчувствовал он свою смерть (стихотворение „Под дождем“)! О Назыме я отдельно положил заметку на полку „Турция“».

«Найти в предыдущих №№ газет Бориса Олейника стихотворение. Оно хорошее, это стихотворение. Написать ему. 5 часов утра. 19.XI.62».

Записи по поводу прочитанного помогают проникнуть в творческую лабораторию поэта, раскрывают процесс рождения того или иного образа, а то и произведения:

«Когда я как раз мучился, как начать стихотворение о 9 сентября < посвященное Болгарии > — я, чтобы дать немножко мозгу отдохнуть, взялся дочитать „Вольницу“ Ф. Гладкова из „Нового мира“, № 8—50 г. И вот на стр. 169-й я вдруг остановился на слове „Касатки“... И я отложил журнал, взял бумагу и карандаш и начал свое стихотворение „Ласточкою дружбы...“ Конча-Заспа. 9.IX.50. 11 час. вечера».

«К новому разделу поэмы „Котовский“. Котовский любил читать роман „Овод“ Войнич. См.: Евгения Таратута. По следам „Овода“, „Детгиз“, М., 1962, стр. 11».

«В науке в наше время зарождается новое направление технической физики—интроскопия < эта записка хранится вместе с газетной статьей об этой отрасли >. Что же касается произведения и, в частности, творцов слова, то мы можем сказать то, что их взор проникает повсюду в душу человека, его мысли, чувства, поступки».

Таких заметок—целые папки. Здесь и отрывки из поэтических произведений, которые заинтересовали Тычину (например, в Уфе он выписал на отдельные листики строки А. К. Толстого и В. Хлебникова), и выдержки из писем В. Короленко и записных книжек А. Чехова.

Весьма удачным и характерным является название книги статей, заметок, рецензий П. Тычины, изданной «Радянським письменником» уже после смерти поэта, в 1974 году — «Читаю, думаю, отмечаю». Эта книга — яркое свидетельство того, как в одном лице органически слились читатель и исследователь. Особенно показательны в этом отношении раздумья «О вечных типах в мировой литературе» (датировано 1919—1920 гг.), о творчестве А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Горького, М. Коцюбинского, А. Исаакяна, М. Джалиля, С. Кудаша...

Систематически работая над словом, поэт большое внимание уделял изучению лексикографических трудов: на многочисленных листках им отмечено, значение каких именно слов выяснить, сравнить, уточнить в том или ином словаре.

«Его восприятие языка,—пишет академик И. К. Белодед,—имело широчайший диапазон: от философии языка, его общественной функции, языковых контактов народов СССР и мира—до красоты языка, утешения и радости человека, его ритмомелодики, певучести, произношения...»²¹

Следует отметить большую и сложную работу П. Тычины по усовершенствованию украинского правописания. «Украинское правописание», вышедшее в 1946 году, утверждено наркомом просвещения республики П. Г. Тычиной. С его же участием подготовлено и «Правописание» 1960 года.

«Все мы любим наш певучий и звонкий украинский язык,—писал Тычина в одной из последних своих статей „Расцветай, язык наш родной!“—Но это отнюдь не значит, что нам чужды языки других народов. Нам близки и понятны и язык Янки Купалы, и язык Ованеса Туманяна, и язык Джамбула, язык Шота Руставели и Сулеймана Стальского, Саломеи Нерис и Самеда Вургуна. Мы с радостью слушаем звонкую переключку братских языков, их голоса единения и братания. Радостно нам изучать те языки, познавать их мудрость и красоту»²².

А в интервью для журнала «Прапор» в мае 1967 года он заявил: «Я хочу знать поэзию всего мира. Тогда, может быть, я еще лучше постигну свою украинскую душу... Хочу, чтобы все поэтическое золото мира в моих руках было...»²³

Эти высказывания поэта помогают глубже понять его увлеченность книгой, его безграничное стремление к овладению духовными сокровищами, его живой интерес к поэзии — мировой и братских народов нашей страны.

²¹ Білодіди. Зачарована душа.—В кн.: Про Павла Тычину, с. 172.

²² Тычина П. Квітні, мово наша рідна. Київ, 1971, с. 26.

²³ Прапор, 1967, № 12, с. 46.

В этом плане интересна работа Тычины с книгой в Уфе, во время эвакуации.

Сразу же по прибытии в столицу Башкирии украинский поэт взялся за изучение культуры, языка братского народа.

«Удивляла меня исключительная работоспособность Тычины, его беспредельное стремление все познать, вникать в мировые глубины,— вспоминает башкирский писатель Баязит Бикбай.— За краткое время он в основном освоил наш язык, классика Мажита Гафури мог читать в оригинале»²⁴.

Сохранилась тетрадь, в которую поэт заносил записи, работая в читальном зале Башкирской государственной библиотеки. Посещал он библиотеку систематически, работал плодотворно: уже в августе 1941 года изучил основную литературу о жизни и творчестве Мажита Гафури. В тетради находятся выписки из произведений Гафури, из исследований по истории, культуре и фольклору башкирского народа.

Детально изучены прежде всего работы В. И. Ленина, в которых упоминается Башкирия, материалы о распространении «Искры», о революционном движении 1905—1907 годов. В тетради — названия десятков книг. В подборке материалов «К стихотворению Гафури „Сибирь“» перечислены такие имена и книги: Радищев, Рылеев, Пушкин («В Сибирь»), Щапов, Короленко, Грабовский, Серошевский, «Малахитовая шкатулка» П. Бажова, «Геология Сибири» В. Обручева, «Жизнь замечательных людей в Казани».

Выписки из эпоса «Идукай и Мурадым» дают возможность проследить, в каких аспектах поэт изучал башкирский фольклор и связь с ним творчества Гафури.

Тычину как исследователя интересовали подробнейшие детали. «Афоризмы Гафури», «Токтогул и Гафури», «О состоянии некоторых городов и сел, упоминаемых в произведениях Гафури». «К выражению Гафури „насталить саблю о камни Урала“» — по этим и другим темам тщательно подобран разнообразнейший материал.

27 августа 1941 года поэт записывает в свою рабочую библиотечную тетрадь: «Книга Н. Крашенникова „Под солнцем Башкирии“ печаталась сначала отд. очерками и рассказами в газетах и журналах, со временем в 1907 году отдельным изд.» И тут же объясняет: «Это мне нужно для того, знал ли эту книгу Гафури».

Образное, ассоциативное мышление Тычины отразилось и в его исследовательской манере: широкое разветвление темы, освещение существенных деталей, сравнительный анализ,

²⁴ Баязит Бикбай. Про людину і поета.— В кн.: Павлові Тичині, с. 176.

богатый историко-литературный фон. Это в свою очередь определяло работу с книгой, систему подбора и изучения источников.

Сайфи Кудаш вспоминает: «Как-то Павло Григорьевич, извиняясь, заглянул к нам, не в состоянии скрыть свое волнение. В таком состоянии начал рассказывать о том, что сборник Мажита Гафури, который я ему дал, прочел за одну ночь. Эта книга открыла ему нового, до сих пор неизвестного, талантливому поэта. Тогда же Тычина сказал, что у него появилось желание написать о Гафури литературоведческий труд»²⁵.

Вышедшее в 1942 году в Уфе на русском и башкирском языках исследование Тычины «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури» было в то время самой фундаментальной работой о классике башкирской литературы.

4

Деятельность поэта-академика П. Г. Тычины как пропагандиста книги весьма разнообразна и плодотворна. Здесь и большая редакторская работа (член Главной редколлегии Украинской Советской Энциклопедии, редколлегий многотомных изданий Т. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинского, Леси Украинки, А. Пушкина, редактор украинских изданий армянского народного эпоса «Давид Сасунский», калмыцкого эпоса «Джангар», антологии белорусской советской поэзии, избранного И. Крылова, Н. Тихонова, Х. Абовяна, М. Гафури, О. Шварцмана, И. Вазова, Х. Смирненского и др.), и переводы произведений А. Пушкина, И. Крылова, А. Акопяна, А. Блока, М. Горького, Н. Асеева, Я. Купалы, Д. Гурамишвили, А. Церетели, Г. Табидзе, Х. Ботева и многих других, вступительные статьи, предисловия, рецензии.

Немало сделал он на этом поприще, возглавляя в свое время секцию литературы и искусства Общества по распространению политических и научных знаний УССР (ныне «Знание»).

Интересна в этом отношении и сугубо поэтическая сфера — произведения Тычины о выдающихся мастерах слова.

Поэмы «Тарасова „Анну Каренину“ читает», «Встреча с Мариной» < Цветаевой >, стихотворения «Александр Пушкину», «Гоголь наш, большое сердце», «В гости зовет Горький Коцюбинского», «Гурамишвили читает Сковороде „Витязь в тигровой шкуре“», «Дума о бессмертном Кобзаре», «Мы идем с

²⁵ Сайфи Кудаш. Щастя.— В кн.: Співець нового світу, с. 222.

Франко Иваном», «Ян Райнис пишет...», «Муса Джалиль в Киеве», «Рабиндранат Тагор», «Верхарн в 1905-м», «Вазов в Одессе» — все это написано с любовью, с глубоким проникновением в психологию писателей, и любовь эта передается читателям, открывая им чудесный мир книги.

Особое значение придавал Тычина книге о деле коммунистического воспитания трудящихся — как источнику знаний, носителю передовых идей.

«Нам нужны не поверхностные всезнайки, — а большие, глубокие знатоки своего дела: мастера, ученые, инженеры, педагоги, художники, артисты, — подчеркивал он. — Нам нужно постоянное, высокое большевистское влечение к работе, своего рода стратосфера труда».

Выступая на XV съезде ЛКСМУ, П. Г. Тычина назвал ряд книг, которые завоевали огромную популярность у молодежи. Среди них такие, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Счастье» П. Павленко, «Журбины» В. Кочетова, «Жатва» Г. Николаевой, «Белая береза» М. Бубеннова, «Знаменосцы» А. Гончара, «Большая семья» М. Стельмаха, поэтические сборники А. Твардовского, М. Исаковского, М. Рыльского, В. Сосюры, А. Малышко.

«На лучших произведениях советской литературы воспитывается уже не одно поколение пламенных патриотов — строителей коммунистического общества, — говорил он. — Книга Н. Островского „Как закалялась сталь“ сегодня стала настольной книгой не только советских юных патриотов, но и всей прогрессивной молодежи мира. Эта книга служит прекрасным примером того, какое животворное влияние может иметь художественное произведение на формирование новой, коммунистической морали наших современников»²⁶.

Поздней осенью 1943 года нарком просвещения республики П. Г. Тычина возвратился в освобожденный Киев. С болью и гневом смотрел он на содеянное врагом. В статье «Культура украинского народа и немецко-фашистские вандалы» с возмущением писал о том, что ненавистный враг сжег Киевский университет, разграбил библиотеку АН УССР, разрушил Киево-Печерскую лавру — «нашего древнего свидетеля возникновения и развития книгопечатания на Украине».

Тычина приложил много усилий, чтобы возобновить школьное обучение в республике, большое внимание уделял учебникам и пособиям, к написанию которых привлекал таких крупных ученых как А. И. Белецкий, Л. А. Булаховский, Н. К. Гудзий. Часто материалы для букваря, книги для чте-

²⁶ Тычина П. Читаю, думаю, нотую, с. 135.

ния, хрестоматии обсуждались не только в служебном кабинете наркома, но и на его квартире, где собирались писатели, работники просвещения.

«Нужно создать такие учебники, которые смогли бы войти в золотой фонд педагогической литературы, из которого новые авторы долгие годы будут черпать идеи и материалы,— подчеркивал Тычина в 1945 году.— Нужно, чтобы эти учебники на всю жизнь врезались в память учащихся, чтобы они были любимыми книгами наших детей».

Тесную связь поддерживал поэт с библиотеками, интересовался их работой. Со страниц журнала «Соціалістична культура» он приветствовал начинание Ичнянской районной библиотеки на Черниговщине, выступившей инициатором организации в библиотеках литературно-мемориальных уголков, посвященных выдающимся землякам (в Ичнянской библиотеке был создан уголок писателя Степана Васильченко).

Поэт был одним из инициаторов создания в столице Украины Музея книги и книгопечатания УССР. Осенью 1966 года по поводу этого он писал в редакцию журнала «Дніпро»: «А музей книги—разве это не крайне необходимое нашему народу учреждение! Ведь история отечественной культуры полнее всего раскрывается через книгу. И знание этой истории совершенно необходимо для строительства коммунизма»²⁷.

Большое место в деятельности Тычины как пропагандиста книги занимают его тесные, непосредственные связи с читателями и особенно такая сторона этих контактов, как посылка им книг с автографами. Пакеты с обратным адресом «Киев, Репина, 5, кв. 3» на протяжении многих лет шли в далекие и близкие города и села республики и всей страны: собратьям по перу, в вузы, школы, библиотеки, музеи, отдельным почитателям поэтического слова.

В архиве частично имеются отметки о том, по какому адресу и что послано. Вот, например, записи, относящиеся к 1965 году:

«16 томов УРЕ* купил я и подарил библиотеке имени Н. И. Подвойского. Комплекты УРЕ отослал также в с. Пески, в библиотеку школы с. Барышевка, в с. Гулак на Николаевщине, в Каневскую школу, в библиотеку им. Гайдара, в село Бобрину...»

«Группа студентов-математиков Каменец-Подольского пединститута была у меня в гостях—на широкой дружеской беседе. Для их институтской библиотеки я передал некоторые

²⁷ Андрій Трипільський. Сонцеквіт.— В кн.: Співець нового світу, с. 306.

* Українська радянська енциклопедія.

свои книги, а также книги современных писателей Украины (а я же их покупаю для себя по несколько экземпляров) и еще ноты — музыку на слова поэтов».

В учебные заведения Тычина посылал свои книги, а также целые библиотечки художественной литературы.

«Библиотеке средней школы села Куриловки мой скромный дар — учителям, ученикам и родителям учеников. От Павла Тычины. 17.II.65 г.»

Таких автографов рассеяно множество по библиотекам школ, техникумов, вузов.

Очень много книг поступало в с. Пески. Еще в 1925 году поэт передал для культурных нужд родного села весь гонорар за переиздание сборников «Солнечные кларнеты» и «Плуг» и с тех пор взял шефство над Песками, заботился о библиотеке, школе.

Ежегодно Тычина подписывал десятки экземпляров газет и журналов для своих корреспондентов — колхозников и рабочих, студентов и школьников.

Начинающим авторам он посылал учебники по теории литературы, пособия, статью В. Маяковского «Как делать стихи?» в своем переводе (вышла в Гослитиздате Украины в 1953 г.).

Получить книгу с дарственной надписью поэта-академика Тычины было значительным событием в жизни каждого, к кому он проявлял внимание. Так, поэт Николай Негода с благодарностью вспоминает, как в конце 30-х годов он, ученик сельской школы, получил от Павла Григорьевича бандероль с книгами — был там сборник «Партия ведет», книги Туманяна, Джамбула. Юноше на всю жизнь запомнилось письмо признанного мастера со словами: «Учитесь отлично, читайте много и внимательно и к жизни пристально присматривайтесь...»

Во время Великой Отечественной войны поэт поддерживал тесные связи с фронтовиками, отправил им много книг — свои сборники «Мы идем в бой», «Побеждать и жить», поэму «Похороны друга», книги И. Франко, Леси Украинки, выпуски серии «Фронт и тыл».

В 1942 г. в Уфе 100-тысячным тиражом был издан «Кобзарь» с предисловием академика П. Г. Тычины «Гнев Шевченко», в котором он отмечал: «В многочисленных письмах красноармейцев (и не только украинцев!), письмах, поступающих в Союз писателей, в наши редакции, в Академию наук, — есть одна, без конца повторяющаяся, просьба выслать „Кобзарь“ Шевченко на фронт»²⁸.

²⁸ Тарас Шевченко. Кобзарь. Уфа, 1942, с. 5.

И он щедро удовлетворял этот массовый спрос.

Учитель Г. Ф. Скиба в свое время подарил Государственному музею Т. Г. Шевченко в Киеве «Кобзарь» с таким автографом: «С этим „Кобзарем“, присланным на фронт уважаемым П. Г. Тычиной, я, гвардии старший сержант, прошел фронты Великой Отечественной войны с 31 мая 1943 года до ее конца... Мужественный Тарас был нашим гвардейцем и помогал своим гневным словом уничтожать фашистских зверей. 14.II.64 г.»

„Кобзарь“ Тараса Шевченко с предисловием академика П. Г. Тычины, а на нем дарственная надпись <...> А потом открываю книжечку „Побеждать и жить“ <...> И снова надпись, глубоко душевная: „Пусть быстрее боли заживут!“ И я почувствовал не только собственные раны, но и горе всей Украины, даже представилась на Прилуцком шляху родная мать с распростертыми руками»²⁹, — так рассказывает первый лауреат премии «Чувство семьи единой» им. Павла Тычины Борислав Степанюк о подарке поэта, полученном в далеком киргизском городе Пржевальске, где он пребывал после лечения в госпитале.

В архиве Тычины хранится его сборник «Побеждать и жить» с автографом: «Уважаемому Ив. Ал. Мелешко от автора. 3.II.43».

На обороте обложки надпись: «Дорогой Павло Григорьевич! Ваша книга, которую я пронес через фронты Отечественной войны, была острым оружием в борьбе против фашистских захватчиков.

Я не могу, уважаемый Павло Григорьевич, не обратиться с большой благодарностью к Вам.

Мы, советские воины, не раз ходили в огненные атаки с пламенными словами — „Побеждать и жить!“

...Победили, живем и будем жить!

С глубоким почтением подполковник Ив. Мелешко. 27.I.1961 г.»

Это был один из самых трогательных и дорогих подарков поэту в день его 70-летия.

Автографы Павло Тычины на подаренных им книгах — свидетельство его внимательного отношения к людям, его сердечности, доброжелательности. На одних из них — слова поощрения, уверенности в будущих успехах младшего товарища, на других — размышления о путях развития культуры, о задачах художника:

²⁹ Борислав Степанюк. Перемагати і жити.— В кн.: Співець нового світу, с. 254—255.

«Дорогому Петру Петровичу Хузангаю, произведения которого взял в свое сердце народ. Народным поэтом быть — это же самая высшая награда. Примите от меня на память... П. Тычина».

«Дорогому другу нашему, народному поэту Сайфи Фаттаховичу Кудашу — на добрую память от бывшего уфимца.

Большую благодарность выражаю тебе, дорогой Сайфи, и всей семье твоей, что ты приехал на мой юбилей. Никогда мы, вместе с Лидией Петровной, не забываем того, как ты принял нас в Уфе, как приняли нас твои соратники — башкирские писатели. Большую благодарность выражаем всему башкирскому талантливому народу.

От Лидии Петровны и от меня — большой привет дорогой, доброй и прекрасной Магфуре Сарваровне, а также и всей семье Вашей.

Павло Тычина

30 января 1966 г.»

«Сердце пылающее никогда не может быть палящим. Критик никогда не может быть только критиком, — нет! Поэтом он должен быть: восхищаться, радоваться, гневаться, переживать...

П. Тычина»

(Дарственная надпись профессору Ю. С. Кобылецкому на сборнике «Мы совесть человечества»).

«Голос Ваш уже окреп. А будет еще крепче. Приветствую. П. Т.»

(Дарственная надпись молодому поэту Петру Красюку на сборнике «Могущество дано нам», ноябрь 1953 года).

Иногда факт получения от Павла Григорьевича книги с автографом служил поводом для написания того или иного произведения. Так, например, известное послание Джамбула «Моему сыну Павлу Тычине» родилось после получения казахским акыном сборника Тычины «Партия ведет».

* * *

Имя поэта-академика П. Г. Тычины — Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР и Государственной премии Украинской ССР им. Т. Г. Шевченко известно всему миру, его жизнь — пример самоотверженного служения родному народу, делу коммунизма.

Активная жизненная позиция Павла Тычины отразилась и на его отношении к книге, которая была для него источником новых сил и замыслов, интеллектуального и эстетического обогащения.

Киев

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ ДМИТРИЯ КЕДРИНА

Детство и юность моего отца — поэта Дмитрия Борисовича Кедрина — прошли на Украине, в городе Екатеринославе (ныне — Днепропетровск). Его воспитанием в основном занималась бабушка Неонила Васильевна — образованная и прекрасно владевшая кроме русского языка польским и украинским. Бабушка читала внуку Мицкевича, Шевченко, Лесю Украинку. Она же познакомила его с произведениями Пушкина, Лермонтова и Некрасова, с чудесными, навсегда покорившими сердце будущего поэта, народными сказками.

Дмитрий Кедрин заканчивает коммерческое училище и поступает в техникум путей сообщения. Ему было неполных семнадцать лет, когда на страницах губернской комсомольской газеты «Грядущая смена» появились его стихи. А вскоре он становится сотрудником этой газеты, где возглавляет отдел рабочей жизни.

Чувствуя пробелы в своих знаниях, Кедрин много читает. Книга становится верным спутником жизни. Все, кто знал поэта, отмечали его энциклопедические знания и необыкновенную начитанность. Он интересовался не только историей, искусством, литературой, но и естественными науками.

В семье Кедриных была большая библиотека. Но многое из нее пришлось продать в голодные послереволюционные годы. Несколько самых любимых книг Кедрин все-таки сохранил и впоследствии привез в Москву. Среди них: однотомник А. Пушкина, сборник стихотворений А. Ахматовой «Подорожник».

Находящиеся в ЦГАЛИ книги из библиотеки отца говорят о том, насколько разнообразными были его интересы, а те пометы и записи, которые он оставил, показывают, как внимательно и вдумчиво он читал.

Среди книг, принадлежавших Кедрину, есть энциклопедические и толковые словари, произведения античных авторов, отдельные сборники русских и зарубежных поэтов, книги по искусству и естествознанию.

У отца было обыкновение часто возвращаться к любимым книгам, перечитывать стихи, которые он знал наизусть, оставлять на страницах свои пометы. Иногда это просто галочка, иногда — подчеркнутая прямой линией строка, какое-то слово, а порой — строфа или даже целое стихотворение. И очень часто на страницах мелькают даты. В кедринской библиотеке есть несколько подобных книг-дневников. Это — однотомники А. Пушкина, А. Блока, сборники стихов других поэтов.

С раннего детства и до последних дней отец не расставался со стихами Александра Сергеевича Пушкина. Сначала он познакомился со сказками великого поэта, потом к нему пришли стихи и поэмы Пушкина. Вспоминая, как ежедневно, направляясь в коммерческое училище, он проходил мимо памятника поэту, Кедрин позднее записал в своем блокноте: «Бронзовый Пушкин, величественный столп нашей славы... Я прошел у его ног, прошел и поклонился». И еще: «От бронзового Пушкина начинается у меня тяга к искусству».

Кедрин всю жизнь мысленно обращался к Пушкину, мерил свои поступки по Пушкину, думал о нем и без конца перечитывал его произведения. Пушкин был для отца воплощением всего самого высокого, самого прекрасного и чистого. Отец считал, что люди будущего во многом будут походить на великого поэта, обладавшего замечательными человеческими качествами.

К однотомнику Пушкина¹ Кедрин возвращался неоднократно, о чем говорят многочисленные пометы, сделанные в разное время. Одно и то же стихотворение зачастую имеет несколько помет. Кедрин, читая любимого поэта, тут же, на полях, оставляет свои замечания.

Читая Пушкина, Кедрин выявляет связь его поэзии с творчеством Державина и Жуковского, Шекспира и Гете. Находит он влияние гениальных пушкинских творений на Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Некрасова. Отмечает отец влияние пушкинских строк на собственное творчество. Рядом со стихотворением «Кто знает край, где небо блещет...» отец записывает: «Моя Афродита»².

Следующие строки из стихотворения Пушкина «Стансы»:

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в одном томе. Одесса, 1919.

² Стихотворения Кедрина 1931 г.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни,—

сопровождает запись Кедрина: «Не намек ли на декабристов?»

Перед десятой главой «Евгения Онегина» отец замечает: «Поворот от романтизма к фламандскому началу».

В одном из писем начинающему поэту Кедрин отмечает: «Образ должен быть точен, похож, оправдан,— только тогда он вызывает у читателя яркое представление предмета, описываемого поэтом». Дмитрия Кедрина поражали точность и оправданность пушкинских образов, мимо которых он не в состоянии был пройти равнодушно.

Читая «Медного всадника», отец напротив строк:

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова,—

пишет: «Точно: именно острова».

А возле строк:

Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,—

оставляет следующее: «Правильно: сначала — их, они — ниже».

Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом...

«Я их видел, они стоят до сих пор»,— пишет отец, изумляясь тому, что в свое время возле каменных львов стоял и на них смотрел Пушкин. Ленинград Кедрин называл городом Пушкина и, посетив его, долго стоял возле пушкинского дома на Мойке и возле Медного всадника. Если бы он успел написать о Пушкине, то в его поэме наверняка фигурировали бы и Медный всадник, и дом на Мойке, а может быть, и сторожевые каменные львы.

И, обращен к нему спиною,
В колебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простиертой рукою
Кумир на бронзовом коне...

«Как бы усмиряя бурю»,— записывает отец.

Рядом со строчками, где описывается обезумевший Евгений, Кедрин пишет: «Так гениально передается состояние сумасшествия».

Дмитрий Кедрин детально изучает пушкинскую биографию, ему хочется написать о Пушкине. Им была написана только одна глава из задуманной вещи, которой он дал название «Сводня».

Работая литконсультантом в издательстве «Молодая гвардия» и отвечая начинающим писателям, Кедрин советует им прежде всего вдумчиво изучать творчество Александра Сергеевича Пушкина. Из письма Кедрина к начинающему драматургу Мерзлякову видно, как глубоко он понимал все, что касалось Пушкина: «Пьеса неудачна... потому, что показаны в ней лица второстепенные, не игравшие в поэзии Пушкина большой роли (мать и отец Натали, граф Толстой, грузины и т. д.). Сам же Пушкин очерчен крайне бегло. Все, что происходит в пьесе, рисуя довольно полно обывательский быт семьи Гончаровых, вместе с тем почти не имеет касательства к Пушкину, а ведь Гончарова интересна нам только как его невеста, только во взаимоотношениях с ним. Ни люди, общавшиеся с Пушкиным, ни колорит его времени, ни язык пушкинской эпохи Вами не изучены»³.

Во время Великой Отечественной войны Кедрин начинает новый цикл стихов, которому дает название «Русские стихи». Эпиграфом он берет строки из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»:

Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

«Пушкин — вот, пожалуй, самая большая литературная привязанность Кедрина», — пишет критик Г. Красухин в книге «Дмитрий Кедрин»⁴.

В своих стихах Дмитрий Кедрин то и дело вспоминает Пушкина: «Шумит элегический пушкинский дождик», «Под этими липами Пушкин грустил», «Мне Недоросль — прадед, и Пушкин — мой дед».

Многие темы, в свое время волновавшие Пушкина, интересуют и отца. Например, он собирается писать драму о Курбском, поэму о папессе Иоанне, повесть о Ломоносове.

В последний год своей жизни Кедрин снова обращается мыслями к Пушкину: «Я на год старше Пушкина, я — на год!» — отмечает он в записной книжке. За этим стоит многое. Пройден большой путь, немало передумано и пережито, позади осталась война и страшные испытания, выпавшие на долю советских людей. «...Слишком много впереди горячей работы», — пишет отец моей матери с фронта 30 июля 1943 г.

³ ЦГАЛИ, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 47, л. 68.

⁴ Красухин Г. Дмитрий Кедрин. М., 1976, с. 12.

А позднее: «Надо серьезно садиться за литературную работу и делать то основное из моих литературных замыслов, что я считаю самым главным, потому что времени остается все меньше» (23 окт. 1943).

Литературные замыслы его были огромны, но им не суждено было осуществиться. Незавершенной осталась и поэма о Пушкине, которая, по словам отца, уже сложилась у него в голове и нужно было только сесть и записать ее (им была написана, как мы уже говорили, только одна глава).

Илья Сельвинский так сказал о своем собрате по перу: «Дмитрий Кедрин умел все, как умели все наши классики от Пушкина до А. К. Толстого»⁵.

Видимо, недаром Кедрин учился у великого Пушкина, если сумел заслужить столь высокую оценку современника.

Однотомник Александра Блока⁶ получен Дмитрием Кедриним в дар на книжной выставке, которая была устроена в Парке культуры им. Горького в Москве, в 1934 г., где отец был экскурсоводом. Он обернул книгу толстой лиловой бумагой, наискосок посредине написал: «Дмитрий Кедрин. Москва. XI/1934». Через десять лет, в 1944 г., отец дарит эту книгу другу юности — поэту Марку Шехтеру, который возвращается с фронта и долечивается в госпитале. Снизу, на титульном листе, он пишет четким бисерным почерком: «Марку — в память общих радостей и печалей. Дм. Кедрин. 20/III — 1944 г. Москва».

После смерти Марка Шехтера однотомник Блока снова возвращается в нашу семью.

Читая Блока, Кедрин не только отмечает полюбившиеся ему стихотворения, подчеркивает понравившиеся строки, но и ставит дату прочтения. Таким образом, не трудно перенестись в то время, когда Кедрин читал то или иное стихотворение, понять, какие мысли его в тот момент занимали.

Александр Блок напоминал Кедрину юность, прекрасные молодые годы, которые прошли в Екатеринославе, то время, когда он, 17-летний поэт, вступил в литературное объединение «Молодая кузница».

Напротив стихотворения «Вхожу я в темные храмы...» Кедрин пишет простым карандашом: «Первое из услышанных мною стихов Блока. Читал в 20 году ночью Петя Пр. во время наступления махновцев — в темной гостинной З.»⁷.

⁵ Новый мир, 1957, № 8, с. 233.

⁶ Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1931.

⁷ Петя Приходько — товарищ Кедрина, родственник Здрайковских, хозяев квартиры, где жили Кедрины.

Подчеркнута каждая строчка стихов и отмечены чертой сбоку такие произведения, как «Прошли года, но ты — все та же...», «Когда вы стоите на моем пути...», «Она пришла с мороза...». Напротив стихотворения «День проходил, как всегда...» написано: «Гениальные стихи».

А когда отец прочел следующие строки из стихотворения «Все это было, было, было...»:

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях? —

он написал: «Так и случилось».

Кедрин постоянно возвращался к стихам Александра Блока, но особенно внимательно он перечитывал их во время Великой Отечественной войны. В те годы давно знакомые строки поэта звучали для отца по-другому, наполнились новым, высоким смыслом. Например, обратили на себя внимание следующие строки из «Скифов»:

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Отец, прочтя эти строки, подчеркнул их и поставил дату: «2/X—1941 г. Черкизово».

Октябрь 1941 г. под Москвой — это грозное и трудное время. Немцы приближаются к Москве, без конца звучит канонада. В блокноте Кедрина появляется такая запись: «Лирическая поэма. Тема: дни от 16 октября по 7 декабря 41 г.».

В эти дни на помощь поэту, которого из-за слабого зрения не берут на фронт, приходит другой поэт, внушает уверенность. Кедрин, преодолевая тягостное настроение, вызванное наступлением немецко-фашистских полчищ на Москву, задумывает книгу стихов под названием «День гнева». «Это книга о пережитом и прежде всего — о бомбежках», — писал отец своему товарищу Григорию Литваку в октябре 1942 г. Около сорока стихотворений вошло в этот новый цикл, и отец, ни на минуту не сомневающийся в грядущей победе, берет эпитафию к своей книге девиз Сервантеса: «После мрака надеюсь на свет». Позднее он признавался матери, что в тот трудный период ему особенно помог Александр Блок.

В одномомнике Блока на обороте воспроизведенной черновой рукописи «Двенадцать» в феврале 1942 г. отец написал карандашом свое стихотворение. Буквы со временем стерлись, и мы с трудом смогли восстановить следующий текст:

Скучные тучи слоняются по небу,
Люди идут невеселой толпой...
Вспомни из детства, из юности что-нибудь,
Сказку скажи или песню запой!

Однотомник Александра Блока хранится в нашей семье, как реликвия. Мы иногда открываем его и перелистываем хрупкие, пожелтевшие от времени страницы.

Помимо этих книг, где отец оставил особенно много своих помет, есть другие издания, также изученные Кедриным. Я расскажу только о некоторых из них.

Открываем первый том «Истории искусств» П. Гнедича (СПб., 1897). Статья о Египте. Она прочитана отцом, и на полях книги сделаны пометы. Например, выделено все, касающееся египетских пирамид. Видимо, в этот период Кедрин работал над своим стихотворением «Пирамида» (1940). На поле находим запись: «Происхождение орнамента — следствие косности — повтора древесной культуры в камне, и красота возникает — из косности».

Там, где рассказывается о зарождении письменности и иероглифах, отец оставляет такую помету: «Благодаря иероглифической системе в Египте не было неграмотных».

Рядом с таким текстом: «Человек, поставленный лицом к лицу с новым материалом, принужден довольствоваться старыми образцами до тех пор, пока время и навык приведут к возможности согласовать материал с формой», — Кедрин записывает: «Этот принцип верен и для общественных отношений: в совершенно новых социальных условиях изредка культивируются архаические формы в силу косности».

Читая о Спарте, отец записывает на поле: «Интересен был бы диалог двух противоположных характеров: спартанца и афинянина».

Когда Кедрин читает страницы, посвященные греческой скульптуре, у него возникает такая мысль: «Эпоха и форма искусства реального мира — скульптура, живопись; мечтательность, рассудочность, оценка, скепсис — литература; отрицание мира, создание фантазии, мечта — музыка».

Кедрин интересуется одеждой, которую носили в средние века, новая мода, царившая при дворе Людовика XIII, искусство Испании и особенно — творчество Гойи.

На одной из страниц книги Алкея и Сафо «Песни и лирические отрывки» отец пишет: «Не отсюда ли высшая красота? Не отсюда ли законченность Винчи и Анджело — от долгой преемственной разработки единого художественного канона? Не это ли секрет гения?» А на другой странице мы

читаем карандашную запись: «Вспомнит со временем кто-нибудь, верь, и нас».

В записных книжках отца упоминаются помимо произведений русских классиков «Воспитание чувств» Флобера, «Шагреневая кожа» Бальзака, «Кола Брюньон» Роллана. Отец собирался после войны писать роман, план которого сохранился. В конце этого плана, в скобках, было написано: «Тон — Кола Брюньон».

Для поэта Дмитрия Кедрина книга всегда была лучшим другом и советчиком, с ней он никогда не расставался, к ней он обращался в самые трудные дни своей жизни, находя ответы на возникавшие у него вопросы.

А. Чистяков

ПЯТЬСОТ ТОМОВ МУДРОСТИ

Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений.

В. И. Ленин

ТАК НАЧАЛОСЬ...

В начале апреля 1945 г. начался штурм Кенигсберга советскими войсками. Наше разведывательное подразделение ворвалось в город одним из первых. Перед глазами — дым пожарищ, руины, искореженная фашистская техника... Прямо посреди улицы — груда брошенного гитлеровцами награбленного добра. Вижу в большой куче, в грязи, какие-то бумаги, толстенные фолианты. Поднимаю одну из книг, раскрываю: наша, родная, отечественная! «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем». Издано в Санкт-Петербурге в 1785 г., отпечатано в Университетской типографии. Маленькая овальная печать на титульном листе: «Ростовский музей церковных древностей»...

Я с мальчишеских лет неравнодушен к пословицам и поговоркам. Деда своего Нестора Ильича частенько, бывало, умолял припомнить крупницы народной мудрости, старательно записывал их в школьные тетрадки — записи эти сохранились у меня по сей день. А тут вдруг этакое сокровище — издание полуторавековой давности в кожаном, хорошо сохранившемся переплете!

Я носил драгоценную находку в вещевом мешке вместе с сухим пайком и патронами. В короткие минуты отдыха читал друзьям-разведчикам крылатые выражения, любовно собранные и переложенные в стихи автором знаменитой в свое время поэмы «Душенька». Особенно полюбили бойцам такие пословицы: «Наш край не всякому рай», «Чести солдат не покинет, хоть головой сгинет», «Смерть — ребячья гроза, бойцам не воротит глаза».

После войны я продолжал служить в армии. Начал собирать домашнюю библиотеку «с нуля» — те книги, что были у меня до ухода на фронт, мать в трудную пору на картошку

поменяла. И вот одной из первых встала на полку дорогая сердцу фронтовая реликвия. Она и послужила основой коллекции народной мудрости, которую собираю уже тридцать пять лет.

До шести тысяч единиц хранения выросла за эти годы моя библиотека. Немало в ней редких изданий, которые особенно дороги сердцу: «Заветные мысли» Дмитрия Ивановича Менделеева из личного собрания ученого с его автографом и штампом «Доктор Д. И. Менделеев», «Полярная звезда» А. И. Герцена, прижизненные издания Г. Державина, А. Пушкина, И. Крылова, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, С. Есенина, В. Маяковского... Удалось собрать комплекты и редкие номера сатирических журналов эпохи Первой русской революции, и среди них уникальную «Свободу», вышедшую под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В особой папке хранятся рукописи известных советских писателей: автографы публицистических произведений Ильи Эренбурга и Бориса Горбатова, поэмы Николая Асеева «Боец на страже» и карандашный набросок стихотворения В. Лебедева-Кумача «Медаль московской обороны»...

И все же та заветная кенигсбергская находка для меня, бывшего фронтовика, «томов премногих тяжелей».

СКОЛЬКО ВАС, ПОСЛОВИЦЫ?

В самом деле, сколько же их? Много ли вы можете припомнить крылатых народных выражений? Сто? Двести?

Заглядываю в один из своих книжных шкафов — в нем хранятся самые древние сборники пословиц и поговорок, которым по 150—200 лет. Вот один из них — «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку». Книга увидела свет в 1822 г., в ней 5365 распространенных в то время на Руси народных выражений. Четыре десятилетия спустя Владимир Иванович Даль выпустит увесистый том своих «Пословиц русского народа», в который включит около тридцати тысяч крылатых фраз. Первое и второе издания, а также все последующие этой книги украшают мою коллекцию. А рядом — тома «Сельскохозяйственной мудрости» А. Ермолова, изданные в 1905 г. Как-то в одно из посещений Ясной Поляны я впервые увидел их в библиотеке Льва Николаевича Толстого. Вожделенно смотрел на них, а потом много лет искал по букинистическим магазинам, пока, наконец, не получил в дар от знакомого ленинградского книголюбца. В собранном А. Ермоловым материале отражен в

Сборники пословиц из коллекции А. Чистякова

образной форме многовековой опыт землепашцев; в книге — пословицы о растительном и животном мире, о приметах погоды, причем все это не только на русском, но и на немецком, английском, французском и других языках.

Есть в моей коллекции и другие тематические сборники пословиц: медицинские, юридические, военные, лесные, партизанские, антирелигиозные, сибирские. Даже морские есть: в 1930 г. в Мадриде были изданы два объемистых тома — более шести тысяч изречений о море, морях, рыбаках, кораблях, стихийных бедствиях. Чтобы прочесть их, пришлось взяться за изучение испанского языка.

Практически за несколько десятилетий удалось собрать и систематизировать пословицы народов, населяющих нашу страну, и большинства народов мира. Не хватало разве что крылатых выражений, бытующих в Индии и на острове Цейлон, но во время путешествия по этим странам пробел был заполнен. По приблизительным подсчетам сейчас в коллекции насчитывается более четырехсот тысяч пословиц, поговорок, присказок, прибауток. Разумеется, бытовало и бытует их несравненно больше. Многочисленные источники народной мудрости раскрыты в капитальном труде И. Иллюстрова

«Жизнь русского народа в его пословицах» (первое издание вышло в свет в 1904 г.).

Интерес к устной словесности в течение столетий не ослабевал ни среди ученых, ни среди широкого круга любителей мудрого народного слова. Около двухсот лет назад увидела свет оригинальная книга «Собрание 4291 древних российских пословиц», приписываемая ученому-филологу А. Барсову. А задолго до этого тщательно составлялись и бережно хранились рукописные сборники, опубликованные затем литературоведом, книговедом П. К. Симони¹ и в сборнике Академии наук СССР². Эти иллюстрированные издания дают наглядное представление о народном творчестве весьма далеких времен, творчестве, сохранившем в значительной степени свое эстетическое и художественное значение до наших дней.

Сейчас вызывают большой интерес не только отдельные сборники, но и серийные издания, выпускаемые периодическими центральными и местными издательствами. Более двадцати лет назад Издательство иностранной литературы начало выпускать небольшие книжки пословиц и поговорок народов Вьетнама, Афганистана, Кореи, Японии, Финляндии и ряда других стран. Украинское издательство «Дніпро» с 1969 г. выпускало и, кажется, намерено продолжать выпуск серии «Мудрость народная», в которую вошли книжки пословиц многих народов Советского Союза и зарубежных стран. Вышло уже три десятка миниатюрных томов, встретивших горячий отклик у всех, кому дорого «красное слово».

Каждый, кто знакомится со сборниками пословиц, обращает внимание на многообразие видов и форм этих книг. Так, «Пословицы русского народа» В. Даля появились сначала в «Чтениях... при Московском университете» по разделу «Материалы отечественные» за 1861 г. Незадолго до начала первой мировой войны московский типограф и издатель А. А. Левенсон выпустил в свет большой роскошный альбом «Русские пословицы в рисунках Виктора Михайловича Васнецова» (М., 1912). Он состоит из семидесяти пяти графических работ художника, и к каждому из них подобрана подходящая пословица. Министерство народного образования особым циркуляром рекомендовало это удивительное издание для школьных библиотек и в качестве наград первым ученикам. А годом позже потребовалось переиздание альбома — редкий случай по

¹ Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899.

² Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XIX веков. М.; Л., 1961.

тем временам. Но это был уже вариант альбома — «Русские пословицы и поговорки в рисунках В. М. Васнецова и в литературе наших писателей». Нечего и говорить, что оба альбома стали теперь библиографической редкостью.

В первые годы Советской власти сборники пословиц и поговорок носили нередко узкоприкладной характер: по ним обучались грамоте, как по букварю, в системе ликбеза. Не так давно в букинистическом магазине на Арбате мне посчастливилось обнаружить любопытную книжицу пословиц, выпущенную Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликвидации неграмотности. Сборник напечатан четким крупным шрифтом, украшен рисунками. А разделы сборника говорят сами за себя: «Советская власть — власть трудящихся», «Знание — сила», «Мы не рабы», «Женская доля в царское время и при социализме»...

По-моему, большое и полезное дело делают наши краеведы, просто любители фольклора, заботливо собирая лучшие произведения народного творчества. Несколько оригинальных и содержательных сборников пословиц вышло на моей родине, на Пензенщине, стараниями П. П. Кузьмина и М. А. Анисимовой. Плодом многолетнего подвижнического труда явилась книга Н. Я. Астапенко «Жемчужины народной мудрости», вышедшая в Смоленске. В Абакане живет и трудится мой старый друг, преподаватель института Болеслав Михайлович Ховратович. Он подготовил и выпустил несколько книжек пословиц, и среди них — «Слово народов» (о борьбе за мир), «Так в Сибири говорят», «Поле любит труд». Интересные собрания устного народного творчества выходили на Урале, Алтае, в республиках Коми, Татарии, Якутии. Академия наук Белоруссии в 1976 г. издала капитальный труд — два больших тома белорусских пословиц и поговорок с подробными научными комментариями.

Само собой разумеется, интерес ко всем этим трудам и сборникам весьма высок и уже вскоре после выхода в свет найти их не просто. Ни обычные книжные магазины, ни «Книга — почтой», ни даже букинистические лавки не в силах помочь собирателю в пополнении коллекций. На выручку приходят многочисленные коллеги по увлечению, активисты Общества книголюбов, библиофилы-фольклористы в разных уголках страны. С ними устанавливаются прочные, порою на много лет, связи, регулярный книгообмен. Упомянутый выше двухтомник белорусских пословиц прислал мне инженер Н. В. Хонин из Минска. Сборник «Грани жизни», выпущенный в Ростове-на-Дону, получен от составителя П. Куцко в дар. А все выходящие в Красноярском крае издания по

народному творчеству заботливо высылает мне в Москву Б. Ховратович. В свою очередь много книг отсылаю и я в разные уголки страны, для этого заведен специальный обменный фонд.

«Из крошек — ворох, по капле — море», так и пополняется коллекция мудрости. К сожалению, книги пословиц далеко не равноценны по качеству. Местные полиграфисты порою «выдают на гора» сборники, наспех составленные, безвкусно оформленные, отпечатанные на низкосортной бумаге. Казалось бы, жить бы да жить им на радость нашим потомкам десятилетия и даже века, как живут сами пословицы в народе. Ан уже через год-другой многие из таких новинок приходят в ветхость, идут в макулатуру. Вот беру в руки (и брать-то не очень приятно) книжку «Мудрые советчики», вышедшую в Минске. Толстые, как картон, листы, мягкая ломкая обложка, аляповатые рисунки... Достаю из соседнего шкафа и кладу рядом «Пословицы» И. Богдановича двухвековой давности — сравнение далеко не в пользу «Мудрых советчиков». Едва увидев свет, это издание уже «на ладан дышит», а та, допушкинских времен, выглядит во всех отношениях куда завиднее.

Читаешь иногда очередную «книгу мудрости» и невольно вздыхаешь: вместе с подлинными шедеврами народного гения то и дело натыкаешься на изречения весьма сомнительного содержания, устаревшие, потерявшие актуальность, а то и просто досужие вымыслы. За современный фольклор выдаются «остроумные» выражения типа «И трактор имеет свой характер». Разве не явное сочинительство чувствуется, скажем, в таких перлах: «Где делом не руководят, там бумаги верховодят» (сборник «Пословица — делам помощница», вышедший в Кишиневе), «С агротехникой лад — урожай хлопка богат», как сообщает одна из книжек «современных» пословиц, вышедшая в Ташкенте. Ясно, что ничего общего с народным творчеством этикие вымученные выражения не имеют.

Собрать и обнародовать наш, советский фольклор — дело весьма нужное, важное, но в то же время и чрезвычайно ответственное. Составители и издатели таких книг должны быть особенно чуткими к живому, крылатому слову, должны уметь отличать подлинное народное творчество от поделок-однодневок. Мне думается, на верном пути находится в этом отношении москвич Виктор Петрович Грачев, много лет вдумчиво и систематически собирающий и исследующий пословицы, которые рождаются в наши дни. И приходится только сожалеть, что подготовленные им сборники современного фольклора пока не дошли до широких читательских масс.

Даже многие специалисты не имеют возможности познакомиться с ними — они выпущены Центральным Домом народного творчества имени Н. К. Крупской мизерным тиражом, отпечатаны ротаторным способом. К счастью, в моей коллекции они имеются и чтение их доставляет немалое удовольствие.

РЯДОМ С ВЕЛИКИМИ

Не существует резкой грани между пословицей и афоризмом, то есть изречением литературного происхождения. Как правильно отмечает известный филолог Н. Т. Федоренко, «зарождение жанра афористики... восходит к устной форме словесного искусства»³. Поэтому наряду с народной мудростью я собираю издания, в которых публикуются высказывания великих мыслителей прошлого, выдающихся деятелей культуры и науки всех времен и народов. Около двухсот томов афоризмов, изречений, максим составляют этот раздел коллекции. Среди них особенно примечательны «Изречения Петра Великого», «Заветы Суворова», «Мысли на каждый день» Л. Толстого, сборники высказываний Пушкина, Гоголя, Герцена, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, Чехова, Горького... А рядом — мудрые мысли Шекспира и Гете, Гейне и Гюго, Байрона и Сенкевича, Монтеня и А. Франса...

Хороши во многих отношениях и «коллективные» издания — «Энциклопедия мысли» (Киев, 1918), составленная Н. Хороминым, «Энциклопедия ума» (Спб., 1906), «Бездна мысли» (Спб., 1891), «Образная мысль и речь» М. Михельсона (Спб., 1899). В каждой из этих «энциклопедий» представлены изречения сотен именитых и знаменитых авторов по самым различным вопросам человеческого бытия.

Вряд ли стоит повторяться, говоря об огромной культурной ценности Библиотеки всемирной литературы, вышедшей у нас в стране в двухстах томах. Но об одном из томов хочется упомянуть особо. Это сорок второй том, в котором представлены творения выдающихся мастеров афористического жанра — Лабрюйера, Паскаля, Ларошфуко. Для меня это — одна из самых замечательных книг.

За последние годы наши издательства повысили свое внимание к выпуску афористической литературы. Положительную оценку получили со стороны читателей «Симфония разума» и «Чаша мудрости» (составитель В. Воронцов), «Мет-

³ Федоренко Н. Т. Меткость слова. М., 1975, с. 38.

кость слова» (Н. Федоренко), «Афоризмы по иностранным источникам» (Я. Берлин), «Умное слово» (А. Соболев), «Мысли и изречения» (С. Карин), «Афоризмы» (Е. Райзе) и ряд других. Это — коллективные сборники, основу которых составляет классика. Все чаще начинают появляться у нас сборники персональные, притом современных авторов. Наиболее популярны «Отрывки из ненаписанного» Э. Кроткого, увидевшие свет еще в 1966 г. Есть много и других изданий, вроде книжки Н. Балухина «В строку и между строк», вышедшей в Ярославле, или сборника В. Хочинского «Короче...» (Л., 1974). Но художественный уровень их, прямо надо сказать, невысок.

Афористическая литература с каждым годом завоевывает все большую популярность среди читателей. Не случайно уже много лет успешно действует Клуб любителей афоризмов при Ленинградском Доме ученых. Около пяти лет назад возник подобный же клуб в Москве при правлении Общества книголюбов РСФСР, членом которого состоит и автор этих строк. Объединения любителей «крылатых слов» созданы в Минске, Кирове и некоторых других городах страны. В них, как правило, работают различные секции — собирателей и исследователей афоризмов, сочинителей самого короткого литературного жанра. Многие члены столичного клуба публикуют свои миниатюры в газетах и журналах, выступают по Всесоюзному радио, Центральному телевидению. Их тепло принимают слушатели в Большом зале Политехнического музея, во дворцах культуры и студенческих аудиториях, на предприятиях. На шестнадцатой странице «Литературной газеты» нередко печатаются меткие «фразы» М. Генина, Т. Бера, В. Колечицкого. Мои коллеги подготовили интересный сборник лучших своих произведений, который, надо надеяться, будет издан к удовольствию многочисленных любителей и ценителей афоризмов.

«Зачем все это? К чему держать в домашней библиотеке пятьсот томов, пусть и довольно редких, пословиц, поговорок, изречений?» — нередко слышу недоуменные вопросы моих гостей-книголюбов.

С убеждением отвечаю им: «Надо!»

Да, надо, и не ради простого накопительства, «престижности» — то и другое глубоко чуждо мне. Многие годы и десятилетия коллекция мудрости помогала своему хозяину и его многочисленным товарищам-журналистам, писателям, пропагандистам в их нелегком деле. Шкафы, в которых хранятся издания пословиц и изречений, широко распахиваются перед учеными-фольклористами, литературоведами, перед

всеми, кто глубоко интересуется народным творчеством, афористикой.

Собранные воедино, «книги мудрости» дают наглядное представление о богатстве и многообразии этого вида изданий. Разумеется, почти все, что собрано в коллекции, можно найти в крупных государственных библиотеках. Но сколько времени и сил надо порой затратить, чтобы отыскать тот или иной редкий сборник: в Москве находится одна книга, в Ленинграде — другая, в Киеве — третья... А тут любое издание под рукой — бери, пользуйся...

«Собиратели — счастливейшие люди», — сказал Гете.
Пусть же множатся ряды этих счастливыхцев!

Петр Семынин

СЕРВАНТЕС

— О справедливость,
Ты за все ответчица! —
Сказал нам
Однорукий великан.
Печальная улыбка
Человечества
Над золотой мечтой —
Его роман.

М. Сергеева

ВСЕ КНИГИ О МОСКВЕ

Удивительна эта библиотека. Стоят рядышком огромные фолианты и маленькие, карманного формата книжечки — старинные кожаные переплеты и пахнущие еще типографской краской издания нынешнего года. И почти на каждом томе значится: «Путеводитель». А уж Москва — в названии каждой книги. Потому что хозяин этой библиотеки, журналист Яков Миронович Белицкий вот уже много лет собирает путеводители по нашей столице.

В них — история города. Маршруты, статистические выкладки, фотографии, рисунки позволяют зримо представить день минувший и день нынешний. В этих книгах интересно все: и рекламные объявления, и адреса жителей, и шрифт названий.

Вот поблескивают за стеклом солидные тома «Вся Москва». Они регулярно выпускались в конце минувшего века, выходили эти книги и в издательстве «Москомхоза» в 20-х гг.

Казалось бы — что в них особенного? Перечень учреждений, адреса жителей... Но с каким неизъяснимым волнением находишь в адресной книге за 1896 г., что доктор ботаники Климент Аркадьевич Тимирязев имеет жительство в Шереметьевском переулке, а в доме Дымкова в Дурновском переулке проживает тайный советник Александр Александрович Пушкин — «Сашка-рыжий» — как многократно называл в письмах своего любимца Александр Сергеевич Пушкин...

Еще нет трамвая, только-только появился в богатых домах телефон, и Константин Сергеевич Алексеев значится в списках дирекции «Промышленного и торгового товарищества». Пройдет два года, Москва заговорит об открытии Художественного общедоступного театра и в справочниках за

Путеводители по Москве из собрания Я. Белицкого

1898 г. уже будет указано: «Главный режиссер театра Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский)»...

А с каким интересом перелистываешь страницы «Всей Москвы» за 1928 г., где литсотрудником «Комсомолки» — Иосиф Уткин, «Крокодила» — Лебедев-Кумач, а в Сретенском переулке (дом 1, квартира 31) проживает сотрудник газеты «Гудок» Юрий Карлович Олеша...

Как это интересно — взять путеводитель, изданный, скажем, в 1917 г. братьями Сабашниковыми, и пройти с ним по Большой Ордынке или по арбатским переулкам! И за новым многоэтажным домом отыскать выросший в землю каменный теремок, о котором путеводитель рассказывает подробно и уважительно...

А еще можно напроситься в попутчики к владельцу библиотеки. Только тут надо быть осторожной! Вот он спросит: «А знаете, где все-таки расположено то место, откуда Наполеон смотрел на Москву, ожидая депутацию с ключами от города?»

Припомнишь: Поклонная гора. Это, наверное, где-нибудь около станции метро «Кутузовская», дальше можно на трол-

лейбусе... Сразу теряется к вам интерес. Ну кто же на Москву из окошка троллейбуса смотрит? Надо пешком.

Пешком — к Яузским воротам, где был некогда поблизости Хитров рынок; в Спасо-Песковский переулочек — к поленовскому дворику, а по дороге — любопытнейшие истории про дома, улицы, людей, которые здесь некогда жили.

...Мы шли тихим переулком и у самого «устья» этого переулочка мой попутчик сказал: «Выходим снова на Большую Ордынку: перед нами *безстильный* купеческий дом; через внутренние его ворота виден ход во двор, где амбары со складом товара...»

Оказывается, это была цитата из старого путеводителя.

Я увидела этот дом и арку во двор, и стены склада. Конечно же, это не памятник архитектуры, и ни в одной из современных книжек о Москве об этом «безстильном» доме не найдешь ни строчки — но вот случайно сохранилось старое купеческое владение и помогло представить, каким было когда-то знаменитое Замоскворечье...

А еще оказывается, от угла Дома Пашкова — бывшей библиотеки Румянцевского музея, если пересечь улицу Фрунзе, можно почти до самого Гоголевского бульвара идти бесконечной чередой очаровательных московских дворишков.

...Десятки путеводителей в этой квартире, ящички с карточками — «Москва 1917 года», «Москва в Великой Отечественной», «Высказывания о Москве», а еще тысячи почтовых открыток, рассказывающих о старых и новых улицах Москвы. Собираительство открыток тоже весьма увлекательное занятие. Недаром написал Яков Миронович вместе со своим давним другом по увлечению инженером ЗИЛа Георгием Николаевичем Глезером книгу «О чем поведала открытка».

Но все-таки главное в его квартире — книги.

Спрашиваю: а какая самая первая появилась на полках?

Оказывается — вот эта: «Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы» 1926 г., пособие для желающих снять дачи на лето — с броскими рекламами на самых видных местах мастерской кавказской обуви, почему-то называющей себя «Самолет». и... «единственного в Москве погребального бюро Александра».

С нее, оказывается, все началось — и поиски других путеводителей, и поездки по маршрутам старых книжек. Отлично зная подмосковный поселок Малаховку, я заглянула в «иллюстрированный путеводитель» и тут же обнаружила массу интереснейших сведений — и про малаховский театр, и про бывшее имение писателя Телешова, где «в настоящее время показательное советское хозяйство».

Стоит на полке «Новый путеводитель по Москве, первопрестольной столице государства Российского с показанием как исторических, так природных и искусственных достопримечательностей и приложением обзора статистических сведений, промышленности, казенных и частных заведений и присовокуплением главных правил, установленных для каждого заведения, служащих руководством для проживающих в сей столице лиц разного сословия, основанного на достоверных актах и живописного Исторического Путешествия по примечательным окрестностям Москвы». Вот как писались книжные наименования в старину! Издан этот путеводитель в Москве, в Университетской типографии в 1833 г., и состоит из двух частей. А рядом — тоже в двух частях «Указатель Москвы», составленный редактором «Ведомостей московской городской полиции» М. Захаровым (1851), за ним — изобилующий любопытнейшими историями «Путеводитель по Москве и ее окрестностям» князя В. Долгорукова — 1872 г.

И столько близкого и милого
В словах: Арбат, Дорогомилово...—

писал в ранних своих стихах Илья Эренбург.

И вправду — сколько неизъяснимой прелести в чисто московских именах: Соломенная сторожка, Коровий брод, улица Девятой роты... Они мелькают на пожелтевших страницах книжек, а рядом с ними, будто мимоходом, драгоценные россыпи цифр о населении города, о ремеслах, о том, сколько людей в каждом из сословий пребывает — какие все это находки для историка, демографа, краеведа, да и для любого интересующегося прошлым нашей столицы!

Об этом собрании знают в Москве: сын пишет биографию отца, старого коммуниста. Помнит, что отец рассказывал, как ему поручали организацию хлебной торговли в 20-е гг. Как называлось тогда учреждение, где работал отец, — сын не знает, а потому и не знает, где брать нужную ему справку.

Пришел к Якову Мироновичу: «Не значит ли их фамилия в каком-нибудь из первых советских справочников?» Поискали. Нашли.

Таких находок — множество. И почти каждая книга на полке — тоже находка.

Несколько историй из услышанных возле этих книжных полок я и решила пересказать.

БОМБА В ПУТЕВОДИТЕЛЕ

В 1915 г. в Москве вышел «Путеводитель» по городу, изданный существовавшим тогда «Обществом распростране-

ния технических знаний». Москвичи-краеведы ценят эту книжку за довольно обстоятельную библиографию (например, по подмосковным усадьбам), да и издана она, надо сказать, со вкусом.

Есть в этом путеводителе статья, резко отличающаяся от соседствующих с нею: «Современная Москва как торгово-промышленный центр». Написана она со знанием дела, обстоятельно, приведены в ней многочисленные статистические выкладки, таблицы. И весь этот цифровой материал не засушил повествования, не сделал его доступным пониманию лишь специалистов — наоборот: умело подобранные и умело используемые эти цифры отлично помогают автору нарисовать широкую картину экономического состояния тогдашней Москвы.

В отличие от других участников сборника, автор не спешит повести вас по центральным улицам города, не приглашает любоваться зеркальными витринами дорогих магазинов. Сказав несколько слов про Кузнецкий мост, Петровку, Тверскую, он зовет читателя «спуститься по одной из лестниц, идущих от Варварки, вниз по направлению к той стене Китай-города, которая примыкает к Москве-реке.

Тут все характерно — и грязные, кривые переулки, и двухэтажные, с обсыпавшейся штукатуркой, жалкого вида домишки, сплошь облепленные примитивными вывесками, и внутренние дворы со специфическими чертами социального дна... Но и здесь, как и везде в Китай-городе, кипит бойкая торговая жизнь, хотя и особого рода — жизнь, дирижером которой является мелкий барышник, паразитирующий на теле ремесленной бедноты...»

Как трудно представить себе сегодня эти места! Это ведь район, где давно уже исчезли Ветошный, Кривой и иные переулки, а на их месте встало огромное здание гостиницы «Россия». Окрестные улицы тоже изменили свой облик — они помолодели, стали красивее, уютнее...

И теперь только эта статья в старом путеводителе напоминает, что здесь был некогда «трущобный мир старой Москвы».

А кто же автор столь необычной для подобных путеводителей статьи? Подпись под нею — П. Н. Лепешинский.

Неужели Пантелеймон Николаевич Лепешинский, ветеран ленинской гвардии, в годы Советской власти — председатель ЦК международной организации помощи борцам революции, директор Музея Революции в Москве?

Теперь на этот вопрос можно ответить утвердительно, но для этого потребовалось Я. М. Белицкому немало времени провести в Музее Революции, Ленинской библиотеке, побывать

в гостях у потомков Пантелеймона Николаевича. Как рада была увидеть эту книгу дочь Лепешинского — Ольга Пантелеймоновна! Она рассказала о том, с какой гордостью принес отец только что выпешдший экземпляр «Путеводителя», сколько было разговоров по поводу этого. Запомнилось ей, как отец писал эту статью, с увлечением копался в таблицах, статистических отчетах...

Эта статья, кстати говоря, не упоминается ни в одном из трудов, посвященных жизни Пантелеймона Николаевича Лепешинского.

В годы, когда готовился к печати путеводитель, Пантелеймон Николаевич, незадолго перед этим выпущенный из тюрьмы, работал в статистическом бюро Московской управы. Это были годы интенсивной революционной работы: подыскивание явок для приезжающих в Москву товарищей, распространение подпольной литературы, активнейшая деятельность по сплочению партийной московской организации.

Теперь уже трудно установить, кто пригласил его участвовать в сборнике, но то, что «статистик из управы» подсунул издателям бомбу замедленного действия — несомненно.

В обзор промышленно-торговой деятельности Москвы и губернии вкраплено немало штрихов, ярко рисующих тяжелое положение рабочего класса в те предгрозовые годы. «Размеры заработной платы говорят о вопиющей нужде рабочего люда. Наиболее ярким показателем этой нужды являются жилищные условия рабочего московского населения. Гигиенические условия домашней жизни коечных и каморочных жильцов ужасны...»

В эпически спокойный тон книги о прелестях первопрестольной ворвались строки, гневно рассказывающие о бесчеловечной эксплуатации женщин и детей, о толпах безработных возле ночлежных домов и бирж...

В газеты того времени не могло пройти и десятой доли тех сведений, которые приводились П. Лепешинским — цензура неусыпно следила за этим, тем более автор давно уже на примете. А к путеводителю власти отнеслись благодушно — книжка для развлечения приезжих — что в ней может быть крамольного?

И просчитались...

МОСКОВСКИЕ ПРИСЛОВЬЯ

— Лодырь ты, лодырь, — укоризненно скажет иная бабушка, увидев, что ее внук, вместо того чтобы примерно занимать-

ся уроками, поглядывает во двор, где идет жаркая снежная баталия...

Предстоящий неприятный разговор внук наверняка может пресечь вполне невинным вопросом:

— Бабушка, а что такое «лодырь»?

— Ну как что такое? Испокон веку про таких, как ты, этак говорят.

И здесь, вовремя перехватив инициативу, внук может объяснить старушке, что хотя люди, отлынивающие от работы, существуют, наверное, еще с первобытных времен — в ту пору, тем не менее, они звались как-нибудь иначе, потому что слово это — лодырь — совсем недавнего происхождения и появилось оно не где-нибудь, а у нас, в Москве, всего лишь лет сто с небольшим назад.

И надо сказать, что того, кто явился виновником этого нелестного прозвища, никак нельзя было причислить к разряду людей, нерадиво относящихся к своим обязанностям.

Он был неутомимым тружеником и отличным специалистом — Х. И. Лодер, известный московский доктор, создатель Анатомического кабинета — всемирно известной в те годы коллекции столичного университета. В 1812 г., во время наполеоновского нашествия, его, опытного медика и умелого организатора, назначили управлять «гошпиталями» Московского ополчения...

Фамилия доктора Лодера то и дело мелькает в путеводителях середины прошлого века. «Сей ученый врач, — читаю в одном из хранящихся в библиотеке Белицкого путеводителей, — известный глубокими своими познаниями в Европе, в тридцатилетнее свое пребывание в Ене, Галле, Лондоне, Париже и Руане, собрал редкости, составляющие сей кабинет (Анатомический театр Московского университета. — М. С.), число оных простирается до 4396. Сколько собрание кабинета, столько же и усердие к просвещению г. профессора Лодера приносит ему чести и делает имя его незабвенным в летописях Московского университета».

Неуемная энергия заставила этого человека затеять небывалое в Москве дело: открыть «заведение искусственных минеральных вод».

В большой сад у дома в Хилковом переулке (тогда он назывался 2-й Ушаковский) стекались больные, которые после принятия целебной воды должны были совершать длительный моцион.

И глядел московский люд сквозь решетки ограды на празднo гуляющих господ (а лечиться у Лодера могли позволить себе только очень богатые люди — стоило такое лечение

300 рублей за курс), и окрестил, в конце концов, он лодеровских пациентов вот этим самым словом — лодеры, а попозже это слово приняло современное правописание — лодыри...

Между прочим, неподалеку от знаменитого лодеровского заведения родилось другое крылатое московское слово — архаровец.

На Кропоткинской улице (тогдашней Пречистенке) стоял в екатерининское время дом обер-полицмейстера Н. П. Архарова. Им был создан полк «по охране порядка» в Москве. Так вот, «архаровцев» московские жители боялись еще пуще грабителей, потому что были они и на руку нечисты и на расправу скоры...

И вот еще о чем вспомнила я в этой библиотеке:

«С Ивана Великого» — издавна говорят про долговязого человека; «чего кричишь на всю Ивановскую?» — спросят у другого... И знаменитая песня «Как под вечер из лесочка» — про нашу землячку, знаменитую крепостную актрису Парашу Жемчугову — да разве перечислишь все слова да песни, да присказки, что родились некогда в Москве, а потом разлетелись по всей Руси!

Во многих томах библиотеки Якова Мироновича видны закладки: и там, где про Ивановскую площадь Кремля говорится, и про Прасковью Жемчугову, и про квас «с изюминкой» — изюминка, которую мы ищем порою в людях — тоже, оказывается, московского роду-племени.

Все эти закладки — свидетельство еще одного увлечения Белицкого: стихи, песни о Москве и московские присловья...

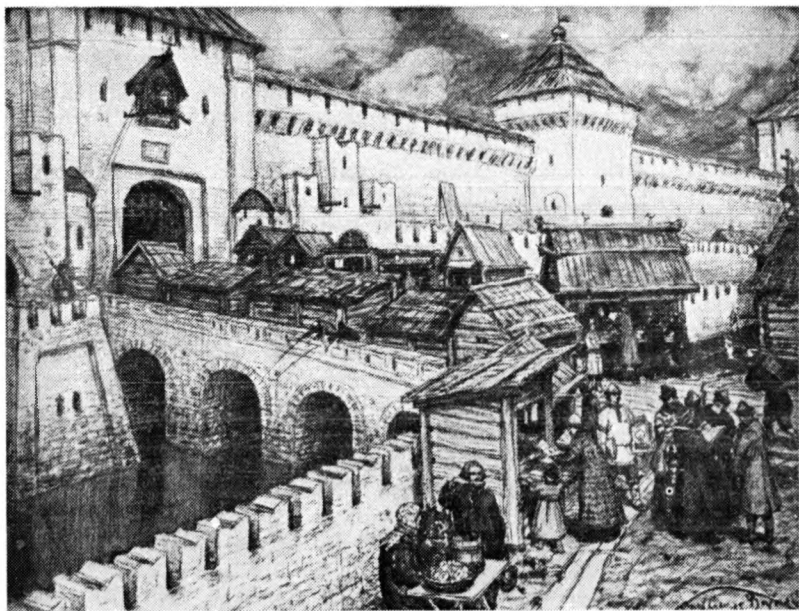
ОТ СОЧИНТЕЛЯ...

Свиблово... Теперь это одна из станций Московского метрополитена. И только старожилы помнят еще, что было здесь некогда подмосковное село с огородами, с неширокими улочками, сбегающими к Яузе.

А в более отдаленное время помогают заглянуть путеводители, и каждый из них непременно упомянет Свибловскую суконную фабрику, чьими изделиями торговали во всех суконных рядах старой Москвы.

«Прядильные машины с превосходным искусством движутся водою и парами. Едва ли в какой Европейской мастерской вмещается столько станков! Кто не знает о магазине сукон Свибловской фабрики на Петровке?»

Эти восторженные строки можно прочесть в главе «Торговля и промышленность». А помещена эта глава в книге,

*Книжные лавки на Спасском мосту, XVII в.
С картины А. М. Васнецова*

которой без малого 150 лет. Название у нее, как и положено изданиям той далекой поры, длинное и витиеватое:

«Путеводитель в Москве. Изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику господина Леконта Де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями» (Изд. 2-е. М., 1829).

Книга эта довольно любопытная. Она дает интересные сведения о быте Москвы того времени, в ней приведено много цифр, характеризующих состояние торговли в городе, развитие промышленности и ремесел.

Кроме Свиблова, здесь подробно рассказывается о мануфактурах на Девичьем поле, в Измайлове и других местах.

Много статистики. Сообщается к примеру, что в Китай-городе находилось тогда около шести тысяч торговых лавок, «в сей же части города и все Русские книжные лавки...»

И к тому же, иллюстрирован сей «Путеводитель в Москве» великолепными гравюрами, изображающими Красную площадь, Сухареву башню, Воспитательный дом...

Указание на то, что эта книга — перевод некоего господина Леконта Де Лаво, мягко говоря, не совсем точно. Автор, зная нравы тогдашнего времени, не без основания побаивался, что его труд просто-напросто станет пылиться в типографских кладовых, если не подкрепить его авторитетом иностранного источника.

Большинство глав этой книги вы легко найдете в вышедших ранее номерах журнала «Русский вестник», и под каждой статьей будет одна и та же надпись: Сергей Глинка.

Брат известного поэта-декабриста Федора Глинки — Сергей Николаевич был заметной фигурой в Москве первой половины XIX в. Он — один из создателей Московского ополчения в войне с Наполеоном 1812 г. Его перу принадлежат известные в свое время пьесы «Наталья боярская дочь», «Минин», поэма «Осада города Полтавы, или Клятва полтавских жителей» и многие другие романы, повести и пьесы.

Поэт Языков в одном из писем назвал Сергея Николаевича «первым ратником Москвы», который служил отечественной литературе «честно и благородно».

Книга С. Глинки «Записки о войне 1812 года» имелась в библиотеке Пушкина.

Как видите, фигура незаурядная, и теперь вам легко будет понять чувства владельца книги, когда, принеся ее из букинистического магазина, вдруг обнаружил на ее обложке тщательно стертую надпись, в которой можно было разобрать только одно слово «...сочинителя».

Чтобы прочесть надпись, оставался только один путь: обратиться к криминалистам. И Яков Миронович отправился в Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз.

Люди, работающие в этом институте, занимаются очень важными делами, и естественно было предположить, что им будет недосуг браться еще и за эту загадку. Но здесь очень внимательно выслушали длинную лекцию о Сергее Николаевиче Глинке и сказали:

— Давайте вашу книгу и приходите завтра в это же время.

С утра Яков Миронович уже был снова в институте. Книга лежала на металлической подставке, сверху на нее были нацелены какие-то трубки. «Путеводитель» был ярко освещен, и в этом как бы фосфоресцирующем свете проступила надпись: «Д. Куликову, от сочинителя». А вот и росчерк того, кому была подарена эта книга — Д. Куликов...

Так кто же такой Д. Куликов? Ни в библиотеках, ни в архивах пока не удалось отыскать следы этого человека.

Можно только строить догадки. Перед фамилией того, кому была подарена книга, нет обычного в таком случае эпитета: «Уважаемый», «Любезный» и т. п. Да и обращается к нему сочинитель не по имени-отчеству и даже инициалы полностью не проставил — просто «Д. Куликову». Может быть, был этот Д. Куликов не круга Глинок, а всего лишь случайным читателем, заинтересовавшимся книгой и обратившимся по сему случаю к автору? В одном из московских музеев, покопавшись в справочниках, высказали такую гипотезу, что Д. Куликов из семьи московских и петербургских купцов (встречается в документах такая фамилия), которые обеспечивали, как тогда говорили — «жизненными припасами» глинковскую родню.

Надпись на книге не просто выцвела от времени, она старательно выскоблена кем-то. Кем? Следы ли это ссоры между знакомыми или тому были более глубокие причины? А может, перешла эта книга с годами в другие руки и побоялся ее новый владелец хранить издание с крамольным автографом на обложке — ведь после 1825 г. один из Глинок — Федор томился в ссылке.

Любопытно отметить, что и сам Сергей Николаевич через несколько лет после выхода книги попал в опалу.

Будучи цензором Московского цензурного комитета, он допускал возмутительные с точки зрения начальства недосмотры. Тучи сгустились, когда с ведома Глинки было пропущено стихотворение А. С. Пушкина «На выздоровление Лукулла». Быть бы беде, да за цензора по просьбе Пушкина вступились П. А. Вяземский и дочка Кутузова Е. М. Хитрово. Глинка получил пенсию и вышел в отставку.

Не в те ли тяжелые для него дни была чьей-то предусмотрительной рукой выскоблена дарственная надпись?

Вот сколько вопросов, и хочется верить, что когда-нибудь отыщутся ответы на них, как отгаданы многие другие загадки, хранившиеся в книгах этого необычного собрания.

Поиски

и находки

КНИГОЧИЙ ДМИТРИЙ КОРНИЛЬЕВ И ЕГО ЖУРНАЛ

«Сибирь, хотя студеная страна, но воздух в
оной чистый и здоровый...»

«Исторический журнал...».
Тобольск, 1790, с. 4.

1.

Как-то весенним вечером (дело было во второй половине 1970-х) я пришел к Алексею Ивановичу Маркушевичу в его небольшую, совсем не профессорскую квартиру, в доме на площади Гагарина.

Мы сблизились года за три до безвременной кончины Алексея Ивановича, а познакомились в 1970 году. Встречаясь на заседаниях редколлегии «Альманаха библиофила», мы поначалу относились друг к другу без особого интереса и нередко вступали в споры о достоинствах или недостатках той или иной статьи... Иногда заседания редколлегии проводились на квартире Алексея Ивановича, и он, — гостеприимный хозяин, — сочетал обсуждение рукописей и планов с демонстрацией раритетов своей обширной библиотеки. Обычно, закончив деловую часть, мы знакомились за чашкой чая с уникальным собранием старинных русских и зарубежных изданий.

Алексей Иванович был большим знатоком книги, безмерно любящим ее, верящим в ее высокое предназначение для человечества. Он написал на материале своего собрания немало книговедческих работ и относился к книге не как коллекционер редкостей, а как исследователь культуры, стремился раскрыть тайны каждого издания, попадавшего в его руки. Он передал в дар Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина бесценное собрание первопечатных книг — инкунабул. Преждевременная смерть помешала ему сделать то же со всею своей библиотекой.

И все же толчком к нашему сближению послужила не любовь к книге, а, как это ни странно, математика... Началось с того, что я, увидев у Алексея Ивановича книгу о Нильсе Абеле, замечательном норвежском математике, скончавшемся в юном возрасте, заметил, что это имя мне хорошо знакомо и

рассказал о том, как другой великий норвежский математик Кристиан Ханстин в конце 1820-х годов совершил большое путешествие по Сибири и на время своего отсутствия назначил своим заместителем по курсу основ механики в столичном университете 16-летнего Нильса. В повести «Рожденный в недрах непогоды» я посвятил главу приезду Ханстина в Тобольск, его встречаю с учеными тоболяками...

Мой рассказ заинтересовал Алексея Ивановича. Он недавно завершил работу, посвященную исследованию теории абелевых функций¹, и образ юного норвежского математика и его окружения был дорог ему.

С этой беседы, далекой от библиофильских дел, и началось наше сближение. Но потом мы уже редко говорили о математике — чаще о книгах, их роли в истории человечества, тема, которая одинаково занимала нас обоих... Так и в тот вечер, с которого я начал этот очерк, мы беседовали о ранних изданиях Вольтера в России, оказавших немалое влияние на развитие передовой российской общественной мысли. Алексей Иванович достал редчайшее трехтомное издание фернейского мудреца, напечатанное в 1791 г. Иваном Рахманиновым в селе Казинке Тамбовской губернии.

От томиков в старинных кожаных переплетах исходил аромат старой книги, титульные листы были заключены в простенькие виньетки, как было принято в то время, на страницах видны следы пользования книгами.

Неповторимым духом книжной старины повеяло тогда на меня. Не могли не взволновать мысли о событиях, связанных с этими томиком, в ограниченном количестве уцелевшими после цензурского запрета и огня (почти весь тираж издания погиб), о судьбах людей, которые держали эти книжки в руках... Я вспомнил о тобольских вольнодумцах и рассказал Алексею Ивановичу, что еще в 80-е годы XVIII века произведения Вольтера на русском языке появлялись на берегах Иртыша, в старинном сибирском городе Тобольске. Печатались они в типографии купца Василия Корнильева...

И только упомянул я об этом, как Алексей Иванович перебил меня, переспросил фамилию тобольского типографа и молча вышел в соседнюю комнату. Через полминуты он вынес оттуда небольшую тоненькую книжку в темном переплете.

— Вот, посмотрите... — сказал он, протягивая книжку мне.

Я раскрыл ее и обомлел — это был «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увесели-

¹ Книга А. И. Маркушевича «Введение в классическую теорию абелевых функций» (М., 1979) вышла уже после кончины ее автора.

тельных повестей и анекдотов» — редчайшее издание тобольской печати, появившееся на свет в 1790 г. в типографии Василия Корнильева...

Я знал, что в нашей стране имеется три экземпляра «Исторического журнала...» — в библиотеке Тобольского краеведческого музея, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и в Библиотеке АН СССР.

Это был четвертый экземпляр!

И какой! Превосходной сохранности!.. Годы почти не сказались на нем, печать была ясной, бумага не пожухла и только переплет позднего времени немного поистрепался...

2.

И вот я дома, за письменным столом, внимательно изучаю уникальное тобольское издание. Алексей Иванович доверил мне его на время.

Я бесконечно благодарен ему за это...

Помет на страницах журнала не было. Я обнаружил лишь водяные знаки. Крупные буквы ВК были видны на страницах 43 и 75, когда их посмотришь на свет, ТФ — на странице 74, СТ — на 51. Буквы складывались в характерный корнильевский водяной знак, которым он метил бумагу своей типографии — СТФВК: Сибирская Тобольская Фабрика Василия Корнильева.

Многие часы я читал и перечитывал эту небольшую книжку, знакомую мне и раньше, но сейчас открывавшуюся мне по-новому, ибо за годы, прошедшие со дня первого знакомства моего с корнильевским журналом в библиотеке Тобольского музея, многое было накоплено, узнано, непонятные ранее места прояснились.

Раскрытие истории появления на свет и дальнейшей судьбы этого редчайшего тобольского издания XVIII века походило на решение уравнения со многими неизвестными. Само его существование долгое время ставилось под сомнение...

Первое упоминание о нем было у В. Сопикова в его «Опыте российской библиографии» (1815, ч. III, № 4103). Затем у Г. Геннади («Русские книжные редкости», Спб., 1872, с. 60—61, № 69) и в капитальной работе А. И. Дмитриева-Мамонова «Начало печати в Сибири» (Омск, 1891). Автор, ссылаясь на Сопикова, говорит, что вышло две части журнала и что все части были переводными. В 1913 году известный библиофил В. Семенников пишет, что Сопиков ошибся и что

«Исторического журнала...» вообще не существовало².

Во втором томе «Сводного каталога русской книги XVIII века» (М., 1964, № 3145) есть указание на то, что по одному экземпляру корнильевского журнала имеется в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Библиотеки АН СССР. Об экземпляре, который хранится в Тобольске, не упоминается.

По-разному оценивалось и содержание журнала. Одни исследователи сибирской печати ограничивались утверждением, что журнал печатал переводные статьи, далекие от местной тематики, другие держались противоположной точки зрения, характеризуя журнал как первую попытку выпуска сибиреведческого издания, считая переводные статьи «инородным телом». В наше время томский ученый Я. Р. Кошелев, изучивший содержание журнала, называет его оригинальным, показывающим хорошую по тому времени осведомленность авторов в вопросах сибирской истории, природы, быта народов, знание литературных источников, самостоятельность мышления³.

При внимательном чтении журнала начинаешь соглашаться с мнением томского ученого, однако и оно не полностью раскрывает достоинства корнильевского издания, его новизну, его несомненную оригинальность.

Как же появился в далеком от столицы сибирском городе этот журнал, кто был его создателем?

3.

Журнал открывается небольшим предисловием-посвящением тогдашнему правителю Тобольского наместничества А. В. Алябьеву. Вот что в нем написано:

«Имея свободное время, будучи ничем иным кроме коммерции не занят, за долг себе поставил выбрать из разных исторических и географических книг краткие, любопытство заслуживающие известия, как-то: о Сибири, Камчатке, Америке, Азиатских народах, о произрастании удивительных в Китае деревьев; о разных родах зверей, рыб, птиц; о знатнейших городах, островах, берегах и о коммерции оных, с приобщением увеселительных повестей и анекдотов, кои, собрав воедино и разделя на несколько частей, из коих первую,

² Семенников В. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных.— Рус. библиофил., 1913, № 7, с. 69—70.

³ Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX—начала XX в.). Томск, 1962, с. 16—17.

равно и последующие, приемлю смелость посвятить имени Вашего превосходительства. Примите, Милостивый Государь, сей малейший труд за знак истинного моего к особе Вашей высокопочитания, что я за особенный знак милости Вашей почитать себе буду.

Вашего превосходительства, Милостивого Государя моего, покорнейший слуга

Д. Корнильев».

Дмитрий Корнильев, сын тобольского типографа Василия Корнильева и совладелец отцовских предприятий — типографии и бумажной фабрики. Посвящение Алябьеву, на наш взгляд, не просто обычная для того времени дань вельможе, власти имущему. Семья Алябьева, несомненно, выделялась среди администрации Tobольска. Алябьев привез с собой в Сибирь хорошую библиотеку, которую все время пополнял через петербургского книгопродавца Акима Даниловского, сам он, его жена Анна Андреевна и сестра Екатерина поначалу весьма сочувственно относились к тобольской печати и ее авторам. Связи купеческого сына с образованными людьми Tobольска были прочными, об этом мы скажем еще ниже, а сейчас, познакомившись с предисловием, посмотрим, что же следует за ним на страницах журнала?

В журнале напечатано 25 статей, из которых больше половины посвящены Сибири и сопредельным с ней территориям. Корнильев понимает под Сибирью страну, лежащую к востоку от Уральского хребта до Тихого океана. Он пишет в статье, открывающей сборник: «Имя Сибирь было Татарам, при реке Иртыше живущим, неизвестно... Мало-помалу имя сие... простираясь с успехами Россиян все далее, дошло напоследок до самого восточного Окиана. И Российские Государи стали именоваться Сибирскими царями назад тому с 227 лет, то есть в 1563 году» («О Сибири»).

Статьи, посвященные Сибири, ее природе, народам, написаны живо, свободно, насыщены фактами и нередко содержат полемику с авторитетами того времени. В статьях встречаются имена известных путешественников и исследователей восточных стран — Плано Карпини, Рубрука, Стралленберга. Корнильев часто прибегает к свидетельствам из «Родословного дерева тюрков» Абу-ль-Гази⁴. Все говорит о том, что автор

⁴ Абу-ль-Гази Бахадур (1603—1663), потомок Чингисхана, Хивинский хан, автор «Родословной Туркмен» и «Родословной тюрков». Последнее сочинение было обнаружено в Tobольске пленным шведом Таббертом (впоследствии получившим дворянство и фамилию фон Стралленберг) в начале XVIII в. Первоначально «Родословная тюрков» появилась на французском языке (1726), затем на немецком, а в 1770 г. напечатан русский перевод, сделанный В. Тредиаковским.

статей был человеком начитанным, хорошо знающим географическую и историческую литературу тех лет. Материалы, касающиеся родины Корнильева, проникнуты горячей любовью к ней и глубоким знанием ее природных особенностей, богатств, верой в ее будущее.

«Сибирь, хотя студеная страна,— пишет он,— но воздух в оной чистый и здоровый... Леса изобильны разными зверями, из коих иные в других местах совсем не водятся. От них жители достают себе пищу, платье, и ими выгодный торг отправляют. Особливо Сибирь можно почесть за настоящее жилище черных лисиц, соболей и горностаев и за такую землю, которая для дорогой мягкой рухляди сих зверей имеет преимущество перед всеми другими землями на земном шаре. Дворовая так же скотина, особливо лошади, быки и коровы, очень хорошо распложаются и не дорого продаются. Если к сему еще присоединить невероятное почти множество всякой большой и мелкой рыбы в премногих реках, то заподлинно сказать можно, что Сибирь хлебом, мясом и рыбою так изобильна, как никакая другая земля на свете». Говоря о минеральных богатствах, Корнилев пишет, что «железо, красную медь и разные руды добывают в великом изобилии». Заглядывает он и в будущее Сибири: «С древесными плодами приватные люди чинили опыты, но понапрасну; однако ж труд и терпение может быть со временем преодолеют суровость климата» («О качестве Сибири»).

Из-под пера Корнильева встанут совсем иные картины, чем те, к которым привыкли в то время, говоря о Сибири. В понимании Корнильева Сибирь—суровая, но здоровая и красивая страна, богатая разнообразными дарами природы, населенная умными, доброжелательными народами, а не страна мрака и холода, где обитают дикие одноглазые гипербореи и легендарные «дивьи люди».

В своих материалах Корнилев часто полемизирует с видными учеными и признанными авторитетами тех лет. Он не согласен с Рубруком, утверждавшим, что якуты—народ монгольского происхождения. Корнилев убедительно доказывает, на основе анализа быта и языка якутов, что народ этот ранее жил на юге.

Современная этнография придерживается того же взгляда.

Рассказывая о камасинцах, Корнилев спорит со Стралленбергом: «Я не соглашаюсь на его мнение, чтоб они от Ледовитого моря переселились в южные страны, а наипаче думаю, что они древние и первоначальные жители средней части нынешней Сибири». Взгляд этот впоследствии был

обоснован М. А. Кастреном, а в наши дни подтвержден советским этнографом-лингвистом Г. Н. Прокофьевым⁵.

В те времена было принято называть все народы, живущие к востоку от Волги и Урала, татарами. На старых картах эта территория обозначалась как «Татария», «Азиатская Татария». Корнильев пишет по этому поводу: «Они, европейцы, погрешают, что берут сие имя в пространнейшем смысле, означая чрез то всех Азиатских народов выше Персии и Индии и так далее до восточного Окиана, хотя лицом, жителем, верою и языком весьма много разнствуют между собою. От того происходит, что если Европейец говорит о татарах, то неизвестно, о ком речь идет».

Корнильев также протестует и против наименования самоедами народов севера нашей страны, живущих от Белого моря до Лены. «Они не один народ составляют,—пишет он.—...Сие имя, которого они сами не знают... каждый народ имеет собственное свое название, по которому они, равно как и по особенному каждого народа языку, отличаются друг от друга».

В статьях о Сибири и соседних странах много познавательного. На страницах корнильевского издания мы встречаем описание столицы Кучума—Искера, Барабинской степи, одно из первых на русском языке описаний чая, его возделывания, выращивания, приготовления. Написаны эти статьи слогом легким, непринужденным, что свидетельствует об одаренности автора и об основательном знании описываемых предметов. Знания Корнильева основываются не только на личных впечатлениях о Сибири, рассказах бывалых людей, книгах отечественных и зарубежных путешественников, но и на других источниках, которые нам неизвестны и во времена Корнильева существовали, вероятно, лишь в письменном виде. Его возражения Стралленбергу весьма напоминают обстоятельные замечания, сделанные В. Н. Татищевым (1686—1750) при переводе труда шведского ученого: «Северная и Восточная часть Европы и Азии» (Стокгольм, 1730). Примечания Татищева в то время еще не были напечатаны. В 1730 году сибирскому губернатору и воеводам были посланы вопросник Татищева и выписки из труда Стралленберга, касающиеся народов Сибири. Скорее всего, Корнильев познакомился с этими документами в Тобольском архиве. Глухой намек на такое знакомство мы находим в статье «О Сибири», открывающей журнал. Корнильев ссылается там на «некоторого писателя, оставившего по себе несколько рукописных примеча-

⁵ См.: Народы Сибири. Этнографические очерки. М.; Л., 1956, с. 610.

ний на Стралленбергову северную и восточную часть Европы и Азии...»

Если бы Д. Корнильев в своем журнале ограничился только материалами о Сибири, ее природе, народах, богатствах, и то мы были бы благодарны ему и вправе были бы сказать, что он создал первое сибиреведческое издание, подобного которому ранее не было. Однако замысел Корнильева, как видно из внимательного изучения его труда, был значительно шире. В этом нас убеждает общее направление «Исторического журнала...», анализ его статей, как сибиреведческих, так и на другие темы.

В материалах корнильевского журнала ясно просматривается одна, общая для них идея—идея равенства людей независимо от их расы, племени, происхождения. Сибирские народы, по-тогдашнему «иностранцы», «дикари», по Корнильеву равны всем другим народам. Он пишет, например, о тунгусах (эвенках), что они «...добрый, веселый, от природы хорошим разумом одаренный народ». Положительно он отзывался и о ненцах, хантах, манси, якутах, о других народах Сибири.

Эта же идея равенства людей, подлинного гуманизма характерна и для других, не сибиреведческих материалов журнала. Рассказ «О великодушии, кое два неприятеля друг другу оказали» говорит о благородстве воинов, которые в минуту смертельной опасности забыли о своей вражде. «Анекдот» рассказывает о сложной, трагической ситуации, в которой отец должен сдержать слово, данное ранее убийце его сына. Примечательна в этом плане и статья «Пример честности».

Говоря о сибирских народах или о народах Африки и Азии, Корнильев не применяет слова «дикарь», видит в людях различных рас и племен единые человеческие черты. Эту сугубо гуманистическую линию мы прослеживаем во всех статьях журнала. Да и сами названия их говорят о том, что содержание статей посвящено морально-этическим вопросам: «Пример братней любви», «Великодушие в любви», «Любовь сына к отцу» и другие.

При внимательном изучении корнильевского издания становится ясным замысел автора—сочетать местный краеведческий (в широком понимании этого слова) материал со сведениями о различных странах мира, нравоучительными статьями, морализированием, пропагандой равенства людей. Издание Дмитрия Корнильева воспринимается как единое целое, а не как сборник разнородных статей и материалов, они спаяны воедино общей идеей. В этом журнал Корнильева ближе к рукописным русским сборникам, подобным «Космографии»,

«Цветнику» и другим, чем к собственно журналу как периодическому изданию. Корнильев не обозначает месяца выхода, как, например, указывалось на книжках «ежемесячного сочинения» «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», другого тобольского издания, а говорит только о первой части своего издания и обещает в дальнейшем его продолжать.

Значение журнала Корнильева, как, впрочем, и других тобольских изданий, нельзя ограничивать провинциальными рамками, Корнильев как бы разрывал круг только местных интересов, выводил за их пределы читателей, стремился таким образом слиться с общерусской, а через нее и с мировой культурой. При этом он не оставлял и местной темы, которая таким образом уже переставала быть местной и, сохраняя в конкретной своей сущности локальные черты, полноправно входила в общероссийскую тематику своего времени.

Сборник, составленный Корнилевым, представлял собой новый тип издания, не имевший в то время прецедента в русской печати. Давая местный материал, Корнильев насыщал его передовыми идеями.

4.

Кто же был все-таки Дмитрий Васильевич Корнильев, о котором мы знаем, что он родился в семье крупнейшего тобольского промышленника и купца Василия Яковлевича Корнильева, предположительно, в конце 60 — начале 70-х гг. XVIII в. У нас нет сведений о его образовании, скорее всего, он получил начатки знаний дома, у домашних учителей (что, кстати, было обычным явлением в тогдашнем Тобольске), а в дальнейшем пополнял их из книг, которых в Тобольске было предостаточно.

Книжная культура в Тобольске имела давние и прочные традиции. Уровень грамотности в этом древнем сибирском городе был достаточно высок по тем временам. С начала XVIII в. в городе существовали светская общеобразовательная школа, духовная семинария, геодезическая школа, славяно-русские школы, гарнизонная школа, а в конце XVIII в. открылось Главное народное училище. Кроме того, было достаточно широко, несмотря на официальные запреты, развито домашнее образование.

Имелись в городе и богатые библиотеки — Тобольская духовная семинария располагала ценнейшим собранием книг на русском и иностранных языках и редкими рукописями. Имелись и большие личные библиотеки — у правителя наме-

стничества Алябьева, у генерал-губернатора Сибири О. И. Селифонтова, у отдельных купцов, в частности, у самих Корнильевых, у других жителей города. И. П. Фальк, совершивший путешествие по Сибири, в своих записках сообщает, что у тобольского ямщика Козьмы Черепанова он видел библиотеку из 400 книг по математике, механике, истории и другим наукам⁶.

Наряду с книжными богатствами следует отметить, что в Тобольске конца XVIII в. обитало немало образованных людей как из местных жителей, так и из приезжих, зачастую попавших в город на Иртыше не по собственной воле...

В конце XVIII в. в Тобольске существовало два интеллигентских кружка: кружок учителей Тобольского главного народного училища — молодых людей, только что получивших высшее образование в Петербурге и посланных в сибирскую столицу во вновь открытое учебное заведение, и кружок интеллигентной молодежи, собиравшейся у преподавателя семинарии П. А. Словцова, человека передовых взглядов, впоследствии близкого друга М. М. Сперанского и И. И. Мартынова. По словам современной исследовательницы прошлого Сибири З. Н. Трусовой, завсегдаем дружеского кружка учителей народного училища и кружка Словцова, вероятно, был и молодой купец Дм. Корнильев⁷.

Другая исследовательница истории Сибири М. М. Громыко утверждает, что Корнильев был связан с Панкратием Сумароковым, И. И. Бахтиным и учителями Главного народного училища — «он вместе с ними... работал над „Иртышом“ и другими изданиями»⁸.

Среди невольных жителей Тобольска в те годы были многие замечательные люди, среди которых прежде всего следует отметить А. Н. Радищева и бывшего крепостного князей Голицыных Н. Н. Смирнова, сосланного в Тобольск за попытку уехать за границу. Смирнов был образованным человеком, знал французский, итальянский и английский языки, и, несмотря на положение ссыльного, был, так же как и Радищев, принят в семьях тобольской высшей администрации.

Знакомство и дружба Корнильева с учителями народного училища, авторами «Иртыша...», общение с наиболее образо-

⁶ [Фальк И. П.] Записки путешествия академика Фалька. Спб., 1824, с. 402—403 (Полн. собр. путешествий по России, т. 6).

⁷ Трусова З. Н. К вопросу об идейном влиянии А. Н. Радищева на тобольских вольнодумцев. — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973, с. 209.

⁸ Громыко М. М. Сибирские купцы Корнильевы. — Изв. Сиб. отделения АН СССР, 1972, № 6 (Серия общественных наук, вып. 2), с. 25.

ванными представителями тобольской администрации и, наконец, если даже не было личного знакомства Корнильева с Радищевым, сам факт длительного пребывания автора «Путешествия...» в городе на Иртыше мог ли не оказать влияния на формирование взглядов молодого Корнильева, не отразиться на его журналистской и издательской деятельности?

Последние исследования показали, что Корнильев принимал непосредственное участие в типографских делах своего отца и был не только совладельцем типографии, но и одним из организаторов и активных участников тобольского книгопечатания.

На титульном листе «Исторического журнала...» стоит «Часть первая», а на последней странице напечатано — «Конец первой части». Исследователи утверждают, что Корнильев успел выпустить две части своего издания. К сожалению, вторая часть до настоящего времени не найдена.

В начале 1790-х гг. экономическое положение Корнильевых пошатнулось. Они переходят во вторую гильдию, в 1795 г. В. Я. Корнильев умирает, а в следующем году выходит указ императрицы о закрытии всех вольных типографий. Тобольское книгопечатание прекращается.

Однако книжные устремления Дмитрия Корнильева имеют неожиданное продолжение...

5.

В 1807 г. в Тобольск приехал окончивший Главный Петербургский педагогический институт и назначенный учителем философии, изящных искусств и политэкономии Иван Павлович Менделеев. Вскоре он стал мужем дочери Дмитрия Корнильева — Марии Дмитриевны. Их дочь Екатерина, родившаяся в 1818 году, оставила нам весьма интересные воспоминания о своем дедушке:

«Как теперь, вижу седого старичка,— пишет она,— невысокого роста, худощавого, в длинном стариковском сюртуке, всегда тихого, спокойного, доброго. ...Каждый день он ходил к обеду, потом в своей комнате занимался чтением и любил переписывать, что вздумается. Он складывал лист обыкновенной писчей бумаги в восьмушку, сшивал такую тетрадку и писал и прозу, и стихи, одним словом, что захочется; потом эти тетрадки сшивал в довольно толстые томики и укладывал их на полочку в своей комнате. Почерк у него был старинный церковный, как-то особенно интересный, и, к сожалению, я не сохранила у себя ни одной его тетрадки, это непростительно.

Не знаю, куда при отъезде из Сибири маменька передала все эти тетрадки, а когда я выходила замуж, они еще были целы и хранились в книжных шкафах нашей библиотеки или складывались и прятались в сундуке с книгами не очень нужными»⁹.

В другом месте, вспоминая о прошедшем, Екатерина Менделеева пишет, что «отец матери, наш дедушка, жил с нами и в Саратове, он был старичок полудзоровый...»¹⁰ «После смерти своей молодой жены был болен воспалением мозга, потерял память...»¹¹

Эти строки помогают нам восстановить некоторые вехи жизни и деятельности Д. В. Корнильева.

Жена Корнильева умерла в 1818 г. В октябре этого же года И. П. Менделеев назначается директором Тамбовской гимназии и уезжает с семьей из Тобольска. В 1823 г. Менделеевы переезжают в Саратов и живут там до ноября 1827 года, после чего возвращаются в Тобольск, где И. П. Менделеев становится директором губернской гимназии. Скорее всего воспоминания Екатерины Менделеевой о деде относятся именно к этому времени. Д. В. Корнилеву тогда было немногим более 60 лет, и в понимании девочки он был уже «старичком». Упоминание о семейной библиотеке и сундуке с книгами «не очень нужными» тоже позволяет предположить, что воспоминания дочери Менделеевых относятся именно к 1820-м годам, когда девочка уже умела читать и могла интересоваться книгами.

Томики же, заполненные стихами и прозой, вероятно, были своего рода подобием рукописного журнала. Это весьма знаменательное свидетельство — в нем мы видим отзвук прежних занятий Корнильева.

Рукописные тетрадки Корнильева хранились в библиотеке Менделеевых, которая была одной из самых крупных и интересных частных библиотек Сибири. В семье Менделеевых существовал традиционный культ книги, и Мария Дмитриевна нередко говаривала: «Книги — лучшие друзья моей жизни». К сожалению, мы не знаем, что стало с этим книжным собранием. По одним сведениям, часть его отправилась в Омск вместе с Екатериной, вышедшей замуж за чиновника Омского областного правления Я. С. Капустина. В 1859 г., после смерти мужа, Е. И. Капйстина уехала в Москву, взяв с собой библиотеку. Дальнейшие следы собрания теряются. По другим

⁹ Отрывки из журнала Екатерины Ивановны Капустиной, урожденной Менделеевой, сестры Д. И. Менделеева. — В кн.: Памяти Д. И. Менделеева. Семейная хроника. Воспоминания. Спб., 1908, с. 157—158.

¹⁰ Там же, с. 153.

¹¹ Там же, с. 2.

сведениям, книги были раздарены и распроданы М. Д. Менделеевой, когда она уезжала в 1849 г. с сыном Дмитрием из Тобольска. Если же часть библиотеки, в том числе и сундук «с не очень нужными книгами», где могли храниться записи Д. В. Корнильева, остались в Тобольске, в доме на Болотной улице, или в Аремзянке, где жили Менделеевы последние годы перед отъездом из Сибири, то они могли погибнуть — оба дома вскоре после отъезда Менделеевой сгорели. Возможно, Менделеева, приехав из Тобольска в Москву, передала тетради отца своему родному брату — В. Д. Корнильеву, управляющему имениями Трубецких, который жил на Покровке в доме № 22 (ныне улица Чернышевского), человеку образованному, вхожому в литературные круги (он был знаком с Пушкиным, Дельвигом, Баратынским и другими писателями). Наконец, не исключена возможность и того, что записки Д. Корнильева могли попасть к жившим в Тобольске декабристам — М. А. Фонвизину, П. Н. Свистунову, Н. С. Бобрищеву-Пушкину и другим, с которыми семья Менделеевых была дружна, или к Н. В. Басаргину, женившемуся на дочери Менделеевых Ольге. Во всяком случае, пока не установлено, что записки Дмитрия Корнильева погибли, их нужно искать, ибо в них мы можем обнаружить, вероятно, немало интересных сведений о деятельности их автора в Тобольской печати конца XVIII в. А роль эта, по нашему мнению, была немалой, Д. В. Корнильев, несомненно, находился в самом центре всех типографских начинаний на берегах Иртыша.

6.

И вот, закончив изучение томика «Исторического журнала...», так любезно предоставленного мне Алексеем Ивановичем Маркушевичем, собрав воедино сведения о составителе и авторе статей тобольского издания, я еще раз задумался над ролью книги в судьбах людей...

Какая судьба ожидала Дмитрия Корнильева, если б он смолodu не прикоснулся к книге, не полюбил бы ее, не стал бы страстным книголюбом?

Книга подняла купеческого сына из Тобольска над его временем, над мелкими торгашескими интересами и нескончаемо продлила его жизнь в нашей памяти. Созданный им «Исторический журнал...» останется в истории нашей культуры векой, мимо которой не может пройти ни один серьезный исследователь прошлого. От этого издания протянулись реальные нити в наши дни, к тому великому преобразованию

Сибири, свидетелями и участниками которого мы являемся сейчас. Но не только предвидение освоения будущих богатств сибирских просторов наполняет нас уважением к Дмитрию Корнильеву,—его взгляды на внутренний мир человека, на общение между народами пронизаны истинным гуманизмом и близки нашей современности. По праву мы можем сказать, что он был одним из передовых людей своего времени. Его великий внук—Дмитрий Иванович Менделеев, получивший имя в честь своего деда,—писал, что истоки своих будущих дел он видит в детстве и отрочестве, проведенных в Тобольске и на стекольной фабрике Корнильевых в Аремзянке. И, конечно, не только в картинах промышленности видел он начало своих дел, оно прежде всего в том умении смотреть широко и далеко, которое передалось ему от Корнильевых.

Когда я изучал «Исторический журнал...» и собирал крохи биографии его создателя, меня не покидало странное ощущение какой-то неуловимой связи Дмитрия Корнильева и владельца экземпляра его журнала—Алексея Маркушевича. Странное потому, что, кажется, никаких оснований для такой связи не было. Но при дальнейшем раздумии я все-таки обнаружил причину такого ощущения. Отрочество и юность Маркушевича прошли тоже на Иртыше, много южнее Тобольска, в городе Семипалатинске, и его тоже тогда увлекали, как он сам мне говорил, прошлое и просторы Прииртышья. Книга в жизни Маркушевича, так же как и для Корнильева, значила очень много, так много, что в глазах большинства людей, знавших его, он слыл прежде всего книговедом, известным знатоком и любителем Книги, а не только талантливым математиком, автором специальных работ, переведенных на многие языки. Доктор физико-математических наук, общественный деятель, он поздно пришел к Книге. Лишь на пятом десятке лет жизни начали выкристаллизовываться его книжные интересы, обретать стержень, без которого любовь к книге часто приобретает характер пустого собирательства. Книгу Алексей Иванович воспринял как один из могучих рычагов культуры. Через глубокое изучение книжных сокровищ он постигал силы прогресса, предвидел тенденции поступательного движения вперед человеческой мысли. За короткий, сравнительно, период он стал известным знатоком Книги. Его статьи по книговедению и библиофилии,—а их не менее пятидесяти,—широко знакомы людям, любящим книгу, изучающим историю культуры. Ледяные вершины чистой математики, которыми владел Маркушевич, видны издалика, но доступны лишь немногим. Вершины книговедения, взятые им,

сделали его имя популярным среди большого числа любителей книги...

Возвращая томик «Исторического журнала...» Алексею Ивановичу Маркушевичу, я поделился с ним своими мыслями о преемственности поколений и о том, какую громадную роль в этом имеет Книга.

Алексей Иванович был уже смертельно болен, похудел, осунулся.

— Да,— сказал он мне.— Книжная галактика не только неисчерпаема количественно и беспредельна по суммам знаний, но и таит в себе особенности, которые могут обессмертить человека, поднять его к вершинам, или...— он помолчал и с горечью закончил:— Или уронить его... Судьбы человеческие и судьбы книг часто бывают настолько тесно переплетены, что невозможно отделить одни от других...

Накануне кончины Алексея Ивановича я говорил с ним по телефону. Он находился в одной из московских больниц, и ничто не указывало на близость рокового конца. Алексей Иванович готовился выйти из больницы, говорил, что чувствует себя превосходно, закончил книгу своих библиофильских работ, готовил новые исследования по математике...

Ночью его не стало...

7 июля 1979 года в здании бывшего Фидлеровского училища состоялась гражданская панихида по Алексею Ивановичу. В речах друзей и близких лейтмотивом звучала мысль о неразрывной связи судьбы ушедшего из жизни с судьбами книг как созданных, так и собранных им...

НЕ РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...

Заметки писателя

При изучении жизни Андрея Тимофеевича Болотова, многообразия его творчества и редакторской деятельности иногда недооценивают его личность, его роль в развитии отечественной культуры. Если М. И. Семевский, издатель четырехтомных записок «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», вполне понимал значение этого выдающегося произведения, которое можно считать своеобразной энциклопедией русской провинциальной жизни XVIII в., то, например, С. А. Венгеров в своем «Словаре» недостаточно высоко оценил «Записки» с точки зрения литературной. Вовсе не упоминается Болотов в сборнике «Н. И. Новиков и его современники» (М., 1961). Ни имени, ни произведений Болотова нет и в недавно вышедшем сборнике «Русская литературная критика XVIII века» (М., 1978). Между тем, Болотов был весьма активным литератором. В свое время даже была написана работа Н. В. Губерти «А. Т. Болотов как критик и рецензент литературных произведений» (Библиограф, 1885, № 9—10; 1886, № 1—2).

Продолжая изучать Болотова, все более и более проясняя для себя его личность, я уж горячо, точно собственную обиду, стал воспринимать не то чтобы уничижительные оценки, но и даже всякого рода недомолвки, касающиеся болотовских заслуг, неупоминание его имени, его трудов. В связи с этим и появились следующие заметки.

1. БОЛОТОВ И ПОСОШКОВ В КРУГЕ ИНТЕРЕСОВ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Мне всегда представлялось, что Льву Николаевичу Толстому должны были прийти по вкусу «Записки» Болотова и

не только в историческом, но и в литературном смысле, понравиться своей искренностью, разговорной интонацией, плотностью описания, точностью бытовых деталей. Толстой читал Болотова, об этом записано в дневнике Льва Николаевича за 1878 г. Семнадцатого апреля промелькнуло в ряду других событий: «Читал Болотова». И потом только 22 мая: «Окончил Болотова. Читал Парфения». Но своего отношения в дневнике не высказал. Неужто остался равнодушным? Не верилось как-то... Вот бы увидеть пометы на полях.

Но в яснополянской библиотеке болотовского четырехтомника не оказалось. Николай Павлович Пузин, многие годы проработавший в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого, сообщил мне, что скорее всего книги эти исчезли из библиотеки писателя еще в прошлом столетии или в самом начале нынешнего. Оставалось лишь положиться на случай.

Мысль, однако, продолжала настойчиво работать в этом направлении, искать аналогии, сопоставлять. И если болотовские тома начисто отсутствовали в яснополянской библиотеке, то сочинения другого экономического мыслителя и публициста Ивана Тихоновича Посошкова, жившего еще до Болотова, стояли там на библиотечных полках.

Впервые с яснополянской библиотекой познакомил меня, тогда еще подростка, личный секретарь Л. Н. Толстого Валентин Федорович Булгаков, которому и принадлежит первое полное описание этой библиотеки, оставшееся в рукописи. Мощью духовной и интеллектуальной жизни почти физически веяло от старых и старинных книг, которыми когда-то пользовался великий писатель. Его остро интересовало развитие не только духовных, но и экономических идей в России. И если в «Записках» Болотова мы не встречаем имени Посошкова, а в «Опыте исторического словаря» Н. И. Новикова — лишь несколько строк о нем: «Посошков Иван (1652 (?)—1726).—Из сочинений его осталась одна только книга „О скудости и богатстве“, хранящаяся рукописною в императорской библиотеке», то уж в круг интересов Толстого входят они все: и Новиков, и Болотов, и Посошков. Толстой читает Посошкова в издании М. Погодина (М., 1842). На страницах «Донотения о ратном поведении» и «Книги о скудости и богатстве» — множество пометок, сделанных рукой Льва Николаевича. И дело не только в том, что Толстой задумывал написать роман из времен Петра Первого; в Толстом жил глубокий интерес к движению русской социальной мысли, к тому, чтобы отечество наше экономически процветало, чтобы разумные формы хозяйства, равно как и разумные формы законодательства, помогли великому народу естественно выйти из многовековой

«скудости» существования. По-разному и в разное историческое время эти мысли беспокоили Посошкова, Болотова, Льва Толстого... Лев Николаевич несколько раз отмечает стремление Ивана Тихоновича Посошкова «утвердить законность», так или иначе защитить интересы крестьянства. (Заметим, что после, в конце жизни, Толстой ощущал себя адвокатом многомиллионного русского крестьянства.) В «Книге о скудости и богатстве» Толстого интересуют и подробности быта, и своеобразие языка времени Посошкова. «Зяблина» у Посошкова означает дерево, сгубленное морозом, «трапорещить» — рассыпать, «утишное место» — тихое и т. д. Все эти выражения и слова подчеркиваются Толстым. Разбирая указанные пометы, я все думал, что «Жизнь и приключения Андрея Болотова» Толстой должен был читать с неменьшей тщательностью и вниманием и с точки зрения идей, образов, и с точки зрения языка. Воображение уже рисовало мне страницы болотовских «Записок» с многочисленными замечаниями Льва Николаевича, подчеркиваниями, характерными двойными загибами страниц. Отсутствие этого четырехтомника в яснополянской библиотеке мне казалось чем-то неестественным. Понятнее было бы видеть сочинения Болотова стоящими там следом за сочинениями Посошкова.

И вот нападаю все-таки на след. В «Яснополянских записках» Душана Петровича Маковицкого 12 мая 1907 г. зафиксированы слова Толстого: «Л. Н.: Читаю Записки Болотова — дворянин, родился в царствование Анны Иоанновны, умер 95 лет в 1833 году; он помнил дедов. Драгоценнейшие Записки».

Запись следующего дня, 13 мая: «Л. Н.: Читал Болотова. Как интересно! На зиму найти бы такое чтение. Есть еще три тома...»

Значит, через двадцать девять лет после первого прочтения Лев Николаевич вновь принялся читать Болотова. Все это свидетельствует и об устойчивом интересе Толстого к личности Болотова, и о непреходящей ценности, увлекательности самих «Записок». Очень обрадовался я, найдя эти строки у Маковицкого. Значит, предположение мое относительно того, что Лев Николаевич должен был высоко ценить Болотова, оправдалось.

11 декабря 1907 г. Душан Петрович отмечает:

«Софья Андреевна уезжает в Москву. Л. Н. просил ее свезти четыре тома Записок Болотова, передать Сереже в библиотеку Художественного клуба.

Л. Н. (о них): Это хорошие картины прошлого века. Подробное описание».

Ко всему прочему в этой записи освещается один из поворотов судьбы болотовского четырехтомника, прочитанного Толстым. Как складывалась судьба книг в дальнейшем? Верится, что когда-нибудь мы все-таки прочтем замечания Льва Николаевича на полях «Жизни и приключений Андрея Болотова...»

2. ЖУКОВСКИЙ О БОЛОТОВЕ

Трудно представить себе какую-либо внутреннюю связь между Василием Андреевичем Жуковским, поэтом тончайших романтических переживаний, и Болотовым, человеком практического склада ума, естествоиспытателем, агрономом, редактором первых в России сельскохозяйственных журналов.

Однако в «Дневниках В. А. Жуковского» (Спб., 1903) мелькнуло имя Болотова. И вот при каких обстоятельствах. В 1806 г. у молодого Жуковского возникло желание подробно «рассмотреть свою прошедшую жизнь», наметить план на будущее. Желание вполне естественное для молодого человека, живущего напряженной духовной жизнью.

В разделе «Прошедшая жизнь» читаем: «...7) Тульская жизнь. Редуты. Болотов. Смерть государыни. Сатина. Отъезд в Москву» («Дневники», с. 38).

Дальше набросков дело на пошло. И больше имя Болотова в «Дневниках» Василия Андреевича не появлялось.

Однако известно, что привезенный из Белева в Тулу, Жуковский учился сперва в немецком пансионе Роде, а потом в тульском народном училище и жил в доме Юшковых (Варвара Афанасьевна Юшкова была сводной сестрой Жуковского).

Фамилия Юшковых часто встречается в «Записках» Болотова, который весьма дружен был с Петром Николаевичем Юшковым, главой семейства, очень тепло относился к Варваре Афанасьевне и, бывая в Туле, непременно посещал их дом. Андрею Тимофеевичу было более чем приятно общество этих людей, и они в свою очередь дорожили его дружбой.

Читаем у Болотова: «Я, пустившись в путь и переночевав в Дедилове, поспел в Тулу 7 числа, еще до света, и остановился опять по приглашению у господина Юшкова... и прошел у нас сей день праздну, и мы большую часть оного и весь вечер провели дома с разными приезжавшими к г. Юшкову гостями и гостившею у него в сие время его тещею Марьей Григорьевной Буниной» («Записки А. Т. Болотова». Спб., 1873, т. IV, с. 1138).

В другой раз, приехав из Богородицка, Андрей Тимофеевич провел все утро у Юшковых, исправил имеющуюся у них электрическую машину «и на ней лечил кой-кого электрицизмом».

Однажды, посетив Юшковых, Болотов попал на домашний концерт, «какого никогда не случалось слышать»: «Тут провел я весь вечер и ужинал, и могу сказать, что весь сей день был один из приятнейших в моей жизни» («Записки А. Т. Болотова», т. IV, с. 1138).

Литературно-музыкальные вечера нередко проводились в доме Юшковых, и молодой Жуковский был их постоянным участником. (Лишь в 1797 г. Мария Григорьевна Бунина увозит побочного сына своего мужа, четырнадцатилетнего Василия Андреевича Жуковского в Москву, чтобы продолжить его образование.) Будущий великий поэт, безусловно, должен был часто видеть Болотова, хорошо знать его. Не мог и Болотов не знать впечатлительного, задумчивого подростка. В это время складывался духовный мир мальчика, определялись его художественные наклонности (в одиннадцать лет Жуковский пишет трагедию «Камилл, или Освобождение Рима»). Какие же впечатления скрываются за конспективной записью в «Дневнике» Жуковского: «Тульская жизнь. Редуты. Болотов...»?

И вот в довольно старой книге, так называемом «Уткинском сборнике» (по селу Уткино, Белевского уезда, Тульской губернии), изданном в Москве в 1904 г., нахожу, наконец, еще одно упоминание имени Болотова. В письме к своей племяннице Анне Петровне Зонтаг, писательнице и мемуаристке, Жуковский пишет в апреле 1851 г.: «Милая Анна Петровна, сию минуту получил Ваше последнее письмо, прочитал его и тотчас отвечаю. Оно заставило меня плакать, так живо и так много милых теней встало из глубины прошедшего перед глазами моими». И далее, с большой теплотой вспомнив рано ушедшую из жизни Варвару Афанасьевну Юшкову (мать Зонтаг), Жуковский продолжает: «Из посторонних лиц этого времени самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова. С той поры я с ним не встречался. Раз только видел его мельком в Москве: он ехал в наемной карете извозничьей и держал в руке план Москвы, по которому, вероятно, отыскивал нужную ему улицу. В то время, когда он посещал нас в Туле, он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своею многосторонностью» («Уткинский сборник», с. 131).

Важнейшее свидетельство. Жуковский пишет это письмо незадолго до смерти, будучи прославленным поэтом, пройдя

путь, на котором он имел счастье узнать замечательных людей, дружил с Пушкиным, встречался и беседовал с Гете. И многое, естественно, переоценивши, он все-таки продолжает вспоминать с великим уважением Болотова и пишет о его сильном влиянии на себя.

Пройдут многие годы и Александр Блок напишет в «Автобиографии»: «Первым вдохновителем моим был Жуковский». Он же, Блок, напишет большую студенческую работу «Болотов и Новиков». Странные бывают стечения обстоятельств.

Вал. Лавров
АВТОГРАФЫ

ПИСЬМО ИЗ ВЕШЕНСКОЙ

В моем собрании хранится письмо, начертанное размашистым почерком. Его автор — М. А. Шолохов. Привожу текст:

«Дорогой т. Смирнов! Извините, что отвечаю с запозданием. Мне думается, что нет смысла печатать этот кусочек. Дайте мне время, и я напишу охотничий рассказ. У меня уже давно чешутся руки взяться за это дело, но роман не дает такой возможности. А там, с печатанием куска — как знаете, на Ваше усмотрение.

Шлю привет и добрые пожелания и общего порядка, и перед охотничьим сезоном в частности.

Ваш М. Шолохов
2.8.54».

Интересна история этого послания.

Николай Павлович Смирнов в 30-е годы заведовал редакцией «Нового мира». И вот однажды здесь появился невысокий, худощавый человек в кубанке. Он принес рукопись первой части «Поднятой целины».

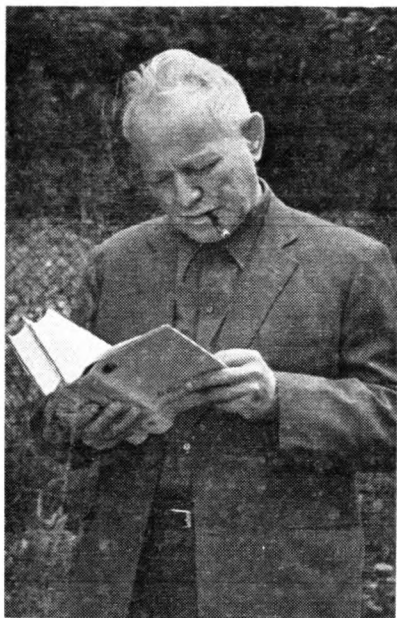
Михаил Александрович Шолохов уже в то время, несмотря на молодость, был известным писателем.

— Тяжесть славы несколько не давила на этого симпатичного человека, — вспоминал Николай Павлович. — Только настоящим талантам дано выдержать ее искусы.

Шолохов всегда держался просто и дружелюбно. И хотя в литературных спорах он бывал порою резок, причиной тому являлась его строгая принципиальность.

Редактору легко было работать с Михаилом Александровичем.

— У него отсутствовало ложно понятое и чрезмерно заостренное авторское самолюбие, он прислушивался к голосу

М. А. Шолохов

читателя,—вспоминал Смирнов,—с большим вниманием правил Михаил Александрович текст романа.

Об этом, в частности, свидетельствует письмо Шолохова из станицы Вешенской в редакцию «Нового мира» от 16 июля 1932 г. (хранится в архиве Н. П. Смирнова). Михаил Александрович вносит уточнения, просит сделать в рукописи «Поднятой целины» исправления.

Известно, что Шолохов страстный охотник. При встречах Смирнова с Михаилом Александровичем у них часто завязывались оживленные охотничьи беседы.

Я держу в руках издание «Поднятой целины» 1932 г., хранящееся в библиотеке Николая Павловича. На нем—автограф: «т. Смирнову Н., охотнику от охотника. М. Шолохов. 28.П.33 г.»

В ответ на присланный Смирновым сборник охотничьих рассказов из Вешенской пришло письмо, датированное 25 сентября 1934 г.:

«Большое спасибо за книгу. Кое-какие рассказы я читал и до этого, но перечитал их снова и с большим удовольствием. Эти дни лежал, болел и читал с особым наслаждением, приветствуя каждый удачный выстрел...

Сейчас работаю, стреляю мало... А выводы уже есть, одиночки. И еще: на редкость рано полетели гуси. Ранняя зима будет...»

— Попросил я у Михаила Александровича рассказ для сборника «Охотничьи просторы»,—объяснил мне Николай Павлович.—К сожалению, большая занятость не позволила Шолохову откликнуться на просьбу редакции. Но зато осталось письмо. Владейте им.

Так попал ко мне автограф замечательного советского писателя.

ПАПКА С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ

Из Лондона в Москву

...История эта началась на берегах Темзы. К собственному корреспонденту газеты «Известия» Олегу Васильеву пришел старый человек. Его звали Евгений Семенович Молло. Уж так повернулась его нелегкая судьба, что после революции он оказался в Англии. Всю долгую жизнь Молло собирал военные русские атрибуты. Его коллекция стала одной из богатейших в мире. Даже экслибрис себе сделал: скрещенные старинные шашки, эполеты и другая амуниция.

Молло никогда не забывал о своей родине. Он передал советским музеям наиболее ценное из своей коллекции.

На сей раз Евгений Семенович явился к Васильеву с портфелем в руках. Молча извлек из него темного цвета папку. Торжественно ее раскрыл. Глазам журналиста представила гора писем и деловых бумаг девятнадцатого столетия.

— Мой подарок, как знак уважения к советскому журналисту,— заключил Евгений Семенович.

Растроганный Олег Васильев стал рассматривать содержимое папки. Это было настоящее рукописное сокровище: письма Дениса Давыдова, С. П. Шевырева, С. А. Соболевского, М. П. Погодина, О. И. Сенковского, М. Н. Загоскина, И. И. Дмитриева, актера П. А. Каратыгина, Н. Г. Чернышевского, библиографа Г. Н. Геннади, друга А. И. Герцена Н. С. Курочкина, записка И. С. Тургенева, рукопись первого переводчика на русский язык «Фауста» Э. И. Губера...

А в это время в Москве, в редакции журнала «Вопросы литературы» была организована выставка писательских автографов. После открытия ко мне подошел поэт Лев Озеров. Он с любопытством стал рассматривать самодельные рукописные книги, о которых я рассказал на вечере. Их создали, оформили и переплели сами авторы: А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Крученых, Н. Глазков, М. Исаковский, М. Зенкевич, В. Нарбут.

— А вот эти неопубликовавшиеся стихи Алексея Крученых надо печатать,— посоветовал Озеров.— Позвоните главному редактору «Дня поэзии» Ларисе Васильевой.

Я последовал совету, договорился о встрече с этой популярной поэтессой. Ее квартира была заполнена книгами, в том числе и уникальными.

— Это собрание мужа,— объяснила Лариса Николаевна.— Сейчас он в Лондоне. Но скоро вернется. Вам обоим будет о чем поговорить— он тоже одержим библиофилией.

Когда журналист Олег Васильев вернулся в Москву, мы познакомились. Он оказался серьезным книжником, собирает издания по истории Москвы и России, библиографические издания.

Подарком Е. С. Молло он весьма дорожил. Но почувствовав мою страсть к рукописному, протянул мне папку:

— Примите и владейте!

Я же передал Васильеву подборку изданий прошлых веков по истории Москвы. Но никогда не забываю, что мое скромное подношение не может идти ни в какое сравнение с лондонским сокровищем.

Добавлю, что Лариса Васильева была несколько ошеломлена широтой натуры своего книжника-мужа. Ей было жаль расстаться со столь интересными автографами. И пусть в шутилой и не обидной форме, но все же высказала мне свою досаду. Но вскоре отошла сердцем. Совсем недавно она сделала многообещающую надпись на одной из своих книг:

За свой архив спокойна.
По датам и годам
Все то, что в нем достойно,
Лаврову передам.

И надо сказать правду: действительно некоторые любопытные книги и рукописи передала. А теперь настало время раскрыть папку, внимательней рассмотреть ее содержимое...

Трудная судьба «Развязки Ревизора»

Изящный, легко читаемый почерк... На листке почтовой гербовой бумаги писатель и академик С. П. Шевырев 19 апреля 1852 г. пишет автору популярных романов М. Н. Заголкину (публикуется впервые):

«Милостивый государь, Михаил Николаевич!

Примите мою покорнейшую благодарность за доставление просьбы, которую я сегодня передал Н. Ф. Павлову... Извините, что вчера не отвечал Вам: нездоровье было тому причиной.

Позвольте мне попросить Вас о возвращении рукописи Развязка Ревизора, если она уже Вам не нужна. Желал бы я также узнать, через кого получу я деньги, употребленные мною на книги для учеников уездного училища. Много обяжете меня возвращением рукописи и уведомлением.

Примите уверение в чувствах моего искреннего уважения и преданности.

С. Шевырев»

Это письмо, публикуемое с небольшими сокращениями, имеет интересную историю. Она связана с упоминаемой рукописью Н. В. Гоголя «Развязка Ревизора».

Среди людей, близких Гоголю, Шевырев занимал одно из первых мест. Николай Васильевич писал ему 10 марта 1835 года:

«...Вашим мнением я дорожу <...> Если мы не будем понимать друг друга, то я не знаю, будет ли тогда кто-нибудь понимать нас. Я вас люблю почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать „Московский вестник“, который я начал читать будучи еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доньше не совершенно развернулось»¹.

Действительно, между двумя литераторами складывались самые сердечные отношения. Шевырев, по просьбе Николая Васильевича, ведал изданием его сочинений. Он встает на защиту Гоголя от критиков, которые торопились хоронить его литературный талант, побуждает писателя к серьезной творческой работе.

«...Если бы вышла теперь вторая половина „М[ертвых] Д[уш]“, то вся Россия бросилась бы на нее с такою жадностью, какой еще никогда не было. Публика устала от жалкого состояния современной литературы»,—взывает Шевырев в своем письме к Николаю Васильевичу 29 октября 1846 г. Далее он говорит о «пошлых переводах пошлых романов», которые запрудили журналы своей болтовней. «Не пора ли дать ей (России.— В. Л.) лучше пищи?»²—с горечью замечает Шевырев.

Николай Васильевич советуется со своим другом, делится творческими замыслами. Так, в августе 1839 г. в письме к Шевыреву он впервые упоминает о замысле драмы из истории Украины. (К сожалению, впоследствии уничтоженной автором.) Ему читает Гоголь главы второй части «Мертвых душ». По предложению Шевырева, уже после смерти Николая Васильевича, дается название произведению, вошедшему в литературу как «Авторская исповедь».

В письмо от 24 октября 1846 г. из Страсбурга Гоголь просит Шевырева издать с благотворительной целью «Ревизора с развязкой» (так!). В тот же день он предлагает М. С. Щепкину взять в бенефис «Ревизора» в полном виде «с прибавлением хвоста», т. е. «Развязкой ревизора».

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.] 1940, т. 10, с. 354.

² Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. М., 1931, с. 315.

Писатель подробно говорит о том, как следует играть каждое из действующих лиц. Он просит Щепкина самого сыграть перед актерами некоторые роли. Для большей образности Гоголь рекомендует держаться какого-нибудь типа. Так, играющему Петру Петровичу Гоголь советует выговаривать слова особенно «крупно, отчетливо, зернисто», несколько подражая «американцу» Толстому. Николаю Николаевичу автор советует придерживаться Н. Ф. Павлова потому, что у него самый «ровный и пристойный» голос из всех литераторов. Что касается Семена Семеновича, то надо дать более «благородную замашку», чтобы не сказали, что он взят с М. Н. Загоскина.

Гоголь действует энергично. 2 ноября он пишет известному актеру И. И. Сосницкому, обращает внимание на эффектность заключительной сцены «Ревизора».

Но писателя ждал удар — театральная цензура представление на сцене запретила. В этом нет ничего удивительного. В николаевскую эпоху строгой цензуре подвергались даже сочинения... Екатерины II. Из них исключались «резкие места». Отложили и печатание пьесы Гоголя — на целых десять лет.

19 апреля 1852 г., уже после смерти Гоголя, Шевырев пишет приведенное выше письмо М. Н. Загоскину. Оно служит доказательством того, что Степан Петрович действительно чтит память великого писателя.

Николай Филиппович Павлов (1805—1864), упоминаемый в письме, — писатель, сотрудник «Московского вестника», актер. По утверждению А. П. Керн, А. С. Пушкин «с большим удовольствием» читал «Три повести», автором которых был Павлов³. О Павлове поэт писал в письмах к А. Н. Верстовскому, П. В. Нащокину, И. В. Киреевскому. О какой просьбе идет речь, пока не выяснено.

Вслед за приведенным выше письмом М. Н. Загоскину Шевырев 7 мая того же 1852 года пишет следующий отчет:

«В каком состоянии находится теперь дело?

По смерти Николая Васильевича, я получил приказание остановить издание его Сочинений впредь до разрешения начальства <...> Как трудился я в этом отношении для покойника при жизни его, так не откажусь потрудиться и для его семейства. <...> Родные покойника могут быть уверены, что их интересы так же будут для меня дороги, как были интересы покойного, которого дружба и память останутся навсегда священны для моего сердца»⁴.

³ Керн А. П. Воспоминания. Л., 1929, с. 346.

⁴ Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях, 456—457.

В «предуведомлении» к первому после смерти Н. В. Гоголя изданию «Мертвых душ» семья покойного благодарит С. П. Шевырева, «который принял на себя большой труд разобрать все оставшиеся бумаги после смерти Николая Васильевича, переписать своей рукой, и своими советами много содействовал настоящему изданию»⁵.

Что касается М. Н. Загоскина, то он познакомился с Н. В. Гоголем еще в 1832 году, когда являлся директором московских театров. Как рукопись «Развязка ревизора» попала к нему? Вопрос пока неясный.

Рафаил Зотов ищет квартиру

...В пушкинскую эпоху успехом пользовались пьесы Рафаила Зотова (1795 или 1796—1871). Это был плодовитый и одаренный романист, драматург, театральный критик. Он написал и перевел для театра около ста пьес.

Считают, что поворот русской сцены от классицизма к романтизму обозначился переводной пьесой Рафаила Зотова «Убийца и Сирота». Премьера ее прошла в Петербурге 9 июля 1819 г. Эту мелодраму приняли с восторгом. Она долго держалась в репертуаре.

По замечанию П. Н. Арапова, «публика шла, проливала слезы, аплодировала, возвращалась на следующие представления, чтобы опять плакать, восхищаться, аплодировать»⁶.

Но ни способности, ни трудолюбие не спасали Зотова от бедности и унижающей зависимости от начальства. Об этом говорит письмо Рафаила Михайловича директору императорских Московских театров князю С. С. Гагарину (1795—1852). По утверждению П. А. Каратыгина, это был «человек очень гордый, галломан, и русская литература была для него вещь посторонняя»⁷.

Вот это послание (публикуется впервые):

«Добрый мой и почтенный патрон!

Боюсь надоедать Вам, боюсь рассердить Вас. А как быть! Кроме Вас никто не решит дела. Еще недавно был я так благодарен Вам за Ваше добро. Гордиев узел когда уже так хорошо и благодетельно рассечен, а результат выходит другой.

⁵ Гоголь Н. В. Похождения Чичикова, или Мертвые души. М., 1855, т. 2, с. VIII.

⁶ Цит. по кн.: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929, т. 1, с. 296.

⁷ Там же, с. 300.

С моими хозяевами (их трое!) я никак не мог поладить. Я объявил, что плачу требуемую прибавку, и прошу только необходимых починок. Проволочив меня до сего дня, они отвечали, что кроме печей *ничего* не будут исправлять. Я представлял, что крыша течет и дождь идет в трех комнатах; что чердак требует досок, иначе белье будет для всех проходящих (два раза и были уже покражи); что стекла вываливаются от гнилости рам: все было бесполезно. Ответ один: ничего! Думать нечего.

Бросился опять искать квартиры. Нашел я дачу у Торгового моста в доме Семеновой (Ларионовой). Цена также 500 р.

Решите — можно ли? Только площадь перейти, и 3-й дом от моста налево.

Только, ради бога, не уступайте первому своему добродушному движению. Если это составит для Вас малейшее затруднение, я останусь, под капель буду, как и теперь, ставить чашки; прочее почию на свой счет. Лишь бы только Вы были довольны.

Не сердитесь на мою докучливость, я все рад сделать. Но, видите ли, со мной и самое добро не удастся. Скажите откровенно Вашу волю — и я повинуюсь.

Ваш преданный слуга
Р. Зотов
12 августа».

Неизвестно, дал ли «почтенный патрон» милостливое разрешение выехать из дома, где крыша течет. Да и дело, собственно, не в этом. Постигая житейскую прозу прошлого, мы лучше можем понять обстоятельства жизни писателей того далекого времени.

Рафаил Зотов был знаком с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, которые, по воспоминаниям его сына Владимира (приводимых в мемуарах народовольца Н. А. Морозова), «часто забегали провести у него вечерок»⁸.

Что же касается «почтенного патрона» — князя С. С. Гагарина, то с ним связан секрет утерянной записки А. С. Пушкина. 14 марта 1830 года поэт писал П. А. Вяземскому: «Запечатай и отошли записку Гагарину Театральному»⁹.

Текст записки остался неизвестным. Кто знает, может и этот документ лежит в какой-нибудь папке, ждет своего часа?

⁸ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947, т. 2, с. 433.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.] 1941, т. 14, с. 69.

Всплывшее из небытия

...Жаркий августовский полдень. Я поднимаюсь по Кузнецкому мосту. Свернув налево, на улицу Жданова, вхожу в старинный особняк. Здесь размещено солидное издательство.

В одной из многочисленных комнатшек нахожу Виктора Владимировича Кунина. Сотрудники пушкинского музея отрекомендовали его как биографа одного из ближайших друзей поэта — С. А. Соболевского (1803—1870).

Много лет этот книговед изучает библиофильство прошлого столетия. И внимание исследователя не могла не привлечь колоритная фигура Соболевского — крупнейшего собирателя прошлого века.

В знак уважения к его библиофильской страсти А. С. Пушкин напечатал один экземпляр «Цыган» на пергамене и преподнес его Сергею Александровичу. Сохранилось девять писем поэта к «злому насмешнику» (выражение сестры поэта — Ольги). Пушкин с нежной шутливостью называл его «Калибаном», «Фальстафом», «Животным».

Острыми эпиграммами отвечал Соболевский. Но он вряд ли кого любил больше, чем своего знаменитого друга. И вот одно из таких доказательств — письмо в голубом конверте от 7 мая 1869 года — я протянул Кунину.

С удивлением и восхищением разглядывал его Виктор Владимирович.

— Это настоящая рукописная жемчужина! — заключил он.

Письмо, извлеченное из известной нам папки, адресовано Я. Ф. Березину-Ширяеву (1824—1898). Библиофил и библиограф, он печатался под криптонимом «N.N.».

За менее чем трехлетнее знакомство, возникшее на почве собирательства, Соболевский отправил Ширяеву около ста интереснейших писем. Одно из них в свое время Д. В. Ульянинский опубликовал в библиографическом описании «Библиотека Д. В. Ульянинского» (М., 1912, т. 2, № 1407, с. 489—491). Позже текст письма привел П. Н. Берков в своей книге «Русские книголюбы» (М.; Л., 1967, с. 193—197). Другое послание хранится в Рукописном отделении ИРЛИ. Остальные письма загадочно исчезли. Уже много десятилетий их тщетно ищут специалисты.

И вот одно из них — третье — всплыло из реки забвенья. Кунин, перечитавший массу рукописей и писем Соболевского, без особого труда разобрал несколько «темных» слов. И вот под сводами старинного особняка зазвучали слова, начертанные 110 лет назад рукою, которую так хорошо знал А. С. Пушкин!

«Мусье А, опасаясь за Мусье В, чтобы не было найдено несообразности между двумя мнениями оного В об одном и том же предмете, называл такую несообразность: *a la Boulgarine*.

Такое изречение премудрого Мусье А да послужит всем и каждому ответом на запрос, почему В называет Сенковского, Булгарина и иных великих русских писателей швалью!

Когда говорится о Карамзине, Пушкине и пр., то *непростоительно*, следуя примеру оной швали, называть подъяческими слова, часто употреблявшиеся Карамзиным, Пушкиным и пр.

На странице 7-ой 5-ого ежа говорится только о существовании в библиотеке N.N. единого первого тома грамот, а 2-го, 3-го, 4-го в ней не оказывается: ergo — *справедливо* отрицать у оной библиотеки предиката: исторической, а собирателю приписывать предикат неряшества. Как он не прибрал остальных прежде, чем представил ее публике?*

Завтра еду в Тулу и Орел. К Вам отправится пакет с библиографических редкостями; в числе оных *гравированные планы* здешнего Музея, заготовленные для отчета и почему-то не изданные с ним.

О сочинителе оперы «Душенька» наводил справки. Вряд ли может быть иной, как граф Потемкин (гр. Сергей).

О потере на почте жалеть не нужно; нот Одоевского у меня еще несколько экземпляров.

Сообщите Царскосельский адрес.

Соболевский.

* Впрочем и сего малого неряшества не было бы, если бы в ежах была возможность, без прочтения оных сполна при каждой справке — наводить таковые». (Публикуется впервые.)

Речь идет о библиотеке Румянцевского музея, который предполагал снабдить гравированными планами свой очередной отчет. Что касается «нот Одоевского», то дело в следующем. С. А. Соболевский и другой близкий друг А. С. Пушкина — В. Ф. Одоевский жили в одном доме (он сохранился; это в Ружейном переулке, недалеко от Zubовской площади). Ранней весной 1869 г. Одоевский умер. Соболевский вместе с вдовой Владимира Федоровича разбирал архив. Нет сомнения, что отдельные бумаги Соболевский забрал себе. Отсюда — «ноты Одоевского».

«Сообщите адрес». Березин-Ширяев переехал из Петербурга на дачу в Царское Село.

«Ежами» Соболевский не без юмора называет выходившие в то время книжки «Библиографических материалов»

Я. Ф. Березина-Ширяева. До приложения к ним указателя они были неудобны для справок.

Письмо особенно любопытно упоминанием друга молодости—А. С. Пушкина, ревнивой заботой о его чести.

Кунин вспомнил, что в одном из государственных хранилищ видел ответ Ширяева на это письмо.

...Библиофильство роднит людей. С Виктором Владимировичем «на почве Соболевского» у нас возникли добрые отношения. Весьма своеобразно мы отметили находку письма. В ответ на передачу ему копии послания, Кунин подарил мне оригинал непубликовавшегося письма Андрея Белого. Оно адресовано его отцу, известному московскому букинисту.

Александр Лизунов

КНИГИ

За прилавком книжным продавец
Мне торговца птицами напомнил.
Было время, с летнею толпою
Приходил я под его навес.
Неспроста мне вспомнились теперь
Те щеглы, малиновки и славки—
Я увидел в книгах на прилавке
Этот же порыв—летать и петь!
О, как раньше я не мог понять
И в своей догадке убедиться:
Книги—заколдованные птицы,
Те, что летом пели для меня.
Те, что пели много лет назад
В клетках падишаха для Саади
И для Блока—в соловьином саде.
Память книг—и клетки те и сад.
В этих книгах—птичья плоть и стать.
Их страницы—то же, что и крылья.
Коль ни разу книгу не открыли,—
Не умела птица та летать!

И среди разноголосья книг,
Тех, что дарим мы и покупаем,
Канарейки есть и попугаи.
Трогают нас песни,— да не их.
А бумага хочет быть другой.
Есть ведь книги—фениксы. Их столько
Жгли на площадях, в гудящих топках—
Но бессилён был любой огонь.
А они, ещё моложе став,
Возвращались в мир, им век—что сутки.
В нескончаемости их пречистой сути—
Смысл и назначенье волшебства.
Потому и вьются вензеля
Русских сказов в землях заграничных,
Что пером написаны жар-птичьим,
Ум будя и душу веселя...
А над Русью—горы облаков.
И туда,
 крыла свои листая,
Журавли влетают, словно стая
Чьих-то расколдованных стихов.

ИСТОРИЯ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ
ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ А. С. ПУШКИНА 1837 Г.

Пушкин при жизни издал пять сборников своих стихотворений. Первый появился в 1826 г.¹ Затем через три года, т. е. в 1829 г., вышли сразу две части². Они включили в себя стихотворения, опубликованные в сборнике 1826 г., и стихотворения последних годов. Назвав сборники первой и второй частью собрания стихотворений, Пушкин, таким образом, обещал читателю продолжение этого собрания. Действительно, вновь через три года, в 1832 г., появилась третья часть стихотворений, а еще через три года, в 1835 г., — и четвертая часть³.

Если бы читатель придерживался пушкинской хронологии, то пятую часть стихотворений он мог бы ожидать лишь в 1838 г., т. е. опять через три года. Впрочем, надежд на выход еще одного сборника стихотворений Пушкина было мало, поскольку после 1833 г. поэт редко печатал лирические стихи. К тому же критика решительно заговорила об упадке лирического таланта Пушкина. Причем, это были не только отзывы врагов, но и среди друзей поэта складывалось в общем то же мнение.

Еще резче была встречена четвертая часть «Стихотворений». Вот ранний отзыв В. Г. Белинского: «Вообще очень мало утешительного можно сказать об этой четвертой части стихотворений Пушкина. Конечно, в ней виден закат таланта, но таланта Пушкина; в этом закате есть еще какой-то блеск, хотя слабый и бледный...»⁴

¹ Пушкин А. Стихотворения. Спб., 1826.

² Пушкин А. Стихотворения. Спб., 1829, ч. 1—2.

³ Пушкин А. Стихотворения. Спб., 1832, ч. 3; 1835, ч. 4.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1953, т. 2, с. 82.

Речь здесь идет именно и только о «закате лирического таланта» Пушкина. Повод таким суждениям «подавал» сам Пушкин, редко печатая свои новые лирические стихотворения.

Выпуск сборника стихотворений — не только творческое, но и коммерческое предприятие. Это надо иметь в виду, говоря о возникновении в ноябре 1836 г. замысла Пушкина переиздать четыре части «Стихотворений» 1829—1835 гг. Не правда ли, несколько странный план? Ведь только год назад вышла четвертая часть, холодно принятая публикой и не пользовавшаяся большим спросом, — и вот переиздание всех четырех частей. На этот замысел Пушкина впервые обратил внимание Б. Л. Модзалевский, когда занялся описанием библиотеки поэта. Он обнаружил переплетенные вместе третью и четвертую части «Стихотворений», на которых были зачеркнуты прежние цензурные разрешения и написаны новые, от 2-го декабря 1836 г.: «Позволяется — цензор Н. Корсаков»⁵. Модзалевский обнаружил в четвертой части поправки в тексте «Сказки о рыбаке и рыбке», не вошедшие ни в одно посмертное издание.

Первые две части «Стихотворений» в библиотеке не сохранились, и мы не знаем, какие новые строки Пушкина канули в вечность.

Некоторый свет на этот замысел Пушкина пролила опубликованная Модзалевским в том же 1910 г. переписка издателя А. А. Плюшара и Пушкина⁶.

Плюшар — Пушкину (23 дек. 1836 г.):

«Следовательно, как мы с вами условились, решено, что я отпечатаю том Ваших стихотворений, в 2500 экземплярах, формат в 8-ю долю листа и я имею честь препроводить Вам при сем образец бумаги, предназначенной для этого издания, ценою в двадцать рублей за стопу.

Так как мне вовсе не известно число листов, из которых составит ваш том, ограничиваюсь сообщением, что печатный лист, не считая расходов по переплету и брошюровке, обойдется вам в пятьдесят рублей ассигнациями при тираже в 2500 экз.

Продажа книги будет поручена исключительно мне, за что вы согласны предоставить мне скидку в 15% (пятнадцать процентов). Я произвожу за ваш счет все предварительные расходы по этому изданию, и эти издержки, равно как и тысяча пятьсот рублей асс., выданная мною Вам сегодня,

⁵ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 83.

⁶ См.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. 13, с. 125—126.

будут удержаны мною из сумм, вырученных за продажу первых экземпляров...»

Пушкин—Плюшару (29 дек. 1836 г.):

«Я совершенно согласен на все условия, которые вы были добры мне предложить относительно издания тома моих стихотворений (в вашем письме от 23 декабря 1836 г.). Итак, решено, что вы распорядитесь отпечатать его в 2500 экземплярах, на бумаге, которую сами выберете, что вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15% скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, а также и 1500 рублей ассигнациями, которые вы любезно выдали мне вперед»⁷.

Модзалевский сообщил, что никаких других материалов, касающихся задуманного издания, пока не обнаружено. А между тем это было не так. Еще в 1884 г. В. Е. Якушкин, составляя описание рукописей Пушкина, поступивших после 1880 г. в Румянцевский музей, указал на рукопись под № 2393; он писал: «Многие листы и тетради, сшитые и несшитые, вложены в отдельные обертки. Все писарскою рукою, с поправками и заглавиями на обертках руки Жуковского (?).—Вероятно, это подготовленные для составления посмертного издания—копии»⁸.

Якушкину поверили и долгое время на рукопись не обращали должного внимания. Впрочем, в 1892 г. А. И. Незеленов в своей книге привел несколько поправок Пушкина в стихотворениях из рукописи № 2393, связывая их с последним издательским замыслом Пушкина, но и на эту публикацию издатели не обратили внимание⁹.

Лишь в 1936 г. рукопись № 2393 была обследована Л. Б. Модзалевским, который установил, что рукопись имеет прямое отношение к неосуществленному переизданию стихотворений¹⁰.

Что представляет собой рукопись? Она состоит из 12 отделов. Заголовки к 11 отделам были написаны Пушкиным (а не Жуковским, как думал Якушкин) на обертках-обложках, в которые были вложены копии стихотворений, переписанные с четырех частей «Стихотворений» 1829—1835 гг.¹¹ Переписанные стихотворения Пушкин распределил по жанрово-

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17-ти т. [М.; Л.], 1949, т. 16, с. 402—403 (подлинник по-французски).

⁸ Русская старина, 1884, декабрь, с. 574.

⁹ См.: Незеленов А. И. Шесть статей о Пушкине. Спб., 1892.

¹⁰ См.: Модзалевский Л. Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г.—Книжные новости, 1936, № 7, с. 19—21.

¹¹ ОР ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 848—859.

тематическим признакам, предполагая создать такие разделы в будущем издании: 1) Стихотворения лирические; 2) Подражания древним; 3) Послания; 4) Эпиграммы, надписи и проч.; 5) Баллады и песни; 6) Сонеты; 7) Стихи, сочиненные во время путешествия (1829); 8) Песни западных славян; 9) Вольные подражания восточным стихотворениям; 10) Простонародные сказки; 11) Разные стихотворения¹².

Новые материалы позволили Л. Б. Модзалевскому построить убедительную схему развития пушкинского замысла.

В начале декабря 1836 г., задумав переиздать собрание своих стихотворений в четырех частях, Пушкин вошел в переговоры с Плюшаром и одновременно представил на рассмотрение цензуры свои сборники 1829—1835 гг. Проведя печатный текст через предварительную цензуру 2 декабря 1836 г., Пушкин заказал копии и, получив их, распределил стихотворения по жанрам, как это было в первом сборнике его стихотворений 1826 г.

Переговоры с Плюшаром закончились закреплением их на бумаге в конце декабря 1836 г. Л. Б. Модзалевский считает, что Пушкин подготовил однотомник к изданию и лишь смерть помешала реализации этого замысла. Далее Модзалевский сетует на то, что рукопись № 2393 дошла до нас в неполном виде. Он полагал, что рукопись была частично использована Жуковским для посмертного издания собрания сочинений Пушкина 1838—1841 гг. «Это обстоятельство чрезвычайно досадно,—писал он,—ибо мы не можем судить теперь об окончательном замысле Пушкина»¹³.

Позднее этот неосуществленный замысел переиздания стихотворений привлек внимание Н. В. Измайлова¹⁴. Согласившись с Модзалевским, что полное суждение о задуманном издании вынести затруднительно, Измайлов допускает, что дело, может быть, не только в том, что рукопись сохранилась не вся,—составление ее мог не закончить сам Пушкин.

Измайлов оказался прав. Действительно, не Жуковский работал над рукописью, она досталась ему уже в том виде, в каком известна и нам. Мы уже писали об этом¹⁵, повторим здесь самое главное.

¹² Пушкин сделал в рукописи поправки к 25 стихотворениям. Все они ныне учтены.

¹³ Модзалевский Л. Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г., с. 20.

¹⁴ См.: Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов.—В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1958, т. 2, с. 7—48.

¹⁵ См.: Макаров А. А. В. А. Жуковский—редактор Пушкина.—В сб.: Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 30, с. 70—71.

Нам удалось обнаружить план посмертного издания сочинений Пушкина, составленный Жуковским в феврале 1837 г. Так вот, план III и IV томов этого собрания сочинений в точности повторяет те заголовки, которые дошли до нас на обложках в рукописи № 2393. Следовательно, Жуковский только воспроизвел в предварительном плане то, что ему досталось после смерти Пушкина. С рукописью экспериментировал Пушкин, а не Жуковский, хотя, конечно, при пересмотре рукописи Жуковский мог спутать порядок расположения стихотворений в отделах, если только какой-то особый порядок придал им Пушкин.

Измайлов привлек для объяснения последнего издательского замысла Пушкина еще один документ, опубликованный Модзалевским в 1937 г.¹⁶ Это — план издания стихотворного сборника, на первый взгляд, очень неопределенный:

Лирические стихотворения

Элегии 8

Сказки (простонародные стихотворения)

Смесь.

Как предполагает Измайлов, план мог быть составлен несколько ранее, чем намечавшееся переиздание 4 частей «Стихотворений» 1829—1835 гг., или даже параллельно проекту нового сборника. На том же листе записаны вычисления, представляющие, как убедительно показал Измайлов, расчет количества страниц 4 частей «Стихотворений» 1829—1835 гг. Получилось около 44 печатных листов. Впрочем, расчет никак не связан с вышеприведенным планом. План — это какое-то побочное движение мысли Пушкина, а расчет, как полагает Измайлов, относится к одномнику, который, по договору с Плюшаром, должен был подготовить поэт. Если бы не смерть Пушкина, читатели получили бы одномник размером около 44 печатных листов, который явился бы итогом двадцатилетней (1815—1835) творческой деятельности поэта.

Казалось бы, все вопросы решены, и даже можно попытаться реконструировать весь состав одномника, восстановив по 4-м частям «Стихотворений» утраченные жанровые разделы, и пусть в некотором приближении, но дать современному читателю художественное представление о последнем издательском замысле Пушкина, реализовав этот замысел на практике.

Однако, нам кажется, многое еще не ясно в этом плане Пушкина.

¹⁶ См.: Модзалевский Л. Неопубликованные записи Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 1937, вып. 3, с. 18.

Замысел переиздания «Стихотворений» 1829—1835 гг. зародился не в декабре, а, конечно, в ноябре 1836 г., поскольку уже 2 декабря было дано цензурное разрешение на переиздание. Причем это была не предварительная цензура, как думал Л. Б. Модзалевский,—какой в ней смысл, если Пушкин сразу же собирался заказывать копии? Ведь на наборной рукописи обязательно должно было стоять цензурное разрешение, следовательно, рукопись надо было еще раз отдавать в цензурный комитет. Нет, на первом этапе Пушкин, видимо, думал о стереотипном переиздании. Возможно, именно об этом свидетельствуют два цензурных разрешения на переплетенных вместе III и IV частях, к каждой части отдельно. Надо думать, что еще две цензорские подписи стояли на I и II частях, хотя можно было ограничиться всего двумя подписями на переплетенных попарно сборниках. Поэтому, повторяем, мы не видим смысла в предварительной цензуре, но полагаем, именно сами 4 сборника должны были стать наборной рукописью. Такой нетворческий подход, действительно, свидетельствует, что издание замыслилось как чисто коммерческое предприятие. Ясно, что не на этом этапе вел Пушкин переговоры с издателем Плюшаром. Да и едва ли с кем-нибудь другим. Стереотипное издание оказалось бы с коммерческой точки зрения невыгодным, поскольку две предыдущие части расхилились с трудом.

Неизвестно, почему Пушкин не обратился к А. Ф. Смирдину, издателю и продавцу его сборников 1832—1835 гг., а начал переговоры с Плюшаром. Может быть, Смирдин не взялся бы за «новое» издание, и Пушкин понимал это. Во всяком случае, сомнения по поводу коммерческого успеха издания могли изменить направление мыслей Пушкина, подтолкнуть к поискам действительной новизны будущего издания. Так родилась мысль, предполагаем мы, за счет внутренней перегруппировки, т. е. за счет изменения композиции—отказа от хронологического расположения стихотворений и перехода к жанровому распределению их—придать изданию новый вид. Вот тут и потребовалось изготовить копии.

Получив копии и распределив их по обложкам, Пушкин, таким образом, создал макет издания. Получился одностомник. Именно эта форма создает единство принятой жанровой композиции. Не было никаких внутренних потребностей разделения жанровых отделов на два или четыре сборника. Разделить их по частям, значило бы создать иерархию этих жанров, т. е. вернуться к устаревшим эдиционно-текстологическим принципам XVIII в. Теперь, как будто, можно обращаться к издателю. Но тут надо поставить и решить ряд вопросов.

Во-первых, почему Жуковский, разбирая пушкинские бумаги, обнаружил рукопись не в полном составе, а в разобранном виде? Значит ли это, что Пушкина не устраивал состав нового сборника стихотворений? Но в каком отношении: не устраивало ли содержание или только количество стихотворений (около 300), или и то и другое?

Начнем с количественного состава сборника. По договору с Плюшаром Пушкин должен был подготовить одготомник. Но в письме к Пушкину Плюшар пишет, что ему «вовсе не известно, из скольких печатных листов составится одготомник». Это странно. Ведь если на переговорах 22 декабря 1836 г. речь шла о переиздании 4 частей «Стихотворений», но только в новом виде издания—одготомнике, то подсчет количества листов не занял бы и пяти минут, поскольку формат нового издания остался тем же, что и в 4 частях—в 8-ю долю листа. Между прочим, сам Пушкин рассчитал, сколько печатных листов в 4 частях «Стихотворений» 1829—1835 гг.—получилось около 44 печатных листов. Итак, рассчитал, но не сообщил размеры одготомника в ответном письме Плюшару. Почему? Да, конечно же, потому, что 44 печатных листа—это немыслимо большой размер для издания в 8-ю долю листа. Этот факт почему-то ускользал от предшествовавших исследователей¹⁷.

Что же мог предпринять Пушкин? На том же листе, где произведены расчеты объема 4 частей, находится план, о котором (см. выше) Измайловым высказано предположение, что он мог быть составлен даже ранее плана переиздания 4 частей. Мы же предлагаем иную версию: план был составлен после того, как Пушкин осознал невозможность соединить в одготомнике 4 части «Стихотворений» 1829—1835 гг. Это—его попытка составить план издания одготомника *избранных* стихотворений. Именно в это время Пушкин разобрал рукопись четырех частей, экспериментируя с составом своего одготомника.

Что же помешало реализации плана? Ответ на этот вопрос мы нашли в архивных материалах, связанных с подготовкой Жуковским одиннадцатитомного посмертного собрания сочинений Пушкина¹⁸. Точнее, в тех материалах, которые связаны с подготовкой неизданных лирических стихотворений Пушкина и опубликованных Жуковским в 9 томе в отделе «Мелкие стихотворения».

¹⁷ Изучая культуру книжных изданий этого периода, мы не встретили подобного одготомника среди стихотворных сборников 10—30-х гг. XIX в.

¹⁸ См.: Пушкин А. Сочинения. [В 11-ти т.] Спб., 1838—1841.

Когда рукописное наследие Пушкина перешло к следующему издателю его сочинений П. В. Анненкову, он отметил, что Жуковский напечатал некоторые стихотворения по неизвестным ему автографам, их тексты несколько отличались от оставшихся в архиве¹⁹. Действительно, Жуковский после завершения подготовки посмертного издания некоторые пушкинские автографы раздарил²⁰. Мы не знаем, какие именно, но, может быть, это были именно те, на которые указал Анненков.

Замечания Анненкова, хотя и были высказаны в форме предположения, долгое время оказывали влияние на издателей, которые печатали стихотворения Пушкина не по сохранившимся автографам (после 1880 г. наследники Пушкина сделали их общедоступными), а по тексту первого или второго посмертных изданий.

Но постепенно возобладала иная точка зрения на редакторскую работу Жуковского. Исследователи пришли к выводу, что никаких других автографов в распоряжении Жуковского не было, это он сам бесцеремонно вмешивался в пушкинский текст. Особенно на этой точке зрения настаивал М. Л. Гофман²¹. Наконец, в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина 1937—1949 гг. были устранены все «поправки» Жуковского, так что теперь стихотворения Пушкина печатаются по сохранившимся автографам или прижизненным изданиям.

Все же предположения Анненкова не были похоронены. В 1965 г. Н. К. Гудзий выступил в защиту Жуковского, выразив убеждение, что мы напрасно приписываем Жуковскому поправки в некоторых стихотворениях²². В разное время об этом же говорили М. А. Цявловский, Н. В. Измайлов, А. В. Чичерин и другие.

Среди 53 стихотворений, напечатанных Жуковским в отделе «Мелкие стихотворения», 27 отличаются от известных нам автографов вариантами или даже редакциями. Так вот, оказалось, по предположениям разных исследователей, что 14 из них содержат, возможно, неизвестные по автографам пушкинские варианты, а не «поправки» Жуковского. Конечно, ни один из исследователей не говорил сразу о 14 стихотворени-

¹⁹ См.: Пушкин А. Сочинения. [В 7-ми т.] Спб., 1855—1857, т. 2, с. 542 и др.

²⁰ См.: Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина.—В его кн.: Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 303—306.

²¹ См.: Гофман М. Л. Посмертные стихотворения Пушкина 1833—1836 гг.—Пушкин и его современники, 1922, вып. 33—35.

²² См.: Гудзий Н. К. К вопросу о пушкинских текстах (О посмертном издании сочинений Пушкина).—В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.

ях, назывались 1, 2, 3 или 4 стихотворения, но в общей сложности 14 стихотворений находятся на «подозрении».

Если допустить, что Жуковский использовал для публикации какие-то неизвестные нам автографы, то, надо полагать, Пушкин в какой-то момент переписал свои еще не подготовленные для печати и дошедшие до нас автографы. Переписал на отдельных листах или в какой-нибудь тетради с целью издания. Таким образом, может быть, мы столкнулись с еще одним неизвестным нам издательским замыслом Пушкина?

Все это заставило нас вслед за Цявловским обратиться к тем дням, когда после смерти Пушкина его рукописи были перевезены на квартиру Жуковского, который совместно с Л. В. Дубельтом разобрал бумаги поэта²³. При этом составлялся в 2 экземплярах «Журнал, веденный при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина»²⁴. В протоколе «Журнала» от 9 и 10 февраля 1837 г. мы обратили внимание на запись под № 35: «Стихотворения Пушкина и других лиц 2». Цявловский, занимавшийся расшифровкой записей в «Журнале», предположил, что под одним из стихотворных сборников подразумевалась тетрадь лицейских стихотворений Пушкина и других лицейцев²⁵. Она была найдена в архиве А. В. Никитенко — цензора посмертного издания сочинений Пушкина и опубликована в 1919 г. М. О. Гершензоном²⁶. Наша проверка показала, что Цявловский не ошибся: действительно, именно по этому сборнику Жуковский опубликовал в 9 томе посмертного издания в разделе «Прибавление» лицейские стихотворения Пушкина.

В отношении другого сборника Цявловский ничего определенного сказать не мог.

Сопоставляя ряд документов архива Опекы по делам издания сочинений Пушкина, мы выяснили, что второй рукописью, указанной в «Журнале» под № 35, был какой-то неизвестный нам сборник «Мелкие стихотворения». Первое «расшифрованное» упоминание о двух стихотворных сборниках («Стихотворения Пушкина и других лиц 2»), отобранных Жуковским для издания, мы нашли в счетах писарей (апрель — май 1837 г.) за копии стихотворений, изготовленные для посмертного издания. В первом счете указано: «Переписано для А. С. Пушкина — Мелкие стихотворения, баллады,

²³ См.: Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина.

²⁴ Один экземпляр «Журнала» опубликован в кн.: Архив III Отделения собственного его имп. величества канцелярии. СПб., 1905, с. 188—195; второй опубликован в статье Цявловского.

²⁵ ОР ГБЛ, Музейное собрание, ф. 178, № 5261.

²⁶ Русские пропилеи. 1919, № 6.

отрывки и проч.—35 листов», во втором счете: «Лицейские стихотворения—41 лист»²⁷.

Второе упоминание о двух сборниках мы нашли в описи пушкинских рукописей, составленной Жуковским перед отъездом за границу в апреле 1838 г. Это опись отобранных для издания рукописей, в ней под № 16 указаны: «Чистые манускрипты: 1) Мелкие стихотворения, 2) Лицейские стихотворения»²⁸, а в объяснительной записке Жуковский отметил, что это «оригинальные» манускрипты, а не копии²⁹. И, наконец, третье упоминание о двух стихотворных сборниках мы нашли еще в одной описи, составленной в феврале 1840 г. при передаче всех пушкинских рукописей Н. Н. Пушкиной, в ней также под № 16 указаны: «1) Мелкие стихотворения, 2) Лицейские стихотворения», причем оба сборника названы «книгами», т.е. тетрадами с твердыми обложками³⁰.

Ныне среди рукописного наследия Пушкина нет сборника «Мелкие стихотворения», но нам удалось установить состав сборника и даже его тексты. Дело в том, что сохранились копии, изготовленные с него, они находятся в переплетенном томе копий, оставшихся после подготовки посмертного издания³¹.

На полях копий «мелких» стихотворений сохранились пометы и поправки Жуковского, Вяземского и Плетнева. Особенно любопытными в плане нашего исследования оказались пометы Плетнева. Так, например, копия стихотворения «Каков я прежде был, таков и ныне я...» зачеркнута Плетневым, и им же сделана помета: «В подлиннике зачеркнуто»³². В каком же «подлиннике» Пушкина зачеркнуто это стихотворение?

Текст копии соотносится только с автографом из записной книжки Пушкина 1828—1835 гг.³³ Но, во-первых, стихотворение в этом «подлиннике» не зачеркнуто, во-вторых, копия никак не могла быть изготовлена с записной книжки, поскольку она была похищена А. А. Краевским при разборе библиотеки Пушкина еще до изготовления копий³⁴. Это еще одно свидетельство об использовании при подготовке посмертного

²⁷ Летописи Государственного литературного музея. М., 1939, кн. 5, с. 176, 185.

²⁸ Там же.

²⁹ ОР ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 93, л. 468.

³⁰ Летописи, с. 405.

³¹ ОР ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 93, л. 733—764.

³² Там же, л. 733.

³³ ОР ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 840.

³⁴ Модзалевский Б. Л. Рукописи Пушкина в Публичной библиотеке. Спб., 1912, с. 24—27.

издания неизвестного нам сборника, названного в описях Жуковского «Мелкие стихотворения».

По списку копий, представленному писарем, другим сохранившимся копиям, пометам Плетнева и палеографическим данным копий нам удалось установить, что в состав сборника «Мелкие стихотворения» первоначально вошло 50 стихотворений: 1) «Каков я прежде был, таков и ныне я...»*, 2) Ответ анониму*, 3) «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 4) Жалоба, 5) «Альфонс садится на коня...», 6) «Стамбул гяуры нынче славят...», 7) Баратынскому. Из Бессарабии*, 8) Баратынскому*, 9) «Чем чаще празднует лицей...», 10) «Не дай мне Бог сойти с ума...», 11) «Кто из богов мне возвратил...», 12) Мирская власть*, 13) «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...», 14) «Недавно я в часы свободы...», 15) Ода LVII (из Анакреона), 16) «Пред испанкой благородной...»*, 17) Добрый совет, 18) «Я думал, сердце позабыло...», 19) Мальчику (Из Катулла), 20) «Юноша, скромно пируй и шумную Вакхову влагу...», 21) «Кто видел край, где роскошью природы...», 22) «Бог веселый винограда...», 23) Из Пиндемонти, 24) Заклинание, 25) «Для берегов отчизны дальней...», 26) Подражание арабскому, 27) «От меня вечор Леила...», 28) «Румяный критик мой, насмешник толстопущий...»*, 29) Паж или пятнадцатый год, 30) Стихи, сочиненные ночью во время бессоницы, 31) Подражание италиянскому, 32) Аквилон, 33) Ода LVI (Из Анакреона)*, 34) (Из Анакреона) Отрывок, 35) (Из Афенея)*, 36) «В последний раз твой образ милый...», 37) «Когда за городом, задумчив, я брожу...»*, 38) «Счастлив, кто избран своенравно...», 39) «Не розу Пафосскую...», 40) Вино (Ион Хиосский), 41) Художнику, 42) (Из Ксенофана Колофонского)*, 43) Ночь*, 44) «С Гомером долго ты беседовал один...», 45) Кн. М. А. Голицыной, 46) «Я думал, сердце позабыло...»*, 47) «В тревоге шумной и бесплодной...», 48) «Ты сердцу непонятный мрак...», 49) Иностранке*, 50) «На Испанию родную...»

Стихотворения, отмеченные звездочкой, Пушкин зачеркнул. Работа над составом сборника, как видим, была не закончена. Становится понятным, почему Пушкин не смог сообщить Плюшару количество листов в будущем одномомнике.

Возвращаясь к последнему издательскому замыслу Пушкина, мы видим, как трансформировался он: от стереотипного переиздания четырех частей — к одномомнику еще неопубликованных стихотворений. Творческий подход победил коммерческое начинание.

Итак, можно предположить, что работа над составлением нового одномомника велась в январе 1837 г. Переписывая

стихотворения в тетрадь с беловых и черновых своих рукописей, Пушкин вносил в тексты стилистические, художественные и автоцензурные поправки. Копии показывают, что поправки Пушкина коснулись 25 стихотворений.

Большинство поправок родилось, по-видимому, сразу под пером в тетради «Мелкие стихотворения», но, просматривая автографы перед перепиской, да еще, наверняка, с пером в руке, Пушкин не мог не внести хотя бы несколько поправок в просматриваемые тексты. Это умозаключение нашло, как будто, подтверждение в автографах таких стихотворений, как «Ночь» (в нем зачеркнуты два первых стиха), «Ответ анониму» (в ст. 1: «О, кто бы ни был ты»), «Закливание» (в ст. 21: «Не для того, чтоб иногда»), «Из Пиндемонти» (в ст. 19: «Или созданиям искусств и вдохновенья»). Все поправки сделаны одними по цвету чернилами, отличающимися от чернил автографов. Все они нашли место в копиях, т.е. были введены в автографы тетради «Мелкие стихотворения», а затем перешли в копии. В современных изданиях эти поправки (за исключением поправки в «Ответе анониму») не учитываются, поскольку не было возможности их датировать. Теперь, когда стало известно о новом этапе пушкинской работы над изданием стихотворений, следовало бы подумать о введении в основной текст некоторых бесспорных поправок Пушкина.

Приведем только один пример. Стихотворение «Заклинание» в автографе оканчивается следующими стихами:

- <17> Зову тебя не для того,
- <18> Чтоб укорять людей, чья злоба
- <19> Убила друга моего,
- <20> Иль чтоб изведать тайны гроба,
- <21> Не для того, что иногда
- <22> Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
- <23> Хочу сказать, что все люблю я,
- <24> Что все я твой: сюда, сюда!

Так это стихотворение и печатается. Однако к ст. 21 Пушкиным сделана поправка: вписана буква «б» после «что», т.е. союз «что» исправлен на «чтоб» (см. параллельные конструкции в ст. 18 и 20). Странно, поскольку поправка бессмысленна, ведь в существующую конструкцию ст. 21—22 нельзя вставить союз «чтоб», не нарушив смысла. Наверное, поэтому издатели и не обратили внимания на нее. Возможно, и нам не удалось бы понять смысл этой поправки, если бы не копия. В ней есть еще одна почти незаметная поправка: вместо слова «мучусь» написано «мучась» — и все стало на свои места!

К сожалению, до сих пор никто не обратил внимания на то, что в стихах «Зову тебя... не для того, что иногда

сомнением мучусь» нет связи и смысла. Вчитайтесь, вдумайтесь — и вы поймете это, как понял Пушкин, подготавливая стихотворение к публикации. Вот какую редакцию предлагает нам копия:

- <17> Зову тебя

 <21> Не для того, чтоб, иногда
 <22> Сомнением мучась...но, тоскуя,
 <23> Хочу сказать, что все люблю я...

Теперь союз «чтоб» по законам грамматики и смыслу не связан с деепричастным оборотом «иногда сомнением мучась», он присоединяет придаточное предложение, замененное в ст. 22 тремя точками. Именно теперь эти три точки наполнились каким-то скрытым от нас смыслом, потаенным чувством. Для меня эти строки звучат примерно так: «Зову тебя не для того, чтоб, иногда сомнением мучась, <спросить, не обвиняешь ли меня... нет, нет, не для того зову тебя я,> но тоскуя, хочу сказать, что все люблю я».

Итак, что нового дал бы однотомник, появившись он в 1837 году? О композиции однотомника по имеющимся материалам сказать что-нибудь определенное трудно. Можно только отметить, что ни жанровых отделов, ни хронологии, по-видимому, в сборнике не намечалось. Внутренняя циклизация могла возникнуть, например, в отделе «Антологические стихотворения»³⁵. Стихотворения могли быть сгруппированы и по идейно-художественному родству, такая тенденция в последние годы жизни сильно занимала Пушкина³⁶. Главное же, конечно, состояло бы в том, что многие тексты неопубликованных стихотворений получили бы определенность, как в стихотворении «Заклинание».

Какова же судьба тетради «Мелкие стихотворения», заполненной поэтом в январе 1837 г.? Опека над детьми и имуществом Пушкина сложила с себя обязанности по изданию сочинений поэта, так как наборная рукопись последних трех томов ненапечатанных при жизни сочинений была уже продана издателям, и решила передать все рукописи на хранение Н. Н. Пушкиной. Впрочем, была сделана оговорка, что до выхода в свет последних трех томов оригиналы будут находиться у издателей³⁷.

Уезжая весной 1841 г. за границу, Жуковский написал «Записку о распоряжениях, сделанных при отъезде за границу», в которой в 3-м пункте распоряжений «По делам Опеки

³⁵ Такой подотдел создал Жуковский в 9 т. посмертного издания.

³⁶ См.: Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов.

³⁷ Летописи, с. 403.

Пушкина» сказано: «Манускрипт сочинений Пушкина отдан цензору Никитенко, который приглашен держать корректуру»³⁸.

В 1919 г. одна из рукописей была обнаружена в архиве Никитенко — это лицейская тетрадь стихотворений Пушкина. М. О. Гершензон, опубликовавший тетрадь, не раскрыл ее истории, а может быть, даже умолчал ее. Не скрывается ли в архиве Никитенко и тайна тетради «Мелкие стихотворения»?

³⁸ ОР ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 43.

Яков Белинский

СЕДЬМАЯ КНИГА

Запал и озорство мальчишки —
какая радостная встряска! —
неповторимость первой книжки,
где брошена на краску краска,
где запахи стреляют в ноздри,
где звуки спорят в диком гаме,
где сто углов — конечно, острых! —
и мир нередко вверх ногами,

где яростный ревнитель правды
в своем неукротимом раже,
безусый и бесстрашный автор
застыл в роскошном эпатаже.

Но выкриков прекрасна странность!
Но красок несомненна зримость!
Но ощущений первозданность!
Но жадных чувств неповторимость!..

Стихи пятидесятилетних
совсем не то... Литая плотность.
Здесь нету рифм плохих и бедных.
Грузоподъемность. Дальность. Взлетность.

Рост мастерства. (Известно мненье:
вредят стихам его излишки!)
Нет, не возросшее уменье —
ищу *другое* в этой книжке:

Что ты воздвиг? И что разрушил?
Кого любил? Кем стал? Как прожил?
Растлил ли, вырастил ли душу?
Что потерял? Что приумножил?

И если тема обмелела,
лишь фраза пышная осталась,—
мой сочинитель, плохо дело:
душа мертва — она распалась...

И никакие ухищренья —
архаика и модернизмы —
не оживят стихотворенья,
твоей не оправдают жизни...

Дела

минувше

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА

Гравюры, холсты, рисунки, великие книги о науке искусства, написанные Альбрехтом Дюрером, почти всегда помечены его монограммой: высокая буква «А» с двумя поперечинами — маленькой средней и длинной верхней, похожая на свайное строение с плоской кровлей; под нею — ромбовидная буква «Д». Эту монограмму, напоминающую издали силуэт раскинувшего руки человека — то ли защищающего каждый дюреровский лист, то ли раскрывающего объятия людям, — художник оставлял на своих работах еще четырнадцатилетним мальчиком, только что приступившим к обучению изобразительным искусствам.

Было это в Нюрнберге, в мастерской Дюрера-отца в конце пятнадцатого столетия. Тогда в разных концах Европы почти одновременно начались великие жизни Леонардо и Микеланджело, Эразма Роттердамского и Томаса Мора, Мартина Лютера и Ульриха фон Гуттена. Отрочество Дюрера совпадает с первыми десятилетиями века, спутавшего привычную историческую хронологию, вольно в ней расположившегося. Века, чуть длиннее ста лет, называемого эпохой Возрождения.

Отец Дюрера, родом из Венгрии, был пришлым человеком в славном городе Нюрнберге. Но ремеслом своим — ювелирным делом — владел столь виртуозно, что добился нюрнбергского гражданства. Он женился, родил на свет восемнадцать детей, выстроил себе дом, приобрел авторитет среди членов других ремесленных гильдий. Всего трое из восемнадцати младших Дюреров достигли зрелого возраста, и среди них Альбрехт, названный отцовским именем.

Нюрнберг был вольным имперским городом: его магистрат платил налоги только казне римских императоров (Максимилиана и Карла V, царствовавших в течение жизни Дюрера), а

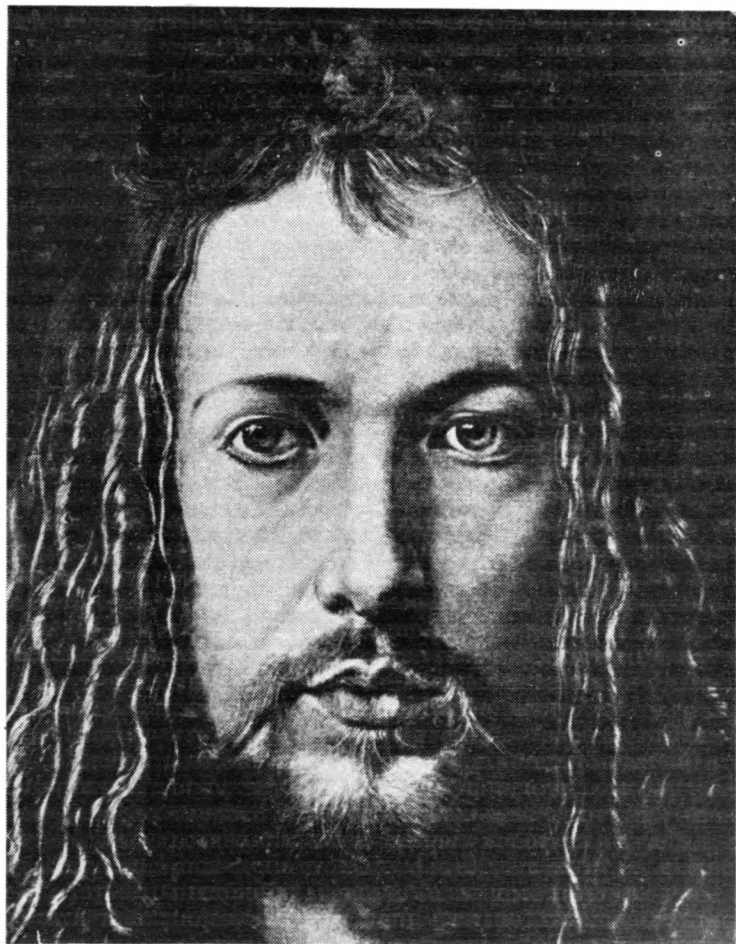
малым феодалам был не обязан ничем. Нюрнберг чеканил собственную монету, содержал свое войско, хранил в городской ратуше имперские драгоценности— корону, меч, державу и скипетр Карла Великого. В этом городе к моменту появления на свет величайшего художественного гения жили поэты и математики, философы и архитекторы. Еще недавно его гражданин Петер Геле создал первые карманные часы, названные «нюрнбергским яйцом», другой гражданин, Мартин Бехайм, преподнес в дар родному городу первый в мире глобус. Здесь работал «король типографов» Антон Кобергер, крестный отец маленького Альбрехта.

Любовь к Нюрнбергу, гордость его заслуженной славой многое объясняют в судьбе художника. Он говорил, что эта любовь заставила его «предпочесть жизнь в среднем достатке на родине почету и богатству на чужбине». И в самом деле: Венеция и Брюссель, прославленные культурные центры эпохи Возрождения, приглашали Дюрера остаться там навсегда, хоть и своих прекрасных художников было у них немало. Однако безуспешно: восхищаясь красотой, богатством Италии и Нидерландов, дружа с великим Беллини в Венеции, с великим Эразмом в Роттердаме, Дюрер всегда возвращался в Нюрнберг, в свой дом, который сохранился там до наших дней.

Не случайно возле этой младенческой купели стоял «король типографов»: Альбрехту Дюреру суждено было стать первым книжным художником мирового класса, иллюстратором уже не рукописной, а печатной книги. Но вместе с этой древнейшей художественной профессией изобразительного искусства, в которой никто до него, и, наверное, никто после не достигал подобных высот, Дюрер был и могучим мастером живописи, чьи творческие тайны не постигнуты окончательно до сих пор. Он был героем знаменитого «Vite» Джорджо Вазари — «Жизнеописания знаменитых художников», — где только сотая, наверное, часть принадлежит именам не итальянского происхождения. Он писал стихи, философские трактаты, политические воззвания, книги по теории и истории искусства, излагал религиозные сюжеты, создал собственный, ничем не схожий с проектом Леонардо идеальный город, знал математику и астрономию, свободно и гордо беседовал с властителями. Словом, то был человек эпохи Возрождения.

И как все ее «титаны» (исключение, да и то после нанесенного физического увечья — один лишь Микеланджело), Дюрер был поразительным красавцем.

Его физический облик мы можем представить по многочисленным автопортретам, по обращенным к художнику стихам и письмам, по воспоминаниям о нем современников, по

А. Дюрер. Автопортрет

дюреровским рассуждениям — несомненно на своем примере — о «нормальной» внешности человека, обладающего «свечением духа». По рассуждениям, где дана почти чернышевская формула прекрасного: прекрасное есть жизнь.

Дюрер один из первых портретистов мира, один из тех, кто утвердил в искусстве могучие права этого жанра, исследующего реальную человеческую судьбу. Галерея образов его

современников — императоров, крестьян, солдат, писателей, ремесленников, ученых, детей и стариков, прославленных и никому не ведомых, — необыкновенно обширна. Но в этой галерее более всего нам интересен он сам.

Сначала тринадцатилетний мальчик в детском колпачке и грубой рубаше, рисовавший себя серебряным карандашом. Потом двадцатидвухлетний юноша с цветком чертополоха в руке. Потом печальный большой мужчина двадцати семи лет, нарядно одетый, прямой, по видимости спокойный, однако тесно сжатый пространством холста и будто стремящийся раздвинуть полотно в длину и в ширину... Два первых автопортрета, как и третий, наиболее знаменитый, писаны маслом.

В третьем, где Дюрер накануне своего тридцатилетия, с фронтальной могучей фигурой, дивным лицом, испытующе глядящими в мир огромными серыми глазами, с правой, прижатой к груди рукою — там светятся тонкие вены, почти прозрачны длинные пальцы — в третьем автопортрете современнику удобно было увидеть Христа, которому художник греховно придал сходство с собою. Не бога, но богоравного творца изобразил здесь Дюрер, обратившись к самому себе в качестве ближайшей модели.

В этом удивительном лице, схожем с лицом крылатой женщины в прославленной дюреровской гравюре «Меланхолия», мы найдем печать «меланхолической одержимости» — по мнению ученых Возрождения Марсилио Фичино и Агриппы Неттесгеймского, она делает человека способным к высшим формам духовной деятельности: искусству, литературе, философии, политике, науке.

Зеркально — Дюрер, как и Леонардо, очень любил зеркальную передачу и даже в своем наставлении художникам оставил жанровый рисунок, досконально изображающий, как именно надо работать через стекло — глядя в самого себя и считая себя не лучшим, не прекраснейшим, просто тем, который «под рукою», великий мастер написал человека. «Поистине искусство заключено в природе; кто умеет обнаружить его, тот владеет им».

Мне посчастливилось увидеть в оригинале один из этих трех живописных шедевров, тот, где Дюреру двадцать два года. Портрет находится в парижском Лувре. В европейском искусстве этот холст, написанный подмастерьем, проходящим учение в Страсбурге, — одно из самых первых живописных автоизображений. Прижавшись к темной стене, однако объемно отделяющийся от этого ровного прочного фона, сидит похожий на прелестную девушку худенький парнишка с

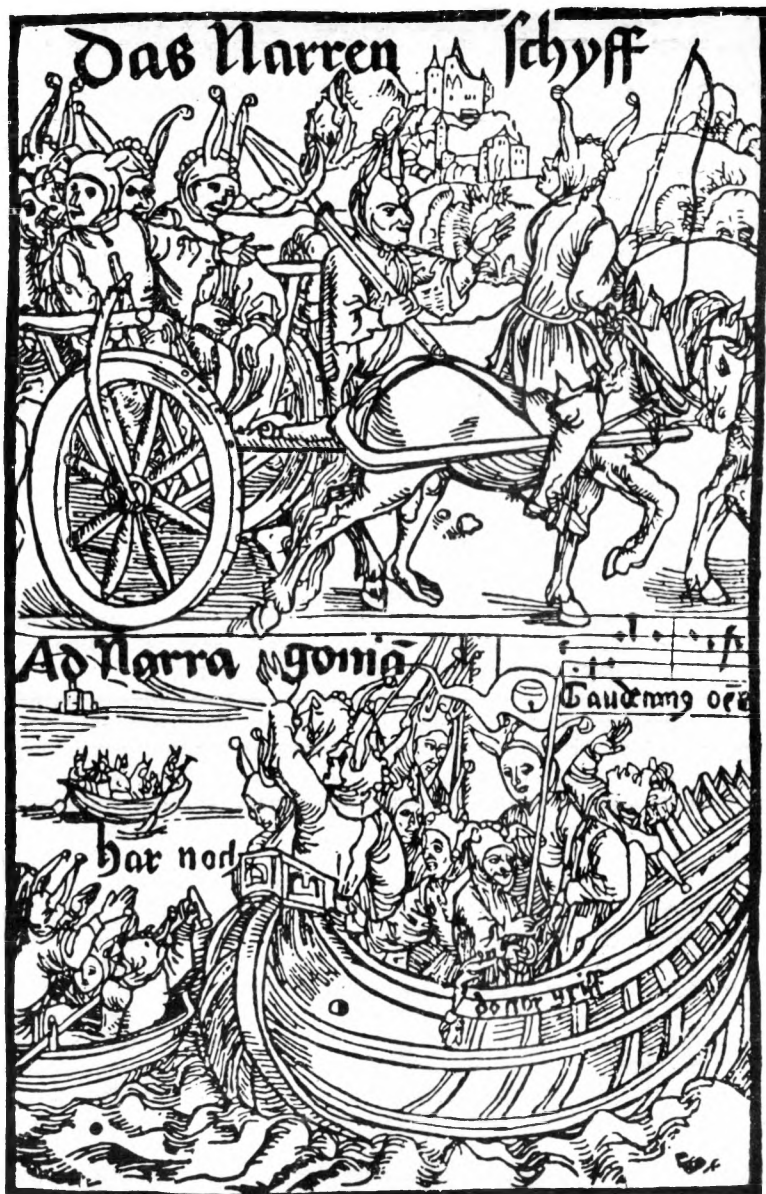
выпирающими ключицами и кудрями, выбивающимися из-под маленькой шапочки с красным помпоном. Камзол голубовато-серого сукна «перванш» распахнут, белая вышитая алоу каймой рубаха явно велика и перетянута на груди шнурами. В правой руке он держит цветущий чертополох, не замечая его колючек. Кажется, что юноша внезапно возник перед тобой, что на твоих глазах он вбежал в темноватое помещение с яркого света, принеся с собой, как загадку мироздания, вырванный с корнем чертополох... Он прислонил затылок, плечи, прямую спину к стене и задумался, глядя далеко поверх тебя. Он не замечает холода стены, не видит, что ты следишь за его очень интимным выражением лица. Он думает перед тобой, посвящая тебя в ход своих чудесных таинственных размышлений.

Я не знала репродукций автопортрета, когда нашла его в луврском зале, и однако, как всегда при первом знакомстве с великими произведениями, почудилось, что встретила этого юношу давным-давно, и если он сообразовал тихо заговорить, то я узнаю его мягкий мужественный голос, рассказывающий детскую сказку о заколдованном принце или поющий старинную балладу. Дюрер не отталкивал от себя, не устанавливал дистанции между зрителем и собою, откровенно и бесстрашно он открывал перед тобой могучую добрую душу.

С тех пор, слыша строку Тютчева «Его призвали всеблагие как собеседника на пир», я всегда вспоминаю это полудетское лицо, гладкую сильную пахнущую ветром шею, руку, сжимающую колючий стебель чертополоха. Всеблагой Дюрер и наша с ним беседа — счастливый тихий пир человеческого доверия.

С тех пор для меня имеют конкретный смысл слова: «гуманист», «гуманный». Гуманист — не только любящий человечество и человека, гуманист — великодушно доверяющий человечеству свое человеческое. Гуманный — особое качество отношений людей друг с другом, особая практика и наука, строящая и изучающая человеческое бытие, изучающая память сердца и строящая сердцем памяти. Памяти, оставляющей в себе только главное, «sub specie aeternitatis» — с точки зрения вечности. С тех пор мне всегда ясно, что гуманист перевоплощает индивидуальное и бытовое в типическое и всеобщее, в тончайший цветок духа, нестигаемый и гордый его символ, каков чертополох Дюрера или толстовского «Хаджи-Мурата».

Двадцатидвухлетний подмастерье, по традиции обучающийся «ремеслу» вдали от дома, послал из Страсбурга этот автопортрет родителям — Альбрехту-старшему и Барбаре в Нюрнберг: так и ныне сыновья шлют родителям свои избра-

А. Дюрер. Иллюстрации к книге
С. Бранта «Корабль дураков»

жения, понимая, что о них очень тоскуют дома. В верхнем правом углу он написал тонкой кисточкой: «Дела мои идут, как предопределено свыше».

Каковы же были его «дела»?

То были гениальные свершения, и сделанного этим гением в юности хватило бы, чтоб навсегда оставить его имя в истории человеческой культуры, даже если б он не смог сделать ничего более. Дюрер создал ксилографический цикл к великой книге Себастиана Бранта «Корабль дураков», а до этого иллюстрации к комедиям Теренция и легендарной светской хронике «Турнский рыцарь». Но остановимся только на «Корабле дураков». Именно эта книга и ее автор, впоследствии ставший другом и моделью Дюрера, открывают могучую сатирическую литературу Европы. После Бранта — вскоре и не очень — явились «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского, «Цех плутов» Томаса Мурнера, Боккаччо, Рабле, Свифт, Вольтер.

Исследователи утверждают, что достоверно принадлежат Дюреру только семьдесят три из ста пяти гравюр на дереве, украшающих «Корабль дураков». Не станем их оспаривать, но посоветуем читателю внимательно разглядеть эту книгу, вышедшую у нас в издательстве «Художественная литература» в 1965 году и воспроизводящую все сто пять иллюстраций. Формат ее уменьшен по сравнению с фолиантом пятнадцатого века, но точно сохранены пропорции ксилографий, весь полиграфический комплекс старинного издания. Тут очевидны общие изобразительные идеи книги и «генеральное руководство» крупной художественной личности, даже если согласиться, что не все листы создали одни и те же руки.

Писатели, предназначавшие к изданию свои сочинения, от века составляли резко несхожие две группы. Одни, начиная с Петрарки, продолжая Данте, Эразмом, Державиным, философски переписывавшимся с Делакруа Гёте, Пушкиным, Диккенсом, Толстым, чрезвычайно серьезно как к соавтору относились к иллюстратору. Другие, в числе которых Флобер и Гоголь, возражают против вторжения изобразительного искусства в их произведения.

Себастиан Брант — и это было в духе Возрождения, в духе времени, когда книга еще недавно была рукописной, объединяя собою все виды творчества, — чрезвычайно заботился об иллюстрациях к «Кораблю дураков», собранию иронических бытовых притчей, печально-веселых житейских историй, вырастающих в символы и выводящих типы. Переводя в бытовой ряд сюжеты якобы библейских преданий, Брант перефразировал известное утверждение теологов, называвших церковную

Wenn rüter / schreiber / gryffen an
 Lyn veiffen / schlechten / blütschen man
 Der muß die leber gessen han

Rüter vnd schreiber
 Schreiber vnd rüter / man ouch spott
 Sie sygen inn der narren rott
 Sie bgont sich noh / mit glicher nar
 Der schynde heymlich / der offenbar

Billich in kunfftig armut setze
 Wer statts noch schleck vnd süllen setze
 Vnd sich den brassern zu gesetze

von fullen vnd prassen

Der thut eyn narren an die schů
 Der weder tag noch nacht hat růw
 Wie er den wanst fůll / vnd den buch
 Vnd mach vñ jm selbs eyn wynschluch

живопись библией для неграмотных: писатель говорил, что гравюры в «Корабле дураков» должны наглядно передавать смысл его сочинения, делать его понятным не умеющей читать массе.

Предпосылая своему произведению сверкающее остроумием стихотворное предисловие, оповещая читателя о многочисленных видах дураков, которых он покажет, Брант сообщает:

Здесь поместим портреты их;
Кому не по душе мой стих,
Иль тот, кто не обучен чтенью,
Найдет себя в изображенье,
Узнает всякий здесь свой нрав,
Поймет, с кем сходен, в чем неправ...

Дюрер, маленький подмастерье, проявил себя внимательным читателем в «Корабле дураков». Он проявил себя пристальным исследователем жизни, философом. В его гравюрах, в их причудливых, частью фантастических сюжетах содержалась не только юмористическая констатация людских слабостей, пороков, предрассудков, здесь было желание исправить человека, дать ему урок благородства, урок добра.

В одном из листов, где идет разгульное застолье костюмированной компании, присутствует озадаченный непривычной обстановкой паренек, застенчиво отвергающий кубок с элем, протянутый ему старейшиной компании. Этот отдельный, наблюдающий за чужим похмельем юный человек никого будто бы не осуждает, не «умничает», живет общей с другими жизнью, однако пример «дураков» заставляет его задуматься. Себя ли самого изобразил тут подмастерье? Думается, что так. Еще не однажды в долгом и прекрасном творчестве Дюрера, в самых разных его произведениях, появится этот автобиографический герой. Иногда, как, скажем, в холсте «Праздник четок», написанном в Венеции в зените славы, художник пометит свое реальное присутствие в сюжете: даст себе в руки свиток, на котором будет начертано «Альбрехт Дюрер, немец». В том будущем холсте «дураков» охватит религиозный экстаз на празднике четок, почти всякий наденет себе на голову, на шею, на руку четки, и «дураки» там — конкретные жители эпохи (император Максимилиан, папа Юлий II, богатейшие купцы), а в юношеской маленькой гравюре пьяным экстазом охвачены анонимы, простые бюргеры. И все-таки суть обоих произведений одна и та же: одуревшая человеческая масса, ее коллективный психоз, за которым печально наблюдает художник.

Еще двадцатидвухлетний подмастерье, Дюрер — опять-таки чуть ли не первый в классическом искусстве — ставит себе задачу социальной типизации. С сочувствием, с нежно-

стью изображает он бедность, старость, сиротство, передает силу народных характеров. С гневом замечает жестокость, обман, лихоимство, обжорство. Его как будто бы бесстрастная констатация своих чувств и суждений — стоическое воплощение большой цели: запечатлеть мир средствами искусства, оставив людям материал для нравственных размышлений. В старости он спокойно скажет, адресуясь будущим художническим поколениям: «Каждый должен уметь сделать и мужицкое, и благородное изображение... И это также большое искусство, если кто-либо в грубых мужицких вещах сумеет высказать и правильно применить истинную силу и мастерство».

Истинную силу и мастерство сумел высказать великий Дюрер в неповторимых листах «Корабля дураков», книги, понятной, благодаря художнику, и неграмотным. Недаром многократно повторенные, эти гравюры продавались, как станковые произведения — народные картинки. Дюрер иллюстрировал не только сюжеты, но *направление и идеи* стихов Бранта, находя для них апокрифические и вместе с тем реальные воплощения. Он представил общество своего времени во всех деталях его иерархии, во всем многообразии житейских подробностей, профессий, костюмов, оставив историку исчерпывающую характеристику средневековой Германии: важные горожане, бродяги-рыцари и странствующие циркачи, наемники феодальных крепостей, врачеватели, писаря, крестьяне, нищие, ремесленники ссорятся, лихоимствуют, играют в карты, женятся, путешествуют, пируют, торгуют, франтят, тушат пожары, воспитывают детей, воюют, хоронят — словом, плывут на сухопутном «Корабле дураков» Себастиана Бранта.

Утверждают, что писатель следил за исполнением иллюстраций и утвердил их полное соответствие своему замыслу тем, что написал к ним четверостишие-рекламы. Рекламой средневековые книжники называли первое слово, которым начинается последующая часть книги. Брант сделал это «слово» строфой, частушкой, емким, иногда соленым анекдотом. Так вышла эта великая книга в свет, и до сих пор издатели повторяют эталон, не находя возможным заменить кем-либо иным художника, юношу в красной шапочке с цветком чертополоха в руке.

Средневековое искусство, литература и наука долго развивались в недрах религии, малая ее часть, обращенная на земное и человеческое, давала поводы титанам Возрождения к созданию реалистических произведений, а церковь — храмозведение — была единственным публичным «выставочным» за-

лом, где художник мог говорить одновременно с массой людей и с каждым в отдельности. На тему «религиозного облачения» искусства Ренессанса написаны исследования, и нам нет смысла повторять здесь общеизвестные факты. Но, говоря о Дюрере, вспомнить об этом необходимо. Художник жил в Германии, сотрясаемой Реформацией. Это колоссальное общественное движение, ставшее своего рода революцией, переросшее в могучую крестьянскую войну, опять-таки изучено во всех его аспектах и деталях. Мы же вскользь коснемся лишь той стороны Реформации, к которой был обращен великий художник.

Библию, в начале новой эры переведенную с древнееврейского на латынь, вождь реформации августинский монах Мартин Лютер переводил на бытовой немецкий язык. Это было в дни молодости Дюрера, в дни, когда его художественное мировоззрение принимало окончательную форму. Лютер провозгласил: «Следует спрашивать мать в доме, детей на улице, простого человека на рынке, надо смотреть им в рот и следить, как они говорят, и так переводить — тогда все им будет понятно, и они будут знать, что с ними говорят по-немецки».

«Альбрехт Дюрер, немец» тоже говорил со зрителем на родном для них языке в «библейских сюжетах». Иллюстрируя «Апокалипсис» в станковой гравюрной серии, создавая знаменитый геллеровский алтарь и «Алтарь Иова», поразительный графический цикл «Жизнь Марии», малые и большие листы о страданиях Христа в земной жизни («Малые страсти» и «Большие страсти»), изображая причисленного к лику святых отшельника Иеронима (автора перевода «вульгата», которому многочисленные отпечатки придавали портретное сходство с Лютером), мастер передавал тончайшие оттенки чувств своих персонажей, не бытие, а быт во всей его реальной достоверности. Он одевал их в немецкий костюм начала пятнадцатого столетия, наделял внешностью немецких крестьян и ремесленников, рисовал «небесный Иерусалим» средневековым немецким городом, напоминающим Нюрнберг. Но главное, что библейские герои жили и живут в этих произведениях простой и печальной жизнью дюреровских современников. Как великий дар земли лежит возле младенца Христа спелая груша: картину «Поклонение младенцу», хранящуюся в дрезденском Цвингере, знают тысячи советских зрителей, она гостила в московском Музее изобразительных искусств. Золотоволосая Лорелайн в костюме Евы танцующим шагом движется возле райского дерева. Маленькая птичка северных широт утешает своим пением горько задумавшуюся о судьбе новорожденного

девочку-мать. Эта картина была первым дюреровским произведением, которое я увидела.

Стоял апрель. На берлинских площадях продавали букетики анемонов. Мой товарищ и коллега Игорь Деревянко пригласил меня в музей. «Давай уговоримся,— сказал он.— Посмотрим Дюрера и уйдем». «Почему?» — спросила я.— Там ведь наверное великое множество сокровищ». «Да,— ответил он.— А после него все другое смотреть невозможно. Хочется унести Дюрера в себе». Нам обоим было той весной по двадцать три года. Игорь вскоре погиб — попал в автомобильную катастрофу, и высокий смысл его слов я понимаю полностью только теперь... Возле картины стоял у стены плоский золоченый столик на гнутых ножках, и казалось, что строгая золотая рама опирается на него, как окно на подоконник. В «окне» было четверо живых существ: Мария, ее мальчик, суровый, словно предрекающий младенцу нелегкую жизнь мужчина — Иоанн-креститель. И распеваящий во всю силу своего крохотного существа чирик. Это была «Мадонна с чижиком» — светлая песня материнства, детству, надежде. Это был Дюрер, ставший с тех пор любимым моим художником, теплый, нежный, романтический Дюрер. Мы положили анемоны на золоченый столик, постояли и ушли из музея. Глухие, молчащие, не замечающие веселого шума на Унтер-ден-Линден, мы двигались к отелю «Адлон», где я тогда жила... «Ну, вот видишь...» — сказал Деревянко, прощаясь.

«Мадонну с чижиком» Дюрер работал в Венеции, часто встречаясь с Беллини, который восхищался северным мастером. Картина датирована 1605 годом, следовательно, художнику было тогда 35 лет. Однако при средневековой «акселерации» и краткости человеческой жизни (художник умер, не достигнув 60 лет) этот возраст было принято считать почтенным, «старшим». Вспоминая о Дюрере, известный деятель Реформации Филипп Меланхтон писал: «Выдающийся умом и добродетелями муж, живописец Альбрехт Дюрер говорил, что юношей любил пестрые и многофигурные картины и при созерцании своих собственных произведений всегда особенно ценил в них многообразие. В старшем возрасте, однако, он стал присматриваться к природе и воспроизводить ее истинную простоту и понял, что простота эта — высшее украшение искусства».

«Мадонну с чижиком» мастер написал в «старшем возрасте». А следом за нею здесь же, в Венеции, куда приехал, как сообщает Вазари, «в великом гневе» на Маркантонио Раймонди, кравшего у Дюрера гравюры, произвольно их печатавшего и даже осмелившегося метить их знаменитой монограммой,—

великий художник всего за пять дней создал прославленную свою картину «Христос среди книжников».

Библейский сюжет о споре Христа с книжниками и фарисеями был здесь только костюмом истинного сюжета. Написав прекрасного юношу, зажатого толпою злобных старых уродов с толстыми фолиантами в руках, Дюрер говорил о творчестве, о его могучем, не боящемся ненависти и преследований духе, о вечной молодости и силе новатора. Недаром он изобразил «книжников» гротеском, сила которого напоминала современникам карикатуры Леонардо: жуткие цепкие пальцы, уродливые профили, ханжеская мимика. Переплеты книг словно отталкивают от себя этих страшных владельцев, обрезы страниц не позволяют им коснуться себя, а юноша глядится в одну из раскрытых книг, как в зеркало, и она освещает его смелое лицо. По существу, здесь опять-таки автопортрет и не только в той мере, в какой «портретом» художника является любое его произведение. Перед зрителем картина духовной борьбы и победы Дюрера, его страстная апология Книги как символа добра и разума, как воплощения правды.

В Венеции Дюрер задумывает литературное, философское и научное сочинение, которое выйдет в свет через двадцать два года — спустя несколько недель после его смерти. В этой замечательной книге, быть может, первом трактате об искусстве, написанном по-немецки, великий художник говорит: «Чем точнее произведение соответствует жизни, тем оно лучше и более истинно».

Сначала Дюрер хотел назвать свою книгу романтически: «Пища для учеников-живописцев». Он намеревался беседовать о воспитании человека искусства, о техниках искусства, о его задачах. Был задуман всеобъемлющий труд, для которого не хватило бы и нескольких жизней. Понимая физическую невозможность осуществления столь грандиозной идеи, Дюрер сузил задачу: теперь он хочет лишь исследовать закономерности, лежащие в основе многообразия природы. Он сокрушается: «Хороший живописец всегда полон образов, и если бы было возможно, чтобы он жил вечно, он всегда изливал бы в своих произведениях что-нибудь новое из внутренних идей, о которых пишет Платон».

«Полон образов» был он сам бесконечно. Его искусство восхищает Рафаэля и Луку Лейденского, а Вазари говорит, что Дюрер создал вещь, «повергшую в изумление весь мир». Это — о гравюре «Меланхолия», произведении таинственном и прославленном, которому всякое человеческое поколение дает собственное толкование и все же не может постичь его до конца, произведении графики, замыкающем величайший тре-

угольник творений Ренессанса: скульптура — «Давид» Микеланджело; живопись — «Джоконда» Леонардо; графика — «Меланхолия» Дюрера.

Резцовая гравюра на меди, черно-белая, композиционно объединяющая пейзаж, натюрморт и портрет, насыщенная одновременно далеким и острым солнечным светом и мягким, домашним светом большой лампы, которую именно ты, зритель, рассматривая «Меланхолию», держишь в правой руке... Берег моря. Хвост кометы режет низкое тяжкое небо. Но словно проведенная толстым циркулем, «выстроенная» арка радуги отгораживает космическое явление природы от сцены переднего плана. Здесь, как бы в комнате или в открытом дворике, сидит громадная крылатая женщина в лавровом венке на дивной голове, античная богиня в средневековом платье, к поясу которого подвешен кошелек и связка ключей. В правой ее руке тот самый циркуль, что, кажется, запечатлел небесную радугу, левая — житейским озабоченным движением согнута в локте и прижата к щеке. Бесконечная глухая тишина царствует в этом листе. Спит возле ног Меланхолии старый тощий пес. Маленький мальчик с лицом старого мудреца как на круглом табурете сидит на покрытом скатертью мельничном жернове и тихонечко выводит что-то на дощечке. Молчат отторгнутые, откинутае женщиной рубанок и плавильный тигель, шар и огромный камень-многогранник. Лебединые, а быть может, восковые, как у Икара, крылья женщины касаются здания за ее спиной. К зданию прислонена грубая строительная лестница, на его стене висят гигантские песочные часы и весы, повыше — колокол с бронзовой горизонтальной биты, приводимой в движение канатом. Бита не шелохнется, колокол молчит, под ним начертаны письмена «магического квадрата». Вон из гравюры, вверх, ведет рабочая лестница. Вправо — конец каната. Влево — ручка огромного столярного молота. И рядом с засыпающей последним сном собакой — закрытая чернильница, а у подола платья Меланхолии убранные в «ножны» гусиное перо, «стиль», похожий на кинжальчик-стиллет...

Сколько раз на всех, вероятно, языках мира описаны предметы этой гравюры, ее герои, ее застывшие, но творящиеся на наших глазах события? Сколько философских значений найдено у этого произведения? Сколько толкований дано его поразительным метафорам? Счесть невозможно, они бесконечны, как множась в столетиях оттиски гравюры Дюрера, пришедшей к нам в оригинале, благодаря своей технике.

Не станем и пытаться дать собственный вариант проникновения в дюреровский «литературный» сюжет. Тайна необходима искусству. В эту закрыто-открытую дверь должно сту-

чаться творчество, должно задумываться, печалиться, молчать, отвергать найденное и беречь его, соединять грозную природу с тихим домашним миром. Постараемся почувствовать строгую красоту великого произведения, взглядеться в его линии, в его неповторимый цвет. «Чего только не может он выразить в одном цвете, то есть черными штрихами...», — говорил о Дюрере Эразм Роттердамский. — Чего только не изображает он, даже то, что невозможно изобразить — огонь, лучи, гром, зарницы, молнии, пелену тумана, все ощущения, чувства, наконец, всю душу человека, проявляющуюся в телодвижениях, едва ли не самый голос. Все это он с таким искусством передает точнейшими штрихами, и притом только черными, что ты оскорбил бы произведение, если бы пожелал внести в него краски. Разве не более удивительно без сияния красок достигнуть величия в том, в чем при поддержке цвета отличился Апеллес?»

Через семьдесят лет после смерти Альбрехта Дюрера его земляк, поэт Эттингер, написал стихи, которые ходили в народе под названием «Молитвы Дюрера, услышанной небесами».

«Господи, боже мой, дай мне мужество перенести то, что я не могу изменить.

Господи, боже мой, дай мне силу изменить то, что я могу изменить.

Господи, боже мой, дай мне мудрость не спутать первое со вторым».

Эти стихи взял эпиграфом к своей книге поэт Гвидо Годзано, товарищ Амедео Модильяни. Модильяни любил их повторять и тихонько напевать во время работы, несколько изменяя слова. Пел он так: «Альбрехт Дюрер, дай мне силу, дай мне мужество, дай мне мудрость».

Владимир Енишерлов

ИЗ ИСТОРИИ КНИГ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

В моей душе, как келья, душею
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла...

А. Блок

Всего двадцать лет прошло с того времени, как Александр Блок написал первые свои стихи, составившие цикл „*Ante Lucem*“, до поэмы «Двенадцать», венчающей его творческий путь. Но какие шедевры создал за эти два десятилетия великий поэт! Теперь мы можем проследить путь Блока, изучая его биографию, историю отдельных стихотворений, перелистывая страницы старых газет и журналов, читая воспоминания современников. И перед нами раскрывается прекрасная и загадочная душа одного из проникновеннейших певцов России.

Да, загадочная. Разве не удивительна метаморфоза, происшедшая с мистически-настроенным певцом Прекрасной Дамы? В какой логической связи находятся его изумительные юношеские стихи-молитвы и поэма «Двенадцать», в ритмах которой звучит музыка революции? Блок в статье «Душа писателя» подсказал метод разгадки своей судьбы. «Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная,— писал он,— является чувство пути. Эту истину, слишком известную, следует напоминать постоянно, и особенно в наше время. <...> Писатель — растение многолетнее. Как у ириса или у лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней,— так душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души. Поэтому путь развития может представляться прямым только в перспективе, следуя же за писателем по всем этапам пути, не ощущаешь этой прямизны и неуклонности, вследствие постоянных остановок и искривлений»¹.

¹ Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. М.; Л., 1962, т. 5, с. 369—370. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

А. Блок. С портрета художника И. И. Пархоменко

Путь Блока — в его книгах. Открывая скромные обложки прижизненных сборников поэта, вчитываясь в блоковские строчки, мы, конечно, лишь приблизимся к пониманию его души, а с ней и души России рубежа двух веков и двух социальных эпох, так как жизнь Блока шла и менялась параллельно жизни России.

„Сочинять“ я стал чуть ли не с пяти лет. Гораздо позже мы с двоюродными и троюродными братьями основали журнал „Вестник“, в одном экземпляре; там я был редактором и деятельным сотрудником три года. Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. Все это были — лирические стихи...” (VII, 13). Так писал Блок в автобиографии в июне 1915 г.

Блок долго не пытался печататься. Уже будучи студентом университета, он решил показать стихи знакомому бекетовской семьи Виктору Петровичу Острогорскому, редактировавшему журнал «Мир Божий». Прочитав предложенные ему два стихотворения, среди которых был и «Гамаюн», Острогорский выпроводил юного поэта «со свирепым добродушием»: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься *этим*, когда в университете бог знает что творится!» (VII, 14).

Только в «мистическое лето» 1901 г. решился Блок показать стихи своей Прекрасной Даме, Любови Дмитриевне Менделеевой, вдохновительнице многих из них. Он обычно приезжал в менделеевское имение Боблово, находившееся в семи верстах от Шахматова, два раза в неделю — в белом студенческом кителе, на своем высоком коне Мальчике. Любовь Дмитриевна позже вспоминала, что она всегда угадывала день, когда он приедет, и после обеда усаживалась на террасе с цветком вербены в руках. Звенели подковы, Блок оставлял коня возле ворот и взбегал на террасу. Он с увлечением рассказывал о книгах символистов, без устали цитировал так легко запоминавшиеся им стихи. Однажды он привез в Боблово четыре стихотворения, переписанные на листах почтовой бумаги. Так впервые Прекрасная Дама узнала Блока-поэта.

Примерно в то же время стихи Блока прочитали в Москве. Троюродная его тетка Ольга Михайловна Соловьева, жена младшего брата философа Вл. Соловьева — Михаила Сергеевича, очень внимательно следила за поэтическими успехами племянника, чьи стихи постоянно получала в письмах его матери. О. М. Соловьева, оригинальная художница, чуткая к поэзии, так описана А. Белым в поэме «Первое свидание»:

Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Оревиля,
Цветы и тюлевые шали —
Все переписывалась с «Алей»,
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
«Сережей», сыном их...

Белый, которому Соловьевы показали стихи Блока, был потрясен. Ольга Михайловна писала в сентябре 1901 г. в Петербург: «Сашины стихи произвели необыкновенное, трудноописуемое, удивительное, громадное впечатление на Боря Бугаева (Андрей Белый.— В. Е.), мнением которого мы все очень дорожим и которого считаем самым понимающим из всех, кого мы знаем... советуя Саше непременно послать стихи в „Мир Искусства“ или Брюсову»².

Из арбатского дома Соловьевых стихи Блока распространялись по Москве, переписывались, читались университетской молодежью и постепенно образовался небольшой кружок ценителей его поэзии. Молва о поэзии Блока предшествовала появлению его произведений в печати.

Белый позже писал: «Чтобы понять впечатление от этих стихотворений, надо ясно представить то время: для нас, внявших знакам зари, нам светящей, весь воздух звучал, точно строки А. А.; и казалось, что Блок написал только то, что сознанию выговаривал воздух; розово-золотую и напряженную атмосферу эпохи действительно осадил он словами»³.

Зимой 1902 г. Блок появился в университетском литературном кружке, которым руководил приват-доцент Б. В. Никольский, исследователь и почитатель Фета. В то время под руководством Никольского готовился к изданию «Литературно-художественный сборник» студентов Петербургского университета, и Блок передал Никольскому двенадцать стихотворений, из них составитель отобрал лишь три, да и те были отредактированы, правда, с ведома автора.

Именно студенческий сборник следует признать первым изданием, где появились стихи Блока. Да и сам поэт считал так, ответив в автобиографической анкете 1915 г. на вопрос о месте напечатания первого произведения: «Три стихотворения

² Письмо О. М. Соловьевой цитируется по обзору Вл. Орлова «Литературное наследство Александра Блока». — Литературное наследство, 1937, т. 27/28, с. 513.

³ Белый А. Воспоминания о Блоке. — Эпопея, № 1, 1922.

без заглавия в Сборнике студентов Петербургского университета...» (VII, 435). Иллюстрации к этому сборнику, выполненные слушателями Академии художеств, к гордости его участников, редактировал И. Е. Репин, заставку к стихам Блока сделал Д. Ф. Богословский.

Но сборник подготавливался медленно, а литературная известность Блока росла. Однажды, в конце марта 1902 г., он пришел в знаменитый дом Мурузи, где жили З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, чтобы записаться на лекцию Мережковского.

Мережковские именно в это лето задумали издание журнала «Новый путь», «беспрограммная программа которого должна была вести куда-то вдаль...»⁴. В журнале решено было печатать стихи «по авторам». Февральская книжечка была отдана Ф. К. Сологубу, а мартовская — Блоку.

Поэт дал циклу своих стихов заглавие «Из Посвящений» и в письме к редактору «Нового пути» П. П. Перцову просил: «В подписи прошу Вас очень поставить мое имя полностью (Александр Блок) во избежание смешения меня с моим отцом, что было бы ему неприятно»⁵. В конце марта книжка «Нового пути» вышла в свет с десятью стихотворениями Блока. За два года существования журнала этот номер по праву считается лучшим. В нем кроме стихов Блока были напечатаны и две его рецензии — дебют Блока-критика, а также впервые появились произведения А. М. Ремизова. К стихам Блока редакция подобрала четыре созвучные им иллюстрации — «Благовещения» — Леонардо да Винчи из Уффици, ее деталь — голову Марии, фреску Фра-Беато Анжелико из флорентийского монастыря св. Марии и алтарный образ работы М. Нестерова из Владимирского собора в Киеве.

Почти одновременно стихи Блока появились и в московском альманахе «Северные цветы», выходявшем в символистском издательстве «Скорпион» под редакцией В. Брюсова. Для альманаха было отобрано десять стихотворений. В «Северных цветах» они появились под названием, данным В. Брюсовым: «Стихи о Прекрасной Даме». Так в печати впервые прозвучало имя поэта А. Блока.

Первое предложение напечатать не цикл стихотворений, а выпустить сборник Блок получил от владельца московского издательства «Гриф» С. А. Соколова (Кречетова), видимо, в ноябре 1903 г. во время приезда Соколова в Петербург. Со свойственной ему точностью занес Блок в записную книжку

⁴ Перцов П. Ранний Блок. М., 1922, с. 7.

⁵ Там же, с. 17.

приблизительную смету расходов на издание и писал отцу: «Стихи появятся в альманахе „Гриф“ (вероятно в январе), то же книгоиздательство обещает издать мою первую книжку. Мне хочется издать ее осенью, не знаю наверное, сможет ли сделать это „Гриф“. Однако, объявление уже сделано»⁶. Но Блок продолжал колебаться. Белый активно советовал другу издавать сборник, утверждая, что им он займет «в поэзии — это наравне с Лермонтовым, Фетом, Тютчевым... Твой будущий сборник будет сразу почти на одном уровне с Брюсовым, если мы будем смотреть с чисто формальной точки зрения, и превзойдет его существенностью и интенсивностью настроений»⁷. Летом Блок приступил к составлению сборника. У него к этому времени накопилось около 700 стихотворений. В книгу поэт включил всего 93, разбив их на три раздела: 1. Неподвижность; 2. Перекрестии; 3. Ущерб. Заглавие книги Блок дал то же, что и предложенное Брюсовым к стихам, помещенным в «Северных цветах», — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Помню: осенью, — писал А. Белый, — вышли впервые стихи А. А. Блока в книгоиздательстве „Гриф“; вероятно, читателю бросилась бы в глаза немотивированная отметка на книге: „Разрешено цензурою. Нижний Новгород“. Книга же вышла в Москве. Нижегородская цензура ее разрешила к печати; боялись мы все, что московские цензора кое-что могут вычеркнуть в книге, или, что хуже всего: могут книгу отдать для просмотра духовной цензуре; чтобы спасти целость книги, ее мы послали Э. Метнеру, почитателю поэзии Блока. Э. Метнер капризною волей судьбы занимал место цензора в Нижнем, которое вскоре он бросил, охваченный революционной волной; так желанием сохранить текст нетронутым объясняется эта отметка на книге»⁸.

Блок отправил рукопись книги Соколову в начале сентября, и отпечатана она была всего за два месяца тиражом 1200 экземпляров. Так, помеченная 1905 г., первая книга Блока вышла фактически в конце октября 1904 г. Обложку с готическим рисунком выполнил художник В. В. Владимиров.

Книга Блока стала праздником для его ближайших литературных друзей и для студентов университета. «Молодежь догадалась о ее значении раньше, чем критика»⁹, — писал С. Городецкий. А откликов профессиональной критики на

⁶ Блок А. Письма к родным. Л., 1927, с. 98.

⁷ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 89.

⁸ Белый А. Воспоминания о Блоке. — Эпопея, № 2, 1922, с. 109.

⁹ Городецкий С. Русские портреты. М., 1978, с. 9.

«Стихи о Прекрасной Даме» было немного. Первым из них стала рецензия Вячеслава Иванова. Требовательный Иванов высоко оценил сборник: «Что ни стихотворение,—из тех, где отсветился лик Прекрасной Дамы,—то мелодический вздох, полузабытая песня за холмом зеленым,—и в сладостной муке прислушивается к ней сердце, сжимаясь родной тоской. „Без-желанная“, тающая в светлых тонах поэзия, подобная истончившемуся восковому лицу над парчой погребальной,—горящая, как восковая свеча,—загадочная, как вещей узор серого воску в чаше с чистой водой...»¹⁰ О завораживающем, захватывающем чувстве, рождаемом стихами этой книги, писал и Виктор Гофман, отмечая «вдумчиво-ласковое» дарование автора.

Блок разослал свой первый сборник многим родственникам, друзьям и знакомым. Отправил книгу и в Варшаву отцу, профессору Александру Львовичу Блоку со словами: «Пока не раскаиваюсь в его выходе, тем более, что „Гриф“ приложил к нему большое старание и, по-моему, вкус» (VIII, 111). Книга вызвала ироническую реакцию у отца. Варшавский профессор не понял стихов сына. Сохранилось его письмо, написанное наполовину прозой, наполовину стихами, со множеством сносок, скобок, отступлений, где Александр Львович весьма резко отзывается о первом сборнике сына. Поэта удивила и огорчила эта реакция:

«Мне странно, что Вы находите мои стихи непонятными и даже обвиняете в рекламе и эротизме. Мне кажется, это нужно „понимать в стихах“. <...> Если бы я хоть раз встретился с критикой „по существу“, я, разумеется, воспринял бы с благодарностью самые сильные нападки. К сожалению, такая критика была еще пока только устная—и в малом размере. Раскаиваться в том, что книга вышла, я не могу, хотя и славы не ожидаю» (VIII, 115—116).

В течение своей жизни Блок по-разному относился к «Стихам о Прекрасной Даме». Интересна попытка, предпринятая им незадолго до смерти, дополнить эти стихи прозаическим объяснением событий. К сожалению, поэт только начал эту работу...

После выхода первой книги стихов Блок чаще печатается в символистских журналах и альманахах, а через год предлагает владельцу издательства «Скорпион» С. А. Полякову издать второй сборник стихотворений.

¹⁰ Иванов Вяч. Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме.— Вesy, 1904, № 11, с. 49.

1905 г. принес в стихи, вошедшие позднее в сборник «Нечаянная Радость», новые темы, тревогу и трепетное ощущение грядущих перемен. «Бродили в нем большие замыслы,—вспоминал С. Городецкий.—Он говорил, что пишет поэму, написал только отрывок о кораблях, вошедший в „Нечаянную радость“... Прилив сил, освеженное чувство природы, детски-чистое ощущение цельности мироздания дал Блоку пятый год. Летом он увидел болотного попики, бога тварей, что было большой дерзостью тогда. Долго искал он объединяющего названия для новой книги... Но гибель революции пятого года и связанный с ней расцвет мистического болота не дали всем этим исканиям развернуться в полнозвучную песню. Все же эта книга остается единственной книгой радости Блока»¹¹.

Намечалось издать второй сборник Блока к осени 1906 г. К концу марта—началу апреля он был составлен и выслан издательству. Блок включил в него 82 стихотворения, из них 33 ранее неопубликованных, в том числе знаменитую «Незнакомку».

«На этих днях я посылаю мой сборник стихов в редакцию „Скорпиона“...—сообщал Блок фактическому руководителю издательства В. Я. Брюсову 24 марта 1906 г.—Посылаю Вам сборник, пока еще без заглавия... я собирался, если это не затруднительно, добавить стихотворений, если напишутся весной и летом. Семь отделов сборника могут оказаться также временными...»¹² Блок внимательно входил в детали издания, обсуждал с Брюсовым качество бумаги, шрифт, расположение стихотворений, обложку. В предисловии к сборнику Блок писал: «Нечаянная Радость—это мой образ грядущего мира. В семи отделах я раскрываю семь стран души моей книги.

Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать „прощай“ зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они—добродушные и бессловесные твари,—привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир—балаган, позорище. <...> Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза,—Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотой короной лесов упирается в синее небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря и как свободна душа. Нечаянная Радость близка» (II, 369). Так проникновенно, в

¹¹ Городецкий С. Русские портреты, с. 10.

¹² Александр Блок и его неизданные письма.—Новый мир, 1979, № 4, с. 154.

лирических образах пытался раскрыть Блок глубинные темы сборника.

Книга Блока вышла во второй половине декабря 1906 г. На серой обложке сборника заглавие отпечатано зеленой краской. Зеленый цвет заглавия остался для всех последующих прижизненных изданий второй книги поэта.

Этот сборник вызвал значительно больший резонанс в печати, чем первая книга Блока, что, в общем, понятно. Во-первых, за это время имя Блока стало широко известно, и от поэта ждали стихов, в какой-то мере созвучных песням Прекрасной Дамы. А на страницах его новой книги совершенно неожиданно зашевелились, зашептались, стали перемигиваться и кувыркаться «болотные чертенятки»:

И сидим мы, дурачки,—
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.
Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

И появился вдруг совершенно очаровательный «болотный попик», как и все блоковские «твари весенние» навеянный мотивами рисунков Т. Н. Гиппиус, чей альбом «Kindisch» с фантастическими рисунками Блок так любил рассматривать:

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.
И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.
Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И всякой вере».

В этом сборнике приближается Блок к постижению души России, создавая заволаживающие стихи о Родине:

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.
Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали...

Проницательный Брюсов, рецензируя «Нечаянную Радость» в журнале «Весы», пожалуй, ближе всех подошел к раскрытию сущности поэзии Блока: «В книге А. Блока радуется

ясный свет высоко поднявшегося солнца, побеждает уверенность речи, обличающая художника, который уже сознает свою власть над словом... Александра Блока, после его первого сборника стихов, считали поэтом таинственного, мистического. Нам кажется, что это было недоразумением. Таинственность иных стихотворений А. Блока происходила не от того, что они говорили о непостижимом, о тайном, но лишь от того, что поэт много в них недоговаривал. Эта была не мистичность, а недосказанность. А. Блоку нравилось вынимать из цепи несколько звеньев и давать изумленным читателям отдельные, разрозненные части целого... в „Нечаянной Радости“ не все отделы равноценны... Но уже в целом ряде... чувства поэта,— большей частью простые и светлые,— нашли себе совершенное выражение в стихах певучих и почти всегда нежных ...»¹³

Критики отмечали, что стихами «Нечаянной Радости» поэт открыл себе новые пути, которые лишь намечались в первой его книге. С. Соловьев, поэт-символист, отмечал в «Золотом руне», что многие не узнают Блока, прочтя его новую книгу. И в то же время Соловьев не может не отметить, что Блоку удалось найти свои краски и свой напев.

«Нечаянная Радость» разошлась по России, открыв ей новое лицо Александра Блока, поэта пристально всматривающегося в жизнь и напряженно размышляющего над бытием.

Незадолго до смерти в «Записке о „Двенадцати“» Блок отметил январь 1907 г. как время, когда он «слепо отдался стихии», сравнив его по интенсивности ощущений лишь с периодами создания цикла «Кармен» и «Двенадцати». В эту зиму, когда вскоре после выхода «Нечаянной Радости», закружили Блока снежные хороводы и метели Петербурга, он писал свою блистательную «Снежную Маску».

Стихи «Снежной Маски», посвященные актрисе Наталье Николаевне Волоховой, слагались стремительно. Весь цикл из тридцати стихотворений был написан в течение двух недель, случались дни, когда Блок писал по шесть стихотворений кряду. Поразительна романтическая напряженность «Снежной Маски». Метели, стремительный полет, звездные бездны, вихри, вьюги— вот ритмы цикла. И в центре его— полуреальный, полусказочный образ удивительной женщины:

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах,
Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,

¹³ Брюсов В. Новые сборники стихов.— Весы, 1907, № 2, с. 83, 84.

Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.
И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаще золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.
И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

Отдельной книжкой «Снежная Маска» печаталась в петербургском издательстве «Оры». «Литературное событие дня,— писал Вяч. Иванов Брюсову,— „Снежная Маска“ А. Блока, которая уже набирается в „Орах“. Это два цикла стихов („Снега“ и „Маска“) — вместе 30 стихотворений. Я придаю им величайшее значение. По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые вполне и притом по-новому как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. Звук, ритмика и ассонансы пленительны. Упоительное, хмельное движение. Хмель метели, нега Гафиза в снежном кружении, сладострастие вихрей влюбленной гибели.— Дивная тоска, и дивная певучая сила!»¹⁴

«Снежная Маска» вышла 24 марта 1907 г. Изящная маленькая книжечка была украшена пленительным фронтисписом Л. С. Бакста, на котором изображена снежная звездная ночь и стройная женщина в маске, за которой устремляется поэт. Блок переплел экземпляр, предназначавшийся Н. Н. Волоховой, в темно-синий бархат с маленькой бронзовой виньеткой в углу, что очень напоминало молитвенник. Книжечка была издана тиражом всего 950 экземпляров.

Среди критических откликов на «Снежную Маску» сам Блок выделил статью Н. Русова. Примечательно, что в этой небольшой газетной статье критик смело провел аналогию между образом Снежной Маски и Россией: «Сколько людей отчаялось понять загадку Сфинкса или ожесточилось, или мистически, как богу, ему поклонилось: будем ждать путей неведомых. Россия и теперь, как и во всю свою историю, одна Великая Снежная Маска. И хочется долго-долго смотреть в ее холодные очи, хранящие какую-то тайну...»¹⁵

И не вспоминал ли Блок эту аналогию, найденную Русовым, когда через 11 лет писал знаменитые строки:

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,

¹⁴ Литературное наследство, 1976, т. 85, с. 496, 497.

¹⁵ Русов Н. Поэзия А. Блока.— Вечерняя Заря, 1907, 9 июля.

Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Во всяком случае, никогда не кривящий душой Блок писал Русову: «Ваша статья о „Снежной Маске“ — одна из самых *нужных* для меня статей обо мне. С такой критикой, как Ваша, очень хочу и считаю необходимым сообразоваться. Спасибо. Спасибо. Только тон слишком положительный для газеты: ведь книжка до последней степени субъективная, доступная самому маленькому кружку» (VIII, 187—188).

Более спокойно оценил «Снежную Маску» Брюсов в журнале «Весы», назвав ее «эпизодом», где рядом «с нежными мелодиями, в которых Блок такой несравненный мастер, стоят и попытки передать мятущиеся чувства — стихом неправильным, разорванными размерами, неверными рифмами»¹⁶.

В разгар работы над «Снежной Маской» Блок получил от петербургского издательства «Шиповник» предложение издать четвертый сборник стихов. Но вместо книги стихов в феврале 1908 г. в «Шиповнике» вышел сборник лирических драм Блока, который составили «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка».

Сценическая судьба пьес Блока несчастлива. Он постоянно стремился к театру, пытался выразить в драматической форме то, что было неподвластно лирике, но увидел воплощенными на сцене лишь «Балаганчик» и «Незнакомку», поставленные Вс. Мейерхольдом. «Театральные критики могут сколько угодно рассуждать о незвершенстве пьес Блока, — писал Городецкий. — Но то, что он видел на сцене только „Балаганчик“ и, кажется, „Незнакомку“, лежит клеймом позора на его эпохе, на ее культуре. Блок мог создать театр... Театр был самым естественным выходом для Блока на широкий путь»¹⁷.

Блок включил в состав сборника «Лирические драмы» — «Балаганчик», с таким резонансом поставленный на сцене театра Комиссаржевской, и ожидал с интересом, какова будет общественная реакция на книгу. «Драмы я продал „Шиповнику“, — сообщил Блок матери в сентябре 1907 г. — буду получать 150 руб. с тысячи (сразу напечатают только 1000, но сохранят так называемую „матрицу“, т. е. нечто вроде стереотипа) и немедленно приступят к изданию второй тысячи, как только на складе останется 200 экземпляров. 150 р. — это очень мало, но, по крайней мере, это будет книга, по которой я буду видеть наглядно, как относится ко мне публика (ведь если бы

¹⁶ Брюсов В. Новые сборники стихов. — Весы, 1907, № 5, с. 66—67.

¹⁷ Городецкий С. Русские портреты, с. 17.

раскупили 10 000 — я получил бы 1500 р.). Так вот это все дни дежных расчетов, внутри — тихо и грустно... Обложка Сомова к драмам восхитительно пестра (красная, желтая и черная)» (VIII, 208). Внимательно изучивший проблему «Блок в печати» Вл. Орлов отмечает, что условия, поставленные Блоку «Шиповником», показательны для характеристики взаимоотношения писателя с издательствами в начале века. Кабальные условия «Шиповника» тем более характерны, что это было богатое коммерческое издательство, выпускавшее доходную продукцию — альманахи и собрания сочинений русских и зарубежных авторов.

Надежды Блока на увеличение тиража книги не оправдались. «Лирические драмы» были напечатаны лишь однажды тиражом 1000 экземпляров. Обложку, так понравившуюся Блоку, выполнил К. А. Сомов не только для его сборника, но для целой серии книг «Театр», издававшейся «Шиповником».

Собирая свои лирические драмы в отдельную книгу, Блок писал, что он решился на это издание только потому, что, как ему кажется, «здесь нашел себе некоторое выражение дух современности, то горнило падений и противоречий, сквозь которые душа современного человека идет к своему обновлению» (IV, 435), а русский читатель, по его глубокому убеждению, «всегда ждал и ждет от литератора указаний жизненного пути» (IV, 433). Поэт придавал «Лирическим драмам» серьезное, в какой-то мере, принципиальное значение.

Это хорошо понял рецензировавший сборник С. Городецкий. Чуткий поэт и критик, Городецкий свое отношение к театру Блока выразил точно: «„Лирические драмы“ Блока принадлежат к тому роду интимных произведений, которые появляются в эпохи переломов как в жизни народов, так и в жизни барометров их — поэтов. Критический возраст русской жизни в острейшем своем моменте совпал с кризисом в творчестве Блока, переходящего от декадентской лирики к общенародной драматургии, — и в результате мы имеем любопытнейшую книгу»¹⁸.

Сам Блок, отмечая успех своего «Балаганчика» на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской, писал, что идеальной постановкой он обязан В. Э. Мейерхольду и его труппе, художнику Н. Н. Сапунову, создавшему чудесные декорации, и автору музыки М. А. Кузмину.

Успеху книги «Лирических драм» также во многом помогло оформление книги и приложенные к ней ноты музыки к

¹⁸ Городецкий С. Александр Блок. Лирические драмы. — Образование, 1908, № 8, с. 66—67.

«Балаганчику». С. Городецкий писал: «Нельзя не упомянуть о рисунке Сомова на обложке и музыке Кузмина к „Балаганчику“. В том, как совпали настроение художника-пессимиста, изображавшего трагическое и комическое под эгидой смерти, раздвигающей занавес, и композитора, сложившего безнадежную и пленительную музыку, с настроениями автора, нельзя не видеть большого и печального смысла, характерного для наших дней»¹⁹.

В общем поэт был доволен этой книгой. «Лирические драмы» вызвали хороший отклик у тех, чьим мнением Блок особенно дорожил, и это не могло не удовлетворять его: «Я очень рад, что тебе нравится книжка пьес — мне тоже (предисловие),» — заметил он в письме к матери в Ревель 5 марта 1908 г.²⁰

Именно в Ревеле, куда он приезжал весной 1908 г., работал поэт над своим новым сборником стихов; поскольку в книгу вошла в качестве отдела «Снежная Маска», этот сборник Блока принято считать «третьим».

Подготовить новый сборник предложил Блоку меценат П. П. Рябушинский, издатель журнала «Золотое Руно». В 1907—1908 гг. Блок был тесно связан с этим московским журналом. Именно в «Золотом Руно» напечатал он свои лучшие критические статьи «О реализме», «О драме», «О лирике», здесь увидела впервые свет пьеса «Король на площади», публиковались циклы его стихов. Для «Золотого Руна» писал К. Сомов знаменитый портрет Блока, впервые опубликованный в этом журнале. 20 февраля 1908 г. он сообщал с ревельского вокзала жене: «...мы с мамой приготовили сборник стихов. Пусть он называется — „Земля в снегу“. Первый цикл — „Подруга Светлая“, первое стихотворение — „Люблю тебя, Ангел-Хранитель“» (VIII, 228). Поэт включил в новый сборник 96 стихотворений, распределенных по отделам и циклам. Полностью он закончил работу над книгой в марте, когда была написана вступительная заметка «Вместо предисловия».

Введению предпосланы два эпиграфа: первый — «Зачем в наш стройный круг ты ворвалась, комета?» — из стихотворения Л. Д. Блок, обращенного к Н. Н. Волоховой, второй — стихотворение Аполлона Григорьева «Комета», как бы отвечающее на вопрос первого эпиграфа:

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,

¹⁹ Городецкий С. Александр Блок. Лирические драмы. — Образование, 1908, № 8, с. 66—67.

²⁰ Блок А. Письма к родным. Л., 1927, с. 198.

Определенный круг свершающих спокойно,
Комета пролетит неправильной чертой...

..... Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосоздания.

Раскрывая перед читателями новые страницы своего лирического дневника, Блок пытается объяснить темы «Земли в снегу» с помощью строк поэтов, особенно много значивших для него на переломе жизни — Ап. Григорьева, Фета и Некрасова. И не случайно, конечно, цитирует он во вступительной заметке к сборнику «Комету» Григорьева, строки Фета, обращенные к Бржеской:

Где ж это все? Еще душа пылает,—
По-прежнему готова мир обнять...
Напрасный жар — никто не отвечает!
Воскреснут звуки — и замрут опять...

и «Коробейников» Некрасова, как символ родины, России, к которой ведет поэта его путь.

Определяя место «Земли в снегу» на этом пути, Блок писал: «„Стихи о Прекрасной Даме“ — ранняя утренняя зоря — те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц...

„Нечаянная Радость“ — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия...

И вот *Земля в снегу*. Плод горестных восторгов, чаша горького вина. Когда безумец потерял дорогу, — уж не вы ли укажете ему путь? Не принимаю — идите своими путями. Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины, яркие очи моей спутницы» (II, 371—373).

Сборник «Земля в снегу» вышел в свет в первой половине июля 1908 г. в издательстве журнала «Золотое Руно» тиражом 2000 экземпляров. Как и все сборники Блока, он был оформлен очень скромно. Виньетка на обложке, выполненная художником Е. Е. Лансере, ранее была помещена в журнале «Золотое Руно» как заставка к стихотворению Блока «Влюбленность».

Большой рецензией откликнулся на сборник Сергей Соловьев в октябрьском номере журнала «Весы» за 1908 г. Статья эта откровенно пристрастна. У Блока с С. Соловьевым к тому времени наметились резкие расхождения во взглядах на поэзию, Блок критиковал новые стихи Соловьева, и отзыв внутреннего раздражения обиженного поэта слышен в рецензии на «Землю в снегу». С. Соловьева неприятно поразило, что

Блок все дальше уходил от идеи Вечной Женственности, от общего кумира их молодости Вл. Соловьева. Теперь лирические темы «Земли в снегу» сплетаются с образами грешного и земного Аполлона Григорьева. В стихах Блока появились картины зимнего Петербурга, образы цыганки, гитары — «подруги семиструнной», кометы, «цыганской Руси».

Соловьев не понял логики книги Блока. Он не увидел в его стихах России, той страны, где слышится, как писал Блок, вспоминая Некрасова, «победно-грустный, призывный напев, разносимый вьюгой:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, душа зазнобушка,
Молоденкого плеча!» (П. 374)

В начале января 1908 г. В. Ф. Комиссаржевская пригласила Блока для беседы, во время которой она просила поэта дать театру новую пьесу «Песня Судьбы» и перевести для театра к будущему сезону какую-нибудь немецкую пьесу. 7 января Блок писал Комиссаржевской: «Извините, что вследствие простуды не могу лично принести Вам эти четыре томика драм Грильпарцера. К. А. Сомов указывал мне именно на первую его юношескую драму „Die Ahnfrau“ ...Я не знаком ни с одной пьесой Грильпарцера, но потому, что знаю о нем, представляю себе, что его героический (может быть, даже мелодраматический) романтизм мог бы воскреснуть на русской сцене. Поэтому, если Вы найдете это возможным, я с большой охотой возьмусь за перевод» (VIII, 223). На другой день Комиссаржевская ответила Блоку, что просит его перевести „Die Ahnfrau“ и закончить перевод не позднее конца мая, чтобы в сентябре можно было осуществить постановку. Блок очень активно принялся за перевод пьесы, которой он дал русское название «Праматерь». Уже 28 апреля 1908 г. он писал, что вчерне «Праматерь» окончена. Постановка пьесы готовилась в театре на Офицерской, а отдельное издание — в книгоиздательстве «Пантеон». В 1908 г. пьеса не была поставлена на сцене. Премьера состоялась лишь 29 января 1909 г.

Книга же вышла в ноябре 1908 г. Первоначально предполагалось издать книгу со вступительной статьей Гуго фон Гофманстала и с рисунками Александра Бенуа. Бенуа хотел назвать ее «Покойницей», указав в скобках немецкое название, но в конце концов остановились на названии «Праматерь».

Что же это за пьеса? Вот что писал сам Блок: «Пьеса, о которой я буду говорить и которая скоро появится в русском переводе, а потом пойдет на русской сцене, по времени

написания (1817 год) непосредственно предшествует „Сафо“. Следовательно, ей уже девяносто лет» (IV, 549). Написана она, по словам Блока, «в те печальные и тусклые времена, которые во многих чертах напоминают наше страшное и угнетающее безвременье.

За романтической бутафорией, которой щедро украшена юношеская трагедия Грильпарцера, не сразу можно почувствовать ее таинственный внутренний смысл» (IV, 551),— завершает свою статью Блок.

Через десять лет после выхода этой книги, в 1918 г., поэт снова вернулся к драме Грильпарцера и основательно переделал ее перевод для издательства М. и С. Сабашниковых, предложивших Блоку издать «Праматерь» в серии «Памятники мировой литературы». Но позже Блок сам обратился к издательству Сабашниковых с просьбой—уступить его перевод издательству «Всемирная литература». Здесь и была напечатана «Праматерь» в 1923 г., через два года после смерти Блока.

Лишь осенью 1910 г. приступил Блок к подготовке издания своих новых книг. В это время он получил в Шахматове предложение Андрея Белого участвовать в альманахе недавно созданного в Москве издательства «Мусагет», на что сразу дал согласие.

Возвращаясь поздней осенью из Шахматова, Блок заехал на три дня в Москву, где и договорился с главой «Мусагета» Э. К. Метнером об издании трехтомника стихотворений. Поэт тщательно готовил состав каждого тома, дополняя и перераспределяя стихи, вырабатывал определенный тип книги, которого придерживался затем во всех «собраниях стихотворений». Этот принцип он изложил в «Предисловии к Собранию стихотворений»:

«Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется *книга*; каждая книга есть часть *трилогии*, всю трилогию я могу назвать „романом в стихах“: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни» (I, 559).

Первая книга «Собрания стихотворений» вышла из печати в начале мая 1911 г. Блок был доволен внешним видом издания. Обложка и титульный лист были отпечатаны в две краски—черной и красной. В двух последующих книгах менялся только цвет—зеленый для второй книги и синий—

для третьей. Эти же цвета заглавий, которым Блок придавал особое значение, остались и для последующих прижизненных изданий «Собраний стихотворений».

Но ранее Блок начал готовить в Шахматове свой четвертый сборник стихов «Ночные часы». Название всему сборнику поэт дал такое же, как и циклу стихов, посланных для альманаха «Мусагета». В двух письмах к матери, отправленных в январе 1911 г., рассказывал Блок, как продвигается работа над сборником: «Начать работу, как следует, мне все не удается, Метнер просит присылать и новый сборник и первый том и пишет, что они постараются издать весной то и другое. Но новый сборник все не готов (и поэма тоже)—кажется лучше отложить до осени. Пошлю только первый том»²¹. И в следующем письме: «Сегодня я кончил первый том и посылаю в Москву. Сборник — не механическая работа: надо дописать и поэму и несколько стихотворений. Я все еще кое-что переделываю и подчищаю. Чем зрелей — тем лучше»²².

«Ночные часы» вышли из печати в конце октября 1911 г. Издан сборник более чем скромно, и тираж его, видимо, не превышал 1300 экземпляров.

В дневнике Блока за 1911 г., который он начал вести с октября месяца, есть несколько записей о «Ночных часах», среди которых любопытно мнение Вл. Пяста, отмеченное Блоком 13 ноября: «„Ночные часы“ через головы „Нечаянной Радости“ и „Снежной Маски“ протягивают руки „Стихам о Прекрасной Даме“» (VII, 86—87).

Высоко оценил новый сборник Блока Василий Гиппиус: «Какая-то строгая школа пройдена поэтом, недавний новатор дал ряд стихов, которые признает каноническими самый рьяный классик... Русь, о которой еще недавно Блок писал, как романтик, теперь явилась ему в нищей прелести, какой любил ее Тютчев, и что-то еще не петое звучит в его словах „о степном дыме“, о „дали дорожной“»²³.

После выхода «Ночных часов» и завершения «Собрания стихотворений» Блок до 1916 г. не выпустил ни одной новой книги стихов. Среди трех маленьких сборников, которые были составлены, в основном, из старых стихотворений и вышли за эти четыре года, примечательны лишь «Стихи о России».

В тоненький сборник поэт включил 25 стихотворений, каждое из которых — небольшой шедевр, обращенный к родине. Все стихи были ранее опубликованы в сборниках и

²¹ Блок А. Письма к родным. М.; Л., 1932, с. 109.

²² Там же, с. 110.

²³ Гиппиус Вас. Рец. на книгу А. Блока «Ночные часы». — Новая жизнь, 1911, № 12, с. 269—270.

повременных изданиях, но совершенно по-новому зазвучали собранные вместе.

23 декабря 1914 г. А. М. Ремизов предложил Блоку издать книжечку стихов в журнале «Отечество» в пользу раненых. Сборник вышел во второй половине мая 1915 г. с обложкой работы Г. И. Нарбута. Эта обложка была выполнена для всех изданий журнала «Отечество», прибыль от которых поступала в «Общество писателей для помощи жертвам войны». Тираж сборника Блока был 3000 экземпляров.

«Стихи о России» вызвали несколько интересных статей, в которых отмечалось отточенное мастерство поэта и высокий патриотический тон его новой книги. «Мы и не подозревали,— писал в журнале „Аполлон“ Георгий Иванов,— читая в каталогах об этой маленькой книжечке „военных“ стихов, что на серой бумаге, в грошовом издании нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом... Когда читаешь „Стихи о России“, вспоминаются слова Валерия Брюсова о книгах, которые нельзя перелистывать, а надо читать „как роман“. „Стихи о России“ не сборник последних стихотворений поэта. Это изборник и читаешь его, не как роман, разумеется, а как стройную поэму, где каждое стихотворение звено или глава. Открывается книга стихами о Куликовом поле... Этот цикл определяет тон всей книги—просветленную грусть и мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России...»²⁴

Критики отмечали красоту и цельность «Стихов о России».

При чтении этого сборника вспоминаются слова, сказанные поэтом еще в 1908 г. в письме К. С. Станиславскому: «Стоит передо мной моя тема, *тема о России*... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой, как стрела — действенный. Может быть, только не отточена моя стрела» (VIII, 265). Именно стихи о Родине с наибольшей отчетливостью характеризуют путь поэта к революции. И на этом пути заметной вехой стала скромная книжечка «Стихи о России», которая так нравилась А. М. Горькому, строгому и требовательному ценителю поэзии.

Быть может потому, что все шире раскрывалась перед Блоком тема России, с такой радостью принял он предложение книгоиздательства К. Ф. Некрасова составить сборник стихот-

²⁴ Иванов Г. Рец. на «Стихи о России» Александра Блока.— Аполлон, 1915, № 8—9, с. 96.

ворений Аполлона Григорьева. Судьба «страстного и грешного» (V, 519) Григорьева, поэзию которого знал Блок с детства, была неотделима для него от России. Символичны слова, которыми Блок закончил рассказ о судьбе Аполлона Григорьева в статье, предпосланной книге: «Я приложил бы к описанию этой жизни картину: сумерки, крайняя деревенская изба одним прогнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез: это — наше, русское» (V, 519). В григорьевских темах неистово-сжигаемой жизни, бродяжничества, гибели слышал Блок звук и собственной судьбы.

К тому времени, когда он взялся за составление сборника стихов Ап. Григорьева, стихи последнего вышли отдельной книгой в России лишь единственный раз — в 1846 г. тиражом в пятьдесят экземпляров. Эта редчайшая книжечка была в домашней библиотеке Блока. Она перешла к нему от бабушки — Е. Г. Бекетовой, лично знавшей Григорьева. Уже в юности заносил Блок в свою записную книжку размышления о стихах Ап. Григорьева — это были едва ли не первые «литературно-критические» записки поэта.

В записной книжке Блок отметил 13 августа 1914 г.: «Ап. Григорьев — начало мыслей», а 4 сентября писал К. Ф. Некрасову: «... томик Ап. Григорьева 46 года очень не полон, я это знаю. Вопрос в том, собрать ли все стихотворное, что он напечатал в журналах, или нет. Об этом я подумаю серьезно. Есть вещи превосходные, а есть совершенно небрежные. Он писал вообще страшно много, прямо „строчил“ иногда, даже и стихами, не только прозой. О переводах и говорить нечего, — придется сильно выбирать. Спасибо, во всяком случае, что Вы предоставляете книгу моему усмотрению. Я не буду (да и не могу) делать так, чтобы вышло „ученое“ издание, но приложу усилия к тому, чтобы вышла хорошая книга стихов для чтения с соблюдением известных филологических традиций»²⁵.

Поздней осенью 1914 г. Блок работал в библиотеке Академии наук, готовя издание «Стихотворений Аполлона Григорьева». Он разыскивал и переписывал разбросанные по старым журналам забытые публикации. В декабре Блок написал знаменитую статью «Судьба Аполлона Григорьева», а в конце января рукопись книги (более 35 печатных листов), переписанная Блоком от руки была отправлена в издатель-

²⁵ Блок А. А. Письмо К. Ф. Некрасову. — День поэзии-1972. М., с. 275.

Первые издания собрания стихотворений А. Блока

ство. Книга вышла в ноябре 1915 г. с портретом Ап. Григорьева по рисунку Бруни.

Открытие для России замечательного поэта — несомненная заслуга Блока. Работа над литературным наследием Григорьева дала поэту возможность узнать ту ветвь русской мысли, которая долгое время оставалась для него сокрытой, но к которой незримо восходили философские раздумья Вл. Соловьева и его последователей.

А. Блок еще заканчивал работу над этой книгой, когда решил приступить к новому изданию «Собрания стихотворений».

После организации в Петербурге издательства «Сирин», руководимого М. И. Терещенко, Блок предполагал передать ему право на издание своих произведений, в том числе и второго собрания стихотворений, но после начала мировой войны «Сирин» прекратил существование, и издательство «Мусагет», решило вновь предложить поэту сотрудничество.

В январе 1915 г. секретарь издательства «Мусагет» Н. П. Киселев писал другу Блока Ю. Н. Верховскому (цитируется по списку, хранившемуся в собрании Н. П. Ильина): «Дорогой и уважаемый Юрий Никандрович. У меня к Вам большая просьба: не поговорите ли Вы—приватно—с А. А. Блоком относительно переиздания в „Мусагете“ собрания его стихотворений?.. Я здесь слышал из разных и достоверных источников, что „Сирин“ прекратил свою деятельность на все время войны, а между тем на книжном рынке спрос на стихи Блока не падает. „Мусагет“ же лишен возможности удовлетворить заказчиков, не имея более ни единого экземпляра. Если такое положение дела Александру Александровичу неприятно, и, если, далее, остановка в „Сирине“ грозит перейти в ликвидацию, то „Мусагет“ охотно вступил бы с ним в переговоры относительно условий нового издания... Печатание мы могли бы начать теперь же, но свободных сумм не имеем вовсе.

Нам желательно бы сделать *Volksausgabe* в одном или двух томах, со включением „Ночных часов“ и стихов 1911—1914 гг. Серьезное затруднение: если Блок за последнее время печатал или думает печатать стихи шовинистические и направленные против германцев, то издание его в „Мусагете“ является вещью абсолютно невозможной. Сергею Соловьеву последние учиненные им неприятности в этом роде закрыли двери „Мусагета“ навсегда...»

Блок согласился на предложение «Мусагета» и в апреле 1915 г. подписал договор на издание четырех книг—трех книг стихотворений и тома «Театр».

Ровно через год вышел первый том стихотворений, значительно переработанный автором, и книга «Театр», в которую были включены «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка», «Действо о Теофиле», «Роза и Крест».

Изящные, напечатанные на прекрасной бумаге, книги расходились очень быстро. «Мои книжные дела блестящи,—писал Блок матери.—„Театра“ в две недели распродано около 2000 и мы приступаем уже к новому изданию. „Мусагет“ будет выплачивать мне ежемесячно по 250 р. и надеется, что наши счета кончатся нескоро. К сожалению, такой бумаги уже нельзя найти»²⁶. Бумага для этого издания была специально заказана «Мусагетом», часть тиража была в матерчатых переплетах. Успех издания был так велик, что тираж третьего тома стихотворений пришлось увеличить вдвое—он составил 6000 экземпляров.

²⁶ Блок А. Письма к родным. М.; Л., 1932, с. 287.

Собрание сочинений 1916 г. было последним книжным изданием Блока, вышедшим до революции.

В послереволюционную эпоху при жизни Блока выходит еще целый ряд его книг, среди которых отдельные издания поэмы «Двенадцать», новое издание четырехтомного собрания сочинений, поэма «Соловьиный сад», драма «Песня Судьбы» и другие книги, многие из которых были подготовлены знаменитым издательством «Алконост», организованным подвижником книжного дела С. М. Алянским.

Книги Александра Блока неотделимы от его судьбы. И в наши дни, когда произведения Блока выходят огромными тиражами, мы можем сказать, что сбылись слова, которые обратил великий поэт к людям новой России: «Когда умру — пусть найдутся только руки, которые сумеют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны» (VI, 7).

А. Блюм

ПЕТЕРБУРГСКИЕ БУКИНИСТЫ

По страницам рассказов и очерков
русских писателей XIX в.

В свое время Г. А. Гуковский, представляя читателям исследование С. С. Данилова «Русский театр в художественной литературе» (М.; Л., 1939), заметил, что «художественная литература может служить прекрасным комментарием к истории театра». В не меньшей степени это положение крупнейшего литературоведа относится и к другой области — истории книги и чтения, книжной торговли и библиофильского движения.

Не только традиционные и хорошо известные источники, такие, например, как архивные документы, мемуары и дневники, издательские каталоги и описи библиотек, но и произведения русской художественной литературы должны стать (и в последние годы постепенно становятся) объектом самого пристального внимания и изучения. В них историк найдет живой, оригинальный материал, изображение жизни книги в обществе, ценнейшие сведения о ее непосредственном восприятии читателем, распространении и бытовании.

Рафинированные библиофилы, коллекционеры и крупные антиквари-книжники очень часто привлекали внимание русских писателей. Отечественная литература, «удивительный феномен», по словам А. М. Горького, с наибольшей силой и полнотой отразила и запечатлела сферу демократического, «низового» чтения и читателя. Вполне естественно, что внимание русских писателей XIX в. (особенно 40—60-х гг.) было обращено преимущественно на фигуру мелкого букиниста-разносчика, офеню и ходябщика, того незаметного «маленького человека», усилиями которого книжное просвещение проникало в самые отдаленные уголки России. В наибольшей мере в литературе того времени запечатлен образ петербургского букиниста и, может быть, потому, что он не только часто

Разносчик книг и сочинитель
Из журнала «Волшебный фонарь».
Спб., 1817

Обложка сборника
«Вчера и сегодня». Спб., 1846

встречался на улицах и рынках столицы, но и был вхож в дома литераторов, доставляя им нужные книги. Об этом «герое» русской литературы XIX в. и пойдет далее речь.

По-видимому, впервые обратился к нашему герою петербургский иллюстрированный журнал «Волшебный фонарь, или Зрелище С.-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников...», выходивший в 1817 г. В первом и двенадцатом (последнем) номерах журнала напечатаны две сценки, написанные в форме диалога, — «Разносчица календарей и журналов» и «Разносчик книг и сочинитель». В журнале, выходившем параллельно на русском, французском и немецком языках, иллюстрированном литографиями, в юмористической форме изображены торговцы, кучера, слуги и другой «мелкий петербургский люд». Наибольший интерес представляет сценка «Разносчик книг и сочинитель», в которой показана типичная «карьера» городского букиниста. Его батюшка, «торопецкой мещанин», решил вначале пустить сына «по сапожной части», да вдруг знакомый «книжник сбил отца с толку; втемяшил ему в голову, что сапоги шить стыдно, гораздо-де будет важнее, если сын твой станет обращаться к книжному торгу...» и в доказательство показал на свой большой дом, нажитый книжным промыслом.

Такой аргумент показался отцу достаточно убедительным и веским, и вот юноша начинает служить у книготорговца, разнося книги по всему городу. Пока еще он очень неопытен, к «товару» своему относится не очень серьезно. Перечисляя сочинителю «романы, истории, драмы, комедии, оперы и журналы», имеющиеся у него в коробе, говорит: «Да всех названий и не перескажешь; одним словом, сударь, всякой дряни довольно». Оказывается, товар «нейдет с рук», а более всего надоел ему один журнал, который решительно никто не берет. Сочинитель, разговаривающий с букинистом, видит журнал, который издает... он сам, и разражается гневной тирадой: «Молчи! Не смей осуждать такие творения, которые делают честь даже всей нации. В нем все прекрасно, неоцененно! Правда, что невежи, тебе подобные, бранили меня в одном журнале, да это ничего! Эти господчики все хвастают, что они учились в университетах, там, сям; а я нигде и ничему не учился, но природа, мать Гениев, так сказать, сделала из меня осьмое чудо. Пишу обо всех предметах — и все прекрасно, превосходно, неподражаемо!!!» Сочинитель решает простить букинисту его «невежество» и даже дать ему денег, но с одним непременным условием: «...везде и всячески хвалить мой журнал». Юноша начинает постепенно понимать что к чему, постигать механику книжного дела. Сценка заканчивается фразой букиниста, брошенной «в сторону»: «Ну не мудрено, что у моего хозяина огромный дом: видно, ему много таких умников попадалось».

Пока перед нами лишь беглая зарисовка уличной сценки, весьма непритязательная, дающая лишь контуры фигуры городского букиниста. Более полно и объемно вырисовывается эта фигура позднее — в 40-х гг., когда главенствующее место в русской литературе начинает занимать натуральная школа. Излюбленным жанром, получившим огромную популярность, становится в эти годы «физиологический очерк», показывающий жизнь города в самых различных срезам¹. На сцену выводится целая галерея самых различных городских «типов», прежде остававшихся, как правило, в тени и редко привлекавших внимание писателей. Все «народонаселение» столицы представлено здесь: кухарки, лакеи, извозчики, гробовых дел мастера, водовозы, прачки, мелкие торговцы, чиновники... Обычно эти очерки лишены сюжета; часто они представляют собой моментальные фотографические (или «дагерротипные»,

¹ См.: Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк). М., 1965; Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М., 1965.

Продавец лубочных книг и картин. 60-е гг. XIX в.

как сказали бы тогда) снимки с действительности. Но вместе с тем «физиологи» сыграли крупную роль в русской литературе, обнажив целый слой городской жизни. Жанр «физиологического очерка» окончательно оформился в связи с изданием замечательного сборника А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» (СПб, 1841), иллюстрированного прекрасными рисунками и политипажами. Успех издания вызвал большое число подражаний, более или менее удачных. Н. А. Некрасов писал по этому поводу:

Настал иллюстрированный
В литературе век.
С тех пор, как шутка с «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книг с политипажами
В столице развелась.

Самому Н. А. Некрасову принадлежит честь издания лучших, с точки зрения содержания, альманахов такого типа — «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника», сплотивших вокруг себя многих писателей того времени. Весьма примечательно, что интересующий нас сейчас персонаж — букинист-разносчик, как бы случайно промелькнувший

за три десятилетия до этого на страницах «Волшебного фонаря»,—становится в это время частым гостем петербургских «физиологий». На него обращают пристальное внимание такие литераторы 40—50-х гг., как, например, П. В. Ефёбовский, включивший рассказ о букинисте в очерк «Петербургские разносчики» (альманах «Вчера и сегодня», составлен В. А. Соллогубом и издан А. Ф. Смирдиным. Спб., 1845), А. П. Голицынский, напечатавший очерк «Представители Толкучего рынка» в сборнике «Уличные типы» (М., 1860) и ряд других. Близок к жанру «физиологий» рассказ В. В. Крестовского «Букинист», вошедший в его книгу «Петербургские типы» (Спб., 1867). Н. А. Лейкин, известный писатель-юморист, ставший позднее редактором «Осколков», журнала, к участию в котором он привлек молодого А. П. Чехова,—в 1868 г. публикует рассказ «Букинист» («Неделя», 1868, № 48—49), резко отличающийся от жанра «физиологического очерка»: в нем уже есть развитие сюжета. Столь частое и постоянное обращение русских литераторов к этому персонажу ясно свидетельствует о том, что к середине века букинист постепенно перестает быть некоей редкостной и экзотической «птицей» среди городского люда. Фигура с заплочным мешком, коробом или просто связками книг в руках становится вполне обыденной. Мелкие книжные лавчонки облепляют со всех сторон Апраксин двор—излюбленное место букинистов до 1862 г., когда он сгорел до тла. По мнению известнейшего букиниста-антиквария П. П. Шибанова, пожар «перевернул петербургский антикварный рынок настолько резко, что его следует делить прямо на два отдельных периода—до пожара Апраксина и после него»². Затем букинисты переселились на Александровский рынок, а в 80-х гг. центром их торговли становится Литейный проспект (кстати, эта традиция продолжается). Однако, руководствуясь принципом—«букиниста ноги кормят»,—большинство из них предпочитало вести разносную книжную торговлю, устраивая свои «развалы» на перекрестках многолюдных улиц, возле Публичной библиотеки, Университета, Военно-Медицинской академии, а иногда и просто бродя по улицам и в дождь и в холод, заходя во дворы, в квартиры любителей книги—ученых, литераторов, библиофилов. Кстати, многие замечательные коллекции петербургских библиофилов были составлены именно благодаря помощи таких «холодных букинистов». Некоторые из них специализировались на старинной редкой книге: у них можно было найти все, что

² Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России.—В кн.: Книжная торговля. Пособие для работников книжного дела. Под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.; Л., 1925, с. 221.

угодно,—от пустейшего сонника, гадательной книги, модного романа Поль де Кока и до запрещенных в конце XVIII в. масонских изданий, а иногда и редчайших старопечатных книг.

Букинист, изображаемый писателями 40—60-х гг., как правило, человек бывалый, тертый, не лишенный природной сметки, юмора и некоторого лукавства. Он умеет «потрафить» покупателю, при случае и надуть «любителя редкостей», интуитивно отличая подлинного знатока книги, к которому букинисты относились всегда с большим уважением, от псевдобиблиофила, собирающего книги по моде. Он прекрасно разбирается в психологии своих заказчиков, слегка поднаторел в старинных кириллических книгах, умеет, что называется, подать товар лицом, хотя и очень смешно произносит названия французских книг. Типы букинистов, выведенные в очерках, чрезвычайно разнообразны—от патриархального и честного Фомича (рассказ Н. А. Лейкина) до пройдохи и «книжного жучка» из очерка В. В. Крестовского. Впрочем, при всем разнообразии характеров, они во многом и похожи друг на друга. Прежде всего—типична карьера букиниста, его путь к книжной торговле. Вот как рисует этот путь П. В. Ефремовский в очерке «Петербургские разносчики»: «Кой черт,—думает Трофим (молодой человек, живущий в заштатном городишке.—А. Б.)—все идут в Питер, все наживаются, а иные даже успели и каменные дома построить и в мещане записаться! Да и что за люди! Почти ни один грамоты не знает и никакому ремеслу не учился. А я, слава тебе Господи, грамоту-то смекаю, как свои пять пальцев, не даром целый год у волостного писаря помощником был! Да не только русскую грамоту, а благодаря сыну отца Василия,—дай ему бог много лет здравствовать,—и латинские буквы сумею разобрать! Неужели и мне не найдется места в Питере?» И приходит такой Трофим в Питер... Ему, «ученому мужу», каким он сам себя считает, не пристало торговать яблоками, вареными грушами, пирожками... образованность ему не позволяет: «Видит Трофим на том же рынке целые груды разных книг, и от времени до времени, по знакомству с книжными торговцами, возьмет да прочитает то ту, то другую книгу. Пришла ему, наконец, в голову идея, за которую он крепко ухватился.—Постой-ка,—думает он,—попробую... носить да продавать книги. Именно так! Только надобно применить к этому делу. Идет Трофим в книжную лавку, да спрашивает: а позвольте узнать, что стоит такая-то книга? Отвечают ему: пять рублей.—А вчера эту же книгу, да еще в переплете, отдавали ему на Толкучем за четвертак.—Хорошо, ладно,—думает Тро-

фим,—будем смекать!». И вот он завязывает знакомства с мальчиками из книжных лавок, узнает «конъюнктуру» книжного рынка, запасается библией букинистов 40-х гг.—каталогом библиотеки для чтения А. Ф. Смирдина, в котором проставлены цены на книги, закупает на толкучем рынке кипу книг «почти за ничего, и отправляется с ними по городу. Вот вам начало букиниста!» Помогает ему и случай: бродя по улицам Петербурга, он встречается «сына отца Василия», который некогда учил его разбирать латинские буквы, а теперь, окончив семинарию, приехал в столицу на службу. Благожелательный наставник знакомит его с начатками французского и немецкого языков, и вот Трофим бойко, едва взглянув на титульный лист, говорит: «Эвр де мосье де Вольтер, или: Гетес земтлихе верке»³.

Герой очерка П. В. Ефёбовского еще довольно точно произносит названия иностранных книг, но совсем уже курьезно звучат они в «интерпретации» развязного «книжного жучка» из рассказа В. В. Крестовского «Букинист»: «А вы, собственно, только полюбопытствуйте,—ублажает букинист.—Французских не угодно ли? Вот „листуар деля революсьон франсез“⁴—отменная книга—оченно одобряют». Он, очевидно, бьет на то, чтобы ошарашить вас насчет своей образованности: «Вот мы, дескать, какие—хоша и в чуйках ходим, а по-французскому можем, потому—произошли». Впрочем, и букинист Ефёбовского не очень уверенно выговаривает слова «брюссельское издание» («брюксельское»), зато прекрасно знает, что оно дешевле парижского издания романа Эжена Сю «Парижские тайны»: «В магазине стоит двадцать рублей без переплета, а я могу достать за десять в переплете». Но эти герои—«интеллигентсы» книжного рынка; многие букинисты едва разбирали русскую грамоту, а встречались, как вспоминают старые букинисты⁵, и такие феномены, которые вообще были неграмотны. Однако, благодаря какому-то особому чутью, некоторые из них великолепно разбирались в книгах—и не только в новых, но даже в старинных, кириллических.

³ Сочинения господина Вольтера, собрание сочинений Гете (калька с французского и немецкого языков).

⁴ Здесь неточная транслитерация названий французских книг.—*«L'histoire revolution de la francaise»* («История французской революции»).

⁵ См.: Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879 (особенно «Воспоминания старого книгопродавца Н. Г. Овсянникова»). Интереснейший материал для характеристики букинистической торговли приведен в указанной выше статье П. П. Шибанова, а также в его мемуарах «Полвека со старой книгой и ее друзьями». Публикация И. М. Кауфмана и Е. П. Шибановой (Книга. Исследования и материалы. М., 1972, т. 24, 25).

Петербургский букинист считает себя элитой Апраксина двора и Ново-Александровского рынка, свысока относится к другим рыночным и разносным торговцам. Он даже внешне отличается от них... впрочем отличие это выражается лишь в более опрятном синем суконном кафтане, который носят все разносчики, да в подстриженной бороде, что «может служить признаком того, что он, не желая отстать от обычаев сословия, к которому принадлежит, более своих товарищей однако приблизился к сословию безбородому и образованному» (П. В. Ефёбовский). Более всего же он отличается особой поступью, ухватками и, главное, разговором, «являющими человека, понимающего важность торговли, которою он занимается, торговли, удовлетворяющей не суетным потребностям роскоши и не пошлым требованиям вседневной жизни, но высоким требованиям ума и души. Он не балагурит, а ведет себя тихо, скромно и с должною сану своему важностию. Говорит он — хотя и не совсем правильно, но довольно хорошо и особенно старается заимствовать выражения из книг, с которыми так много обращается» (там же).

Среди городских букинистов встречались подлинные самородки, люди, наделенные большим природным талантом. Являясь с ежемесячным «лепортом» в дом знакомого литератора, он с удивительной точностью характеризует «ход и движение» отечественной словесности, сообщает о потаенных пружинах успеха или провала той или иной книги на рынке. Добродушно признавая себя человеком «темным», он, тем не менее, проявляет большую осведомленность, умеет столкнуть друг с другом мнения рецензентов различных журналов. «Вот-с вышли сочинения такого-то господина, говорит Трофим, или такой-то госпожи, во стольких-то частях. Продаются в магазинах за такую-то цену, а я могу достать за столько-то. Отзывы журналов об этой книге такие: один журнал говорит, что эта книга удивительная, неслыханная, невиданная; ошибок и промахов в ней никаких не имеется, а сочинитель обладает необыкновенным талантом. Другой журнал утверждает, что сочинение означенного господина или означенной госпожи никуда не годится, что автор не имеет ни малейшей способности и даже не знает грамматики». Затем наш букинист, насмешливо улыбаясь, раскрывает истинную подоплеку такой разноголосицы: «Вот видите ли, сударь, когда книга вышла из печати, сочинитель побежал разносить ее по журналам и критикам и созывать их на обед; да, вишь, дал маха, или уж не хотел, только мне наверное известно, что того, который его разбранил, он не только не позвал на обед, да и книги ему вовсе не поднес. Словом, не поклонился, как

следует». «Вышли романы такой-то и такой-то,—продолжает букинист, кончив описание обеда у сочинителя.—Первый похвалили все журналы, а должно быть, не очень хорош, расходуется куда как плохо. Вот я целый месяц ношу один экземпляр и не знаю куда сбыть. Второй роман похвалил один только журналист, и то потому, что сочинитель приходится ему зять или свояк, не могу наверное сказать. Расходуется нешто, так себе, но больше в простом народе...»

Конечно же, судя со своей колокольни, Трофим несколько наивно и по-своему объясняет причины успеха или неуспеха той или иной книги (единственное мерило ценности книги для него—рыночная ее популярность), но закулисная сторона литературной жизни известна ему во всех тонкостях.

Такое доверие, однако, букинист оказывал далеко не всем своим клиентам, а лишь тем, кого он почитал за людей «понимающих и знающих». А других не грех и надуть, особенно псевдобиблиофилов, гоняющихся за модными книгами, или разбогатевших выскочек-парвеню, решивших украсить свое жилище «приличным убранством». «Но вот бывали еще какие библиофилы,—пишет Н. Д. Иванчин-Писарев в очерке «Библиофилы» (журнал «Москвитянин», 1843, ч. VI, № 12),—у одних книги расставлены так: большие на нижних, малые на верхних полках, и, если не придутся форматы одинаковой вышины на той же полке, то хозяин отсылал несколько из них к переплетчику, чтобы урезать верхние и нижние края по данной мерке». Забавна сценка в очерке А. П. Голицынского «Представители Толкучего рынка». Два букиниста рассказывают друг другу разные смешные истории, в том числе и такую. Один курский купец, приобретший дом в деревне, решил обставить его в стиле дворянского имения. Этот разбогатевший «мещанин во дворянстве», не мудрствуя лукаво, надумал купить библиотеку целиком—применяясь к собственному опыту, на аршины, «вот как в лавках купцы сукно меряют». Зазвал он букиниста к себе: «Я, говорит, братец, все гуртом куплю, коль дешево продашь, потому я, говорит, у себя в деревне такую библиотеку развожу,—так мне, говорит, пропасть книг надобно». Хорошо, торговались, торговались. «Да ты, говорит, любезный, вот что: эдак мы с тобой до второго пришествия будем толковать, а дела не сделаем; так ты продай мне их на меру...—Как же, мол, так, на меру?...—А так, говорит: ты их разложи вот тут на полу рядышком, по порядку, да и смеряем, сколько выйдет аршин, столько я тебе и заплачу, почем там аршин придется...»

А вот другой тип покупателя, которого букинисты считают «сладким», покупателя, интересующегося все больше насчет

«клубнички» — бульварной литературы с гривуазным оттенком. Один из букинистов в очерке Голицынского рассказывает о самом выгодном своем покупателе — старичке-генерале из Старо-Конюшенного переулка: «Иду это я по проулку в Старой Конюшне, а он сидит у окна, цыгарку курит; вид такой важный, пожилой, уж старик, и кавалерия это у него на манишке... Увидал меня: что, говорит, у тебя за книги, покажит-ка! Я сложил мешок на тротуар. — Извольте, мол, Ваше Превосходительство, всякие есть, какие потребуются. — Покажи. Вижу — человек особа: подал ему Белинского — тогда у меня была книжка. Посмотрел. — Ну, эту, говорит, клади опять в мешок, это говорит, ученая чушь... пусть ее читают такие дураки, как ты...» Но вдруг взгляд генерала падает на книжонку «клубничного» свойства. «Так у него глаза-то и засветились, словно уголья, — продолжает букинист свой рассказ. — Вот эту, говорит, я у тебя, братец, возьму. Да посмотри-ка, нет ли у тебя в мешке-то еще таких? — Теперь, мол, нету, Ваше Превосходительство, а если вашей милости требуется, так завтра ублаговторю вас этими книжками, сколько угодно. — Ладно, ладно, говорит, братец, приноси, сколько хочешь, хоть сотню приноси, все покупаю; только, говорит, чтоб в них вот об этом самом предмете было написано, не инаково...»

Промышляет «клубничным товаром» и пройдоха-букинист из очерка В. В. Крестовского. Увидев в библиотеке писателя роман Поль де Кока «Муж, каких много», он умоляет уступить ему книгу: «А я вам скажу так: что теперича этот самый Поль де Кок для нашего брата самая подходящая статья...»

В очерке писатель изображает букиниста новой формации — тертого калача, «сквозь огонь и воду и медные трубы перепущенного». Любопытен прием, с помощью которого такой книжник проникает в дом ученого, литератора или библиофила. Дабы снискать доверие хозяина, он чаще всего объявляет себя «присланным от Н. Ф. Щ-ны, М. И. С-кого, г-на Г-ди или г-на М-ова (псевдонимы эти довольно прозрачны: угадываются популярные имена петербургских ученых и крупных собирателей 60—70-х гг. — публициста и критика Н. Ф. Щербины, историка М. И. Семева, библиофила Г. Н. Геннади и библиографа В. И. Межова). Прежде всего, такой букинист всеми силами стремится «прорваться» в библиотеку хозяина. Получив ответ, что у него и книг-то никаких нет, «жучок» недоверчиво ухмыляется: «Никак эфтому быть невозможно!.. Как же литератору и, вдруг, без книг быть? Никак этого нельзя!», и снова пускает в ход имена своих «знакомых»: «Таперича вот у Михайлы Ивановича Синевского (Семев-

ского.— А. Б.), али у господина Генадия—просто страсть сколько книжек—шкапы лопаются-с! Право слово, лопаются». Хозяин, принадлежа к ученому или литературному клану (или думая, что он к нему принадлежит), поддается на лесть, и, к своему несчастью, допускает букиниста в кабинет...

В течение каких-нибудь двадцати-тридцати минут вся библиотека пересмотрена, все книги встали на свои места... за исключением отложенной стопки книг. Правдами и неправдами пытается букинист заполучить их, уговаривая литератора «уступить». В ход идут всевозможные уловки. Главная из них— «приятельские отношения» с крупнейшими писателями и библиофилами...

Ублаженный и умасленный сладкими речами владелец, наконец, сдается, и книги мгновенно исчезают в мешке букиниста, который кажется поистине бездонным. Книжник клянется достать нужные хозяину книги взамен взятых, но часто исчезает затем бесследно...

Образ букиниста, впрочем, не совсем однозначен и прямолинеен. Он любит книгу не только ради барыша; она сама по себе доставляет ему удовольствие. «И ведь много таких-то промеж нашего брата есть,—говорит книжник.— Сами деньги платят, сами для себя покупают. И ведь разное любят. Один все больше насчет божественного, другой рукописи раскольниковы, третий просто старопечатные, четвертый все ученые, что фигуры геометрические расчерчены да цифирь разная...» Любимой книгой самого букиниста (добытой, правда, не совсем честным путем) стала редкая книга «осемнадцатого века, мудрец писал»: «Познай себя в естества испытании, через последователей Трисмегиста Великого изложенное»⁶, которую просил достать его постоянный клиент— «почтамский старичок», и деньги обещал хорошие— «уж он на том и стоит, что все жалованье свое на старинные книги ухлопывает». После ряда приключений букинисту удастся достать эту книгу, но он решает оставить ее у себя. «Это у меня самая душевная, самая разлюбимая книга стала. От посторонних хороню, да и себя-то гляденьем на нее не очень-то балую; а так, разве в рассветный час встанешь этта тихонько, откроешь половицу и вынешь ее оттелева; в тряпице она у меня там завернута... Полюбопытствуешь это на нее, походишь, как дитище свое родное, да и опять под половицу. И так ведь я ее теперь люблю, что жисти скорее решусь, чем с этою книгой расстаться, разве что после смерти старику почтамскому (буде переживет) по завещанию

⁶ Мистическое сочинение, приписывавшееся перу вымышленного Гермеса Трисмегиста, «Трижды Величайшего», жившего, якобы, в первые века новой эры.

духовному предоставляю». Книжник великолепно знает своих заказчиков, их вкусы и пристрастия.

Такой букинист может достать все, что угодно. Убедившись, что покупателя не интересует бульварная литература, он тотчас же меняет «клубнично-лукавое» выражение своей физиономии на «осторожно-серьезное»: «Может вам политическое?.. С собой не имеется, а достать — отчего ж? Случаем навертывается, — значит можно, потому: нашему брату всякое наклеывается; к нашему брату книга ровно как рыба в вершу плывет, — спешит он оговориться и как бы оправдаться».

Совсем иной образ букиниста рисует Н. А. Лейкин в одноименном рассказе (1868). Перед нами уже не нагловатый малый из очерка Крестовского, а тихий, патриархальный старичок «с седой, перешедшей уже в желтизну, клинистой бородкой и серенькими подслеповатыми глазками». «В былые годы Фомич был дворовым человеком одного очень богатого помещика и служил ему в качестве домашнего актера-танцовщика, но впоследствии... барская власть дала новое назначение его деятельности. Так как был он грамотен, то его сделали библиотекарем, которым и пробыл он десять лет...» Когда Фомичу было лет сорок, счастливый случай помог ему освободиться от крепостной зависимости и получить вольную. Фомич уезжает в Петербург, «унося из своей родины вечную ненависть не только к своему бывшему владельцу, но и ко всем помещикам вообще». В столице он вначале устраивается приказчиком в книжный магазин, затем заводит небольшую лавчонку в Апраксином дворе, но вскоре разоряется. Начинается путь бедствий и скитаний: Фомич стал «холодным букинистом». Впрочем, его доброта, услужливость, мягкий и ласковый нрав постепенно делают Фомича популярной фигурой в книжном мире столицы. Приказчикам из Гостиного двора он доставляет развлекательное чтение, студентам — учебники и т. д.

Живописна фигура Фомича: зимой и летом в валенках и в высоком котиловом картузе. Последняя деталь его неизменного костюма была, оказывается, вполне «функциональной»: в картузе помещались «клетчатый бумажный платок, табакерка с портретом Наполеона и кой-какие брошюры, которые нужно было особенно сохранять от любопытного ока. Брошюры эти были завернуты в тряпицы и пришиты к подкладке картуза». Писатель, по-видимому, из цензурных соображений, не уточняет содержания и характера этих брошюр, но, судя по дальнейшему содержанию рассказа, букинист в этом своеобразном «тайнике» хранил нелегальные издания, возможно — произведения вольной печати. Вполне вероятно, что среди них

находились «Колокол» и «Полярная звезда», издаваемые А. И. Герценом в Лондоне и тайно провозимые в Россию.

Комнату Фомич нанимал на Лиговке, содержал ее в чистоте, вечерами же составлял конволюты — вырезал и переплетал вместе «статьи Чернышевского, Добролюбова и тому подобных чтимых публикою авторов». В сундуке Фомича хранились особо ценные книги, ждущие своего покупателя, и небольшая толика денег, накопленных в течение всей жизни. Заветная мечта старого букиниста — купить маленький домик в родной деревне: «Туда переберусь я, когда перестанут служить ноги», — думал Фомич, и эти думы подбодряли его: он с большим рвением бегал со своими мешками. Но, увы, мечтам этим не суждено было сбыться... Однажды Фомич пропал, а вслед за его исчезновением нагрянули в дом полицейские, сделали в его комнате обыск, переворошили все. Лишь через две недели явился старый букинист «таким же, как и был, только его котиковый картуз стал значительно ниже по случаю исчезновения из него некоторых брошюр».

Судя по всему, побывал наш Фомич у «голубых мундиров», в III отделении, которое в это время проводило расследование по делу о «нелегальной пропаганде в империи». Дома ждал его еще один неприятный сюрприз: его сосед, «кабацкий заседатель» Флегонт Михайлов, воспользовавшись отсутствием Фомича, взломал сундук и украл все его сбережения. Это так потрясло бедного букиниста, что он и делом постепенно перестал заниматься, лишь продавал оставшиеся вещи и книги, не приобретая новых. Многие клиенты букиниста отшатнулись от него после этой истории, «потому что прошла молва, что он содержался под арестом из-за каких-то фармазонских и бунтовщических книг, вследствие чего робкие люди и начали его бояться...» Оскорбленный в своих лучших чувствах, Фомич все чаще направляет свои стопы «в место злочно и прохладно» вместе со своим соседом-сапожником. Визиты делались все чаще и «в полгода такой жизни Фомич спился окончательно и из доброго старика обратился в ходячую развалину...» На печальной ноте заканчивается рассказ о старом букинисте: «По Ямской, по направлению к Волкову кладбищу, ехали розвальни; на розвальнях стоял простой, сосновый некрашенный гроб: в гробу лежал Фомич. За гробом шел сапожник. Дойдя до Растанной улицы, сапожник остановился, постоял, подумал о чем-то, вынул из кармана медные деньги, посчитал их на ладони, перекрестился, махнул рукой по направлению гроба — свернул в кабак».

Не менее драматична судьба петербургского букиниста, изображенная в автобиографической книге Николая Ивановича

ча Свешникова (1839—1899), выразительно озаглавленной «Воспоминания пропадающего человека»⁷. Выдающиеся писатели второй половины XIX в. (Г. И. Успенский, Н. С. Лесков и др.) отмечали художественный дар Свешникова, его умение живописать детали. Н. С. Лесков писал, например, что книге Свешникова присущи «наблюдательность, последовательность, точность в описании, простота и отсутствие сентиментализма в выражении ощущений и здравый смысл, сообщающий весьма простой и безэфектной картине интерес характерного явления, которое достойно внимания». Писатель из народа сообщает в своей книге удивительно интересные подробности букинистической торговли в старом Петербурге, рисует в ней колоритные образы книготорговцев-апраксинцев, «холодных букинистов», мелких лубочных издателей. С потрясающей искренностью повествует он о своих горестях, об ужасных превращениях судьбы, бросавших его из одного конца России в другой (часто — по этапу под конвоем), о жестоком и холодном мире, в котором ему довелось жить... Не случайно этот интереснейший и в своем роде уникальный человеческий документ привлек в свое время внимание издательства „Academia“, выпустившего повествование Свешникова полвека назад. Книга букиниста стала уже сейчас большой библиографической редкостью и вполне, на мой взгляд, заслуживает переиздания.

В этой статье рассказано далеко не о всех произведениях русских писателей XIX в., посвященных изображению красочного и пестрого мира петербургских книжников. В необозримом океане великой литературы, несомненно, можно найти и другие произведения на эту тему. С большой художественной силой запечатлен этот ушедший мир в русской поэзии того времени, в частности, в известном стихотворении Н. А. Некрасова «Букинист и библиограф», в шутливой поэме И. В. Федорова (Омулевского) «Послание букинистам Александровского рынка» и произведениях других поэтов. Задача исследователей-книговедов и библиофилов — дальнейший поиск творений русских писателей, так полно и ярко запечатлевших книжный мир России во всех его проявлениях.

⁷ Первоначально повесть Н. И. Свешникова была опубликована на страницах журнала «Исторический вестник» (1896, № 1—8), затем переиздана в 1930 г. издательством „Academia“ (редакция, предисловие и примечание Л. Б. Модзалевского и С. П. Шестерикова) по тексту подлинной рукописи, хранящейся в Пушкинском Доме. В этой же книге помещены некоторые письма Свешникова, а также очерк Н. С. Лескова «Спиридоны-повороты», включивший в себя рассказ Свешникова о его ранних мытарствах.

БИБЛИОТЕКА УЧЕНОГО
И БИБЛИОТЕКА РОМАНИСТА В XVIII ВЕКЕ

...Знатный дворянин граф де Понсиль был застигнут на охоте грозой и потерял своих спутников. Всю ночь он проблуждал в лесу в поисках пристанища. Наконец, под утро, голодный и замерзший, он очутился на лесной поляне, где увидел простой и очаровательный домик. Перед домом в живой зеленой беседке какой-то человек, лежа на каменной скамье, читал книгу. Каково же было удивление графа, когда в человеке с книгой он узнал своего старого друга — маркиза де Мирмона, о котором он не имел никаких известий вот уже три года. Так начинается роман «Мемуары маркиза де Мирмона, или Философ-отшельник» (1736), принадлежащий перу маркиза д'Аржана, видного французского писателя и философа-просветителя XVIII в.

Главный герой этого романа, разочаровавшись в людях, оставляет светское общество и удаляется в леса, где посвящает свои дни уединенным размышлениям, чтению, музыке и живописи, простым работам в огороде и в саду. Поведав графу де Понсилью грустную историю своего бегства от людей и рассказав о преимуществах своего нового образа жизни, маркиз де Мирмон спешит показать гостю свою библиотеку.

Библиотека философа-отшельника была небольшой, но хорошо подобранной. В ней насчитывалось всего шестьсот томов. Прежде всего маркиз де Мирмон знакомит гостя с книгами философов. Тут труды Платона, «во многом божественного, во многом человеческого, часто — слабого, но всегда искусного». Аристотель, «без комментариев и их ложных идей», Эпикур, Лукреций. Вот — произведения Гассенди («но это скорее история философии, чем собственные мысли философа», — поясняет хозяин библиотеки). Вот Декарт, «разум, здравый смысл и философия обязаны ему больше, чем всей

предшествующей науке за три тысячи лет» («у него было много врагов, но он победил их знанием и добродетелью; невежи видели в нем атеиста, схоласты — еретика, и он был принужден оставить Францию», — добавляет маркиз де Мирмон). «Рядом с ними — Бернье и Роо, один — ученик Гассенди, а другой — Декарта». Вот — Мальбранш, который «ищет истину и часто находит ее». Вот, в пергаментных переплетках, сочинения англичан: «знаменитого Гоббса», «великого Ньютона» («оба глубоки в мыслях, изобретательны в системах»). Вот «три автора, достойные быть наставниками человечества»: Локк («верный в основах, справедливый в выводах, последовательный в умозаключениях»), Лабрюйер (он «умел читать в сердцах, проникал, как бог, в самые сокровенные мысли», его «Характеры» — «критика рода человеческого», они оберегают «от легкомыслия, тщеславия, невежества») и Монтень (он «столь же универсален, но слишком правдив и искренен, чтобы на чем-нибудь настаивать, его сомнения учат большому, чем самые твердые убеждения»). Вот «Мысли» Паскаля, «удивительного гения, подобного небесному огню» («он кажется справедливым даже в ложных тезисах», — добавляет материалист д'Аржан устами своего героя), рядом — его «Провинциальные письма», «шедевр стиля и возвышенности духа» (однако герой не одобряет полемического задора этого произведения: его «брань тем чувствительней и оскорбительней, что представлена в виде приятной соли, увеличивающей яд»). Эти две толстые книги — Плутарх и Сенека, «первый — учит, забавляя, второй — увлекает на путь добродетели и убеждает, не стараясь нравиться». Вот и современное произведение — «Философские мысли» Вольтера, «маленькая брошюра, которая при самом рождении была приговорена к смерти, но ей суждено жить многие века». Друг и единомышленник Вольтера, д'Аржан добавляет еще несколько сочувственных слов в адрес этой книги, «вызвавшей ненависть монахов и невежд» за то, что она «прославляет ученых в ущерб тем, кто с помощью религии обманывает мир». Вот, наконец, Дунс Скотт, с его «ребячеством, схоластикой», а рядом — «нечто похожее» — труды Фомы Аквинского¹.

Вторая полка, — продолжает показывать свою библиотеку хозяин, — наполнена книгами историков. Тут, наряду с грече-

¹ Marquis d'Argens. Memoires du marquis de Mirmon, ou le Solitaire philosophe. Amsterdam, 1736, p. 134—141. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте. Имеется русский перевод этого романа: Маркиз Мирмон, или Уединенный философ. Спб., 1783 (без имени переводчика, с посвящением С. М. Валуеву). Однако интересующая нас глава в русском переводе значительно сокращена.

скими и латинскими авторами,—сочинения лучших французских историков: Ж.-О. де Ту, Ф. де Мезере, отца Г. Даниеля. Вот, наконец, собранные в полном объеме, произведения Пьера Бейля, «универсального ума, чья философия, эрудиция, литературный талант — поражают» (с. 142).

Следующая полка была отведена античным поэтам: Гомер, Пиндар, Софокл, Эврипид, Вергилий, Гораций, Овидий, Теренций, Ювенал, Персий, Тибулл, Катулл, Проперций. «Посредственные умы их критиковали, великие — подражали им», — добавляет хозяин библиотеки. Рядом — «самые лучшие» новые авторы: Тассо, Ариосто, Гварини, Петрарка, Маро, Малерб, Ренье, Корнель, Расин, Буало, Лафонтен, Мольер². Есть тут и современные авторы, но их немного: Ж.-Ж. Руссо, Вольтер (поэма «Генриада», трагедии «Эдип» и «Заира»), трагедии Кребийона, Кампистрона, эклоги Фонтенеля, «одна-две пьесы» Лагранжа, поэзия мадам Дезульер и графини де Ла Сюз, сочинения Башомона и Шапеля, три тома Удара де Ла Мотта («купил из-за прозы и из-за пятнадцати од», — добавляет маркиз де Мирмон). Всех остальных, «дурную компанию», он «изгнал из своей библиотеки» (с. 144). В эту «дурную компанию», как поясняет хозяин, он включает, прежде всего, официальные труды членов Французской Академии. Как видим, почти начисто отсутствуют тут и теологические сочинения.

Среди периодики, «журналов, изданных в разных концах Европы», владелец библиотеки отдает предпочтение двум — ученому „*Journal des savants*“ (выходившему в Париже и в Голландии) и амстердамскому философско-литературному обозрению „*Bibliothèque raisonnée des ouvrages des savants de l'Europe*“.

В заключение маркиз подводит графа еще к одной, последней, полке. Однако оставим на время двух друзей, к этой полке мы еще вернемся...

Такой виделась идеальная библиотека французскому романисту XVIII в. Столь подробное и детальное описание (занимающее в целом около двенадцати страниц) домашней библиотеки в романе не должно нас удивлять. XVIII век — время накопления и систематизации новых знаний. Это время эрудитов, людей, стремившихся к широкому, всестороннему, энциклопедическому постижению мира. Не случайно наиболее распространенными настольными книгами всякого серьезного ученого, писателя, просто человека пера во Франции и во всей

² Обращает внимание отсутствие Данте и Шекспира: идет 1736 г. и вкусы владельца библиотеки еще явно тяготеют к классицизму.

Европе были «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля, «Картины природы» („Le Spectacle de la Nature“) аббата Антуана Плюша, а позднее — «Естественная история» Бюффона, «Энциклопедия» д'Аламбера и Дидро. И не случайно лучшие умы эпохи Просвещения много внимания уделяли искусству составления библиотеки. «Всякий более или менее состоятельный человек, всякое частное лицо, если оно не было вовсе необразованным, — имели собственную библиотеку, более или менее обширную», — характеризовал это время Дидро в специальном трактате «Письмо о торговле книгами»³. В XVIII в. было собрано много прекрасных библиотек. Таковы, например, библиотека Вольтера, библиотека Дидро (оказавшись впоследствии в России), библиотеки Монтескье, Массильона, Геллетта, Дюкло, маркиза Р.-Л. д'Аржансона, Ла Кондамина, Дорту де Мэрана, Бюффона, Тюрго, Гольбаха, О.-Г. Мирабо, библиотеки Свифта, Семюзля Джонсона — в Англии, Гете — в Германии, а из русских — библиотеки Антиоха Кантемира (впоследствии частично вошедшая в состав библиотеки Вольтера), Анастасия Кондоиди, М. В. Ломоносова, А. И. Мусина-Пушкина, Д. П. Бутурлина⁴. Публикуются руководства по искусству составления библиотеки. Одно из наиболее серьезных и известных среди них — брошюра Ж.-А.-С. Формея «Советы, как составить библиотеку, малочисленную, но хорошо подобранную» (1755, второе издание — 1764). Жан-Анри-Самюэль Формей (1711—1797), происходивший из гугенотской семьи из Шампани, всю свою жизнь, спасаясь от религиозных гонений, провел в Пруссии. Видный теолог, пастор французской церкви в Бранденбурге, профессор красноречия и философии во Французском коллеже в Берлине, член Берлинской Академии наук и искусств и ее неперменный секретарь с 1748 г., он активно

³ Diderot D. Oeuvres completes. Paris, 1876, t. XVIII, p. 72.

⁴ Каталоги некоторых частных библиотек XVIII в. опубликованы: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.; Л., 1961; Catalogue de la bibliothèque de Montesquieu, publié par L. Desgraves. Geneve; Lille, 1954; Catalogue de la bibliothèque de J.-B. Massillon, édité par J. Ehrard et J. Renwick. Clermont; Ferrand, 1977; Williams H. Dean Swift's library. Cambridge, 1932; Catalogue of the valuable library of books of the late learned Samuel Johnson. London, 1892; Goethes Bibliothek. Katalog. Weimar, 1958; Александренко В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава, 1896. См. также: Mornet D. Les Enseignements des bibliothèques privées (1750-1780). — Revue d'histoire littéraire de la France, 1910, N 3, p. 449-496 (в работе описаны и проанализированы каталоги пятисот частных французских библиотек XVIII в.); Ehrard J. Le XVIIIe siècle. I. 1720—1750. Paris, p. 20-22; Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. — В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг, с. 7—67; Рош Д. Ученый и его библиотека в XVIII веке (Книги неперменного секретаря Академии наук, члена Академии г. Безье Жана-Жака Дорту де Мэрана). — В кн.: Век Просвещения. Москва; Париж, 1970, с. 113—148.

участвовал в научных, философских, теологических спорах. Он был одним из издателей известного журнала „Bibliothèque germanique, ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des pays du Nord“ и основал, в 1740 г., „Journal de Berlin“. Он слыл одним из просвещеннейших умов своего времени. Его главнейшие философские труды: «Система истинного счастья», «Христианский философ, или Моральные рассуждения», «Краткая история философии», «Анти-Эмил»⁵. Когда Дидро и д'Аламбер начали издавать «Энциклопедию», он стал ее активным участником. Ему принадлежит 81 статья об естественных науках, морали, философии, теологии: статьи эти, по меткому выражению Жака Пруста, «являются плодом ума, горестно раздираемого влечением к просвещению и верностью христианской традиции»⁶.

Духом века «Энциклопедии» веет и от его «Советов, как составить библиотеку...»⁷. Цель автора,—говорится в «Посвящении», сопровождающем книгу,—поддержать любовь к словесности, чувство «бесконечно полезное» как частным лицам, так и государству: ведь «сердце очищается по мере того, как просвещается разум». Очень интересно «Предисловие», открывающее «Советы...» и представляющее собою восторженное прославление книги и чтения. Принято считать,—пишет Формей,—что, после беседы, нет более полезного способа развивать ум и употреблять время, чем чтение. Но польза, приносимая беседой, очень зависит от характера собеседников, ведь они могут быть и глупыми, и вздорными, и педантичными, и невоспитанными. Книгу же можно выбрать на любой вкус. Книга всегда доступна, читать можно в любое время, в любом месте, можно оставить книгу и снова за нее приняться. Автор называет два вида читателей книг: профессиональных ученых (которым он воздерживается давать советы) и «всех

⁵ Systeme du vrai bonheur. Utrecht, 1750; Le Philosophe chrétien, ou Discours moraux. Leyde, 1752; Histoire abrégée de la philosophie. Amsterdam, 1760; Anti-Émile. Berlin, 1763.

⁶ О жизни и трудах этого «забытого энциклопедиста» см.: Marcu E. Un encyclopédiste oublié: Formey.—Revue d'histoire littéraire de la France, 1953, N 3, p. 296-305; Roth G. Samuel Formey et son projet d'«Encyclopédie réduite».—Revue d'histoire littéraire de la France, 1954, N 3, p. 371-374; Proust J. Diderot et l'«Encyclopédie». Paris, 1967.

⁷ В одном из разделов своего труда, перечисляя словари и справочники, рекомендуемые им для идеальной библиотеки, он пишет: «Но лучшее из них — „Энциклопедия“ <...> Это произведение навсегда прославит нашу словесность, ученых, ее издающих, и нацию, в лоне которой оно рождается» (Formey J.-H.-S. Conceils pour fermer une bibliothèque peu nombreuse, mais choisie. Berlin, 1755, p. 20. В дальнейшем, ссылки на это издание в тексте). Напомним, что к 1755 г. вышло четыре первых тома «Энциклопедии».

людей обоего пола, которые, имея воспитание, хорошее происхождение, достаточное состояние и досуг, хотят извлечь выгоду из всех этих преимуществ и придать своей жизни новое содержание». К этой второй категории читателей, которые, «полные вкуса и даже пыла к изящной словесности», не знают, как удовлетворить эти счастливые наклонности, и, выбирая книгу, «блуждают в потемках»,— и обращается Формей. «Когда какой-нибудь знатный сеньер хочет завести библиотеку из одного тщеславия, чтобы украсить ею свои апартаменты, он не нуждается ни в каком руководстве: он покупает книги на метр (*a la toise*), выбирая красивые переплеты». Но сеньер, дама, у которых «есть ум, вкус, знания и кто хочет пережить сладостные моменты, даваемые чтением», должны браться за это совсем иначе. «Прежде чем полюбить, надо познать,— гласит известная максима». Поэтому тот, кто хочет собрать библиотеку, в которую будет входить с удовольствием, должен поместить туда сочинения, о достоинствах которых он знает. Им и предназначены эти «Советы...» Автор убежден, что «пятьсот или шестьсот» хороших книг, выбранных «с умом и сердцем», вполне достаточно для идеальной библиотеки, иначе можно запутаться «в бесконечном море книг, коими заполнена Вселенная» (с. XIX—XXIV).

Идеальная библиотека, по Формею, должна состоять из следующих двенадцати разделов: I. Теология и Священная история. II. Философия⁸. III. Изящная словесность⁹. IV. Журналы. V. История. VI. Романы. VII. Поэзия. VIII. Красноречие. IX. Этика и мораль. X. Науки военные и математические. XI. География и путешествия. XII. Юриспруденция и медицина.

Каждый раздел Формей начинает с общих трудов по методологии, затем перечисляет словари, работы наиболее общего характера и лишь потом— частного. В конце каждого раздела приводится общий список рекомендуемых книг.

Наставление Формея имело, конечно, своих предшественников. Одним из них были «Советы по составлению библиотеки» Г. Ноде (1627, второе издание—1644). Габриель Ноде (1600—1653), ученый-эрудит, занимавшийся философией, юриспруденцией и медициной¹⁰, друг философов-вольнодумцев П. Гассенди и Ф. Ламота Ле Вейе, долгое время служил хранителем знаменитой Библиотеки Мазарини. Хорошая библиотека отличается не количеством книг, считает

⁸ В этот раздел, как было принято в XVIII веке, входят и сочинения по физике и по естественной истории.

⁹ Сюда он включает, наряду с античными авторами, словари, трактаты о прекрасном, литературную критику, жизнеописания авторов.

¹⁰ Его труды не раз переиздавались и в XVIII в.

Ноде (50 миллионов томов — «уже не библиотека»), а хорошими авторами. При составлении библиотеки надо следовать методу, обращаться за советами к знатокам, изучать каталоги больших и малых собраний, следить за книгами, выходящими в свет, навещать букинистов. Покупать следует современных и древних авторов, на языке оригинала или в лучших переводах, а также и комментарии к ним. Достоинство книги не в ее цене или величине: существует множество маленьких полезных книг. Необходимы и книги новых ученых-философов, опровергающие старые традиции, а также труды на одну тему, для сравнения, или обобщающие, так как они помогают в изучении разных наук. В хорошей библиотеке должны быть словари, различные справочники, толкования. Не следует пренебрегать новыми авторами, чтобы не прослыть педантом. Говоря о порядке расположения книг, Ноде дает их классификацию по разделам: теология, философия, история, медицина, юриспруденция, математика, гуманитарные науки. Автор «Советов...» убежден, что главная цель библиотеки — делать людей лучше, просвещать их¹¹. Как видим, энциклопедист Формей во многом следовал этим наставлениям эрудита XVII столетия. Возможно, они были известны и широкообразованному маркизу д'Аржану.

Сличение идеальной библиотеки Формея с идеальной библиотекой в романе маркиза д'Аржана позволяет обнаружить большое сходство между ними как по структуре, так и по составу. Обращает на себя внимание, прежде всего, одинаковый количественный состав: «не более шестисот томов» — у д'Аржана и «пятьсот-шестьсот книг» у Формея. Почти полностью, как видим, совпадают и разряды, на которые делится библиотека. Сравнение образцовых сочинений, включенных в тот или иной раздел, также свидетельствует о близости вкусов и убеждений романиста и кабинетного ученого. Так, автор «Советов...» выделяет тех же философов, которым поклоняется и бежавший от света отшельник маркиз де Мирмон: Декарт, Гассенди, Паскаль, Ньютон, Локк, Бейль, Мальбранш. Но есть тут и новые имена: Кондильяк, д'Аламбер, Мопертюи, Бюффон, Реомюр, отец Бужан, Рейналь. Все это — авторы, труды которых сделались известны в те двадцать лет, что отделяют роман д'Аржана от «Советов...» Формея. В отношении образцовых поэтов список Формея также почти полностью повторяет

¹¹ Naude G. *Advis pour dresser une bibliotheque*. Paris, 1627. О. Ноде см.: Rice J. V. *Gabriel Naude, 1600-1653*. Baltimore, 1939; Adam A. *Histoire de la litterature française au XVIIe siecle*. Paris, 1948, t. I, p. 309-312; Curtis D. E. *Progress and eternal recurrence in the work of Gabriel Naude*. Hull, 1967; Clarke J. A. *Gabriel Naude: 1600-1653*. Hamden, Connecticut, 1970.

рекомендации д'Аржана: Гомер, Анакреон, Персий, Вергилий, Гораций, Тибулл, Катулл, Ювенал, а также Тассо, Гварини, Камюэнс, Маро, Ронсар, Ренье, Малерб, Корнель, Расин, Мольер, Буало, Лафонтен, мадам де Ла Сюз, Ж.-Ж. Руссо, Фонтенель, Вольтер (по-прежнему отсутствуют Данте, Шекспир и другие «варварские», с точки зрения классицизма, авторы, однако, появляются английские писатели: Мильтон, Поп).

Формей, несомненно, должен был хорошо знать сочинения маркиза д'Аржана. Большая часть жизни д'Аржана, не выдержавшего удушливой атмосферы феодально-клерикальной Франции, прошла при том же дворе Фридриха II, где служил Формей. Маркиз д'Аржан возглавлял отделение изящной словесности той же Берлинской Академии, где Формей был непременным секретарем. Его романы и философские трактаты печатались в тех же вольных типографиях Амстердама, Лейдена, Гааги, что и труды Формея. Наконец, в состав своих «пятисот-шестисот» сочинений, способных украсить любую библиотеку, Формей включает и несколько произведений маркиза д'Аржана (с. 45, 67).

Есть, однако, и различия во взглядах на выбор книг у наших двух авторов, главные из которых суть: философ-просветитель, материалист д'Аржан почти начисто исключает из своего собрания сочинения теологического характера; его выбор книг не столь широк: отсутствуют такие разделы как науки военные и математические, география и путешествия, медицина (хотя сам д'Аржан много занимался медициной, а любознательные герои его романов немало страниц посвящают описанию далеких и близких стран, посещенных ими); разного мнения придерживаются они и о «Мемуарах» Французской Академии и о периодических журналах¹². Убеждения д'Аржана, как видим, более радикальны; вкусы и интересы Формея, нельзя не признать, более разносторонни.

И, наконец, еще один элемент нашего сравнительного анализа. Как помним, мы оставили двух друзей, героев романа д'Аржана, когда они еще не успели до конца осмотреть библиотеку философа-отшельника. «А это — романы, — сказал маркиз, подводя гостя к последним полкам. — Романы! — воскликнул граф. — Как, философы читают романы?» (с. 146).

В связи с этим забавным местом необходимо сделать небольшое отступление. К 1730—1740-м гг. роман сделался во

¹² Д'Аржан, делая исключение для двух вышеупомянутых ученых обозрений, всех остальных журналистов именует «крикунами, нанятыми издателями, чтобы обманывать читателей» (с. 145). Формей, напротив, включает в рекомендуемую им библиотеку несколько десятков периодических изданий, публикуемых во Франции и Голландии.

Франции наиболее распространенным литературным жанром. Однако по традиции, сохранившейся со времени господства классицистической эстетики и наиболее полное и красноречивое выражение нашедшей в «Поэтическом искусстве» и других трактатах Буало, теоретики прекрасного относились к роману настороженно, а то и враждебно и даже с известной долей презрения как к жанру низкому, «безродному», не имеющему корней в античности. Роман, по традиции, продолжал считаться несерьезным развлекательным жанром, удовлетворяющим неприхотливым вкусам легкомысленного и необразованного читателя, но мало подходящим для библиотеки серьезного ученого, которому он может принести скорее вред, чем пользу. 1730—1740-е гг.—период ожесточенных гонений на роман во Франции. Однако именно в первой половине XVIII в. во Франции (и в Англии) рождается новый роман—роман нравов, роман реально-психологический, роман философский. Лучшие умы этого времени хорошо понимали, что в романе скрыты неисчерпаемые возможности для нового—более полного и правдивого отражения жизни. Одним из первых это понял маркиз д'Аржан, плодовитый романист и видный литературный теоретик.

«А почему бы философам не читать романов?—отвечает маркиз де Мирмон своему другу.—Есть такие романы, которые могут принести больше пользы, чем иные самые серьезные книги». И он называет два наиболее прекрасных, на его взгляд, романа. Первый из них—«Приключения Телемака» Фенелона—«шедевр человеческого ума», его уроки формируют ум и сердце не меньше, чем «Моральные опыты» Николя или труды Цицерона. Второй—«полный здравого смысла» «Дон Кихот», в нем хозяин библиотеки, мучимый сомнениями, «находил утешение и поддержку чаще, чем у Эпиктета». Далее он одобрительно отзываясь о «лучших романах» XVII в.: «Клеопатре», «Кассандре», «Фарамоне» Ла Кальпренед (я друг и слуга всех его героев»,—добавляет философ-отшельник). Упомянув об «изгнанных» из библиотеки «за пустословие» «Великом Кире» и «Клелии» мадемуазель де Скюдери, он говорит, что не та судьба у «Ариадны» Демаре и «Полександра» Гомбервиля («я им обязан не меньше, чем романам Ла Кальпренед»). Рядом—мадам де Вильдьё, автор «маленьких превосходных романов». Есть в его библиотеке и «новые романы, написанные стилем чистым и забавным»,—«Мемуары мадам де Барневельд» Жана д'Овиньи, «История Кливленда» аббата Прево, «Удачливый крестьянин» Мариво («мне нравится все, что появляется в таком роде»). Далее следует забавное рассуждение о собственном романе маркиза

д'Аржана «Мемуары г-на маркиза д'Аржана» (напомним, что «Философ-отшельник» печатался анонимно), появившемся годом раньше, причем автор не только хвалит свое сочинение (за «правдивость действия, простоту стиля»), но и слегка критикует его («можно лишь пожелать, чтобы автор, у которого есть живость и талант, больше щадил тех, о ком он говорит»). Наконец, и та книга, в руках с которой застал философа-отшельника его неожиданный гость, — тоже романтическое сочинение — это известная история любви Феагена и Хариклии¹³. Вот те романы, которые способны, по мысли маркиза д'Аржана, украсить библиотеку самого взыскательного просвещенного читателя.

Конечно, в этом перечне не хватает многих хороших романов XVIII в., но большинство из них еще и не были написаны¹⁴. Не существовало еще, из романов первой половины века, ни «Мемуаров графа де Комменжа» и «Осады Кале» мадам де Тансен, ни «Заблуждений сердца и ума» и «Софы» Кребийона младшего, ни «Исповеди графа де ***» и «Истории мадам де Люз» Шарля Дюкло, ни «Писем перуанки» мадам де Графиньи, ни «Истории одной гречанки» аббата Прево, ни «Нескромных сокровищ» Дидро, ни повестей Вольтера. Появление в первой половине века этих и многих других произведений означало, что новый французский роман, несмотря на непрекращающиеся гонения, убедительно заявил о себе как о сложившемся литературном жанре, способном ставить и разрешать сложнейшие современные общественно-политические, философские, моральные проблемы. Это новое положение французского романа к 1755 г. и получило отражение на страницах книги Формея.

Раздел VI его «Советов...», как помним, озаглавлен: «Романы». «Можно подумать, — пишет Формей, имея в виду устарелые представления литературных теоретиков, — что создатели романов, с точки зрения историков, пребывают в положении незаконных детей по отношению к законным. Но, чтобы смягчить это сравнение, я прибавлю, что, хотя они и находятся в положении незаконных детей, по опыту видно, что они часто имеют более ума, приятности, что они лучше

¹³ Возможно, это — полемический выпад против хулителей романа, утврждающих, что он не был известен в античности.

¹⁴ Из французских романов, напечатанных до 1736 г., удивляет, пожалуй, отсутствие здесь «Персидских писем» Монтескье, романов Лесажа, «Манон Леско» А.-Ф. Прево, «Жизни Марианны» Мариво. Что касается Монтескье, то много похвал «неподражаемому автору» «Персидских писем», «одному из самых великих людей, живущих ныне в Европе», можно встретить на страницах позднейших романов д'Аржана — «Еврейские письма» и «Кабалистические письма».

пользуются дарами природы, чем законные. Существуют, бесспорно, романы, написанные чрезвычайно искусно; они увлекают, волнуют» (с. 40—41). Автор предупреждает, что даже не сможет включить все достойные романы в свою избранную библиотеку, так много их уже появилось. Среди рекомендуемых им образцовых произведений есть и старые, это — Рабле, Боккаччо, Маргарита Наваррская, «Дон Кихот», а также романы XVII в.: «Астрея» д'Юрфе, «Полександр» Гомбервиля, «Ариадна» Демаре, «Кассандра», «Клеопатра» и «Фарамон» Ла Кальпренеда, «Великий Кир», «Клелия» мадемуазель де Скюдери, «История Франсиона» Шарля Сореля, «Принцесса Клевская» и «Заида» мадам де Лафайет, романы мадам де Вильдьё, мадемуазель де Люссан, графини д'Онуа и новые — «Хромой бес» и «Жиль Блас» Лесажа, «Мемуары милорда...» П.-А. Лапласа («маленькая книга, полная ума и изящества»), «Исповедь графа де***» Дюкло, «Осада Кале» мадам де Тансен. Анализируя состояние нового французского романа, автор выделяет три типа повествования. Первый (представленный «Мемуарами знатного человека», «Историей Кливленда», «Киллеринским настоятелем» и другими сочинениями аббата Прево), где доминирует «трогательное и трагическое»; и хотя тут встречаются события, «грешащие против правдоподобия», — в целом эти произведения подкупают чистотой стиля, искусством композиции, тонкостью анализа душевных движений. Второй тип представлен романами Мариво «Удачливый крестьянин» и «Жизнь Марианны». В повествовании Мариво мало событий, однако они служат поводом ко множеству размышлений, тонких, оригинальных, но тяготеющих иногда к изысканности, претенциозности. К третьему типу повествования Формей относит произведения Кребийона-сына, тем не менее он не берется определить их отличительные черты («пусть другие поищут идею в „Танзаи и Неадарне“, „Софе“, „Григри“¹⁵, „Атальзиаде“»), отзываясь, правда, с особой похвалой о романе «Заблуждения сердца и ума». Автор «Советов...» не мог не обратить внимания на бурное развитие в эти годы английского романа, некоторые из них («Памелу» и «Клариссу Гарлоу» Ричардсона) он включит в свою библиотеку. Отметим, наконец, что есть здесь и много романов маркиза д'Аржана («я бы обидел его, если не вспомнил о них»).

¹⁵ Здесь у Формея неточность. Изящная «японская» сказка «Григри», опубликованная анонимно в 1739 г. (ее выходные данные: «Нагасаки, в типографии Клиппорзенкру, в год от сотворения мира 59.749»), принадлежит перу Луи де Каюзака (Cahusac), будущего энциклопедиста и товарища Формея по Берлинской Академии.

Таким образом, «Советы...» Формея зафиксировали важный процесс утверждения романа в качестве полноправного литературного жанра; один из первых этапов этого процесса, как помним, получил отражение в книге маркиза д'Аржана. И действительно, если в 1736 г. романист, формируя свою идеальную библиотеку, находил возможным включить в нее произведения не более десяти собратьев по перу, то двадцать лет спустя кабинетный ученый (весьма далекий, в отличие от маркиза д'Аржана, от занятий в области повествовательной прозы) смело вводит в свое наставление имена, по меньшей мере, пятидесяти романистов, напоминая, что список его далеко не полон¹⁶.

В настоящее время затруднительно судить, насколько рекомендации Формея совпадали или расходились с реальной практикой формирования библиотеки образованного читателя XVIII в. В хорошо изученных книжных собраниях Монтескье и Вольтера, крупнейших мыслителей века Просвещения, и Ж.-Ж. Дорту де Мэрана, одного из рядовых тружеников науки, романы занимают весьма скромное место. Жан Эرار, основываясь на упоминавшемся выше каталоге библиотеки Монтескье, опубликованном Луи Дегравом, и на статье Даниеля Роша¹⁷, приводит любопытную сравнительную таблицу, иллюстрирующую состав библиотек Монтескье (3236 названий, окончательно сформирована к 1748 г.) и Ж.-Ж. Дорту де Мэрана, математика и естествоиспытателя, неперменного секретаря Парижской Академии наук, члена Французской Академии (3400 томов, формировалась до самой смерти владельца в 1771 г.). Теология и религия занимают в библиотеках Монтескье и Дорту де Мэрана, соответственно, 15 и 5 процентов, право—10 и 1 процент, история—26 и 14 процентов, науки и искусства—28 и 65 процентов, изящная словесность—21 и 13 процентов¹⁸.

Названия романов в составе каталогов библиотеки Монтескье почти не встречаются (два древнегреческих автора—Лонг и Ахилл Татий, Рабле, несколько произведений XVII в.: «Клеопатра» и «Фарамон» Ла Кальпренета, «Клелия» мадемуазель де Скюдери, «Заира» мадам де Лафайет, «Письма турецкого шпиона» Мараны, «Мемуары сераля при Амюрате II»

¹⁶ Отметим, что в «Советах по составлению библиотеки» Габриеля Ноде (1627), о которых шла речь, лаконично сказано: «Романы читают лишь слабые умы» (Naude G. *Advis pour dresser une bibliotheque*, p. 69).

¹⁷ Roche D. *Un savant et sa bibliotheque au XVIIIe siecle*. Les livres de J.-J. Dortou de Mairan...—In: XVIIIe siecle, N 1. Paris, 1969, p. 47-88 (русское издание этой статьи указано выше).

¹⁸ Ehrard J. *Le XVIIIe siecle*. I. 1720-1750, p. 21.

мадам де Вильдье, две утопии: «Приключения Жака Садера» Фуаньи и «История севарамбов» Вераса, а из авторов XVIII в.—только Робер Шалье и Свифт)¹⁹. В перечне книг Дорту де Мэрана, изданном в 1771 г., их тоже мало (среди них—несколько лучших произведений века Просвещения: «Телемак» Фенелона, романы аббата Прево, Мариво, «Персидские письма» Монтескье, «Перуанские письма» мадам де Графиньи, «Новая Элоиза» Руссо)²⁰.

Еще меньше романов в составе библиотеки Вольтера. Среди немногих исключений—«Заблуждения сердца и ума» Кребийона, «Турецкие письма» Сен-Фуа, «Кабалистические письма» и «Китайские письма» маркиза д'Аржана, «Письма дикаря, заброшенного на чужбину» Жюбера де Ла Рю, «История благополучия» аббата Вуазенона, «Новая Элоиза» и «Эмиль» Руссо и еще несколько романов второй половины века²¹.

О библиотеках других крупнейших деятелей французского Просвещения судить вовсе трудно: они затерялись или расплылись. Такая участь постигла, например, прекрасные библиотеки Бюффона, Дидро, Тюрго, Гольбаха, Мирабо, от которых не осталось даже подробных описаний²². Но зато нам довольно хорошо известен состав библиотеки рядового образованного читателя XVIII в. Пятьсот таких библиотек, на основании их каталогов, проанализировал и описал Даниель Морне²³. Среди владельцев этих библиотек: 96 дворян (из них 62— титулованных), 51 адвокат и нотариус, 14 врачей и аптекарей, 29 членов парламента, 45 служителей церкви, 74 чиновника, 16 академиков (в том числе Ла Кондамин), а также писатели, ученые, коммерсанты, офицеры, архитекторы и художники, актеры (Лекэн). Таким образом, это как раз те «люди обоего пола, которые, имея воспитание, хорошее происхождение, достаточное состояние и досуг, хотят извлечь выгоду из всех этих преимуществ и придать своей жизни новое содержание», кому адресовал свои «Советы...» Формей. Почти в каждой из

¹⁹ Catalogue de la bibliotheque de Montesquieu, p. 159-162. Можно предположить, однако, что к моменту составления этого каталога— в 1870-х гг.—некоторые из романов могли быть утрачены.

²⁰ Рош. Д. Ученый и его библиотека в XVIII веке, с. 147.

²¹ Мариво представлен только журналами и пьесами, мадам де Графиньи— пьесой, Прево, Дюкло, Годар д'Окур— историческими сочинениями, граф де Кейлюс— трудами по археологии (см.: Библиотека Вольтера. Каталог книг). Оговоримся, во избежание недоразумений: хотя Монтескье и Вольтер и выступали в качестве создателей романических произведений,—их библиотеки—это, несомненно, типичные библиотеки ученых.

²² См.: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России, с. 8—9.

²³ См.: Mornet D. Les Enseignements des bibliotheques privees (1750—1780).

этих пятисот библиотек мы встречаем романы, «батальоны романов». «Пятьсот читателей, которые не были страстными любителями романов, поставили на свои книжные полки, не считая сотен томов разного рода „Библиотек“ и „Сборников“, романы 697 наименований, опубликованные или переизданные только за период с 1740 по 1760 г.»²⁴. «На одну книгу по медицине приходится два романа»²⁵.

Морне приводит интересные цифры, иллюстрирующие место, занимаемое романами в частной библиотеке XVIII в. Так, в 165 библиотеках из пятисот имелась «Новая Элоиза» Руссо, в 108 — «Письма перуанки» мадам де Графиньи, в 71 — «Теллиамед» Бенуа де Майе, в 68 — «История Кливленда» аббата Прево, в 59 — «Исповедь графа де***» Шарля Дюкло, в 38 — его же «История мадам де Люз»; очень много переизданий романов Лесажа, Мариво, мадам де Тансен, Кребийона младшего²⁶. Однако все это — те самые серьезные, вдумчивые образованные читатели, на которых рассчитывали и Формей, и д'Аржан. В их библиотеках наряду с романами в большом количестве представлены и все главные «книги века»: «Словарь» Бейля (в 288 библиотеках), «Естественная история» Бюффона (220), «Картины природы» аббата Плюшара (206), произведения Вольтера (173), «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера (82).

«Романы никогда не проникнут в кабинет ученого», — писал в своих «Рассуждениях о романах» в 1755 г. (год выхода «Советов...» Формея) аббат Жакен, один из наиболее горячих противников этого нового жанра²⁷. Как видим, аббат Жакен глубоко заблуждался: новый роман скоро занял в этом кабинете видное место.

О другой стороне этого необратимого процесса свидетельствует то возрастающее внимание, которое уделяет новый французский роман рассуждениям о пользе чтения, размышлениям о книгах, описанию библиотек. Одно такое подробное описание мы встречаем уже в «Персидских письмах» Монтескье (1721), посвятившего несколько писем (СXXXIII — СXXXVII) рассказу о большой монастырской библиотеке. Монах, ее хранитель, охотно знакомит любознательного персиани-

²⁴ Ibid., p. 491.

²⁵ Ibid., p. 457.

²⁶ Ibid., p. 460—475. — Но много и старых романов: «Астрей» д'Юрфе (в 80 библиотеках), Сирано де Бержерак (85), «героический роман» XVII в.: Гомбервиль, Ла Кальпренед, мадемуазель де Скюдери (104). Широко представлен и популярный во Франции с 1740-х гг. новый английский роман «Памела» (105) и «Кларисса Гарлоу» (85) Ричардсона, романы Филдинга.

²⁷ Abbe Jaquin. *Entretiens sur les romans*. — Цит. по: Coulet H. *Le Roman jusqu'à la Revolution*. Paris, 1968, t. 2, p. 129.

на Рику с составом этого богатого книжного собрания, переходя от раздела к разделу: теология, словари, толкователи и комментарии, философия, естественные науки, астрология и оккультные науки, история, поэзия и, наконец, романы, которые, оказывается, тоже представлены в библиотеке монастыря²⁸.

Хвалебный отзыв о публичных библиотеках в Париже, открытых для всех желающих несколько дней в неделю, где можно получить любое редкое издание, старинную рукопись и где удобно работать, пользуясь услугами сведущего библиотекаря, можно прочесть в романе маркиза д'Аржана «Еврейские письма» (1736—1737)²⁹. О пользе публичных библиотек пишет и аббат Прево в своем журнале «Le Pour et Contre». Но ученому, писателю, просто просвещенному человеку,—продолжает Прево,—необходимо иметь и свою личную библиотеку. Однако книги дороги; ученые люди—бедны, а богатые—невежественны. В результате, «те, кто больше всего в состоянии пользоваться книгами и кому они наиболее нужны для общего блага,—это обычно те, у кого этих книг недостает»³⁰. Далее писатель осуждает тех, кто, покупая книги, не читает их: «Безумие скупцов, которые собирают богатство и совсем им не пользуются,—не больше безумия некоторых людей, которые собирают огромное количество книг и совсем их не читают. Богатства должны доставлять нам радость жизни, а книги—давать нам знания <...> Их следует собирать не для того, чтобы их сразу же прочесть, но чтобы прибегать к

²⁸ Монтескье. Персидские письма. М., 1956, с. 307—317.

²⁹ См.: Marquis d'Argens. Lettres juives...—La Haye, 1742, t. I, p. 104—105.

³⁰ «Le Pour et Contre», 1734, t. III, N 35, p. 97-99.—На следующих страницах журнала (p. 100—112) помещена рецензия Прево на латинское сочинение немецкого ученого из Виттенберга Даниеля Мзшеля о парижских публичных библиотеках. Ненужную и достойную порицания роскошь—иметь книг больше, чем ты можешь прочесть или справиться в них,—осуждает в своих знаменитых «Мемуарах» (опубликованных посмертно) и маркиз Р.-Л. д'Аржансон (1694—1757). «У меня достаточно обширная библиотека,—пишет он,—но я всю ее составил из книг, мне необходимых». Однако, добавляет он по поводу желания иметь много книг, это «наиболее прекрасная, наиболее благоприятная и, следовательно, наиболее извинительная из всех видов роскошь». Интересны и его размышления о культуре и методе чтения (см.: Marquis d'Argenson. Memoires. Paris, 1825, p. 403—406, 409). Книжное собрание д'Аржансона легло в основу известной Библиотеки Арсенала. «Любовь к книгам, если ее не ведет философия и просвещенный дух,—одна из самых позорных страстей»,—говорится в помещенной в 1751 г. на страницах «Энциклопедии» статье д'Аламбера «Библиомания». «Библиомания столь же разорительна, как честолюбие или сладострастие»,—предостерегающе сказано там же в анонимной статье «Библиоман» (Encyclopedie, ou Dictionnaire des sciences, des arts et des metiers. Paris, 1751, t. II, p. 228).

ним при необходимости и для удовлетворения, при известных обстоятельствах, естественного желания познавать. Но разве не смешно наблюдать людей, погруженных в развлечения и удовольствия света, которые собирают груды ненужных им книг, никогда их не открывают и рассматривают их лишь как мебель. И то, что должно украшать их ум, служит лишь к украшению их жилищ»³¹.

В романе Прево «Английский философ, или История г-на Кливленда, побочного сына Кромвеля» Элизабет Кливленд, мать главного героя, скрываясь от преследований жестокого диктатора в пещерах на берегу моря, помещает туда и свою библиотеку; там она читает книги при свечах³². «Чтение было ее самым любимым занятием. Она собрала всех лучших авторов минувших веков и прибавила к ним лучшие переводы произведений античности. Она так много питалась этим чтением на протяжении нескольких лет, что, и без помощи латинского языка, достигла поразительного знания истории. Но, поскольку главным предметом ее изучения была моральная философия, она прочла в переводах и всех философов, древних и новых»³³.

Много «серьезных книг по морали и истории» читает и воспитанная отшельником в арденнских лесах героиня романа Жана д'Овиньи «Мемуары мадам де Барневельд» (1732)³⁴. Любят чтение и феи. В романе Шевалье де Ла Морлиера «Ангола» (1746), например, описывается библиотека феи Люминез, занимающейся воспитанием главного героя. Здесь, среди старинных ученых книг, есть и романы. Автор не называет имен авторов, но, судя по даваемым им довольно подробным характеристикам, тут можно узнать произведения Мариво, Прево, Кребийона младшего³⁵.

Интересное описание библиотеки содержится и в романе аббата Прево «Мемуары порядочного человека» (1745). Главный герой приходит с визитом к одному светскому знакомому — почтенному президенту — и застаёт его в библиотеке. «Я думаю, что место, где я вас принимаю, — сказал он мне, — должно вам понравиться.» В завязавшейся беседе хозяин сообщает, что его библиотека ценна не по количеству книг, а

³¹ Le Pour et Contre, 1734, t. III, N 35, p. 98.

³² См.: Abbe Prevost. Le Philosophe anglais, ou Histoire de M. Cleveland, file naturel de Cromwel. Londres, 1788, t. 1, p. 55.

³³ Ibid., p. 6—7.

³⁴ См.: Auvigny J. du Castre d'Memoires de M-me de Barneveldt. Amsterdam, 1732, t. I, p. 139. Напомним, что маркиз де Мирмон, герой романа д'Аржана, включил эту книгу в числе немногих в свою избранную библиотеку.

³⁵ См.: Chevalier de la Morliere. Contes. Paris, 1879, p. 139—145.

по их выбору, что, помимо книг, связанных с его профессией юриста, он собирает «самых лучших писателей в разных жанрах». Он любит часто перечитывать, всякий раз с новой пользой, книги из своей библиотеки. «Я бы проводил здесь всю свою жизнь,—прибавил он,—если бы я не был кое-чем обязан обществу <...> Моя библиотека — это для меня всегда то место в Париже, где я чувствую себя всего лучше»³⁶.

Мы привели только несколько примеров из романов первой половины века. Число таких примеров можно было бы умножить: ведь «страсть к библиотекам сделалась всеобщей»³⁷. Все это, на наш взгляд, еще раз подтверждает тот факт (ныне некоторыми не учитываемый), что французский роман первой половины XVIII в. отнюдь не был легкомысленным жанром. Он ставил и разрешал глубокие проблемы, которые волновали лучшие умы эпохи Просвещения. Его подчеркнутое сосредоточенное внимание к вопросу о месте книги в обществе и в жизни отдельного человека, о благотворности знаний, о роли библиотеки,—еще одно тому подтверждение.

Итак, как мы видели, эрудиты и ученые, философы и писатели назидательного века Просвещения, с его непоколебимой верой в практическую пользу наук, стремились руководить вкусами и мнениями своих современников. Через несколько лет, начиная с 1751 г., эту смелую и трудную задачу возьмет на себя «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера. Пока же, в первой половине столетия, наблюдаются разрозненные усилия понять и отразить полную картину современного мира в его сложности и многообразии. Прельстительная мечта об идеальной библиотеке, которая кажется в наше время и умозрительной и немного наивной, которая объединяла и увлекала высокообразованных авторов ученых трудов и любознательных, чувствительных создателей романов,—была, несомненно, одним из проявлений этого стремления.

³⁶ Abbe Prevost. *Oeuvres choisies*. Paris, 1816, t. 33, p. 15—11 (в экземпляре ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, которым мы пользовались, тут опечатка в пагинации).

³⁷ Ibid., p. 15.

Книжный

развал

БРОШЮРЫ ЦИОЛКОВСКОГО

У меня имеется несколько брошюр К. Э. Циолковского, издававшихся им в Калуге и присланных мне им самим. Первой была прислана «Научная этика» (1930) — как ответ на посланную мной книгу — научно-фантастический роман «Планета Ким» (Харьков, 1930). Тема романа — космическое путешествие в межпланетном ракетном корабле, и, естественно, как в тексте романа, так и в предисловии профессора К. Л. Баева говорилось о трудах Циолковского.

На первой странице его книжечки — автограф: «Многоуважаемому писателю А. Р. Палей от автора. 1931 г. 12 ф. К. Циолковский».

Остальные книжки присланы им значительно позже — и вот по какому поводу.

В тридцатых годах я работал в редакции популярного транспортного журнала «В бой за технику» и вел отдел «Транспорт в научной фантастике». Мне удалось привлечь к участию в этом отделе Константина Эдуардовича. В № 5 за 1934 г. он поместил заметку «Пловучий остров» (такие искусственные острова в океане намечались для трансатлантических полетов в предположении, что будет необходима промежуточная посадка; но быстрый прогресс авиатехники сделал такие посадки ненужными), а в № 6 за тот же год статью «Принципы реактивного движения».

Однажды во время переписки с ученым по редакционным делам я был обрадован, получив на свое имя бандероль, содержащую следующие книжки: «Космическая ракета. Опытная подготовка» (1927), «Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы» (1928), «Прошедшее Земли» (1928), «Цели звездоплавания» (1929), «Современное состояние Земли» (1929), «Звездоплывателям» (1930).

Так как книжки были отправлены открытой бандеролью, то на обложках некоторых имеются почтовые штемпели Калуги: 17.I.35.

На третьей странице обложки «Современного состояния Земли» помещен список вышедших книжек и адрес автора, от которого их можно выписывать, с указанием цены каждой книжки. После списка следует трогательное замечание: «Замечу, что от продажи моих брошюр я не возвращаю и одной сотой затраченных денег. Но возможно, что продажа усилится, и тогда я буду иметь возможность издать свои большие труды».

Однако то было в 1929 году, когда напечатана книжка. А в 1935-м, когда она была мне прислана, положение круто изменилось. Имя Циолковского уже приобретало международный резонанс, труды его начинали широко издаваться и притом уже не такими малыми тиражами, какими он сам их печатал.

И автор решительно перечеркнул список, а сверху твердой рукой написал: «Ничего не продаю».

Я бережно, как реликвии, храню книжечки Циолковского — живое свидетельство упорного творческого подвига большого ученого.

ЗАГАДОЧНОЕ ИМЯ

Безвестный автор поэтического шедевра

В конце 1976 года в издательстве «Искусство» вышла книга выдающегося советского философа и филолога Алексея Федоровича Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство». Одна из глав этой книги посвящена рассмотрению мирового образа Прометея, как всемирно-исторического символа цивилизации. В этой главе А. Ф. Лосев приводит целиком стихотворение Петра Сияльского «Прометей», которое, по наблюдениям автора книги, «совершенно никому не известно» (с. 281). В связи с этим и той высокой оценкой, которую дал Лосев сонету Сияльского, приведем его и в нашей заметке:

Пусть ночь мертва, пусть мертво светят луны
Над крышками нахмуренных гробов,
Но я живу, и голос вечно юный
Звучит для вас, как вечно новый зов.
Так тихо спят дремливые лагуны...
Но слышу я — во мгле седых веков —
Стремят на нас жестокие буруны
Бушующие полчища валов.
Я в этот мир для жертвы снизошел
И мне не страшен мстительный орел,
Мне сладок яд его великолепей.
Закованный в заржавленные цепи
Своих нечеловеческих страстей,
Я солнечный, я гордый Прометей.

Лосев справедливо считает, что безвестный автор внес достойный вклад в идейно-художественную разработку образа Прометея: «В стихотворении П. Сияльского выражена антитеза мировой тьмы и ярко сияющего человеческого подвига, который не боится никаких страданий и который пытается преодолеть эту мировую тьму. Если брать русский и зарубежный индивидуализм и чувство красоты сильной личности, как они выражены в литературе, то сонет П. Сияльского отнюдь не займет здесь последнего места, а, пожалуй, будет соперничать и со стихами гораздо более крупных и общеизвестных поэтов» (с. 282).

О Сияльском автор пишет как о литературной загадке: «Этот безвестный поэт, Петр Сияльский, не упоминается ни в каких библиографиях, ни в каких справочниках и картотеках (по крайней мере, в Москве) и ни в каких руководствах по изучению русской литературы» (с. 281).

Сонет «Прометей» разыскан Лосевым в журнале «Прометей», издававшемся в Полтаве в 1919 году (вып. 1).

...Просмотрено большое количество библиографических указателей, различных биографических справочников и словарей, работ по истории русской литературы, мемуаров. Литературная загадка не решена (эта заметка не претендует на большее, чем перенос загадки, поставленной Лосевым, на страницы альманаха книголюбов), но можно предположить, что автором сонета является литератор П. Сияльский, печатавшийся на рубеже первой и второй четвертей XIX века в газетах «Московские Ведомости» и «Тифлиссие Ведомости». Между прочим, Сияльский — его подлинная фамилия, хотя ее особое звучание и производит впечатление псевдонима. У П. Сияльского был свой псевдоним — П. С-ский. Такие сведения о П. Сияльском сообщены И. Ф. Масановым (Словарь псевдонимов. М., 1958, т. 3, с. 86).

После обращения к Масанову поиск стал более целенаправленным и... не принес никаких результатов. Даже в подробнейшей росписи содержания русских литературных альманахов и сборников XIX века, составленной Н. П. Смирновым-Сокольским («Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.» М., 1965), имени П. Сияльского или его псевдонима нет.

... Почти полвека тому блестящий знаток русской поэзии Ю. Н. Тынянов составил план исследования творчества забытых или малоизвестных писателей конца XVIII — начала XIX века с очень характерным заглавием: «Отверженные. Хрестоматия и исследования». (см: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 431). Во включенном в план перечне имен П. Сияльского нет.

Вспоминается статья Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты», просматриваются работы по русской журналистике первой половины XIX века. Имя П. Сияльского не встречается.

Видимо, имя Сияльского осталось на газетных и, может быть, журнальных страницах в пределах своей эпохи, а, как писал В. Н. Баскаков, завеса над богатствами, которые таит в себе периодическая печать XIX века, приоткрыта лишь чуть-чуть (журнал «Русская литература», 1974, № 2, с. 27).

Как же появился сонет «Прометей» в 1919 году на страницах полтавского журнала (напомним, что и он назывался «Прометей»)? Поистине, этому сонету нужна была прометеевская сила, чтобы вырваться из, может быть, почти столетнего забвения на страницы журнала послереволюционной эпохи.

Вероятно, сонет был перепечатан со страниц газеты или журнала начала XIX века в какой-либо ныне забытой хрестоматии и таким образом попал в поле зрения участников полтавского журнала.

Но главные вопросы другие: кто же такой П. Сияльский? Что таит его неведомое поэтическое наследие? Был ли сонет «Прометей» единственной большой удачей поэта или у него есть и другие произведения, отмеченные силой истинного поэтического таланта?

Надо вспомнить, как трудно, но и как плодотворно идет в последние десятилетия работа по обогащению картины литературной жизни пушкинской (и не только пушкинской) эпохи. А. Ф. Лосевым поставлена интересная литературная загадка. Вызов должен быть принят. Поиски неведомых ценностей прошлого, в том числе и поэтических, это (воспользуемся правом первой цитаты из сонета П. Сияльского) — «вечно новый зов».

Харьков

НА ОСТРОВЕ ГОНОЛУЛУ... В ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Библиофилам известно, какую редкость представляют обычно провинциальные издания. Они выходили мизерными тиражами и потому не всегда учитывались библиографами. Несколько лет назад автору этих строк посчастливилось обнаружить в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина именно такого рода раритет — небольшой сборник очерков и рассказов русского писателя-демократа Г. А. Мачтета (1852—1901), автора известной революционной песни «Замучен тяжелой неволей», которую очень любил В. И. Ленин.

Сегодня имя Мачтета и вспоминают главным образом благодаря этой песне, а в 80—90-х гг. прошлого века он был известен своими рассказами из сибирской жизни, а также романами и повестями народнического направления.

Судьба этого писателя была трудной: земский учитель, чернорабочий в Америке, узник Петропавловской крепости, сибирский ссыльный, скиталец по городам и весям России — вот основные этапы его жизненного пути. Неудивительно, что Мачтет умер, не дожив и до пятидесяти.

Найденный мною сборник появился в начале следующего 1902 г. — видимо, это первое посмертное издание произведений писателя. Небольшая книжечка была выпущена в Житомире. На ее титульном листе значится: Г. А. Мачтет. Последние рассказы и письма из Гонолулу¹. Название, на первый взгляд, несколько странное: из биографии писателя достоверно известно, что в Гонолулу он никогда не был. Но тогда, откуда взялись письма?

¹ Мачтет Г. А. Последние рассказы и письма из Гонолулу. Житомир, 1902.

Чтобы ответить на этот вопрос, придется обратиться к малоизученным страницам последних лет жизни Мачтета. Эти годы он прожил в Житомире. В тогдашний центр Волынской губернии писателя привели поиски работы. Даже через десять лет после сибирской ссылки он, высокообразованный человек, владевший несколькими иностранными языками, имел право занять лишь небольшую должность на железной дороге или по ведомству министерства финансов. Именно такую должность — делопроизводителя в губернском акцизном управлении² — и удалось отыскать в Житомире, где в то время жила старшая сестра Мачтета, Мария Александровна, в замужестве Вощинина.

Служба в акцизе отнюдь не была синекурой. Нудная канцелярская работа тяготила писателя. Однако и в столь неблагоприятных условиях он продолжал свою литературную деятельность, причем всю энергию и творческое воодушевление, по свидетельству дочери, отдавал газете «Волынь»³.

В основном благодаря Мачтету, а также молодому М. М. Коцюбинскому, который в 1897—1898 гг. вел в «Волыни» отдел «Свет и тени русской жизни», заштатная газетенка во второй половине 90-х гг. приобретает популярность. Здесь публикуют свои произведения ученый-этнограф Л. Я. Штеренберг, незадолго до того вернувшийся из сахалинской ссылки, опальный польский художник Владислав Казановский, несколько позднее — А. И. Куприн.

Г. А. Мачтет помещал в «Волыни» свои очерки и рассказы, связанные с окружавшей его провинциальной жизнью. В посмертный сборник вошли три из них: «Роковой вопрос», «Подпольная борьба с газетой» и «Последнее слово».

Помимо этого, под псевдонимом Черномор он выступал как фельетонист. Псевдонимом (его принадлежность Мачтету подтверждает словарь И. Ф. Масанова⁴) подписаны несколько десятков статей и заметок под рубриками: «О чем говорят», «Сказки действительной жизни», «Летучие заметки». Своей обличительной направленностью, едким юмором, переходящим

² В книге приказов Волынского губернского акцизного управления сохранилась следующая запись: «1896 года Мая 22 дня Дворянин Григорий Александрович Мачтет, принятый по договору на службу по казенной продаже ... в Волынской губернии, определяется Делопроизводителем Волынского губернского акцизного управления с 20 апреля сего года, с содержанием 1800 рублей в год» (Житомирский облгосархив, ф. 120, оп. 1, ед. хр. 2, л. 27 об.).

³ См. вступительную статью Т. Г. Мачтет-Юркевич в кн.: Г. А. Мачтет. Избранное. М., 1958, с. 24.

⁴ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958, т. 3, с. 235.

в гротеск, они напоминают произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, которого Мачтет очень почитал⁵.

Хотя газета была «подцензурной», в своих публицистических работах, написанных «на злобу дня», писатель ухитрялся задеть многое и многих. Как свидетельствует тогдашняя сотрудница «Волыни» С. М. Эвенсон, «очередных фельетонов Мачтета... город ждал с нетерпением, а «сферы» с затаенным страхом и трепетом»⁶.

В первую очередь это относится к тем фельетонам, которые регулярно публиковались в 1898—1900 гг. под общим названием «Из диких мест». «Дикие места» всегда имели один и тот же адрес: «Тихий океан, остров Гонолулу»⁷ (иногда появлялся еще город Чин-чи-на-по-чи-тай, предместье Ха-пен-ге-ве-зен, дом Держиморды и т. д.) и поэтому в обиходе фельетоны называли просто «Письмами из Гонолулу».

В «Необходимом предисловии издателя» Черномор объяснил, что в его руки случайно попала переписка двух житомирцев, брата и сестры, «самоотверженно взявших на себя тяжелую миссию культуртрегерства в стране дикарей»⁸. Разумеется, порядки, бытовавшие в этой экзотической стране и в ее главном городе Чин-чи-на-по-чи-та-е, были хорошо знакомы читателям «Волыни». По-видимому, современники угадывали и тех реальных лиц, которые в «Письмах из Гонолулу» фигурировали под именами Фамусова, Молчалина, Собакевича, Тряпичкина, Держиморды и других известных «героев» русской литературы. Все то, что более всего было ненавистно Мачтету, он сконцентрировал в образе главного персонажа всех писем, некоего Сени, тупого и самодовольного мещанина и черносотенца.

Культуртрегеры не только рьяно осуществляли «просветительскую» миссию, но и обменивались новостями со своими житомирскими коллегами. Это, в свою очередь, позволяло Мачтету говорить о бездеятельности властей, об обмане рабочих на местном литейном заводе Вайнштейна, о воровстве, казнокрадстве и т. д.

«Правда ли, милая, — вопрошала корреспондентка из Гонолулу, — будто у вас воры в Житомире украли целую каланчу даже. Сообща, это очень пикантно. Как они могли ее увезти и

⁵ См. предисловие к очерку Г. А. Мачтета «М. Е. Салтыков в Рязани». — В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975, т. 1, с. 113—115.

⁶ Цит. по указ. ст. Т. Г. Мачтет-Юркевич, с. 25.

⁷ В действительности Гонолулу — не остров, а город, административный центр на Гавайях.

⁸ Мачтет Г. А. Последние рассказы и письма из Гонолулу, с. 1.

куда спрятать? Говорят, будто у вас собираются всурьез прокладывать мостовые,—неужели и это правда?»⁹

А вот тирада той же корреспондентки из другого письма: «Представь себе,—пишет она,—тут развелись в последнее время книжные магазины и дикари стали с жадностью накидываться на книги. Как тебе это нравится?! По моему мнению, эти магазины—рассадники всякого зла,—я все до одного закрыла бы их и разрешила бы продавать только учебники. Иду я как-то по тротуару и вижу,—в окне магазина пренахально выставлена книжка этого ужасного Спенсера!..¹⁰ Я так вскипела сейчас, что совсем забыла о том, что не заведу цензурой. Вбежала в магазин, раскричалась, и так припугнула приказчика, что он сейчас же убрал с окна книжки»¹¹.

Несомненно, перед нами непосредственные отклики на конкретные события. Еще более яркий пример того, как чутко реагировал Мачтет на малейшее проявление произвола и деспотизма, связан с празднованием в 1899 г. столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина.

К этому событию писатель имел прямое отношение. Еще за год до юбилея в Житомире была создана особая «пушкинская комиссия», в состав которой вместе с другими представителями общественности вошел и Мачтет. Благодаря ему «Волынь» в скором времени сделалась центром подготовки праздника.

26 мая 1899 г. вышел специальный юбилейный номер газеты с большой передовой статьей Мачтета. В тот же день писатель выступил с речью на открытии памятника Пушкину. Монумент был сооружен на добровольные пожертвования народа. Бюст вылепил местный скульптор Генрих Олешкевич по эскизам члена «пушкинской комиссии» штатс-инженера М. В. Бетаки.

Церемония открытия памятника вылилась в настоящее народное чествование великого русского поэта; однако, в праздничной бочке меда оказалась и ложка дегтя. Когда закончил свою пылкую речь Мачтет и был возложен первый венок—от редакции «Волыни»,—к памятнику подошли уездный предводитель дворянства Аршневский и городской голова Давидовский. Они несли венок, на белых лентах которого четко выделялись слова: «Дворянину Пушкину от дворян Волынской губернии».

⁹ Волынь, 1899, 29 авг., № 101.

¹⁰ Спенсер Герберт (1820—1903)—английский философ и социолог.

¹¹ Волынь, 1898, № 67.

«Мачтет побледнел от гнева,—вспоминает дочь писателя,—целые сутки он не выходил из редакции. В фельетоне „Из диких мест“ он едко высмеял всесильного в Житомире предводителя дворянства, изобразив открытие памятника под видом праздника в честь бога Аполлона»¹².

Очередное письмо из Гонолулу, о котором идет речь, появилось в «Волыни» 6 июня 1899 г. Вот что в нем говорилось о прошедшем юбилее:

«Был здесь праздник Аполлона и было устроено торжественно-парадное шествие к его изваянию различных депутаций с венками. (Здесь такой обычай.) Ну, конечно, все венки носили самые банальные надписи: „Олимпийцу“, „Любимцу муз и граций“, „Златострунному“ и т. д., и т. д., совсем во вкусе глупой черни. Наши бароны, естественно, не захотели смешиваться с чернью и терять свою оригинальность. Исходя из того правильного понятия, что всякому олимпийцу должно быть это очень лестно и приятно, они поднесли свой венок с оригинально-милей надписью: „барону Аполлону от баронов Гонолулу“. И представь себе, чернь осмелилась их осмеять,—да как еще! Да говорят, что и сам Аполлон будто бы покачал головой и рассмеялся, хотя я этому и не верю,—разве может статуя выражать свои ощущения!? Кончилось тем, что эту баронскую надпись пришлось наскоро заменить другой. Вот что у нас происходит...

Но и этого мало... Бедные бароны со своим венком не хотели никому уступить дорогу и, конечно, желали идти впереди всех. И тут им не повезло,—как тебе это нравится!? Им объявили, что это же не почтовый тракт, на котором все обозы должны сворачивать в сторону, заслышав баронский колокольчик,—и что впереди должны идти владельцы земли, на которой поставлено извание Аполлона»¹³.

Разумеется, всесильный предводитель дворянства и иже с ним без особого труда узнали себя в фельетоне Черномора. Т. Г. Муратова-Юркевич пишет, что Аршневский, получив номер газеты, разъярился и угрожал пристрелить Мачтета. За оскорбление в печати «высокого лица» выпуск «Волыни» был временно приостановлен, автор и редактор подверглись полицейским преследованиям, с них даже взяли подписку о невыезде¹⁴.

Отголосок этих событий находим в следующем фельетоне Черномора, который был напечатан в «Волыни» месяц спустя.

¹² Муратова-Юркевич Т. Г. О. Мачтет у Житомирі.— Радянське літературознавство, 1967, № 2, с. 83.

¹³ Волынь, 1899, № 33.

¹⁴ Радянське літературознавство, 1967, № 2, с. 83.

В постскриптуме автор письма из Гонолулу выражает недовольство: «Неужели Вы до сих пор не можете добиться уничтожения этой ужасной газеты „Вольтер“, которая только выносит сор из избы и никому не дает покоя. Эх, нет у Вас Сени, он быстро помог бы всем! Знаешь его поговорку: где нельзя доносом, там бери дубьем»¹⁵.

Через полгода в очерке «Подпольная борьба с газетой» Мачтет выразился еще определенней: он прямо указал, что «печатному органу приходится иметь дело не только с установленной законом цензурой, но считаться с амбицией и положением каждого отдельного добровольца...». «У провинциальной газеты,—говорилось далее,—если она не подслуживается и ставит своим девизом защиту интересов общества и человеческой личности, всегда и сразу создаются сильные сплоченные тузы-враги, которые в союзе с разными своими валаматами вступают с нею в подпольный и, к сожалению, зачастую победоносный для них бой...»¹⁶

В этих словах не случайно так много горечи. Ведь, по сути дела, их автор предвосхитил дальнейший ход событий: подпольная борьба с газетой, травля и преследования самого Мачтета продолжались и, в конечном итоге, вынудили его в конце 1900 г. покинуть Житомир.

В Петербурге, где после долгих хлопот он получил разрешение поселиться, поначалу все складывалось удачно. Писатель верил, что, наконец, сможет большую часть времени посвящать литературному труду. В феврале 1901 г. Мачтет сообщил своему приятелю, библиографу Д. П. Сильчевскому, о замысле большой повести и о составленном уже плане драматического сочинения¹⁷.

Ялтинская катастрофа перечеркнула эти планы.

На смерть Мачтета широко откликнулась, как столичная, так и провинциальная печать. Особенно остро случившееся восприняли в Житомире. «Вольтер» в продолжение нескольких недель печатала статьи и воспоминания о своем недавнем сотруднике. Тогда же у друзей писателя возникла мысль учредить в народных училищах города стипендии имени Г. А. Мачтета. Для того чтобы собрать необходимые средства, с разрешения вдовы покойного Ольги Николаевны Родзевич был выпущен небольшой сборник, о котором идет речь в этой статье. На цель его издания указывает соответствующая надпись на титульном листе и в предисловии «От издателя».

¹⁵ Вольтер, 1899, № 55.

¹⁶ Там же, № 183.

¹⁷ Мачтет Г. А. Полн. собр. соч. Спб., 1911, т. 1, с. XXXVI.

Помимо уже названных трех очерков, в книгу вошли десять «Писем из Гонолулу» под общим названием «Из диких мест». С тех пор они переиздавались только один раз в составе 12 тома собрания сочинений Мачтета¹⁸, который вышел в том же 1902 г., только несколькими месяцами позднее в Киеве. Судя по тому, что подбор фельетонов в этом томе такой же, как и в житомирском сборнике, можно предположить, что последний послужил для него основой.

В заключение остается посетовать, что «Письма из Гонолулу», написанные в лучших традициях русской демократической публицистики, почти не известны современному читателю.

¹⁸ Мачтет Г. А. Полн. собр. соч. Киев, 1902, т. 12, с. 198—253.

Р. Александров, Е. Голубовский
ПОЭТ АНАТОЛИЙ ФИОЛЕТОВ

В истории литературной Одессы есть период, о котором написаны десятки книг, сотни статей. Это двадцатые годы. Иногда кажется, что об этом уже все всем известно. Имена Юрия Олеши, Ильи Ильфа, Эдуарда Багрицкого начали покрываться хрестоматийным глянцем. Но нет-нет, и совершается открытие.

...На рукописи своей первой большой поэмы «Трактир» Эдуард Багрицкий четко вывел: «Памяти Анатолия Фиолетова». Это был едва ли не единственный случай, когда Багрицкий посвятил кому-то свои стихи. Но поэт не ограничивается именем и фамилией человека, который сегодня уже никому не известен,— он пишет стихи, посвященные Фиолетову.

Печальной памяти твоей
Я строки посвящаю эти:
О нищете пустынных дней.
О голодающем поэте.
Я знаю, ты стоишь за мной,
Тайком давая указанья...

Кто же это, чье право давать себе «указанья» признавал Багрицкий? Внимательно изучаем томики его стихов. Стихотворение «Перед отъездом» Эдуард Багрицкий написал, когда его призвали в армию. И в нем две строчки:

Придет Анатолий Васильевич или нет?

Придет ли проститься с поэтом, на войну уезжающим?

Кто он такой, Анатолий Васильевич? Автор примечаний к стихам, близкий друг Багрицкого, поэт Владимир Нарбут, пишет:

«Анатолий Васильевич — поэт А. Фиолетов, один из близких друзей Багрицкого; погиб в конце 1918 года от руки бандитов. Багрицкий высоко ценил творчество А. Фиолетова и особенно его самого, как талантливую, незаурядную личность».

Талантливый поэт, незаурядная личность. Но кто, где, когда читал его стихи? Кто, что знает о нем самом?

НА СЛУЖБЕ В УГОЛОВНОМ РОЗЫСКЕ

Итак, вернемся к сведениям, которые сообщает В. Нарбут. Поэт Анатолий Фиолетов погиб в Одессе 60 лет тому назад. Сведения, прямо скажем, не слишком исчерпывающие для начала поисков.

Правда, в памяти старожилов сохранились некоторые подробности смерти Фиолетова, причем абсолютно разные. По одной версии, его застрелили на улице налетчики. Согласно другой, Фиолетова убили те же налетчики, приняв его за брата — сотрудника уголовного розыска. Третья же версия, наиболее достоверная, говорит, что не брат, а сам Фиолетов служил в угрозыске и погиб во время одной операции.

Так или иначе, имя Фиолетова связывалось с уголовным розыском... Это уже была хоть и тоненькая, но все же нить для дальнейшего поиска. И именно она все осложнила. Выяснилось, что никаких документов Одесского уголовного розыска 1918 года не сохранилось.

Прошел год с начала поисков, но знали мы о Фиолетове не намного больше, чем вначале. Правда, теперь мы имели фотографию, которую передала нам Л. Г. Багрицкая, вдова поэта. На ней Эдуард Багрицкий и Анатолий Фиолетов в Одессе в 1917 году.

Посчастливилось найти человека, который работал с Фиолетовым. По рассказу старейшего одесского юриста И. В. Шерешевского, после Февральской революции 1917 г. на Преображенской улице (теперь — улица Советской Армии) помещалась милиция, в которую входил и отдел розыска. Состав сотрудников был чрезвычайно разношерстным. Тут и «король одесского розыска» Гончаров, который пришел из старого розыска, и новичок-интеллигент, который не умел даже держать оружие, и студенты университета. Среди них — будущий юрист, а пока что инспектор розыскного отдела Фиолетов.

— С Фиолетовым я познакомился, — рассказывает Илья Вениаминович, — в начале лета 1917 года, когда начал работать в милиции. Тогда там служил еще и брат Фиолетова — Остап Шор.

После этого показалась справедливой версия, по которой Фиолетова убили, спутав с Остапом. Но самое удивительное было впереди. Оказывается, что осенью 1917 года все студенты, в том числе и Анатолий с Остапом, были уволены из

розыска. Выходит, что смерть Фиолетова никакой связи с угрозой не имела: ведь он погиб через год, в конце 1918-го.

— Осенью 1917-го,— заканчивает свой рассказ Илья Вениаминович,— я потерял из поля зрения Фиолетова. Слышал, что он погиб. А от Остапа Шора мне как-то через несколько лет передали привет из Москвы. На память о Фиолетове осталось вот это.

Илья Вениаминович показывает одесский поэтический альманах «Чудо в пустыне» с автографом «уважающего инспектора и любящего Анатолия Фиолетова».

ВСТРЕЧА НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

Понадобилось много времени и помощь многих людей, прежде чем было назначено это свидание на Тверском бульваре. Свидание с Остапом, братом Анатолия Фиолетова.

— О брате как о поэте вряд ли я могу вам что-нибудь сообщить. А вот обстоятельства его смерти я до сих пор помню во всех деталях.

Дело в том, что после уголовного розыска Анатолий вернулся... в уголовный розыск. Он все время ощущал потребность в острых действиях, в смене впечатлений. Это помогало ему писать стихи. В это время И. В. Шерешевский там уже не работал, поэтому он об этом, естественно, ничего не знал.

Днем 14 ноября 1918 года Анатолий и агент угрозыска Войцеховский были на задании в районе Толкучего рынка. Возвращаясь, они зашли позвонить по телефону в мастерскую, которая помещалась на Большой Арнаутской (теперь улица Чкалова) в доме № 100. Следом за ними туда вошли двое неизвестных. Один из них подбежал к Анатолию. Анатолий сделал попытку вынуть из кармана пистолет, но незнакомец, который стоял в стороне, опередил его. Пуля догнала и Войцеховского, опытного старого работника, хоть он и попытался выскочить из мастерской.

Как потом удалось выяснить, за Анатолием и Войцеховским неизвестные следили еще на толкучке и, воспользовавшись тем, что они вошли в небольшое помещение, свели счеты с сотрудниками уголовного розыска.

В старых одесских газетах за эти числа вы могли бы найти некрологи и от семьи, и от «Зеленой лампы», и от жены Анатолия — поэтессы Зинаиды Шишовой.

Я был младше Анатолия и плохо помню его окружение. Часто к нам домой приходил Эдуард Багрицкий. Он дружил с

Анатолием. Издавался какой-то гимназический журнал. Возможно, оба принимали в нем участие. Но точно не помню. Стихи Анатолия нужно искать в периодике.

В КУРГАНАХ КНИГ

Где печатался поэт Анатолий Фиолетов? Что успел издать? В примечаниях к произведениям Эдуарда Багрицкого В. Нарбут называет сборник «Зеленые агаты», который был издан в Одессе в 1914 году. И все-таки существование этого сборника казалось еще одной легендой, которая возникла вокруг имени Анатолия Фиолетова. Ни в одном из одесских книгохранилищ не удалось обнаружить эту книжку. Может, ее и не было? Особенно настораживал 1914 год, потому что в это время никто из тех, кто позже входил в «Зеленую лампу», и не мог еще мечтать о сборнике. Но книжка все-таки существовала. Посчастливилось найти это одесское издание в Государственной ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тоненькая книжка в 31 страницу, в ней напечатано 25 стихотворений. В альманахах «Авто в облаках», «Серебряные трубы», «Чудо в пустыне» было найдено еще около десятка стихотворений. Безусловно, Фиолетов печатался во многих периодических изданиях, выходивших тогда в Одессе.

Очень точно охарактеризовал творчество Фиолетова в статье, посвященной памяти погибшего друга и опубликованной в Одессе в 1918 году, Борис Бобович.

«В его наивных, немного детских, немного ироничных стихах такая бездна художественной утонченности, такая гармоничная волна хорошего вкуса и благородного чутья, такая чарующая доброта...»

За несколько лет творчества этот поэт прошел сложный путь. В его стихах чувствуется влияние Маяковского (недаром стихи Маяковского одесситы включили в свой альманах «Чудо в пустыне»), но все же о Фиолетове в 1916—1918 годах можно было говорить как о зрелом поэте.

Не случайно многие считали лучшим из того, что было написано одесситами в те годы, «Предутренний час» Фиолетова и его стихи о животных — «О собаках» и «О лошадях». Не утратили своей привлекательности, детской чистоты эти стихи и для современного читателя.

БЫЛ ЛИ ВТОРОЙ СБОРНИК?

Какова судьба рукописей поэта? Его поэтического наследия? Есть ли надежда найти еще что-нибудь?

Последние произведения Фиолетова, которые мы знаем, опубликованы в начале 1917 года. После этого он жил и писал стихи еще полтора года. Их обещало напечатать в сборнике «Посмертные стихи» одесское издательство «Омфалос». Осуществило ли оно свои планы, которые неоднократно анонсировало — сказать трудно. Нами этот сборник пока не обнаружен. Может быть, поиски в Москве и Ленинграде принесут успех. Был второй сборник или же нет — в любом случае остается надежда найти рукописи. Найти рукописи и отдать на суд времени: пусть эпоха делает выбор — останутся ли стихи Фиолетова среди живых или же попадут в литературные архивы.

Одесса

П. Стыров

СВЕТ ЗА ДУНАЕМ

В одном из букинистических магазинов в Москве мне посчастливилось приобрести довольно редкую и объемистую книгу, насчитывающую около 900 страниц большого формата, с длинным названием: «В поход за Балканы. Роман из последней войны с Турцией в семи частях», написанную военным корреспондентом того времени В. И. Топорковым. На титульном листе этой книги значится: «Москва, 1879, типография С. Орлова, у Бородинского моста, в доме Сорохтиной». Листая ее, я нашел шестнадцать превосходно выполненных литографий, отразивших различные эпизоды освободительной войны, форсирование русскими войсками Дуная, но, к сожалению, книга была так истрепана, поля ее, видимо, столько раз обрезались прежними владельцами, что узнать, кто автор этих литографий, мне тогда не удалось.

Главные герои романа — вольноопределяющийся Полозов и сестра милосердия Надя — лица вымышленные, в остальном же — это документальное повествование с указанием точных дат событий, имен, биографий военачальников. Да и в самом тексте автор не раз указывает, что это документальные очерки военных событий, свидетелем которых был он сам. Приведены также выдержки из сообщений журналистов-соотечественников и корреспондентов иностранных газет.

По существу, это — роман-хроника.

Книга открывается стихотворением А. Яхонтова:

Даль на Востоке темна,
С Запада — туча видна...
В сердце щемит; помышленья,
Страхи, надежды, томленья —
Все в одном слове: война!
...Твердо мы верим и знаем:
Нам уж не двигаться вспять!
Свет — за Славянским Дунаем,
Тьме же его не объять!

Почти каждой главе предпослан стихотворный эпиграф.

«Грозный час и вместе час желанный наступил, — пишет автор. — С 14 на 15 июня 1877 года командир пехотной дивизии генерал Драгомиров, стоявший с веренными ему войсками в Бее, получил приказание немедленно выступить к Зимнице. Барабаны забили поход... Между тем в Зимнице по-прежнему ничего не давало и признака суеты или даже просто немного усиленного движения... В 10 1/2 часов генерал Драгомиров получил секретное приказание командира 8 армейского корпуса генерал-лейтенанта Радецкого

переправиться на правый берег Дуная... Как только легли сумерки, команды... принялись за связку паромов для кавалерии и орудий, перекинули мост через один из затонов Дуная, по берегу расположились батареи для поддержки десанта... Ровно в час ночи отвалил от берега первый рейс... Когда до берега оставалось 100 сажен, неприятель обнаружил десант и обрушил на него лавину огня и артиллерии....

Наконец, накопилось достаточно войск. Дружный, неудержимый порыв и громогласное „ура!“.., и турки не выдержали этого страшного натиска штыков и бросились бежать».

Автор приводит такой эпизод: когда главнокомандующему турецкой армией Абдул Кериму наемкнули о возможности переправы наших войск против Систова, то он, показав своим приближенным ладонь, с насмешливой улыбкой сказал: «Скорее у меня здесь вырастут волосы, чем русские переправятся у Систова» и тотчас же телеграфировал в Константинополь: «Высокое стояние воды в Дунае вместе с целым рядом серьезных распоряжений, сделанных мною, для ограждения переправы, дают мне смелость полагать, что таковая на продолжительное время сделана для неприятеля безусловно невозможною». Султан приказал по телеграфу выразить свою полную признательность маститому фельдмаршалу, но не успела телеграмма султана дойти до места, как в Константинополь полетела другая: «Русские перешли».

9 августа начались бои на Шипке, продолжавшиеся четыре месяца. Около Радецкого — «начальник болгарского ополчения генерал Столетов. Небольшой рост, мягкие черты лица, озабоченный взгляд... Столетов до прибытия отряда заведовал защитой наших позиций. Он хорошо знает турецкий язык, одна из причин, послуживших поводом назначения его... Столетов принадлежит к числу тех, кого огнем не удивишь. В опасные минуты, под выстрелами он о себе нисколько не заботится».

Далее идет рассказ о том, как самоотверженно сражались болгарские ополченцы вместе с солдатами Орловского и Брянского пехотных полков против в двадцать раз превосходящего неприятеля, как болгары в неимоверный зной на ослах, мулах, редко на лошадях, часто пешком доставляли прохладную воду в бурдюках, делая в день по 2—3 восхождения в гору длиной в 18 верст.

— Пейте, братушки,—предлагали болгары солдатам воду на передовых позициях. Жажда была такой, что солдаты и ополченцы выпивали в день до 6000 бочонков воды, ценившейся, как утверждает автор, дороже жизни.

Еще один эпизод: «В семь часов в траншею, после утомительной ночи, явился, по приказанию Скобелева, оркестр Владимирского пехотного полка. Музыка—в окопах, в ста шагах от неприятеля!.. Как ободряюще действовало это на утомленных солдат!? Потом—знакомые уже солдатам звуки „Плевненского марша“. Это стало традицией. Сами солдаты стали просить музыки».

«Скобелев задумал опять ночную атаку,—читаем в книге.—Но войска состоят преимущественно из молодых солдат. Генерал нашел средство сделать каждому вполне понятным план атаки... Вокруг Скобелева сели фельдфебель и унтер-офицеры Суздальского полка. Солдаты расселись и стали кучками за ними.

— Вот что, братцы! Ночью сегодня будет дело, и мне надо потолковать с вами, чтобы все вышло толком...»

И все вышло толком, как задумал генерал. И не случайно поэтому имена Драгомировской дивизии, Орловского, Брянского, Шуйского, Суздальского и многих других полков навечно записаны на храме-мавзолее в Плевне, в Скобелевском парке и на Шипке.

Обо всем этом я узнал из удивительно интересной, нестареющей книги.

ЭКСЛИБРИСЫ АНАТОЛИЯ КАЛАШНИКОВА

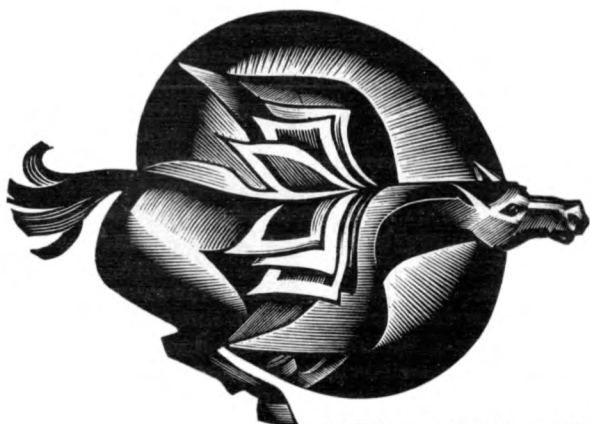
Многие книголюбцы из разных стран подклеивают эти белые листочки с четкими черными отпечатками на страницы имеющихся у них изданий. Вместе с этими знаками книга приобретает свое новое лицо — не только как сокровищница человеческой культуры, но и как сокровище из того или иного собрания. Невидимая нить связывает эти книги — своеобразный почерк талантливого художника, подарившего им фамилию владельца.

Графика А. Калашникова монументальна. Сюжеты и образы его гравюр будто высечены из камня. Плоскость теряет свою суть. Параллельные линии обретают объем. Радиальные штрихи излучают свет. Рисунок перестает быть рисунком, делаясь похожей на резьбу. Так рисует мороз на стекле. Так масштабно работает сварщик в переплетениях металлических конструкций...

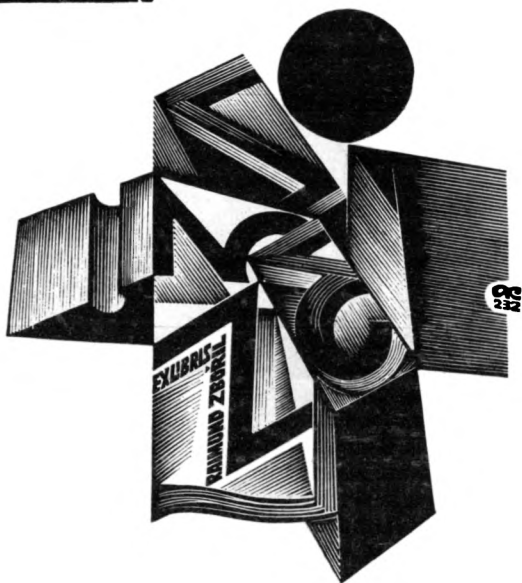
Меткость и твердость руки гравера приносят ему успех в работе над оформлением книг, в создании марок, открыток, эстампов, конвертов. Он — участник многих выставок. А на международном конкурсе экслибрисной графики в Испании и Италии одержал заслуженную победу.

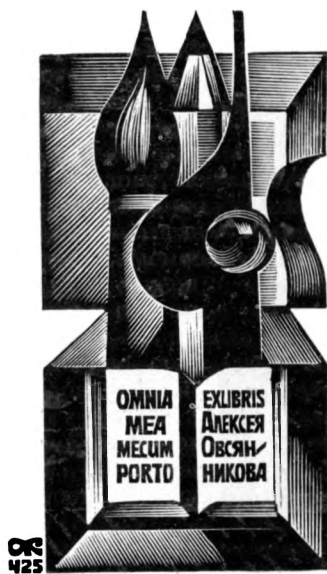
Мы приводим лишь некоторые из его работ, помеченные неизменной монограммой — АК. Об их количестве говорит каждый следующий за монограммой порядковый номер. Так, на собственном экслибрисе художника мы замечаем номер 73, а на знаке, созданном для советского дипломата Н. Г. Резниченко, — 423. Мастер книжного знака, А. Калашников тонкими штрихами набрасывает характеристику личности каждого своего «адресата». Как маленькое оконце в мир увлеченного своим делом книголюбца, предстают перед нами ксилографии, сделанные для чешского коллекционера Раймонда Збошила, швейцарской собирательницы Руфи Ирлет, журналиста Алексея Овсянникова... След от резца мастера остается в памяти каждого, кто хотя бы отчасти познакомился с его творчеством.

К. Ковалев

EXUBRIS RUTH IRLET 385

Наши

публикации

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БУКИНИСТА

Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Батасовой

Библиофилам хорошо известна книга петербургского букиниста Н. И. Свешникова «Воспоминания пропавшего человека» (М., 1930). В части воспоминаний, посвященной книгопродавцам-апраксинцам, рассказывая о жадности букиниста-мешочника Гавриила Волкова, Н. И. Свешников говорит, что указанный факт «может подтвердить старик Курочкин, тоже бывший букинист» (с. 409).

Упоминаемый автором петербургский букинист Григорий Федорович Курочкин был немного старше Свешникова, он родился в селе Сущево под Ростовом в 1833 г. Двенадцатилетним мальчиком Курочкин был привезен в Петербург и отдан в учение в писчебумажную лавку своего двоюродного брата Ивана Герасимовича Воронина (1815—?), который получил от бывшего своего хозяина в наследство меняльную бумажную лавку на Апраксином дворе. Через несколько лет Воронин открыл рядом книжную лавку, где Курочкин работал сначала мальчиком, а затем приказчиком. Но, желая быть независимым, Курочкин ушел от хозяина и стал торговать вразнос. Позже он завел собственную лавочку там же, на Апраксином рынке.

В 1860—1870-х гг. Григорий Федорович опубликовал ряд непритязательных стихотворений под псевдонимами Г. Ф. Суцевский и С. Суцевский. В середине 1880-х гг. Курочкин закрыл свое дело и уехал на родину, но несколько раз возвращался в Петербург. Прочитав мемуары Н. И. Свешникова*, он написал свои воспоминания о тех же букинистах Апраксина двора, которые во многом являются дополнениями к «Воспоминаниям пропавшего человека», особенно словесные портреты букинистов; о многих же книжниках Апраксина рынка говорится впервые.

Мы не знаем точной даты и места смерти Курочкина. Предполагаем, что он скончался в середине 1900-х гг. в родном селе.

Мемуары Г. Ф. Курочкина хранились у его племянника, Александра Ивановича Федорова (умер в 1912 г.). В 1905 г. видный историк книги и библиограф П. К. Симони обратился к книжникам с просьбой о содействии в собирании материалов по истории книжного дела**. А. И. Федоров*** был одним из тех, кто откликнулся на этот призыв. В ноябре 1910 г. Симони

* Ист. вестник, 1896, № 1—8.

** Симони П. К. Новый труд по истории книжного дела, собирательства и книжной торговли. Воззвание к гг. книгопродавцам, издателям, букинистам, собирателям, библиофилам и т. д.—Книжная биржа, 1905, ноябрь, с. 6—8.

*** А. И. Федоров имел торговлю на Садовой ул., а затем на Ново-Александровском рынке по Вознесенскому проспекту приобрел лавку в три этажа со складом. В 1905—1910 гг. он выпускал каталоги своего магазина.

получил рукопись воспоминаний Курочкина со следующим уведомлением: «Означенные воспоминания дяди моего, Григория Курочкина, разрешаю печатать Павлу Константиновичу Симони... Букинист А. Федоров. 1910. 24 ноября. При условии получить оттиск лично для меня. А. Федоров» ****.

Но труд Симони так и не был осуществлен. Воспоминания Курочкина поступили в состав архива П. К. Симони, который находится сейчас в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Апраксин рынок, Апраксин двор, толкучка, развалка — все одно место. Этот рынок был оригинальнейший, единственный во всем Петербурге. Он славился не только в городе, но и в отдаленных окраинах города. И я думаю, что не было в Петербурге ни одного человека, который бы не побывал на этом рынке, особенно из простого народа. Разнообразный товар продавался и покупался на нем. Вот уже прошло с лишком сорок лет с того времени, как он сгорел (1862 г., в Духов день), а я, как сейчас, его помню. От Министерства внутренних дел по Фонтанке до Апраксина переулка было три прохода и проезда, которые на ночь затворялись воротами и запирались сторожами. Между этими проходами был дощатый забор тоже с воротами, тут находились Лесные дворы. И также с угла Фонтанки по Апраксину переулку до стоящего ныне дома Базарова тоже были Лесные дворы, также с двумя проходами в рынок, так называемыми: Шмидтовским и Базаровским. Шмидтовский назывался потому, что он упирался прямо в дом Шмидта, а Базаровский потому, что проходил у этого дома. Между этими проходами тоже были Лесные дворы, в которых дров было мало, а продавался преимущественно тес... который покупали хозяева мебельных лавок и мастера, имевшие свои мастерские.

Почти в центре рынка, между Шмидтовским и Базаровским проходами, был особенный мирок торговли — этот мирок были лари, где торговали книгами. Правда, между ними были лари, где торговали и другими товарами, но их было немного.

От Садовой улицы до Базаровского прохода был каменный корпус, единственный во всем рынке, в этом корпусе торговали новыми товарами. Корпус назывался Металлическим, потому что там торговали таким товаром... Главные двери отворялись лицом к Апраксину переулку, а назад, к Ягодному ряду, были другие двери; лицом на Фонтанку была стена. Вот к этой каменной стене и приделана была во всю ее длину деревянная лавка на Фонтанку лицом. Эта лавка принадлежала тогда... купцу-книгопродавцу Василию Холмшину¹. Направо и налево лари, в которых и торговали книгами. Ларей этих было около тридцати... вплоть до Шмид-

**** ОР ГБЛ. Ф. 362.

това прохода, где лицом к Холмушину был ларь, принадлежавший Ивану Герасимовичу Воронину, или Комарову, как его тогда называли в рынке, также торговавшему книгами. Вот это-то и был так называемый книжный ряд.

Я их буду описывать по порядку: кто возле кого торговал. Вот они стоят передо мною, как живые, эти типичные личности. Хотя прошло около 50 лет, а я их вижу, как сейчас. Ну, на сцену, давно умершие друзья, книжники и букинисты. Оригинальны вы уж очень были, так оригинальны, что таких оригиналов в настоящее время нигде не найдешь.

Василию Васильевичу Холмушину было в то время годов около 55-ти. Небольшого роста, черноволосый, с такою же бородою с проседью, несколько сутуловатый. Он не ходил, а как бы бегал, словно бы куда-то торопился, мелкими быстрыми шагами. Волосы подстрижены по-русски, в кружок, курчавый. В своем роде он был оригинален. В то время его сочинение представляли на Александринском театре — пьеса называлась «Путешествие апраксинского купца в Ад» и была отпечатана, только фамилия вместо Холмушин была изменена на Холмин. Раз я был в театре, когда представляли эту пьесу, и, когда открыли занавес, я чуть не закричал: на сцене стоял В. В., так актер загримировался, точь-в-точь Холмушин, как две капли воды; только актер ростом был повыше. И хохотала же публика, глядя на появление купца в Аду. Этой пьесы тогда в рынке было много, вероятно, она сгорела во время пожара рынка.

Холмушин торговал книгами преимущественно русскими и более духовного содержания, а главным товаром его были брошюры «московского печенья» (так называли книжники московские издания), которые были тогда в большом ходу. Было у него много и своих изданий, как сказок, так и духовных, выбранных из «Четьей-Миней»... Этими книгами простой народ зачитывался. Кроме того, у него было много картинок лубочных московской мазни. В настоящее время эта мазня вывелась, и Москва стала издавать гораздо лучше, хотя и аляповато, но все же гораздо лучше.

Этот мелкий товар, книги и картинки, брали торговцы у Холмушина, и редко кто не имел его. Он был в большом ходу. Тогда книжных лавок в домах не было. Кроме разносчиков, расхаживавших по всему Петербургу, были еще букинисты, торговавшие у Гостиного двора по Садовой улице, у Государственного банка по Садовой и по Канавке, а также у Юсупова сада и на острове у Биржи — тут раскладывали они свой товар и развешивали картины по решеткам и на веревках, как кто хотел или как кто умел. Тогда торговля была свободная — за

места они никому ничего не платили, и никто их не теснил. Хорошее это было время. Много людей кормилось, а иные даже нажили деньги. Тогда все торговцы брали эту мелюзгу — книжки, брошюры — преимущественно у Холмушина.

С Москвою он имел дела большие и часто туда ездил, а москвичи часто ездили к нему. Грамоте он знал плохо, как и сами вы можете заключить из следующего случая. У Министерства на углу был ларь, в котором торговал книгами Иван Андреевич Бардуков, большой приятель Холмушина. У него покупок было много, т.к. кто нес продавать на рынок книги, тот к нему и попадал. Один раз приносит ему лакей большой узел книг, завернутых в салфетку, смотрит Бардуков эти книги на скорую руку и живо сторговал за шесть рублей. Отдал лакею деньги, тот ушел. В это время пришел Холмушин: «Бардуков, что нового?» — «А вот,— говорит Бардуков.— Сейчас сделал покупку, да какую — сочинения Гоголя». — «Где, где? Кажи?» — «На, смотри», — и подает четыре книги в переплетах, а Холмушин схватил их под мышку и говорит: «Сколько возьмешь, говори?» — «Сорок рублей», — отвечает Бардуков. — «40 — нет, а 30 дам, да пойдем чайничать, там в трактире и сделаемся. Поди, заказывай чай и графин водки, я тебя угощаю. А я снесу книги в свою лавку и тотчас к тебе приду». Бардуков загородил метлой свою лавчонку и с радостью полетел на всех парусах в трактир, в Апраксин переулок...

Уселся наш Бардуков, заказал чай, графин водки и два бутерброда, сидит такой веселый и радостный, потирает руки, шутит со слугой. Меж тем Холмушин, тоже радостный, спешит в свою лавку. Пришел и говорит своему сыну, Александру Васильевичу, кладя книги на выручку: «Александр, я купил сейчас Гоголя — экземпляр хороший». Тот открывает книгу, смотрит, взял другую часть, третью, затем четвертую и с досадой говорит отцу: «Папаша, да что вы врете. Это „Записки русского путешественника“ Глаголева²». — «Как, что ты болтаешь, дурак!». — «Да посмотрите сами!». Василий Васильевич берет книгу и чуть не по складам читает, весь покраснел, плюнул, как-то обругался, схватил под мышку книги и стрелой побежал в трактир, к ожидавшему другу и приятелю, Ивану Андреевичу. А тот сидит такой радостный, любовно взглядывая на графинчик. «Бардуков! Что ты меня надул?» — «Как надул? Когда надул?» Холмушин положил между тем книги на стол: «Смотри и читай». Тот, как ошпаренный кипятком, берет книги и по складам читает: «В. Глаголев». Он был такой же грамотей, как и Холмушин, нисколько не лучше. Сидят и посматривают друг на друга, потом Холмушин берет графинчик, наливает по рюмкам и

говорит: «Пей, Гоголь-моголь». Выпили по рюмке, потом по другой опорожнили. Графин потребовали другой. На скорую руку выпили по чашке чая. «Ну, бери книги, Гоголь-моголь, продавай кому знаешь, а этого добра у меня самого некуда девать». И действительно, «Записки русского путешественника» Глаголева продавались почти у каждого книжника, т.к. перед тем были куплены с аукциона немногим дороже, чем на бумагу, и разделены между всеми торговцами...

Из этого можно заключить, какие в те времена книжники были грамотные.

Сам В. В. находился в лавке мало, а торговал его сын, Александр Васильевич, которому в то время было 23—24. И был еще мальчик Егор... Был и приказчик у Холмушина, Игнатий Архипов, но тот ездил от него круглый год по ярмаркам. Иногда на большие ярмарки ездил и сам Холмушин, как-то: на Нижегородскую, в Ростов Великий, в Ярославль, в Валдай, Старую Руссу и другие города. Но ездил на короткое время.

...После пожара, истребившего Апраксин двор, Холмушин, потерявший огромный убыток, весь осунулся и опустился до неузнаваемости. Как говорится, сел в груди. И потому передал хозяйство своему сыну. Александр Васильевич мало стал обращать внимания на прежний товар, т.е. мелкий, а стал брать и торговать крупными изданиями, и притом начал запивать порядочно, торговля у них пошла в упадок. От порядочного запоя и упадка в торговле Александр Васильевич стал болеть и в 1872 г. скончался 35 лет от роду, а через два года умер и сам старик, Василий Васильевич. По смерти отца и сына наследники перебрались из большой лавки... в маленькую, а торговлю стал продолжать внук старика, Александр Александрович Холмушин...

Приказчик же Холмушина, Игнатий Архипов, после пожара, когда выстроили новые лавки, снял уже свою лавку и, благодаря своей трезвой жизни и знанию книг, дела у него пошли отлично, но мелким товаром он торговать не любил, а старался приобретать книги дельные и крупные и завел иногородних покупателей, торговцев книгами из разных городов... Он был нрава горячего и как будто сердитого, и потому свои братья-книжники любили его посердить и при случае над ним посмеяться...

У Архипова приказчиков не было, а были мальчишки-племянники, с которыми он и торговал. Архипов умер около 1890 года. Он не имел детей, был вдов и отказал весь капитал и лавку с товаром своему племяннику — Алексею Федоровичу Нарышкину³, который прежде так же был у него мальчиком.

В настоящее время Нарышкин торгует в лавке своего дяди и торговлю свою поставил на широкую ногу.

В Книжной линии, до пожара, по правую руку, где прежде торговал Холмушин, лицом к Ягодному ряду... был большой ларь с верхом, в котором торговал книгами Николай Васильевич Васильев. Это был видный, красивый мужчина лет под сорок, высокого роста, черные волосы и такая же черная подстриженная борода. Николай Васильевич торговал одними русскими книгами... Более военно-учебными, которые он покупал у мелких торговцев... Он их покупал даже по 5—10 экземпляров одного названия и не боялся, что вот выйдет новое издание. Он был поставщик кадетского корпуса. Но, кроме того, у него была беллетристика только известных авторов. Рядом с Николаем Васильевичем Васильевым торговал Семен Васильевич Ваганов, добрый, хороший человек. В начале 1850-х гг. имел он товару немного и, преимущественно, русские книги различного содержания, более духовные, которые любил покупать у мелких торговцев и в домах...

Я лично сам продавал ему много книг по этому предмету. Через это он приобрел много покупателей, особенно из лиц духовных... Многие из них давали свои сочинения на комиссию для продажи. Во время пожара рынка у него сгорело множество комиссионных книг, но много было и в кладовой, которая сохранилась. Но авторы махнули рукой, а некоторые помогли еще деньгами.

У Семена Васильевича Ваганова было два сына: Иван и Константин⁴. Семен Васильевич задолго до смерти выделил старшего, дал ему хорошего товару. Иван Семенович открыл тогда свою лавку на Садовой улице напротив Гостиного двора. Но он в лавке сидеть не хотел, а пристрастился к певчим птичкам и все дни проводил на Кукином дворе, любуясь на пернатую братию... Так он запутался со своими птичками вконец, совсем разорился и лавку прикрыл.

Константин Семенович, младше его лет на пятнадцать, после смерти отца, получив товар, не захотел торговать на рынке, а снял место на Садовой улице, в доме Публичной библиотеки, в воротах. Начал покупать множество различных журналов и из них стал вырывать статьи, а к некоторым даже печатал обложки. Все это стоило порядочных денег. Содержание лавки и другие расходы довели его до краха. На одной этой торговле далеко не уедешь. Проторговал он год с небольшим, и дела пошли из рук вон плохо, он был вынужден прикрыть торговлю... И вот по просьбе Колесова, работавшего управляющим в книжном магазине А. С. Суворина, он поступил приказчиком туда же.

Рядом с С. В. Вагановым торговал его двоюродный брат, Иван Андреевич Ваганов. Как и старший брат, он был хозяином, и у него в помощниках были два его родных брата — Николай Андреевич и младший — Иосиф (Осип) Андреевич. Они торговали книгами преимущественно на иностранных языках, особенно Иван Андреевич любил французские и немецкие редкие издания с гравюрами. И цены он давал хорошие. Хотя покойный Н. И. Свешников и писал в своих воспоминаниях, что Иван Андреевич умер в 1850 году, но это неверно, он умер гораздо позднее, т. к. я имел с ним дела...

Это были первые торговцы на всем рынке... Сам Иван Андреевич находился в лавке мало, а торговали братья. Николай Андреевич здоровьем был плох, а торговал более один Иосиф.

Он был дельный торговец и цену товару знал хорошо, правда, меньше покойного брата, но был нажимист и скуп. Ему почему-то дали в насмешку прозвище «Осип с квасом», которое и осталось до его смерти. Пожар рынка уничтожил у них много редких книг, но в кладовой и на квартире остался хороший товар. Брат Николай отправился на родину, а Осип снял лавку на Садовой улице, в доме Публичной библиотеки, и взял приказчика, Петра Лаврентьевича Воронова, и мальчика, Сергея Трусова⁵, ныне имеющего свой магазин на Литейной улице, близ Невского... Осип Андреевич скончался в 1870-х гг. После смерти мужа жена его продала весь товар и отправилась на родину.

С ним рядом торговал книгами Дмитрий Федорович Федоров⁶. Он торговал преимущественно русскими книгами, хорошими, дельными, которые читались образованной публикой, и дорогими учебниками... хламу он не любил и не держал. Он покупал книги одного названия по несколько экземпляров.

Как-то раз был назначен аукцион на Бертовом заводе после смерти управляющего; покойник был любитель редких книг. Книги были по разным предметам: научная литература, история, беллетристика, в том числе сочинения Пушкина в 11-ти частях и сочинения Гоголя. Произведения этих двух авторов ценились очень дорого, давали по 50 руб. за экземпляр. Так же дорого ценились «Горе от ума» Грибоедова — 5 руб. и «Конек-горбунок» Ершова — 3 руб. Ценилась и «История Государства Российского» Н. Карамзина в 12-ти частях... И все эти книги продавались с аукциона. И, кроме того, множество церковных книг, особенно староверческих, среди которых находился редкий экземпляр Требника Петра Могилы. И все эти книги были куплены книжниками за 1571 руб. Вязки

между собой навязывали 600—700 руб. и разделили—кому сколько пришлось по расчету. Книг много вывязал Д. Ф. Федоров, в том числе и Требник Петра Могилы за 125 руб. Покойный Н. И. Свешников пишет, что Федоровы выменяли его у Ивана Семенова за воз книг и 80 руб. впридачу.

Дмитрий Федорович начал впоследствии издавать книги, и книги хорошие, которые читались публикою охотно. Свешников пишет, что с мелкою сошкой из книжников он был не общителен, но это неправда. Я в то время сам был мелкою сошкой, но любил иметь с ним дело и охотно продавал ему товар, и именно тот, который ему подходил, а он добросовестно платил и ценою не прижимал.

Покупатели в то время на рынке были всех сортов: литераторы, ученые, офицеры, художники, студенты, священники—эти искали книги редкие, которые можно было купить по недорогой цене, но большая часть покупателей была так называемые лопатники, которым нужна учебная псалтырь, святцы, оракул, печенники, сказки, жития святых, издания Холмушина и Шатаева, московские издания, а также лубочные картинки, намалеванные красками и черные. И эти покупатели были со всего Петербурга, его окраин и деревень... Тогдашняя публика любила этот прославленный рынок. Особенно в воскресные и праздничные дни весь рынок был полон народа—покупателей и продавцов.

Сгорел рынок, и у Дмитрия Федоровича сгорело много редкого и хорошего товара... Но, к счастью, у него была кладовая в Башковской линии, заваленная товаром. Некоторые книги после пожара поднялись в цене вдвое и даже более, и потому Федоров заторговал лучше прежнего. После пожара рынка торговцам был отведен на время Семеновский плац, и он, проторговав в нем два года, опять перебрался во вновь отстроенный Апраксин рынок. В Инструментальной линии, в Каменном корпусе, лавка им снята была большая, с верхом, торговля шла у него хорошо. Сын его, Дмитрий Дмитриевич, учился в то время в коммерческом училище, но ученья не кончил и находился с отцом в лавке. В 1870-х гг. Дмитрий Федорович стал хиреть, но все-таки за торговлей следил и издавал кое-какие книги. После смерти он оставил наследникам большой капитал деньгами и много товара...

Рядом с Д. Ф. Федоровым в небольшом ларе торговал Василий Иванович Арабчик. Фамилия была его Арабчик или прозвище—этого я не знаю. Это был небольшого роста рыженький человек, скромный и тихий. Он любил и продавал немецкие книги и по-немецки умел говорить хорошо. Он, кажется, был петербургский мещанин. В 1855 г. он скончался.

После его смерти товар этот купил ходячий букинист, Митрофан Афанасьев, который и продолжал торговлю в этом ларе, но только уже более французскими книгами. Он часто уходил с мешком книг к своим покупателям и продавал кто что требовал. У него много знакомых было студентов... До пожара рынка он торговал так себе, не шибко и не валко. Но когда сторел рынок и у него пропал весь товар, он принялся торговать вразнос. Состарившись, он поступил на Апраксин приказчиком к некоему мебельщику Веревичу⁷, который, завидуя наживе книжников, задумал торговать книгами. Когда продавались книги с аукциона у Кожанчикова⁸, имевшего магазин на Невском проспекте и кладовые внутри Гостиного двора, то собирались все книжники, в том числе и Веревич, который согласился покупать вместе с ними и не набивать цены. Неделю продолжался аукцион и на несколько тысяч было куплено товару. Между книжниками была вязка. Вот тут-то Веревич и вывязал много товару и даже целые издания... После книжники между собой долго над ним смеялись. Рядом вязал с ним вязку Иван Семенович Красноглазый... Он-то этого новичка, Веревича, и вваливал в яму, т. е. награждал ненужным хламом...

К этому-то Веревичу и поступил Афанасьев. Дела шли у них как-то тихо и плохо. И Веревич проторговался в пух и прах и вскоре помер. Митрофан Афанасьев совсем постарел и за него стали хлопотать влиятельные знакомые-покупатели; по их просьбе был он определен в богадельню братьев Елисеевых...

Рядом с Афанасьевым торговал в небольшом ларе Иван Семенович Красноглазый (впоследствии он переименовал свою фамилию на «Семенов»), прозванный своими братьями «Земской Ярыжка», потому что любил в молодости над своим братом поскалить зубы. В то время ему было годов около 30-ти. Рядом с ним торговал старой медной посудой Кирилл, прозванный «Кирюшка Самоварник». Любители играть в шашки, и тот и другой, они играли бесподобно. Знатоки этой игры со всего рынка приходили смотреть на их игру и послушать их ядовитую насмешку друг над другом. Они играли не на деньги, а просто так, разве иногда — на чай.

Иван Семенов цену книгам хорошо знал, особенно старинного письма, староверским или раскольничьим, которые в то время ценились очень дорого. И если какому торговцу приходилось приобретать этот товар, то Семенов почти всегда у него перекупал и сбывал с большим барышом. Эти книги Семенов приобретал для староверческой молельни. В то время он имел небольшой ларь, и товару у него было не очень много...

После пожара Апраксина рынка Семенов стал торговать у Полицейского моста, у дома графа Строганова, на століке, сколоченном из досок. Как погорельца, пожалел его управляющий и позволил ему раскладывать и продавать книги. Он сам стоял мало, да и книг у него было корзины 3—4, а торговала его жена, тетка Василиса, с сыном, еще тогда мальчиком, Василием. Сам же Семенов ходил вразнос по знакомым-покупателям. Когда на мостах, по приказанию градоначальника Ф. Ф. Трепова, были выстроены лари, тогда он снял один из них на Красном мосту. Постарев, Семенов снял ларь по Большой Морской и Вознесенскому, у сквера, близ собора Исаакія Далматского. Тут он поправился и расторговался, имел много редкого и хорошего товара и скопил деньги. Когда сын вырос, он его женил и отдельно снял лавочку в Ново-Александровском рынке, но там он немного проторговал, а затем снял помещение на Литейном проспекте в доме графа Шереметева. Под старость Иван Семенович переменял свой характер и сделался степенным, перестал зубоскалить и смеяться над себе подобными людьми, ну, сделался таким, каким описал его Свешников.

Умер Иван Семенович Семенов в 1884 г.

Рядом с Иваном Семеновым торговали книгами братья Штукины, Василий и Алексей Дмитриевичи. Старик-отец хотя и приходил иногда, но редко, потому что был стар и болен. Торговали они преимущественно русскими книгами: историческими и переводными романами, повестями и другими беллетристическими произведениями, и давали книги разным лицам на прочтение.

В то время читались публикой романы Загоскина «Юрий Милославский», изданный в 3-х частях с виньетками, за который платили по 4 руб. за экземпляр, «Аскольдова могила» и «Брянский лес» по 3 руб., а также романы Зотова «Таинственный монах», «Леония», «Фра-Диаволо» и Лажечникова «Ледяной дом», Булгарина «Дмитрий Самозванец», «Мазепа», «Иван и Петр Выжигины» — все эти книги продавались по дорогой цене. И также по дорогой цене продавались переводные романы: Дюма «Граф Монте-Кристо» в 16-ти частях, перевод Строгова, который стоил 8 руб., «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя», тоже по 8 руб. Читались также развлекательные романы Евгения Сю вроде «Мартына Найденыша», а некоторые любители зачитывались Поль де Коком. И все это продавалось по дорогой цене. И потому-то эти романы Штукины продавали неохотно, а находили выгоднее отдавать на прочтение и выручали за это очень порядочные деньги. Впрочем, держали они и учебники.

Но пожар рынка положил конец их счастью и спокойствию. После пожара старший брат, Василий Дмитриевич, торговал в пролете Гостиного двора, на углу Садовой и Невского. Но те романы, о которых я говорил выше, сгорели, а торговал он более развальным товаром, и то взятым в долг у других книжников. С горя стал попивать и вскоре отдал богу свою грешную душу.

Младший же, Алексей Дмитриевич, сделался писателем, и как-то его пьеса раза два игралась на Александринском театре, но публика ее ошिकाля, и она снята была с репертуара⁹. А он сделался сотрудником «Петербургского листка», где и состоял до самой смерти. Скончался он лет десять назад в бедном положении газетного труженика.

Как раз против Холмушина и лицом к нему был книжный большой ларь Ивана Герасимовича Воронина, он же и Комаров. В нем торговал на отчет его родной брат, Лаврентий Герасимович, а мальчиком был мой родной брат Иван Федорович, недавно привезенный из деревни. У них книги были по всем отраслям науки: особенно много было медицины, учебников, журналов, романов и много было книг на иностранных языках. Место было бойкое — проходы со всех сторон, так что и покупок у них было порядочно, а в покупках и заключалось все дело и все барыши. Много покупали они медицинских книг, которые издавал тогда Хан. Ценились они очень дорого.

Брат мой, Иван Федорович, прожил у Ивана Герасимовича до 1855 г. Я поехал в деревню, а его оставил вместо себя в своем ларе. Когда же я приехал обратно в Петербург, то отправил брата на родину, это был уже 1857 г. В этом году в деревне он женился, а по приезду снял другой ларь, в Фуражечном ряду. После пожара рынка, когда вновь его отстроили, он около того же места снял лавку в новом корпусе и взял себе мальчика из соседней деревни, которого звали Степаном...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. В. Холмушин (1802—1874) — крупный книгопродавец и издатель лубочной литературы. Открыл лавку в начале 1820-х гг.

² Глаголев В. Г. Записки русского путешественника. С 1823 по 1827 г. — Спб., 1834, ч. 1—4 (Изд. 2-е, Спб., 1845).

³ А. Ф. Нарышкин в 1890—1905 гг. выпустил 5 каталогов своего букинистического магазина. С 1905 г. — член «Книгопродавческой складчины».

⁴ К. С. Ваганов вел торговлю под фирмою «Букинист». С 1886 по 1889 г. выпустил ряд каталогов фирмы. У Н. И. Свешникова он описан совершенно по-другому.

- ⁵ С. П. Трусов (1854—1910) впоследствии торговал приказчиком в магазине крупного букиниста Э. К. Готье, а затем приобрел торговлю его в собственность. В 1896—1910 гг. он выпустил 37 каталогов своего магазина.
- ⁶ Д. Ф. Федоров (ум. 1880)— книгопродавец и книгоиздатель. Фирма основана в 1842 г. Единственный в Петербурге комиссионер известной московской фирмы «Бр. Салаевы», издававшей учебную литературу. В свою очередь, эта фирма была комиссионером Федорова в Москве.
- ⁷ Очевидно, имеется в виду Павел Вереичев, открывший в 1875 г. книжную лавку на Апраксином дворе.
- ⁸ Д. Ф. Кожанчиков (ум. 1877)— крупный петербургский издатель и книгопродавец либерального направления.
- ⁹ Комедия А. Д. Штукина «Без правды люди не живут» была поставлена в 1866 г.

Николай Дмитриев

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Воспоминания московского писателя

Публикация Веры Дмитриевой

Жизнь, насыщенная многочисленными встречами, поездками, происшествиями, выпала на долю писателя Николая Дмитриевича Дмитриева. Его отец, известный во второй половине XIX столетия журналист Д. С. Дмитриев, работал в жанре исторической прозы. В свое время он вместе с А. Н. Островским создал «Общество драматических писателей и оперных композиторов». Человек упорного труда, он нелегким писательским ремеслом зарабатывал свой хлеб насущный. В многодетной семье журналиста в 1888 году и родился сын Коля, будущая надежда и опора. С детства мальчик принимал участие в делах отца, писал под диктовку главы новых романов, разбирал книги в библиотеке, был неперенным его спутником во многих поездках.

Первые собственные пробы пера кончились неудачей. Но целенаправленная работа вскоре придала уверенность его руке. Немалую роль в этом сыграли встречи с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, другими видными деятелями литературы и искусства.

Пять лет на фронтах первой мировой и гражданской войн. Силы и мысли, отданные революционному делу...

В 1923 году, в результате несчастного случая, писатель теряет зрение. И тогда на выручку приходит память, владевшая им до конца дней. За 37 лет постоянного труда Н. Д. Дмитриевым созданы 22 произведения для театра. Среди них известность приобрели пьесы «Бал слепых», «Село Михайловское», «Юлиус Фучик», «Мятежный ум», «Томасо Кампанелла», «Штурман космических волн» (об изобретателе радио Попове) и др. Статьи Дмитриева-публициста появлялись на страницах «Советской культуры», «Литературной газеты», в журналах «Огонек», «Социальное обеспечение», «Жизнь слепых».

Особый интерес представляют воспоминания писателя, в которых ярко, образно и достоверно воспроизводятся черты быта предреволюционной Москвы, ее литературной, газетной жизни.

Предлагаем вниманию читателей некоторые картины прошлого, взятые из мемуаров Н. Д. Дмитриева.

Мой дед, офицер одного из московских полков, был, по словам отца, убежденным «вольтерьянцем» своего времени. В памятные дни декабрьского восстания 1825 года он попытался вывести на улицу, с революционными лозунгами, свой воору-

женный батальон, но из его смелой «затеи», к сожалению, ничего не вышло — дед был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ему впоследствии разжалованием в рядовые. Он был отправлен на далекий Кавказ, для покорения «мятежных горцев». После тяжелой контузии деду разрешили вернуться в Москву, предполагая, очевидно, что он должен скоро умереть. Но дед не только не умер, а удачно занялся коммерческими операциями и в конце концов стал настолько популярен среди «деловых кругов Москвы», что в середине прошлого века его выбрали почетным мировым («совестным») судьей. Интересно отметить, что в 1843 году на службу в «Московский совестный суд» был зачислен А. Н. Островский.

Коммерция, однако, не могла удовлетворить духовных запросов старого декабриста, он стал увлекаться литературой того времени и даже несколько меценатствовал в этом направлении.

Похороны старого декабриста, ставшего московским «совестным судьей», были очень торжественны, с архиереем и пышно наряженными синодальными певчими, но с его смертью кончилось материальное благополучие моих непутевых дядей: они быстро прокутили оставленное им наследство, не выделив ничего своему младшему брату — моему отцу. Чуждый до конца своих дней всякого стяжательства, отец нисколько не горевал об этом, он пошел по другому пути и поступил вольнослушателем в Московский университет. Там он встретился с полуголодной студенческой богемой, презрительно относившейся ко всяким ресторанным идеалам. Чтоб увеличить свой скудный бюджет, отец устроился «подавалой» в университетскую библиотеку. Здесь, в море книг и старинных рукописей, у него впервые зародилась дерзкая мысль о собственном сочинительстве. В умах передовой московской интеллигенции того времени, наряду с Пушкиным, Гоголем, Белинским и Некрасовым, безраздельно господствовал великий драматург А. Н. Островский. Отец систематически не доедал, чтоб сэкономить несколько лишних рублей на покупку книг или билета в Малый театр. В начале 80-х годов, после небольшого рассказа «Ведунья», опубликованного в 1878 году желтовским журналом «Спутник», он написал свою первую комедию: «Голенский Ох, а за голенским бог», напечатанную в журнале «Театральная библиотека», издававшемся И. Л. Шаповаловым. Молодой драматург решил показать эту вещь своему кумиру, А. Н. Островскому, проживавшему тогда в районе Арбата, на Сивцевом Вражке. Несколько дней ходил отец около ветхих деревянных ворот заветного особняка, не решаясь вызвать для предварительных переговоров домового

дворника. Наконец он набрался храбрости и позвонил. Калитку открыл заспанный и не совсем трезвый Аргус великого драматурга. Окинув опытным оком юного писателя с рукописью в дрожащих руках, он важно спросил:

— Сочинитель, что ли?

— Да-с, собственно, нет,—растерянно залепетал отец,—так, знаете ли, маленький опыт... Мне бы к Александру Николаевичу.

— К Александру Николаевичу?—Дворник критически посмотрел на заплатанную обувь отца и решительно сказал.—Александр Николаевич читает по выбору, нешто ему можно все прочесть, к нему ваш брат валом валит.

— А кто выбирает, секретарь какой-нибудь?

— Не секретарь, а я, Александр Николаевич завсегда у меня спрашивает: «Как думаешь, Силантий, стоит читать эту писанину или не стоит?» Ну, а я, конечно, свои антиресы соблюдаю: кто мне подбросит двугривенный,—стоит, говорю,—а ежели не подбросит,—нет, говорю, Александр Николаевич, по всему видать, человек не стоящий, нечего вам на него время тратить.

Отец, конечно, «подбросил двугривенный», и с этого курьезного момента началось его многолетнее знакомство с А. Н. Островским.

Литературная деятельность отца не ограничилась одной драматургией: зашедший в университетскую библиотеку И. И. Забелин посоветовал ему писать исторические очерки и повести.

— У нас здесь столько драгоценного материала для этого!—мягко сказал он, посмотрев влюбленными глазами на бесконечные полки книг. И. Е. Забелин угадал сокровенные мысли отца; слушая в университете лекции знаменитого профессора, историка С. М. Соловьева, отец давно уже мечтал познакомить широкую русскую публику с ее далекой стариной. В конце 80-х годов он начал писать исторические повести и романы, следуя незамысловатым методическим приемам Лажечникова, Загоскина и отчасти Салиаса; Мордовцев ему не нравился, он считал его несколько сухим. Одновременно с этим отец писал много веселых сценок из хорошо знакомого ему купеческого быта. В этой области успешно подвизались тогда Лейкин и Мясницкий (Барышов). Старая Москва любила весело посмеяться и с удовольствием читала свои юмористические журналы: «Свет и тени», также «Развлечение» А. В. Насонова. Юмористические журналы вообще были в большой моде в то далекое время, в них начал свою литературную деятельность А. П. Чехов под незатейливо шутливым псевдо-

нимом «Антоша Чехонте». Кто из любителей литературной старины не знает о существовании в конце прошлого века «Стрекозы», «Осколков», «Зрителя», «Будильника» и прочих юмористических журналов, сохранивших до наших дней свою историко-литературную ценность благодаря участию в них Антоши Чехонте. К сожалению, общий характер этих журналов был довольно однообразен и специфичен, в них бесконечно высмеивались злые тещи, злополучные дачные мужья, подгулявшие купчики и пр. Пользуясь некоторой свободой печати в этом направлении, редакторы подобных журналов прибегали иногда к беззастенчивому шантажу для пополнения своих касс. Так, Н. Н. Саедов, ставший в 1881 году, после А. В. Насонова, редактором «Развлечения», написал однажды пасквильную статью на одну из московских игумений, настоятельница богатого Вознесенского монастыря.

Статья была набрана, и с печатными гранками Н. Н. Саедов приехал к злополучной жертве своих «коммерческих операций».

— Я должен огорчить вас, матушка,— скорбно сказал он игуменье, приняв от нее благословение.

— Что такое, сударь?— тревожно насторожилась игуменья.

— В ближайшем номере «Развлечения» будет опубликовано кое-что о вашей святой обители...

— О нашей обители?!— испуганно пролепетала «матушка», предчувствуя что-то недоброе для репутации своего монастыря,— мы люди смиренные, иноки божии, о нас нечего писать в ваших журналах.

— Долг гражданина, знаете ли, представителя, так сказать, отечественной прессы...

— Какой такой долг?

— А вот этот самый! Извольте прочитать, ваше преподобие.

И Саедов передал игуменье гранки статьи, которая, конечно, не была бы напечатана. Игуменья, прочитав статью, поблдедела от ужаса.

— Господи, спаси и сохрани,— чуть слышно прошептала она, возвращая гранки дрожащими руками,— неужто это будет напечатано?! Да ведь этого вовсе не было в нашей обители, это, батюшка, не статья, а бесовское наваждение, козни самого Вельзевула. Кто ее сочинительствовал-то?

— Очеркист Евграфов.

— Крещеный человек, христианин?

— Ну, конечно. Да вы не огорчайтесь, мать игуменья, мы можем не пропустить статью, только вам придется оплатить

кое-какие расходы: ну, скажем, гонорар Евграфову, корректорские расходы, типографский набор и прочее.

Дело кончилось тем, что игуменья, кряхтя и охая, достала из заветной шкатулки несколько сот рублей и вручила их Саедову «для покрытия редакционных издержек». История эта, впрочем, не прошла безнаказанной для Николая Николаевича: московский обер-полицмейстер, узнав о его проделке, выслал Саедова на три года из Москвы. Такая «мера пресечения», кстати сказать, часто практиковалась полицией старой Москвы. Однако предприимчивый Саедов и здесь нашел нечто выгодное для себя: из Москвы он, конечно, никуда не уехал, а только перестал показываться днем в общественных местах, по вечерам же, театрално замаскированный, он обходил своих многочисленных знакомых, гордясь новой для себя ролью «опасного карбонария».

Личность Н. Н. Саедова была довольно своеобразна. В его приемной постоянно находились какие-либо обездоленные люди: спившиеся чиновники, бедные вдовы, проигравшиеся дотла картежники и пр. Все они приходили к Н.Н. за ежемесячной «субсидией», и трудно сказать, что он делал больше: обирал игуменей или помогал бедным.

Печатный шантаж вообще был типичен для многих журналов и газет того времени. Издатель Пастухов настолько прославился «обличительными» статьями своего «Московского листка», что даже «уличные мальчишки» дразнили друг друга следующим выразительным образом: «Сплетник-газетник „Московский листок“». «Московский листок», действительно, часто сплетничал на отказавшихся платить ему «денежную дань» крупных торговцев, а иногда даже и лавочников среднего калибра. В таких случаях газета сообщала на своих страницах о продаже в том или ином магазине тухлых продуктов, о систематическом обсчитывании и обвешивании покупателей и пр., и пр. Это, конечно, подрывало коммерцию торгового люда, и смирившиеся коммерсанты безропотно пополняли кассу бульварной московской газеты.

Денежное «субсидирование» газет и журналов практиковалось даже в сфере прекрасной Мельпомены. Многие положительные театральные рецензии этого времени оплачивались авторами пьес или директорами театров. Я сам видел в записной книжке талантливого режиссера М. М. Бонч-Томашевского, во что ему обошелся успех так называемого «Трагического балагана» — театра, поставившего себе задачей в начале этого века художественную инсценировку русского лубка. Чтoб положительно оценить это прекрасно начатое дело, почти все московские газеты потребовали соответствующую

мзду у злополучного постановщика. Характерно, что в этой скверной истории участвовала и «профессорская» газета «Русские ведомости», ставшая впоследствии, наряду с петербургской «Речью», основной цитаделью кадетской партии. К сожалению, не от одних газет пришлось откупаться кассе молодого театра; потребовали свою долю и цензурные комитеты и вообще чиновники, имевшие какое-либо отношение к театральным представлениям. В итоге «Трагический балаган» дал всего только три спектакля и, несмотря на материальную поддержку молодыми меценатами Журиными, вынужден был прекратить свое существование.

Что касается легальных доходов московской прессы того времени, они заключались, главным образом, не в подписной плате, а в денежных взносах за печатную рекламу каких-либо торговых предприятий, лечебных заведений или просто спекулятивно-мошеннических средств: «для выращивания волос», «приятности лица» и пр., и пр. Широко практиковались и рекламы «лирического характера». В них сообщалось, что какая-нибудь «интересная брюнетка (или блондинка) ищет места экономки у одинокого мужчины». В случае надобности особа присылала свою фотографическую карточку. Поздней для этих целей возникла специальная «Брачная газета», она занималась не только сводничеством или сватовством, но и романтически описывала в своей хронике пышную церемонию свадеб, состоявшихся благодаря ее рекламе.

Текст рекламы составлялся не только в прозе или в стихах, но часто даже в форме каких-либо философских сентенций. Авторами его были большей частью неудачливые поэты, томные новеллисты с длинными волосами и, наконец, просто «остапы бендеры», жаждавшие пополнения своей казны любыми средствами. Купцы знали «корифеев» этого дела и в каком-нибудь китай-городском трактире, за графином водки побуждали их писать для своей фирмы самые изощренные рекламные вирши о том, например, что «ни один лев не изорвет брюк, сшитых у Заглухинского», что «от их внешнего фасона придет в восхищение всякая дамская персона». Тут же, на столе, залитом водкой и пивом, неоперившиеся художники набрасывали соответствующие иллюстрации.

В большой моде были и объявления явно мошеннического характера. Их заказывали московским газетам и журналам по почте из каких-либо отдаленных городов, например, Лодзи, Варшавы или Риги. В этих рекламах сообщалось, что всего за три рубля желающий может получить наложенным платежом соблазнительный комплект предметов, состоящий «из изящных карманных часов, безопасной бритвы, кожаного портмоне и

даже полного письменного прибора». Далекие от Москвы комбинаторы, конечно, никому ничего не высылали в расчете на то, что никто из обманутых ими простаков не поедет в Лодзь или Варшаву, чтоб вернуть обратно свои три рубля. Следует заметить, что юрисдикция того времени не предусматривала никакой борьбы с подобными жульническими проделками. Не запрещались и псевдонаучные рекламы, в которых сообщалось, что какой-нибудь «профессор хиромантии» или даже «черной магии» всего за один рубль может разгадать судьбу любого читателя газеты, в строгом соответствии с его небесным гороскопом.

На особенно широкую ногу поставил печатную рекламу своего предприятия популярный в начале этого века ресторатор Мартьяныч. Его ресторан занимал почти весь подвальный этаж современного ГУМа и славился у москвичей своей необыкновенной кухней. Здесь были и горячие блины с паюсной икрой, и настоящие сибирские пельмени, и московский молочный поросенок с гречневой кашей, и морские устрицы, и английский виски, и венгерская «малага», и даже свежая клубника в самый разгар декабрьских морозов. Большую роль в популярности этого гурманского рая сыграли рекламные поэмы, которые Мартьяныч систематически печатал в сытинском «Русском слове», а также в других московских газетах и журналах. Автор этих поэм — некий «Дядя Михай» стал своего рода знаменитостью у московской трактирной публики, но никто, однако, не знал подлинного имени этого, безусловно, талантливого человека, спившегося в конце концов от своей специфической литературной славы.

В деле газетного репортажа особенно популярен был В. А. Гиляровский, справедливо прозванный широкой московской публикой «королем репортеров». В. А., действительно, был своеобразным королем своего дела, он являлся иногда на места происшествий раньше полиции и следственных властей. В Москве говорили, будто сыскная полиция в запутанных уголовных случаях часто обращалась за советом к Гиляровскому, и В. А. нередко наводил «блустителей порядка» на верные следы, настолько хорошо он знал специфические нравы и воровские приемы московских преступников, прятавшихся от полиции в знаменитых «хитровских» ночлежках. Огромная физическая сила Гиляровского делала его неуязвимым во время его исследовательских экскурсов в мрачные воровские притоны. Перед постановкой горьковской пьесы «На дне» В. А. познакомил постановщиков и ведущих артистов театра с бытом завсегдатаев «хитровских» ночлежек. Здесь были сделаны зарисовки соответствующих декораций спектакля. Гиляров-

ский часто бывал у моего отца и, если не заставал его дома, спрашивал у горничной железную кочергу.

— Зачем она вам, сударь? — лепетала изумленная горничная.

Странный гость сгибал своими мощными руками кочергу в кольцо и весело говорил:

— Передай это хозяину вместо моей визитной карточки.

Иногда он давал ей с такими же словами изогнутый им серебряный рубль. В. А., наряду со своей репортерской деятельностью, был неплохим импровизатором. Так, весной 1903 года, придя к моему отцу, он увидал на столе массивный серебряный альбом, поднесенный ему в день его 25-летнего литературного юбилея редакцией «Новости дня». Гиляровский взял альбом и, не прерывая разговора, экспромтом написал в нем следующие дружеские строки:

Я уезжаю на Балканы,
Прощаюсь, милый друг, с тобой,
Но знай одно: твои романы
И там останутся со мной.
Я, душу русскую любя,
Там буду вспоминать тебя.

Мне пришлось прочесть немало интересных стихотворных экспромтов В. А., большей частью на злобу дня, хотя как поэт он не был популярен.

Другим выдающимся московским репортером был Опочинин. Он не ограничивался в своем репортаже внешним описанием городских преступлений, а стремился раскрыть их психологическую сущность. Неплохо владея литературным языком, Опочинин писал свои репортерские очерки в форме уголовных новелл, часто даже в духе Эдгара По. Я до сих пор помню два его газетных очерка. В одном из них говорилось об убийстве гимназистом 8-го класса своей мачехи, жены ресторатора Мартьяныча; в другом — об убийстве адвокатом Прасоловым своей жены. Оба эти преступления своей мрачной трагичностью нарушили безмятежное спокойствие старой Москвы.

В роковом поступке гимназиста было что-то патологическое. Он не мог перенести любви отца к новой жене, мачехе юного преступника. Нервно возбужденному юноше казалось, что этим глубоко оскорблена память его безвременно скончавшейся матери, первой жены Мартьяныча.

Второе преступление, описанное Опочининым, было также нерядового характера. Некоторые сопоставляли его, до известной степени, конечно, с сюжетом «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого. Заклучалось оно в следующем.

Знаменитый тенор Большого театра Д. Смирнов увлек своими соловьиными трелями экзальтированную жену молодого адвоката Прасолова. Их роман был настолько очевиден, что о нем знали все, кроме самого Прасолова. Один из его друзей после ряда отдаленных намеков, не понятых Прасоловым, прямо сказал ему, что он может лично убедиться в неверности жены, если поедет сегодня в ресторан «Яр» и войдет в кабинет, занятый певцом и его страстной поклонницей. Злополучный супруг, после некоторых душевных колебаний, решил последовать роковому совету: приехав в «Яр», он неожиданно вошел в кабинет, где счастливая пара беспечно пила шампанское. Увидав в дверях бледного Прасолова, самоуверенный певец не растерялся и продолжал демонстративно любезничать с его женой, но когда Прасолов вынул револьвер, мужество покинуло Смирнова, и он трусливо спрятался за спину любовницы. Она оказалась смелей своего кумира и, поднявшись с дивана, вызываяще сказала мужу: «Если вы решили сегодня кого-нибудь убить, то убивайте меня!»

Прасолов выстрелил, и молодая женщина упала на пол, а знаменитый тенор, несмотря на свой гигантский рост, с невероятной ловкостью скользнул под рояль и оттуда выбежал в общий зал ресторана.

Нечего, конечно, и говорить, как широко использовали московские газеты преступления Прасолова и гимназиста. Оба эти убийства совершены были в начале текущего века.

Редакции русских газет в те далекие годы несколько осмелели, их не всегда удовлетворяла мещански обывательская тематика периодической прессы конца прошлого века. Поэтому некоторые из московских газет подошли к преступлениям Прасолова и гимназиста не только с криминальной или моральной стороны, но даже и с социальной точки зрения. Впрочем, и в 90-х годах московская газета «Курьер» попыталась передать своим читателям крайне злонамеренную, с точки зрения царской цензуры, информацию. Так, в одном из номеров 1892 года, подробно описав на первой странице блестящий придворный бал в Зимнем дворце, она тут же поместила мрачную корреспонденцию об умирающих от голода крестьянах центральной России. Петербург сделал редактору газеты «серьезное внушение» по этому поводу, но «дерзкая газета» пошла еще дальше: публикуя в 1894 году правительственное сообщение о «в бозе почившем императоре Александре III», она в конце номера поместила медицинскую справку о вреде пьянства. Намек был слишком очевиден, так как пристрастие Александра III к спиртным напиткам было всем хорошо известно.

Подобные смелые выступления были, конечно, исключением для московской прессы, большинство газет и журналов того времени ограничивалось безопасной для себя «лояльной тематикой». Таковы были: «Русская газета», издававшаяся Желтовым, «Современные известия» Гилярова-Платонова, «Московская газета», «Голос Москвы», «Русский листок» В. И. Миллера, «Иллюстрированная газета» Н. Н. Саедова, «Московский листок» Пастухова; журналы: «Россия», «Русский сатирический листок», «Народное благо», «Радуга» и многие, многие другие периодические издания, возникавшие одно за другим в конце прошлого века и быстро прогоравшие за отсутствием подписчиков. Издавали их, большей частью, не профессиональные литераторы, не лица, имевшие какое-либо отношение к журналистике, а предприимчивые люди, своего рода коммерсанты, рассматривавшие затеянное ими дело с точки зрения выгодного коммерческого барыша. Иногда, впрочем, и на такой специфической основе возникали интересные периодические издания. В этом отношении особенно типичны две московских газеты: «Новости дня» А. Я. Липскерова, первый номер которой вышел в 1883 году, и «Русское слово», перешедшее в 1897 году к И. Д. Сытину. Обе эти газеты впервые, если не считать вышеупомянутого «Курьера» и «профессорских» «Русских ведомостей», попытались дать своим читателям не традиционно-ходульный материал, а нечто более содержательное. Необходимо отметить исключительный издательский талант «зачинателей» этих газет.

А. Я. Липскеров стал издателем, имея, по его собственным словам, всего два рубля в кармане.

И. Д. Сынтин и вовсе начал свою триумфальную карьеру с ничтожной должности «мальчика» в букинистической лавчонке на Никольской улице.

Жизни этих издателей были прямо противоположны друг другу по своему бытовому укладу. Липскеров, разбогатев от «Новостей дня», стал жить на широкую ногу: приобрел шикарный особняк у Красных ворот, завел элегантный выезд на английский манер, отдал своих сыновей учиться в фешенебельный катковский Лицей и даже привез откуда-то специальных грумов в качестве домашней прислуги. Зимой, на торжественных раутах, в его особняке гостей угощали свежими овощами и душистой клубникой. Возвращаясь с таких раутов, отец часто приносил домой фруктовые «сувениры», раздававшиеся гостеприимным хозяином сотрудникам своей газеты. Завсегдатаями липскеровских вечеров, помимо лиц, имевших какое-либо отношение к «Новостям дня», были знаменитости того времени: Ф. И. Шаляпин, М. Н. Ермолова, «несравнен-

ная» А. Д. Вальцева, знаменитая исполнительница русских песен Плевицкая, цыганка Варя Панина и другие.

Там же делали карьеру и новички театрального искусства, выгодно используя для себя знакомство с корифеями русской сцены и влиятельными театральными критиками «Новостей дня»: Н. Эфросом, Семеном Кругликовым и другими.

Что касается И. Д. Сытина, издателя другой популярной московской газеты — «Русского слова», — его жизнь не блистала внешним великолепием: он постоянно ходил в скромном, потертом пиджаке, никаких знаменитых гостей у себя не собирал и даже свою семью держал, как говорится, «в черном теле». Его сын, долговязый гимназист Володя, часто жаловался мне, что отец не дает ему денег на личные расходы, и даже ездить в гимназию бедному Володе приходилось на открытом империале так называемой «двухъярусной» конки, за три копейки (билет в нижнем, закрытом вагоне стоил 5 копеек). Подобный пуританский образ жизни настолько укрепился в сознании молодого Сытина, что, став студентом, он по-прежнему ездил на империале, носил простую русскую косоворотку и синие студенческие брюки заправлял в дешевые сапоги. Его друзья рассказывали, будто он даже жил на заработанные уроками деньги, отказываясь от всякой материальной помощи богатого отца.

И. Д. Сытин в конце 90-х годов часто бывал у моего отца, образно называя его «сударем-газетчиком», а мать — попросту — «барынькой». Незамысловатые исторические романы и повести отца были тогда популярны во всех уголках России. Сытин исключительным чутьем опытного издателя почуял, какую пользу для своей газеты может извлечь он из этой популярности за скромные авторские гроши. Началось его настойчивое ухаживание за отцом. Здесь было пущено в ход все: и лесть, и посулы, и чуть ли не слезные просьбы «поддержать» новую, никому еще не известную газету. В конце концов он добился своего: отец, переговорив с А. Я. Липскеровым, стал печататься не только в «Новостях дня», но и в «Русском слове», под псевдонимом «Д. Москвин». Альянс Сытина и отца продолжался, однако, недолго, пять или шесть лет. В начале девяностых годов на авансцене московской периодической печати появилась новая популярная фигура — В. М. Дорошевич. Своей острой тематикой, своими новаторскими приемами письма он отодвинул на задний план не только романистов, но и самых модных журналистов того времени. «Русское слово» с его статьями расходилось более значительным тиражом, чем с историческими фельетонами моего отца. В конце концов Дорошевич стал полновластным

диктатором сытинской газеты, хотя официальным редактором ее все время считался доктор Благов, зять И. Д. Сытина.

У меня лично в это время сложились особые отношения с В. М. Дорошевичем. Отец как-то рассказал ему, что я состою редактором школьного журнала «Дударь». Почему я дал ему такое название, не помню, но, очевидно, у меня были для этого «веские соображения».

Дорошевич, со свойственным ему юмором, стал после этого здороваться со мной по-особому, крепко пожимая мою руку и называя меня «уважаемым коллегой».

Между прочим, он рассказал мне, что сам издавал когда-то под партой журнал «Муха», за острую «публицистику» которого был исключен из гимназии.

Впрочем, его последовательно исключали из всех московских гимназий, кроме первой, в которую он не мог попасть по своему «низкому сословному происхождению».

Так или иначе, я и сам стал выделять Дорошевича из общей массы отцовских гостей, серьезно считая его собратом по перу.

В начале девятисотых годов оба московских издателя — А. Я. Липскеров и И. Д. Сытин настолько окрепли в газетном деле, что решили расширить свою издательскую деятельность. Липскеров приступил к изданию несколько скучноватой, сухой «Семьи» — еженедельного журнала, предназначенного для либерально-буржуазной столичной публики, а Сытин, помимо еженедельного иллюстрированного приложения к «Русскому слову», стал выпускать еженедельную «Искру», более живой журнал, нежели липскеровская «Семья», под редакцией своего главноуправляющего В. И. Жигарева. Личность Жигарева настолько своеобразна, что о ней стоит сказать несколько слов.

Он был потомком старинного старообрядческого рода Жигаревых, описанных Мельниковым-Печерским в увлекательных романах «В лесах» и «На горах». К литературе Жигарев не имел никакого отношения, но его исключительная деловая одаренность помогла развитию всего сытинского дела. Не довольствуясь устаревшими типографскими машинами технически отсталой тогдашней России, Жигарев потребовал у Сытина, чтоб он отправил его в Англию для ознакомления с постановкой печатного дела за границей. Сытин сам думал об этом, и предложение главноуправляющего пришлось ему по душе. В итоге Жигарев отправился в Англию. Не зная английского языка, не будучи вообще никогда за границей, он все же сумел разобраться в новейших достижениях английской техники и привез оттуда в Москву новые ротационные машины, поднявшие продуктивность сытинского издательства.

Во все концы необъятной Руси издательство рассылало теперь, помимо традиционных оракулов и сонников, миллионными тиражами копеечные издания великих русских классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова... «Капитанскую дочку» Пушкина можно было купить, например, за 5 копеек, «Тараса Бульбу» — за 3 копейки, «Боярина Оршу» — тоже — за 3 копейки и т. д. Отец подарил мне в детстве маленькую библиотечку сытинского издания в изящной кожаной папке. В ней было около 100 книжек, главным образом, русских классиков. Стоила такая библиотечка всего 3 рубля. Я до сих пор не могу понять, как сумел полуграмотный человек, выходец из бесправной народной массы, поставить на такую исключительную высоту свое издательское дело.

Его газета «Русское слово» по количеству подписчиков оказалась достойным соперником знаменитого суворинского «Нового времени», она выходила огромным по тому времени тиражом и удовлетворяла вкусам самой разнообразной публики — от мелкого городского мещанина до крупного ученого. Приступая к изданию «Искры», Сытин мечтал создать в Москве журнал, равноценный по своей популярности петербургской «Ниве» А. Ф. Маркса или хотя бы «Родине» Каспари, также издававшейся в Петербурге. Это ему, однако, не удалось. «Нива», бесцветная по содержанию, высоко расценивалась читателями за свои интересные приложения. Многие любители чтения буквально воспитывались на русских и иностранных классиках, бесплатно прилагавшихся к «Ниве». Что касается незамысловатой, мелкообывательской «Родины» — этот журнал имел настолько специфический круг читателей, что переманить их к себе Сытину не удалось. В итоге он, по совету Жигарева, решил издавать журнал нового типа, т. е. состоящий из самой разнообразной смеси: здесь были и рассказы, и стихи, и злободневные очерки, и кулинарные советы, и руководство по садоводству и огородничеству, и медицинские справки, и веселый почтовый ящик, и пр., и пр. Пестрое содержание журнала, редактировавшегося, кстати сказать, тем же Жигаревым, пришлось по вкусу многим невзыскательным читателям, к числу которых принадлежал и я сам. Мне было тогда 12 лет, и я, сгорая от зависти к старшему брату, печатавшему свои рассказы в липскеровской «Семье», решил также выступить на славном литературном поприще. Сделать это собственными силами оказалось мне не по плечу, и я прибег к самому бесцеремонному плагиату: найдя в старых номерах бартеневского «Русского архива» несколько неизданных стихотворений Жемчужникова, Яхонтова и А. К. Толстого, я отправил их под своим именем в

редакцию журнала «Искра», надеясь, что они никому не известны, кроме узкого круга читателей. Ждать ответа долго не пришлось: через 2 или 3 недели в так называемом «почтовом ящике» журнала было сообщено, что «присланные стихотворения годны только для редакционной корзинки». И так, Жемчужников, Яхонтов и А. К. Толстой оказались «пригодными только для редакционной корзинки». Не размышляя по существу этого ответа, я решил направить в «Искру» стихи какого-либо другого поэта, рангом повыше. Мой выбор остановился на одном, как мне казалось, мало популярном стихотворении Лермонтова, но и Лермонтов не понравился редакции, в «почтовом ящике» мне посоветовали «попробовать свои силы в прозе и не писать больше скверных стихов».

Таковы были нравы многих еженедельных изданий в годы, предшествовавшие Первой русской революции. Здесь так же, как и в газетном деле того времени, мало думали об идейной направленности журналов, да и нельзя было думать. Свирепая царская цензура зорко следила за каждым печатным словом, всюду выискивая почву для своего «красного карандаша». На этом роковом карандаше многие цензоры сделали блестящую карьеру. В дни так называемых «свобод», после октябрьского манифеста 1905 года, русская пресса осмелела, появился ряд новых газет и журналов, рассчитанных на острый текущий момент («Свисток», «Пулемет» и другие).

Существовали эти легальные органы недолго, наступившая после мнимых свобод реакция свирепо расправлялась с ними, руководствуясь драконовскими законами военного или чрезвычайного положения. За каждую «дерзновенную мысль» периодические издания подвергались крупному штрафу, иногда даже закрывались, злополучных же редакторов в административном порядке сажали в тюрьму на несколько месяцев, а за так называемое «оскорбление величества» — на один год в крепость. В результате для русской периодики возникла опасность остаться без руководящего редакторского персонала, так как никто, естественно, не хотел попасть в суровую царскую тюрьму.

На этой почве в Москве распространился тип так называемого «отсидочного редактора». За определенную сумму он обрекал себя, в качестве редактора той или иной газеты, на тюремное заключение, нисколько не участвуя фактически в выпуске подписанного им печатного органа.

Общий издательский ажиотаж, несмотря на все его тернии, захватил и моего отца. Он давно мечтал об издании своего собственного небольшого журнала, рассчитанного на

вкусы простого русского люда. Для этого требовалось разрешение Министерства внутренних дел. Н. Н. Саедов и некий гвардейский полковник А. Н. Вишневский (бывший адъютант генерал-губернатора Москвы князя Долгорукова) снабдили отца рекомендательными письмами к директору департамента, ведавшего русской периодической печатью. По пышному церемониалу того времени к высоким департаментским персонам просители допускались только в парадных черных сюртуках с шелковыми лацканами. Пришлось и отцу, приехавшему в Петербург в обычном пиджаке, облечься в церемониальный туалет, однако и он не привел к благожелательному завершению дела.

Директор департамента принял отца более или менее любезно, но прочтя его почтительное ходатайство, сухо спросил:

— Вы хотите назвать ваш журнал «Народной нивой»?

— Да.

— Но ведь у нас есть петербургская «Нива», затем душеспасительный журнал преосвященного Никона «Божья нива», издаваемая в Троицкой лавре, зачем же еще издавать какую-то «Народную ниву»? И скажите, пожалуйста, господин Дмитриев, что именно будет печатать ваша «Народная нива»? Революционные сентенции для деревенских мужиков? Чернышевщину?

— Ваше превосходительство,— осмелился возразить отец,— до сих пор я печатал одни только исторические романы в московских «Новостях дня».

— «Новости дня»,— сквозь зубы процедил директор,— сомнительная газета. За вашими историческими романами, как за спасительной ширмой, прячутся Липскеров, Агрофеоти и прочая публика в том же духе. Словом, я никак не могу разрешить издания вашего журнала.

Характерно, что в эти же годы Петербург крайне терпимо относился ко всякого рода эротической литературе, и даже неофициально поощрял ее, намереваясь отвлечь этим внимание молодежи от «вредных политических вопросов».

Этим благоволением петербургских юпитеров широко воспользовались разные литературные проходимцы. Они стали выпускать специфические газетки, рассчитанные на эротические вкусы мелкообывательской публики, испугавшейся «беспокойных идеалов» революции. Печатались эти газетки на игривой цветной бумаге и носили не менее игривые названия: «Поцелуй», «Я люблю», «Лови момент» и пр., и пр. Их фривольность заходила иногда так далеко, что администрация вынуждена была применять к ним знаменитую «Тысяча

первую статью», предусматривавшую борьбу со всякого рода печатной порнографией. Эта грозная мера мало, однако, повлияла на ретивость предпринимателей. Чтоб избежать неприятных конфликтов с высшей московской администрацией, они перешли на нелегальное положение и продолжали наводнять Москву своей на этот раз уже откровенно порнографического характера литературой. Продавалась эта литература, конечно, из-под полы, главным образом, у Иверских ворот, а также в московских пивных и третьеразрядных ресторанах. Полиция, руководствуясь неофициальными директивами сановного Петербурга, смотрела сквозь пальцы на подобного рода «просветительную деятельность».

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой характерной сцены. В одной из лучших московских пивных на Тверской улице (ныне улица Горького) от столика к столику шныряли какие-то подозрительные красноносые лица. Они громко предлагали публике самые безобидные книжонки, иногда даже ультрапатриотического содержания, и тут же, наклонившись к уху посетителя, называли литературу другого рода, спрятанную у них на дне объемистых кожаных сумок. Неожиданно в пивную вошел большой наряд полиции во главе с приставом первой Тверской части генерал-майором Прутковским. Городовые и сыщики стали у дверей пивной и никого из нее не выпускали. К Прутковскому подобострастно подбежал главный администратор пивной, но пристав не дал открыть ему рта и громко, начальнически заявил:

— По имеющимся у нас сведениям, здесь раздается сейчас нелегальная литература. Мы должны обыскать всех посетителей!

— Ваше превосходительство изволит говорить правду,— хихикая, залепетал администратор,— у нас, действительно, кое-кто продает сейчас книжечки, но смею заверить ваше превосходительство...— И он стал шептать что-то на ухо Прутковскому.

— Покажите-ка мне этих книгонош,— сквозь зубы процедил пристав.

Внимательно осмотрев сумки красноносых проходимцев, грозный пристав решительно сказал им: «Убирайтесь вон из пивной и больше не попадайтесь мне на глаза, иначе я вышлю вас из Москвы!»— Затем, обратившись к администратору, более благодушно добавил: «Эта печатная мерзость все же менее опасна, чем красные книжонки Бебеля, Каутского, Плеханова и прочих господ революционеров».

Несколько слов о судьбе основных московских газет, так или иначе переживших мрачную победу реакции. В 1907 году

II Государственная дума была разогнана, и вместе с этим кончились смелые дерзания либерально-буржуазной прессы, передававшей наряду с отчетами думских заседаний свои собственные мысли по существу этих заседаний. Московские газеты, хитроумно приспособливавшиеся до сих пор к текущим политическим событиям, с наступлением реакции вернулись к своему грустному дореволюционному первообразу, иначе говоря, к широковещательной доходной рекламе и обывательски-лояльной тематике. Что касается газет и журналов, возникших в революционные годы, они не смогли существовать при наступившей реакции, так как их основным тематическим кислородом была сама революция. Так кончили свою короткую жизнь острополитические журналы «Пулемет», «Свисток» и многие другие периодические издания. В своем последнем номере «Пулемет» следующим мрачным образом рисует конец в России так называемых «незыблемых свобод», громко обещанных лицемерным царским манифестом 17 октября 1905 года:

И куда я не пойду ли,
Все патрули да патрули,
Казематы да солдаты,
Да фельдфебельские «маты»...
Обманул нас X проклятый!

За этот «X» журнал, конечно, закрыли, а редактора посадили в крепость, где он скоро умер «по невыясненным причинам», как цинично заявила жене покойного тюремная администрация.

В годы наступившей реакции в Москве возник ряд новых газет и журналов, являвшихся большей частью лояльными трубадурами октябрьских идей III и IV Государственных дум. Таковы были: «Столичная молва», «Раннее утро», «Утро России» банкира Рябушинского, издававшееся по типу «Петербургских биржевых ведомостей» Пропера, «Вечерняя газета» и, наконец, анзимировская газета «Копейка», быстро подкупившая мелкообывательскую публику своей необыкновенной дешевой и беспринципно-пестрой тематикой.

Из новых журналов того времени наиболее прочное место заняли в обеих столицах еженедельный журнал того же Рябушинского «Солнце России», а также ежемесячные журналы «Весы» Валерия Брюсова, «Аполлон» Маковского, «Перевал» и «Правда» Кожевникова, «Золотое руно». Почти все они были декадентски-эстетского характера, отвечавшего упадническим настроениям широкой интеллигентской публики в период мрачной реакции 1907—1908 годов.

Тогда же появились и многочисленные альманахи самых разнообразных направлений — от эротически-утонченного «Шиповника», с его «Навьими чарами», до натуралистической «Земли», с нашумевшей купринской «Ямой». Резким контрастом на пестром фоне этих модных альманахов и журналов являлись петербургские сборники «Знание», начавшие выходить с 1900 года под фактической редакцией Максима Горького. В сорока номерах этих сборников, до 1913 года, напечатаны лучшие произведения Горького, Андреева, Куприна, Серафимовича, Телешова и других писателей, ставших особенно популярными благодаря их участию в «Знании». Я до сих пор помню, как высоко расценивались московской публикой эти скромные по внешнему виду, зеленоватые сборники. Они расходились в книжных магазинах тотчас же по выходе в свет, в библиотеках на них устанавливались длинные очереди читателей.

Хочется сказать несколько слов о конечной судьбе двух популярнейших московских газет — «Русского слова» и «Новостей дня». Сытинское «Русское слово», дипломатично руководимое в эти годы Дорошевичем, не только благополучно миновало (отчасти благодаря патриотическим настроениям в русско-японскую войну) все цензурные рифы мрачной реакции, но даже ухитрилось довести свой тираж до 650 тысяч экземпляров. Этой необычайной популярности газеты способствовала, как сказал я выше, тематическая многогранность ее материала: в ней печатались оригинальные фельетоны самого Дорошевича, интересные очерки Варшавского, легкая юмористика Тэффи, глубокомысленные сентенции по вопросам экономики кадетствующего профессора Московского университета Озерова и, наконец, необычайные для светской газеты статьи священника Григория Петрова, рьяного пропагандиста идей христианского социализма. Успех Петрова был настолько значителен, что у него скоро нашлись подражатели, печатавшие в других столичных газетах ханжеские статьи о том же христианском социализме. Среди них особенно выделялся некий архимандрит Михаил. Его неумность была настолько велика, что духовные власти вынуждены были в конце концов расстричь его, но предприимчивый архимандрит перешел в старообрядчество и, будучи старообрядческим архиереем, продолжал печатать в светских газетах теологические проповеди.

Как резонанс этого либеральничавшего теологического движения — в обеих столицах появились публицисты иного рода. Они печатали в «Московских ведомостях», в петербургском «Вече» и «Колоколе», а также прочих реакционных газетах и газетках кликушеские статьи о непогрешимости

самодержавного «помазанника божия», о зле революции, о высшем благе гражданского смирения, о божьем произволении и т. п. Эти неукротимые мракобесы, пуришкевичи в рясах, как их тогда называли, также имели своих знаменитостей: иеромонаха Илиодора Труфанова, отличавшегося своей фанатичностью, архиереев Гермогена Саратовского и Антония Волинского, наконец, редактора Троице-Сергиевской «Божьей нивы» архимандрита Никона, ставшего впоследствии, благодаря своей погромно-черносотенной публицистике, архиепископом вологодским и тотемским. Все эти мрачные трубадуры самодержавной монархии вступили в ожесточенную полемику со своеобразным либерализмом Григория Петрова и его последователей. Сановный Петербург смотрел сквозь пальцы на эти диспуты, резонно полагая, что они только дурманят голову малосознательной, неуравновешенной публики, отвлекая ее от острых политических вопросов того времени.

В итоге подобной политики «Русское слово», не подвергшись за все время своего существования ни одному серьезному административному взысканию, стало, тем не менее, популярнейшей трибуной мелкобуржуазной городской публики. Сытину не пришлось раскаиваться в выборе редактора своей газеты, ее тираж увеличивался с каждым годом, и по своему влиянию она стала в конце концов конкурировать с «Новым временем». В. М. Дорошевич в годы реакции после Первой русской революции оказался и прекрасным дипломатом: он сумел сохранить газету до Октябрьской революции.

Иная судьба постигла другую популярную московскую газету — «Новости дня» А. Я. Липскерова, испытывшую на себе острые когти реакции и окончательно погибшую в конце 900-х годов. Агония злополучной газеты продолжалась довольно долго. Несколько раз по цензурным условиям она меняла свое название, последовательно превращаясь из «Новостей дня» в «Новости дня и вечера», затем в «Трибуну» и пр. Нечего, конечно, и говорить, как отразились подобные метаморфозы на материальном благополучии газеты: она потеряла не только клиентуру, печатавшую в ней свои ежедневные рекламы, но и почти всех своих подписчиков. Дело дошло до того, что в конторе редакции часто не находилось денег для оплаты самого незначительного авторского гонорара.

На этой почве лично со мной произошел следующий грустный случай. Отец послал меня как-то в контору «Новостей дня» для получения гонорара. Главный бухгалтер конторы, приняв весьма серьезный и важный вид, заявил, что у них нет сейчас мелких денег, и сказал, чтоб я пришел со своей претензией на другой день. Я пришел на другой день, и опять

в конторе «не оказалось мелких денег». Отец послал меня третий раз, сказав, чтоб я ни в коем случае не уходил из конторы без денег. Я исполнил это поручение с исключительной добросовестностью. Когда бухгалтер опять сообщил мне, что у них «нет мелких денег», я сел поудобней на кожаный диван и заявил, что буду сидеть до тех пор, пока контора не разменяет крупные ассигнации на более мелкие, в которых очень нуждается сейчас мой отец. Сидеть мне пришлось долго, часа три или четыре, бухгалтер рассчитывал, очевидно, взяв меня измором, но, убедившись в моей непреклонности, протянул мне небольшой конвертик с какой-то монетой и сердито сказал: «Бери и убирайся!»

В конверте оказалось всего 5 рублей, но они пришлось вовремя нашей семье, так как вместе с прогоравшими «Новостями дня» прогорали и мы. Характерно, что за несколько лет до этого случая, в начале 900-х годов, банкир Рябушинский, намереваясь издавать в Москве газету, предложил Липскерову 200 тысяч рублей за его «Новости дня», но Липскеров решительно отказался от подобной сделки, заявив банкиру, что «газета не биржевая акция, которую можно выгодно продать или выгодно купить». Злополучную эту газету все-таки сумел «задушить» бесконечными и огромными полицейскими штрафами всеильный московский градоначальник генерал Рейнбот.

В Москве упорно говорили, что всемогущий генерал преследовал липскеровскую газету не за ее политическое направление, а за то, что один из сыновей издателя газеты, блестящий молодой лицеист отбил у его превосходительства какую-то опереточную «этуаль».

Титанически незыблема, неуязвима была в те далекие годы одна только газета, знаменитые катковские «Московские ведомости». Она имела своих хорошо выдрессированных сотрудников и своих читателей, главным образом из крупной буржуазии, высших чинов и пр. Ее моральные установки были почти крепостническими, близкими «патриотическому сердцу» охотнорядских молодцов и членов пресловутого «общества хоругвеносцев».

Несколько иную картину представляли толстые журналы конца прошлого века «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий», «Вестник Европы» и др. Здесь авторский коллектив строго отбирался опытными редакторами типа Н. К. Михайловского, В. Г. Короленко, Гольцева, Стасюлевича и многих других.

В восьмидесятых годах прошлого века и безыдейные юмористические журнальчики, вечные трубадуры «тещиных

языков» и «дачных мужей», попытались выйти на иную дорогу.

С этой целью, при содействии брата А. Н. Островского, министра внутренних дел М. Н. Островского, началось печатание уже не чисто юмористического, а сатирического журнала под названием «Московский сатирический листок». Отцу предложили должность ответственного секретаря, с маленькой квартиркой при редакции. В этой квартирке я и родился 6(19) декабря 1888 года. Мое появление на свет, рассказывала мать, было несколько неожиданным для моих не богатых родителей, и акушерка, за неимением более комфортабельной колыбели, положила меня в опустошенную редакционную корзину. В общем, «Сатирический листок» не оправдал лелеемых на его счет чаяний: публике, воспитанной на незыблемой юмористике александровского времени, не понравилось новаторство нового журнала, и его робкая сатира быстро прекратила свое существование.

Следует, однако, отметить, что в этом журнале поместил свой первый рассказ А. И. Куприн в 1889 году.

Отец в это время приобрел уже некоторую популярность в качестве драматурга и исторического романиста. Будучи страстным книголюбом, он собрал несколько тысяч книг и решил поделиться своим «богатством» с широкими народными массами. С этой целью он снял в девяностых годах в одном из захолустных уголков старой Москвы, на Большой Грузинской улице, специальное помещение, пригодное для публичной библиотеки, с квартирой для себя. Московской администрации показались подозрительными просветительные затеи моего отца, она не могла понять, кого собирался просвещать писатель Дмитриев, расположившись среди горьковских пустырей и огромной свалки уличных булыжников на Георгиевской площади. Такова была в 90-х годах Большая Грузинская улица, с ее прекрасным теперь сквером и комфортабельными домами. Как-то к отцу зашел его друг В. А. Гиляровский и сказал, что библиотека отца скоро будет взята под обстрел тайной и явной полицией. Действительно, через несколько дней в библиотеку пришел старший инспектор по делам московской печати Бернов, местный пристав и какой-то подозрительный штатский. Мне было тогда около 10 лет, и, открывая дверь этой почтенной публике, я был потрясен их, как мне тогда показалось, государственной важностью.

— Ты служишь в библиотеке, мальчик? — спросил Бернов.

— Нет, — трепеща от страха, пролепетал я.

— А что же ты здесь делаешь?

— Читаю «Всадника без головы» Майн Рида.

— Всадники должны быть с головами,—пробасил пристав.—А что, малец, этих самых безголовых всадников не читают здесь этакие длинноволосые люди или бабочки в синих очках?

В этот момент вошел отец, и наш разговор, насколько я помню, принял иное направление.

— Нам интересно знать, господин Дмитриев,—сказал Бернов, отрекомендовавшись отцу,—кто является вашими подписчиками.

— Люди.

— Это мы знаем, но какие люди? Ведь в этом районе, насколько нам известно, кроме мелких ремесленников, дешевых проституток и цыганок из загородных ресторанов, никто не живет! Сколько берете вы за чтение книг?

— Сколько стоит бутылка водки—сорок копеек в месяц.

— Маловато!—покачал головой Бернов.

— Я рассчитывал,—сказал отец,—что некоторые из людей этого захолустного уголка не пожалеют бутылки водки за чтение Пушкина, Гоголя, Некрасова и прочих классиков в течение целого месяца.

Бернов потребовал каталог имеющихся в библиотеке книг и стал величественно просматривать его, время от времени вычеркивая красным карандашом «подозрительных» для него авторов, а пристав со «штатским» подошли к книжным полкам и начали копаться в книгах, обращая особенное внимание на маленькие брошюры. К счастью, ничего «подозрительного» в этих брошюрах не оказалось, и пристав, громко зевнув и перекрестив рот, сказал отцу: «Акт о вашей библиотеке я дам положительный, однако предлагаю вам, господин Дмитриев, повысить плату за абонемент до одного рубля. Книги должны читать благородные, денежные люди, а не всякая шваль!»

В начале июня 1899 года, вскоре после пушкинских торжеств, отец сказал, чтоб мы готовились к переезду на дачу, в одно из очаровательных подмосковных местечек, близ старинной Троице-Сергиевской лавры, где мы обычно проводили летние месяцы. Семья наша в это время разрослась; помимо отца, стал заниматься литературой и мой старший брат Сергей. Смерть унесла его в могилу, когда ему было всего 19 лет, но он успел издать томик своих рассказов под меланхолическим названием «Вечные будни». Появление на свет «Вечных будней» не прошло незамеченным, об этом сборнике рассказов было написано немало хороших рецензий, но автор не прочел ни одной из них: когда вышла из печати его книга, он лежал на погосте Даниловского монастыря под грустным кладбищенским крестом. Через несколько лет после

его смерти рядом с ним на кладбище Даниловского монастыря похоронил свою дочь художник М. В. Нестеров. Однажды, когда мы встретились с М. В. на кладбище, он указал на обе могилы и сказал: жизнь не была благосклонна к ним, зато смерть обручила их навеки. Это прекрасная пара: молодой писатель и юная художница!..

Прелесть нашего путешествия на дачу заключалась на этот раз в том, что отец решил отправить нас не по железной дороге, как обычно, а на популярной «ечкинской линейке». Это был своеобразный экипаж, нечто вроде городской конки летнего периода; он, действительно, походил на линейку, разделенную посередине продольной кожаной спинкой. Пассажиры сидели на нем с двух сторон, спиной друг к другу.

В качестве попутчиков к нам присоединились молодой писатель Епифанов, сотрудник «Московского листка» и «Развлечений», а также два популярных в Москве коршевских артиста — Вязовский и Сашин. Вязовский мастерски исполнял самодуров-купцов в пьесах Островского, а у Сашина был своеобразный комический талант. После смерти Музиля его пригласили в Малый театр исполнять роли знаменитого комика (Музиля). Оба актера были, между прочим, неплохими художниками, и почти все романы моего отца печатались с их яркими красочными обложками, большей частью в старорусском стиле.

Места, которые мы проезжали, были чудесны. Деревья стояли по обе стороны дороги плотной зеленой стеной, как будто загораживая что-то таинственное и значительное от наших любопытных глаз; на все голоса пели птицы, стрекотали кузнечики, гудели трудолюбивые пчелы, где-то журчал ручеек.

Вдоль дороги, по высокому кособокому, традиционно-размеренным шагом, медленно шли по «родным ухабам» загорелые, истомленные дальней дорогой сермяжные паломники. Все они — «мужики» и «бабы» странно походили друг на друга: у всех были разбитые лапти на ногах, у всех длинные клюки в мозолистых руках и холщевые мешки за спиной. Шли они из разных концов «необъятной Руси» — из холодного Архангельска, из знойных донских степей, из мягкой солнечной Украины, из далекой Сибирской земли, — шли к «батюшке Сергию», чтоб разрешить у его древней серебряной раки неразрешимые проблемы своей тяжелой крестьянской жизни...

Трудно представить что-нибудь торжественней и величественней старинного архитектурного ансамбля Троицкой лавры. Еще за десять верст до нее мы увидели в утреннем тумане сказочные силуэты ее высоких крепостных стен, грандиозные

контуры древних соборов и высокой колокольни со знаменитыми чуть ли не во всем мире серебряными колоколами. Звон этих колоколов от большой доли серебра в их сплаве был необычайно мелодичен и гулок.

Один из московских старожилов, журналист Уваров, побывавший в Италии в первую мировую войну, рассказывал мне, будто самым модным украшением итальянских салонов того времени считался так называемый «русский уголок». Такой уголок в своей гостиной показал Уварову знакомый ему итальянец. Это был небольшой столик с тонкой художественной инкрустацией, покрытый русским холщевым полотенцем, с вышитыми на нем красными петухами. На полотенце, в точном соответствии с оригиналом, аккуратно расставлена сборная модель Троицкой лавры, со всеми ее стенами, соборами, башнями, колокольней и пр.

Подобные изделия сергиево-посадских кустарей продавались обычно в небольших ящиках, пестро разрисованных лубочными птицами или цветами.

Отец первый снял шляпу, увидав в туманной дали высокую колокольню. Обнажили головы и остальные, даже веселый комик Сашин стал в этот момент как-то особенно серьезен. Недолго, однако, продолжалось наше торжественное настроение: не проехали мы и пяти верст, как из-за леса неожиданно вынырнул казачий разъезд, возглавленный лихим урядником с большим серебряным кольцом в левом ухе. Урядник, встав на стремяна, поднял руку в знак того, чтоб мы немедленно остановились. Мы, конечно, повиновались. Казаки подъехали к нам и потребовали предъявить документы. Оказалось, Лавра ждала в этот день молодого царя, и охранка, на всякий случай, проверяла прибывающих туда богомольцев. У отца, отличавшегося во всех своих делах аккуратностью и пунктуальностью, все было в порядке, но у злополучных актеров и у Епифанова не оказалось с собой никаких документов. Напрасно они уверяли строгого блюстителя порядка в своей политической лояльности, в том, что они «безобидные скоморохи», известные всей Москве, что на их выступлениях бывает сам московский генерал-губернатор, урядник ничего не хотел слушать и решительно сказал, указав на отца:

— Этого с семьей ты отвезешь в монастырскую гостиницу, он человек несумнительный, а вам, господа актеры, треба вернуться обратно, потому как у вас не все в надлежащем виде.

— Произвол! — негодуяще закричал Вязовский.

— Не произвол, а борьба с внутренним врагом, — спокойно поправил его урядник, и уже более решительным тоном

сказал:— Вылазьте из таратайки, господа, не задерживайте начальство!

— Дозвольте нам хоть до ближайшей станции доехать...

— Это вам, можно сказать, ни к чему, потому как нынче все поезда отменены по причине царских величеств, словом, вам придется идти в Москву пешком.

— Пехом?! Уж вы не думаете ли, господин урядник, что у нас имеются семимильные сапоги-скороходы?!

Вязовский стал угрожающе наступать на казака, но Сашин величественным актерским жестом остановил его.

— Слушай, Федя,— сказал он, выходя из экипажа,— мы не раз с тобой были на сцене Счастливым и Несчастливым, не раз ходили из Вологды в Керчь и из Керчи в Вологду. Что ж, отправимся теперь в Москву по образцу пешего хождения.

Епифанов во время всей этой сцены стоял молча, глубоко запустив руки в карманы и криво усмехаясь своими тонкими болезненными губами. Урядник искоса поглядел на него и пренебрежительно махнул рукой.

— Этого можете взять с собой,— сказал он отцу,— нешто такой пройдет пятьдесят пять верст?

— Я пролечу их на крыльях вашего патриотизма, господин урядник,— процедил сквозь зубы Епифанов.

Пока казак соображал, как ему реагировать на замысловатый намек чахоточного путешественника, отец вышел из экипажа и решительно сказал, что лучше ему с семьей пройти пешком пять верст до Сергиева, чем актерам— 55 верст до Москвы. Урядник пожал плечами и заявил, что ему, в сущности, безразлично, кто из нас пойдет пешком и кто поедет, только он просит не задерживать его долее. Мы дружески простились со своими спутниками и отправились по узенькой тропинке в Сергиев посад. Епифанов с нами не пошел, он поехал с актерами, не желая, по его словам, играть на сентиментальных чувствах «царского опричника»...

Вот и старинные монастырские стены, облепленные, как ласточкиными гнездами, мелкими лавчонками, в которых продавались знаменитые изделия сергиево-посадских кустарей: мелкая домашняя утварь, деревянные игрушки, крестики, иконки бесчисленных форматов и т. п.

В гостинице, куда мы, наконец, добрались, нас прежде всего зарегистрировали, причем отец на вопрос о роде занятий ответил, что он «зарабатывает свой хлеб пером»; удовлетворенный монах записал: «Торговец пухом».

Мрачно, бесправно было время, о котором я пишу, но трагикомическая расправа «начальства» с виднейшими мос-

ковскими актерами — Сашиним и Вязовским стала популярна в Москве. Начало этому положил Епифанов. Он написал на эту тему небольшую сценку для журнала «Развлечение», заменив приезд царя приездом губернатора. Но свирепая цензура не захотела пропустить и губернатора. После долгих дипломатических переговоров остановились на архиерее, тем более, что наша роковая встреча с казачьим разъездом произошла вблизи монастыря. В таком виде и был напечатан рассказ Епифанова, но тут стряслась новая беда, не предусмотренная ни редакцией, ни даже цензурным комитетом: юмористическая сцена с косвенным участием в ней архиерея привела в ярость высшее епархиальное начальство. Дело грозили передать в Петербург, в Святейший Синод, на рассмотрение самого Победоносцева. Видавший виды редактор Н. Н. Саедов помчался в духовную консисторию, или, как ее называли в Москве, «Пилатову контору». Там он побывал в нескольких кабинетах начальствующих лиц, и в конце концов «кощунственное дело» было замято путем перевода крупных денежных сумм на текущие счета консисторских чиновников.

Трагикомическими перипетиями всей этой истории заинтересовался А. П. Чехов. И вот, осенью того же года, когда я писал под диктовку отца, а он ходил по кабинету, заложив руки за спину, мать подала ему чью-то визитную карточку. Отец, мельком взглянув на карточку, быстро встал и пошел навстречу гостю. Вскоре он вошел с каким-то скромным, несколько сутуловатым человеком, похожим, по моему тогдашнему мнению, на нашего местного аптекаря.

Отец усадил гостя в свое любимое кожаное кресло и сказал, чтоб в кабинет принесли чай. Подобный церемониал практиковался у нас не часто, в особо торжественных случаях, большей же частью гости приглашались в столовую, к весело шумящему русскому самовару. Учтя эти обстоятельства, я пришел к выводу, что гость, очевидно, «важный человек», и когда «важный человек» дружески протянул мне для приветствия сухую, широкую ладонь, я стремительно вскочил и так шаркнул ногой, что закачался и едва не упал. Гость весело рассмеялся, ласково посмотрел на меня сквозь стекла пенсне своими умными прищуренными глазами.

— Ты помнишь «Каштанку»? — спросил у меня отец.

Еще бы не помнить, я жил одним сердцем с этой маленькой, преданной своему обездоленному хозяину собачкой, я испытывал все, что испытывала она, радовался ее радостью, тосковал ее собачьей тоской.

— Это — Антон Павлович Чехов, автор «Каштанки», — сказал мне отец, указав на гостя.

Мне часто приходилось видеть портреты Чехова в журналах и газетах, но разве можно сравнить живого Чехова с газетным, «неживым портретом», разве могут напечатанные глаза передать то глубокое внутреннее тепло, которое я почувствовал в близоруких глазах любимого русского писателя?

Чехов спросил меня, не собираюсь ли я открывать Северный полюс, и когда я пролепетал в ответ что-то очень невнятное, он посоветовал мне отправиться лучше в Австралию или даже в Сибирь, только не сейчас, а когда я стану взрослым мужчиной, с усами и бородой, словом, когда я буду походить на Робинзона Крузо. Потом он оживленно заговорил с отцом о нашей поездке в Троицкую Лавру, о встрече с казачьим разъездом, о статье Елифанова, о цензуре, о консисторских чиновниках и пр. и пр. Его интересовала каждая мелочь, каждая деталь нашего путешествия. Поблескивая стеклами пенсне и что-то записывая в блокнот, Антон Павлович спрашивал у отца, как выглядел казачий урядник, как держались подчиненные ему казаки...

Были в лавре разные типы монахов. В этом отношении особенно колоритна фигура юродствовавшего в то время Филаретушки, с именем которого в Москве настойчиво связывали рассказ Льва Николаевича Толстого о трех старцах.

Филаретушка не жил в монастыре, он скитался по уездным городам Московской губернии, заходил иногда и в самую Москву. Богобоязненные люди прошлого века любили юродствующих, охотно кормили и поили их, даже снабжали деньгами. Собранные таким путем деньги Филаретушка раздавал убогим и нищим на какой-нибудь церковной паперти. Характерно, что ему не были чужды некоторые передовые идеи своего времени: Филаретушка не делал никакого различия между богатыми и бедными, знатными вельможами и «простыми людьми», не почитал даже самого царя, считая, что «все люди вылеплены из одного теста». Интересно, что Л. Н. Толстой, посещавший Лавру и, вероятно, знавший сыновей Филаретушки, любил эту сентенцию.

Встретился с сыновьями Филаретушки как-то замечательный русский художник И. И. Левитан. Он рассказал о своей неожиданной встрече Л. Н. Толстому, и великий русский писатель пожелал сам познакомиться с необычными монахами, так мало походившими на своих сластолюбивых, упитанных собратьев.

Отец рассказывал мне, со слов старцев, об этой встрече. Схимники, конечно, не знали, с кем говорят, так как были совершенно оторваны от жизни, кроме того, Толстой пришел

говорить на самые «душевные темы»: о жизни и смерти, о боге, о религии, о сектантах и прочем. Толстой, слушая схимников, записывал что-то в маленькую книжечку, на что Прокофий подозрительно спросил: «А ты не от начальства к нам пришел? Скажешь тебе, что не в добрый час...»

Когда Л. Н. Толстой написал богоискательскую сказку о трех старцах, в писательских кругах Москвы говорили, будто основная идея этой сказки была навеяна больше киновийскими схимниками, чем старинными преданиями на эту тему.

Наша семья любила старцев, и когда я услышал об истории толстовской сказки, мне захотелось лично спросить Л. Н. Толстого, действительно ли он описал в ней киновийских схимников. Скоро для этого представился удобный случай. В начале девятисотых годов я жил у своего приятеля на Девичьем поле. Чтоб попасть в школу, где я учился, надо было на трамвае проехать площадь, на которую выходил Божениновский переулок (ныне улица Толстого), где проживал в то время великий русский писатель. От местных жителей я слышал, что Лев Николаевич, не любя пышных кучерских выездов, часто ездил на трамвае.

Однажды произошло знаменательнейшее в моей жизни событие: я ехал на трамвае и напряженно смотрел в окно. Трамвай приближался к Хамовническому переулку. Мне вдруг показалось, что я сейчас обязательно увижу Л. Н. Действительно, подъехав к переулку, трамвай неожиданно остановился, хотя никакой остановки здесь не полагалось. Публика в вагоне заволновалась: «Толстой идет, Толстой!» И я в первый раз в жизни увидел великого писателя. Он медленно и, как мне показалось, несколько согнувшись, шел к трамваю в своей типичной крылатке, с маленькой шапочкой на голове. В одной руке его была папка с какими-то бумагами, в другой — суковатая деревенская трость. Толстой вошел в вагон через переднюю площадку и встал рядом с вожатым, глядя в стекло и не обертываясь к публике. Я набрался храбрости и, выйдя на площадку, громко сказал.

— Лев Николаевич, а я знаю, кого вы описали в своей сказке о трех старцах.

Лев Николаевич обернулся и хмуро посмотрел на меня, потом благодушно усмехнулся и сказал своим глухим, стариковским голосом: «А уроки на сегодняшний день ты все знаешь?»

Вожатый молча встал, за плечи повернул меня и втолкнул обратно в вагон. Публика насмешливо захихикала, но я был счастлив: я разговаривал сейчас с великим русским писателем!

ПОХВАЛА КНИГЕ

Венок сонетов

1

Дряхлеет книга, как порой — наречье.
Душа ж ее, как буква, горит!
Открой — заглавный лист заговорит
И сам к нему потянешься навстречу.

Упорный труд не терпит суеты,
Не возгорится от тщеты напрасной.
Вдали от этой суетности праздной
Я вчитываюсь в древние листы.

Удачу мечу красною строкой
И мысль шлифую — до седьмого пота.
Увековечит добрая работа
И тяжкий труд, и благостный покой.

О, счастье с книгой! Все идет на лад.
Темнеет переплет подобьем лат.

2

Темнеет переплет подобьем лат.
Как полукружье конского копыта,
На нем печать — лицо иного быта.
Но он, как прежде, гулок и крылат.

Ярился горн. Мохнатые меха,
Свирепо воя, выдубили кожу.
Она на пламя жаркое похожа.
Она гудит, как посох пастуха.

Померкла тушь и киноварь завяла,
И потускнела зыбкая строка.
Но руку обжигает сквозь века
Прохладный трепет крепкого сафьяна.

И горбится, и дышит, как Атлант,
На гнутой полке древний фолиант.

3

На гнутой полке древний фолиант —
Сосредоточье каменных анналов.

Гранит, надгробья, стены, плиты, скалы —
Обветренный эпохами гигант!

Какие письма! Склонясь, немею
Над судьбами, что слово обрели.
Я долгую историю земли
Читаю и от горя каменею.

Пред каменным терпением людей
Бледнеют статуй бронзовые слитки.
Бесстрастные, бесчувственные свитки
Еще хранят былой накал страстей.

На полке древний том — нетленен, вечен —
Стоит, закладкой памяти отмечен.

4

Стоит, закладкой памяти отмечен,
Свод рукописный. Как стрижи из гнезд,
Слетелись буквы в зябком свете звезд —
Точеных литер звонкие предтечи.

Писец гусиным вывел их пером.
Хватило и терпенья, и сноровки.
Мудреные заставки и концовки
Украсил он неярким серебром.

О судьбах княжеств золотое слово...
Но в нем, дороже монастырских книг,
Тот, о себе самом, истошный крик —
О житии во времени суровом.

К глухому небу вопиющий глас...
Рукописание. Немой рассказ.

5

Рукописание. Немой рассказ.
Пресс Гутенберга — дней иных начало!
Тысячеустно слово зазвучало,
Как эхо в соснах. Книги звездный час!

Поющие печатальные доски,
Звонящие точеные шрифты...
Выводит речь себя из немоты,
В свинцовой повторяется полоске.

Стучит станок. Его призывный скрип
Не вязь писца — подобье рукоделья.
И голос, обреченный в тихой келье,
В зенит восходит — что там манускрипт!

Кричат истошно на немых страницах
Пергамены, папирусы, таблицы.

6

Пергамены, папирусы, таблицы —
Самой мечтой вооруженный дух.
Он в сумрачных столетьях не потух.
Отлит в свинец, к нам долетел, как птица.

Да будет словом праведным свинец!
Не все еще на этом свете ясно.
И сочетанье гласных и согласных
Еще не единение сердец.

Но полно! Время, злую мысль развеи!
Огромный мир вокруг гудит, как улей.
Свинец летит в него не смертной пулей —
А доброй вестью, что всего живей.

Пора надежд... Мне звездной ночью снится
Их клинопись, их вязь, как предков лица.

7

Их клинопись, их вязь, как предков лица,
Из шквальной тьмы — я знаю! — не вернуть.
Распалась их доподлинная суть,
Их тайне до поры не проявиться.

Заколебалось мирозданье книг.
На миг, в былом огне, оно ослепло.
И стали книги жалкой горстью пепла,
И вырван — человеческий! — их язык.

Все прописные истины — на зная,
Как прописные буквы. Мрак и страх.
Но пламенем сраженные в кострах,
Взывают книги — душ живое пламя.

И, как солдаты, в трудный ратный час
Глядят в упор и не отводят глаз.

8

Глядят в упор и не отводят глаз,
Как зерна, буквы. Близок час урочный.
Еще молчит подтекст. Петит подстрочный
Выглядывает из наборных касс.

Но весел сев! И звездами в ночи
Восходят зерна черные клавира.

Альдины лад и вензель эльзевира,
И лирика кириллицы — звучи!

Созрел на пашне жребий Капулетти,
Взошла судьба Монтекки — быть беде!..
Чу! Задышал на черной борозде
Мятежный ветер нашего столетия.

Он — что сердца и царства сотрясал —
Под сводами озвучивает зал.

9

Под сводами озвучивает зал
Глухие стоны падающих сосен.
Умчатся ль вновь в пронзительную просинь
Погубленные эти голоса?

Вершинный ветер обмер. Песня спета.
Вечнозеленых не открыть очей.
Но книгой очарован, книгочей
Своих сомкнуть не может до рассвета.

Пилой низвергнутая красота!
Не в шифоньере и не в дутом кресле —
Она в странице со стихом воскресла.
Ее недостижима высота!

В простых томах расходятся по свету
Спрессованные голоса поэтов.

10

Спрессованные голоса поэтов
На книжных полках. Старый букинист,
Как временем измятый желтый лист,
Глядит, воспоминаньями согретый.

Изысканное слово — антиквар.
И золотой обрез первоизданья,
И корешок граненый, будто зданье, —
Все для торговца песенный товар.

Былая слава, призрачный успех,
Замеченные веком опечатки,
Меж строчек отсыревший груз взрывчатки,
Как добрый, отслуживший срок доспех...

Прекрасны букинисты! Не монету —
Они возносят гордый стих сонета.

11

Они возносят гордый стих сонета —
Поэты. Полуночники. Юнцы.
Кому из них — у времени в гонцы?
Кому — иная участь — кануть в Лету?

Наставников призывная труба —
За эту книжность их не обессудьте.
В живых, переплетенных кожей, судьбах
И их литературная судьба.

Они листают время том за томом,
Им в своих книгах не уйти от книг —
От этих мудрых, жизненных вериг,
Что стали и отечеством, и домом.

Восходит их магический кристалл,
Чтоб дух высокий души потрясал.

12

Чтоб дух высокий души потрясал,
Ведут века друг с другом поединок.
Свет — в изголовье. В книге — середина.
Эпохи сшиблись, слово — как металл.

Стремительно летит копьё строки,
Шрапнель цитат свистит на бранном поле.
Зачитан том до дыр, до ран, до боли, —
Но рать на полках строится в полки!

Дано томам сердца глаголом жечь,
Мир покорять не кровью, а любовью.
Как вечный океан, у изголовья
Волнуется, кипит родная речь.

Она кипит, она гудит в поэме, —
Сквозь время мчась, сквозь немоту и темень.

13

Сквозь время мчась, сквозь немоту и темень,
Как за дверьми из огрубевших кож —
Любовь, измена, истина и ложь —
И тяжкое, и сладостное бремя.

Уже не скажешь: прошлое мертво.
Оно от нас усталый лик не прячет.
И кто-нибудь беспомощно заплачет
Над сумрачным характером его.

О, нет, читатель, смейся, как дитя,
Пусть радуется и душа, и тело!
Мы тот характер приохотим к делу,
Его мы вырвем из небытия!

Ах, книги старые! — распаханное семя —
Они выходят к Жизни, к вечной теме.

14

Они выходят к Жизни, к вечной теме, —
Скупые строки, словно рваный крик.
Касайся же застежек моих книг,
Клады, фортуна, руки мне на темя!

Переносил я — пасынок Судьбы —
С листа на лист. И все повышли строки.
Без напряженья все повисли строки,
Как провода, — и не гудят столбы.

С зеленых листьев надобно! И вот —
Пыхтит росток, пульсирует источник...
С оригинала, с Жизни, — что подстрочник! —
Я сотворил свой точный перевод.

Без гула дня, его живого веча,
Дряхлеет книга, как порой — наречье.

15

Дряхлеет книга, как порой — наречье,
Темнеет переплет подобьем лат.
На гнутой полке древний фолиант
Стоит, закладкой памяти отмечен.

Рукописание. Немой рассказ —
Пергамены, папирусы, таблицы.
Их клинопись, их вязь, как предков лица,
Глядят в упор и не отводят глаз.

Под сводами озвучивает зал
Спрессованные голоса поэтов.
Они возносят гордый стих сонета,
Чтоб дух высокий души потрясал.

Сквозь время мчась, сквозь немоту и темень,
Они выходят к Жизни, к вечной теме.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул Керим 241
 Абу-ль-Гази Бахадур 107
 Агриппа Неттесгеймский 156
 Адельгейм Г. Г. 277
 Акопян А. 51, 57, 59, 67
 Александр III 269
 Алексеев М. П. 209, 218
 Алкей 80
 Алябьев А. В. 106, 107, 112
 Алянский С. М. 191
 Амири Г. Г. 56
 Анакреонт 146, 213
 Андреев Л. Н. 278
 Анжелико Ф.- Б. 173
 Анненков П. В. 143
 Арабчик В. И. 256
 Арапов П. Н. 131
 Ариосто Л. 208
 Аристотель 63, 206
 Архипов И. 253
 Асеев Н. Н. 55, 57, 61, 62, 67, 82
 Астафьев В. П. 25
 Ауэзов М. О. 55, 64
 Афанасьев М. 257
 Ахилл Татий 217
 Ахматова А. А. 23, 73, 126
- Багрицкая Л. Г. 237
 Багрицкий Э. Г. 236—239
 Бажов П. П. 55, 59, 66
 Байрон Дж. Г. 23, 87
 Бакст Л. С. 179
 Бальзак О. де 53, 80
 Баратынский Е. А. 74, 115, 146
 Барбюс А. 64
 Бардуков И. А. 252
 Барсов А. А. 84
 Баруздин С. А. 55
 Басаргин Н. В. 115
 Баскаков В. Н. 228
 Батасова М. Я. 249
 Бахтин И. И. 112
 Башуцкий А. П. 195
 Безыменский А. И. 56
 Бейль П. 208, 209, 212, 219
 Белецкий А. И. 45, 68
 Белинский В. Г. 136, 201, 262
 Белинский Я. Л. 150
 Белицкий Я. М. 90—94, 96, 97, 99
 Беллини Дж. Б. 154, 165
 Белов В. И. 25
 Белодед И. К. 65
- Белоус Д. Г. 62
 Белый А. 134, 171, 172, 174, 185
 Бельчиков Н. Ф. 59
 Бенуа А. Н. 184
 Березин-Ширяев Я. Ф. 133, 134
 Берков П. Н. 45, 46, 133
 Бетаки М. В. 232
 Бетховен Л. ван 60, 62
 Блок А. А. 61, 67, 74, 77—79, 123, 135, 169—191
 Блок А. Л. 175
 Блюм А. В. 192
 Бобрищев-Пушкин Н. С. 115
 Богданович И. Ф. 81, 86
 Богословский Д. Ф. 173
 Бодянский О. М. 39
 Боккаччо Дж. 159, 216
 Болотов А. Т. 118—123
 Бонч-Томашевский М. М. 265
 Брант С. 159, 162, 163
 Браун Н. Л. 56
 Брежнев Л. И. 5—13
 Бровка П. 55
 Бруни Ф. А. 189
 Брюсов В. Я. 50, 173, 174, 176—180, 187, 277
 Буало Н. 208, 213, 214
 Булаховский Л. А. 68
 Булгаков В. Ф. 119
 Булгаков М. А. 24, 25
 Булгарин Ф. В. 133, 258
 Бунин И. А. 23
 Бунина М. Г. 121, 122
 Бутурлин Д. П. 209
 Бюффон Ж. Л. Л. 209, 212, 218, 219
- Ваганов И. А. 255
 Ваганов И. (О.) А. 255
 Ваганов И. С. 254
 Ваганов К. С. 254, 259
 Ваганов Н. А. 255
 Ваганов С. В. 254, 255
 Вазари Дж. 154, 165, 166
 Валуев С. М. 207
 Вампилов А. В. 26
 Васильев Н. В. 254
 Васильев О. С. 126, 127
 Васильева Л. Н. 126, 127
 Васильченко С. В. 68
 Васнецов В. М. 84, 85
 Венгеров С. А. 118
 Верас д'Алле Д. 218
 Вергилий Марон Публий 208, 213

- Вереичев П. 257, 260
 Верхарн Э. 68
 Верховский Ю. Н. 189
 Владимиров В. В. 174
 Войнич Э. Л. 64
 Волков Г. 249
 Волохова Н. Н. 178, 179, 182
 Вольтер 48, 63, 104, 159, 198, 207—
 209, 213, 215, 217—219
 Воронин И. Г. 249, 251, 259
 Воронин Л. Г. 259
 Воронов П. Л. 255
 Вошинина М. А. 230
 Вургун С. 65
 Вяземский П. А. 100, 132, 145
- Гагарин С. С. 131, 132
 Гамсун К. 53
 Гассенди П. 206, 211, 212
 Гафури М. 61, 66, 67
 Гварини Б. 208, 213
 Геннади Г. Н. 105, 201, 202
 Герцен А. И. 23, 61, 82, 87, 126, 204
 Гершензон М. О. 144, 149
 Гете И. В. 55, 74, 87, 89, 123, 159, 198,
 209
 Гиляровский В. А. 267, 268, 281
 Гиппиус Василий В. 186
 Гиппиус З. Н. 173
 Гиппиус Т. Н. 177
 Глаголев В. Г. 252, 253, 259
 Гладков Ф. В. 64
 Глазков Н. И. 126
 Глибов Л. И. (Глебов) 45, 47, 49
 Глинка С. Н. 98—100
 Глинка Ф. Н. 99, 100
 Гнедич П. П. 53, 79
 Гоголь Н. В. 23—25, 31, 46, 48, 49,
 67, 87, 128—130, 132, 159, 252, 255,
 262, 273, 282
 Годзано Г. 168
 Гойя-и-Лусьентес Ф. Х. де 80
 Голицынский А. П. 196, 200, 201
 Гольбах П. А. 209, 218
 Гольцев В. А. 280
 Гомбервилль М. Л. де 214, 216, 219
 Гомер 49, 62, 146, 208, 213
 Гораций 208, 213
 Горбатов Б. Л. 82
 Городецкий С. М. 174, 176, 180—182
 Горький М. 48—50, 57, 65, 67, 87,
 187, 192, 278
 Гофман В. В. 175
 Гофман М. Л. 143
 Гофмансталь Г. фон 184
 Грибоедов А. С. 255
- Григорьев А. А. 182—184, 188, 189
 Грильпарцер Ф. 184, 185
 Гринченко Б. Д. 48, 49
 Громыко М. М. 112
 Губарь А. 61
 Губер Э. И. 126
 Губерти Н. В. 118
 Гудзий Н. К. 63, 143
 Гуковский Г. А. 192
 Гуттен У. фон 153
 Гюго В. 49, 87
- Давыдов Д. В. 126
 Д'Аржан 206, 207, 212—220
 Д'Аржансон Р.-Л. 209, 220
 Д'Аламбер Ж. Л. 209, 210, 212, 219,
 220, 222
 Даль В. И. 82, 84
 Даниель Г. 208
 Данилов С. С. 192
 Даниловский А. 107
 Данте Алигьери 159, 208, 213
 Деграф Л. 217
 Дейч А. И. 53
 Декарт Р. 206, 212
 Дельвиг А. А. 115
 Державин Г. Р. 74, 82, 159
 Джамбул Джабаев 55, 65, 70, 72
 Джонсон Сэмюэл 209
 Дидро Д. 209, 210, 215, 218, 219, 222
 Дмитриев Д. С. 271, 275, 281, 282
 Дмитриев И. И. 126
 Дмитриев Н. Д. 261
 Дмитриев-Мамонов А. И. 105
 Дмитриева В. В. 261
 Добролюбов Н. А. 87, 204
 Д'Овиньи Ж. 214, 221
 Д'Окур Г. 218
 Долгоруков В. А. 93, 275
 Донец Г. П. 57
 Дорошевич В. М. 271, 272, 278, 279
 Дорту де Мэран Ж.-Ж. 209, 217, 218
 Достоевский Ф. М. 20, 23, 24, 60
 Драгомиров М. И. 241
 Драйзер Т. 23
 Дюкло Ш. П. 209, 215, 216, 218, 219
 Дюма А. (отец) 258
 Дюрер А. 153—168
 Д'Юрфе О. 216, 219
- Екатерина II 129
 Енишерлов В. П. 169
 Ермолов А. С. 82
 Ершов П. П. 255
 Есенин С. А. 23, 25, 82
 Ефремовский П. В. 196, 197, 199

- Жемчужников А. М. 273, 274
 Жигарев В. И. 272, 273
 Жуковский В. А. 47, 74, 121—123,
 138—140, 142—146, 148
 Журахович С. М. 53, 54
- Забелин И. Е. 263
 Загоскин М. Н. 126, 127, 129, 130,
 258
 Задорнов Н. П. 26
 Захаров М. П. 93
 Збошил Р. 243
 Зенкевич М. А. 126
 Зонтаг А. П. 122
 Зотов В. Р. 132
 Зотов Р. М. 131, 132, 258
- Иванов А. С. 27
 Иванов Вяч. И. 175, 179
 Иванов Г. В. 187
 Иванчин-Писарев Н. Д. 200
 Измайлов Н. В. 139, 140, 143, 148
 Иллюстров И. И. 83
 Ильенко И. А. 45
 Ильин Н. П. 189
 Ильинский И. В. 30
 Ильф И. А. 31, 236
 Иоаннисан А. 54
 Ирлет Р. 243
 Исаковский М. В. 55, 68, 126
 Ищенко Е. М. 59
- Калашников А. И. 243
 Камознс Л. ди 213
 Кампистрон Ж. Г. 208
 Кантемир А. Д. 209
 Капутикан С. Б. 56
 Капустин Я. С. 114
 Капустина Е. И. 113, 114
 Карамзин Н. М. 138, 255
 Каратыгин П. А. 126, 131
 Карин С. Х. 88
 Карпини П. 107
 Каспари А. А. 273
 Кастрен М. А. 109
 Катулл Гай Валерий 146, 208, 213
 Кауфман И. М. 198
 Каюзак Л. де 216
 Кедрин Д. Б. 73—80
 Кедрина С. Д. 73
 Керн А. П. 129
 Кириллов О. Е. 26
 Киселев Н. П. 189
 Кобергер А. 154
 Кобылецкий Ю. С. 72
 Ковалев К. П. 243
- Кожанчиков Д. Ф. 257, 260
 Кожевников В. А. 277
 Козьмин М. Б. 5
 Кок П. Ш. де 197, 201, 258
 Колас Я. 55
 Кольцов А. В. 48
 Коменский Я. А. 57
 Комиссаржевская В. Ф. 181, 184
 Комиссарова М. И. 55
 Кондильяк К. Э. Б. де 212
 Кончин Е. В. 39
 Корнель П. 208, 213
 Корнильев В. Д. 115
 Корнильев В. Ф. 105, 107, 111, 113
 Корнильев Д. В. 103, 107—116
 Короленко В. Г. 64, 66, 280
 Корсаков Н. 137
 Костер Ш. де 22
 Коцюбинский М. М. 48—50, 57, 64,
 65, 67, 230
 Кошелев Я. Р. 106
 Краевский А. А. 145
 Красноглазый И. С. (Семенов) 257,
 258
 Красухин Г. Г. 76
 Красюк П. 72
 Крашенинников Н. А. 66
 Кребийон К. П. 215, 216, 218, 219,
 221
 Кребийон П. Ж. 208
 Крестовский В. В. 196, 197, 201, 203
 Крученных А. Е. 126
 Крылов И. А. 31, 67, 82
 Кудашев С. Ф. (Сайфи Кудаш) 56,
 65, 66
 Кузмин М. А. 181, 182,
 Кулешов В. И. 194
 Куликов Д. 99, 100
 Кунин В. В. 132—134
 Купала Я. 55, 65, 67
 Куприн А. И. 23, 230, 278, 281
 Курочкин Г. Ф. 249, 250
 Курочкин И. Ф. 259
 Курочкин Н. С. 126
 Кутузов М. И. 22, 30, 100
- Лабрюйер Ж. де 87, 207,
 Лаво Л. де 98
 Лавров В. В. 124, 127
 Лажечников И. И. 258, 263
 Лазарев В. Я. 118
 Ла Кальпренед Г. де К. де 214, 216,
 217, 219
 Ламот Ле Вейе Ф. 211
 Ла Мотт У. де 208
 Лансере Е. Е. 183

- Лаплас П.-А. 216
 Лаптев Ю. Г. 27
 Ларошфуко Ф. де 87
 Ла Рю Э. де 218
 Ла Сюз де 208, 213
 Лафонтен Ж. 208, 213
 Лебедев-Кумач В. И. 82, 91
 Левенсон А. А. 84
 Левитан И. И. 288
 Лейкин Н. А. 196, 197, 203, 263
 Лементарь П. Е. 11
 Ленин В. И. 8, 51, 60, 61, 66, 81, 229
 Леонардо да Винчи 53, 80, 153, 154, 156, 166, 167, 173
 Леонов Л. М. 18, 25, 62
 Лепешинский П. Н. 94, 95
 Лермонтов М. Ю. 63, 73, 74, 132, 174, 273, 274
 Лесаж А. Р. 215, 216, 219
 Лесков Н. С. 23, 205
 Лизунов А. В. 135
 Липскеров А. Я. 270—272, 275, 279, 280
 Литвак Г. Н. 78
 Локк У. Дж. 207, 212
 Ломоносов М. В. 63, 209
 Лонг 217
 Лондон Дж. 23
 Лосев А. Ф. 227, 228
 Лука Лейденский 166
 Лукреций 206
 Лютер М. 153, 164
- Мазепа И. С. 39
 Майн Рид 281
 Макаров А. А. 136, 139
 Маковицкий Д. П. 120
 Маковский С. К. 277
 Максименко И. Ф. 45
 Малерб Ф. 208, 213
 Малышко А. С. 57, 68
 Мальбранш Н. 207, 212
 Маргарита Наваррская 216
 Мариво П. 214—216, 218, 219, 221
 Маркес Г. Г. 29
 Марков Г. М. 5
 Маркс А. Ф. 273
 Маркс К. 60, 63
 Маркушевич А. И. 103—105, 115—117
 Маро К. 208, 213
 Мартынов И. И. 112
 Масанов И. Ф. 228, 230
 Маслов С. И. 40
 Мачтет Г. А. 64, 229—235
 Мачтет-Юркевич Т. Г. 230
- Маяковский В. В. 23, 70, 82
 Медведев Ф. Н. 17
 Меженко Ю. А. 45
 Межов В. И. 201
 Мезере Ф. де 208
 Мейерхольд В. Э. 180, 181
 Меламед Е. И. 229
 Меланхтон Ф. 165
 Мелешко И. А. 71
 Мельников П. И. (Печерский А.) 23, 272
 Менделеев Д. И. 82, 114, 116
 Менделеев И. П. 113, 114
 Менделеева Л. Д. 171, 182
 Менделеева М. Д. 113—115
 Мережковский Д. С. 173
 Мериме П. 23
 Метнер Э. К. 174, 185, 186
 Микеланджело Буонарроти 80, 153, 154, 167
 Микешин М. О. 47
 Мильтон Дж. 213
 Мирабо О.-Г. 209, 218
 Мирный П. 48
 Михайловский Н. К. 280
 Михельсон М. И. 87
 Мицкевич А. 57, 73
 Модзалевский Б. Л. 137, 145
 Модзалевский Л. Б. 138—141, 205
 Модильяни А. 168
 Молло Е. С. 126, 127
 Мольер 208, 213
 Монтень М. де 87, 207
 Монтестье Ш. Л. де 63, 209, 215, 217—220
 Морт Т. 153
 Мордовцев Д. Л. 263
 Морне Д. 218, 219
 Морозов Н. А. 132
 Муратов М. В. 196
 Муратова-Юркевич Т. Г. 233
 Мурнер Т. 159
 Мусин-Пушкин А. И. 209
 Мэшель Д. 220
 Мясницкий И. И. 263
- Назым Хикмет Ран 64
 Накоряков Н. Н. 196
 Нарбут В. И. 236, 237, 239
 Нарбут Г. И. 126, 187
 Нарезный В. Т. 47
 Нарышкин А. Ф. 253, 254, 258
 Насонов А. В. 263, 264
 Негода Н. Ф. 70
 Незеленов А. И. 138
 Некрасов К. Ф. 187, 188

Некрасов Н. А. 57, 65, 73, 74, 82, 183,
184, 195, 203, 228, 262, 282
Неловкин А. А. 11
Нестеров М. В. 173, 283
Нечуй-Левицкий И. С. 48
Никитенко А. В. 144, 149
Никольский Б. В. 172
Никон, архимандрит 275, 279
Новиков Н. И. 118, 119, 123
Ноде Г. 211, 212, 217
Ньютон И. 207, 212

Ованесян О. 51, 54
Овидий 208
Овсянников Н. Г. 198
Одоевский В. Ф. 134
Озеров Л. А. 52, 126
Ойстрах Д. Ф. 63
Олейник Б. И. 54, 64
Олеша Ю. К. 91, 236
Олешкевич Г. 232
Омулевский И. В. 205
Орлов В. Н. 172, 181
Островский А. Н. 261—263, 281
Островский М. Н. 281
Островский Н. А. 68
Острогорский В. П. 171

Павлищева О. С. 133
Павлов Н. Ф. 127, 129
Палей А. Р. 225
Панч П. 51
Паскаль Б. 87, 207, 212
Пастернак Б. Л. 126
Пастухов Н. И. 265, 270
Персий Флакк Авл 208, 213
Перцов П. П. 173
Петефи Ш. 57
Петрарка Ф. 159, 208
Петров Е. П. 31
Пиндар 208
Пистунова А. М. 153
Платон 166, 206
Платонов А. П. 25
Плетнев П. А. 145, 146
Плутарх 207
Плюш А. 209
Плюшар А. А. 137—142, 146
Погодин М. П. 119, 126
Подвойский Н. И. 48, 49
Полетаев Ф. А. 12
Поляков С. А. 175
Поп А. 213
Попов П. Н. 45
Посошков И. Т. 118—120
Потемкин С. 134

Прево д'Экзиль А. Ф. 214—216,
218—222
Прокофьев Г. Н. 109
Проперций Секст 208
Проскурин П. Л. 17, 28
Пруст Ж. 210
Пузин Н. П. 119
Пушкин А. А. 90
Пушкин А. С. 23, 24, 30, 47, 55,
65—67, 73—77, 82, 87, 90, 99, 100,
115, 123, 129, 132—134, 146—149,
159, 232, 255, 262, 273, 282
Пушкина Н. Н. 76, 145, 148
Пяст В. А. 186

Рабле Ф. 159, 216, 217
Радецкий Ф. Ф. 241, 242
Радищев А. Н. 63, 66, 112, 113
Разумовская М. В. 206
Раймонди М. 165
Райнис Я. 57, 68
Расин Ж. 208, 213
Рафаэль Санти 166
Рахманинов И. 104
Рейналь Г. 212
Ремарк Э.-М. 23
Ремизов А. М. 173, 187
Ренье М. 208, 213
Репин И. Е. 173
Ричардсон С. 216, 219
Родзевич О. Н. 234
Роллан Р. 53, 62, 80
Романова М. Г. 11
Ронсар П. де 213
Рослый С. Л. 26
Рош Д. 217, 218
Рубрук Р. 107, 108
Рудаки А. 57
Рудченко И. Я. 48
Русов Н. 179, 180
Руссо Ж. Ж. 208, 213, 218, 219
Руставели Ш. 57, 65
Рылеев К. Ф. 66
Рыльский М. Ф. 45, 50, 56, 57, 68
Рябушинский П. П. 182, 277, 280

Саади 57, 135
Саядов Н. Н. 264, 265, 270, 286
Сабашниковы М. В. и С. В. 185
Салиас-де-Турнемир Е. А. 263
Салтыков-Щедрин М. Е. 31, 49, 231
Сапунов Н. Н. 181
Сапфо 80, 185
Свепинов Н. И. 204, 205, 249, 255,
256, 258, 259
Свистунов П. Н. 115

- Свифт Дж. 159, 209, 218
 Селифонтов О. И. 112
 Сельвинский И. (К.) Л. 77
 Семевский М. И. 118, 201
 Семенников В. П. 105, 106
 Семыкин П. А. 89
 Сенека Луций Анней (младший) 207
 Сенкевич Г. 87
 Сенковский О. И. 126, 133
 Сервантес Сааведра М. де 78, 89
 Сергеева М. В. 90
 Серафимович А. С. 278
 Сильчевский Д. П. 234
 Симони П. К. 84, 249, 250
 Сирано де Бержерак С. 219
 Сияльский П. 227, 228
 Скобелев М. Д. 242
 Сковорода Г. С. 51, 62, 63, 67
 Скотт Д. 207
 Скюдери М. де 214, 216, 217, 219
 Словцев П. А. 112
 Слуцкий Б. А. 14
 Смирдин А. Ф. 141, 196, 198
 Смирнов Н. Н. 112
 Смирнов Н. П. 124, 125
 Смирнов-Сокольский Н. П. 228
 Соболевский С. А. 30, 126, 132—134
 Соколов С. А. (Кречетов) 173, 174
 Соллогуб В. А. 196
 Соловьев В. С. 171, 184, 189
 Соловьев М. С. 171
 Соловьев С. М. (историк) 263
 Соловьев С. М. (поэт) 178, 183, 184, 190
 Соловьева О. М. 171
 Сологуб Ф. К. 173
 Сомов К. А. 181, 182
 Сопиков В. С. 105
 Сорель Ш. 216
 Сосницкий И. И. 129
 Софокл 208
 Спенсер Г. 232
 Сперанский М. М. 112
 Стасюлевич М. М. 280
 Стендаль 23
 Степанюк Б. П. 71
 Стефаник В. С. 48
 Столетов Н. Г. 242
 Стралленберг Ф.-И. 107—109
 Стыров П. Д. 241
 Суворин А. С. 254
 Сумароков П. П. 112
 Сытин В. И. 271
 Сытин И. Д. 270—273
 Сю Э. 198, 258
 Табидзе Г. В. 58, 67
 Тагор Р. 57, 68
 Таратута Е. А. 64
 Тассо Т. 208, 213
 Татищев В. Н. 109
 Твардовский А. Т. 27, 68
 Телешов Н. Д. 92, 278
 Теренций Публий 159, 208
 Терещенко Н. И. (М. И.) 52, 189
 Терьян В. 51
 Тибулл 208, 213
 Тихонов Н. С. 55, 67
 Толстая С. А. 120
 Толстой А. К. 64, 77, 273, 274
 Толстой А. Н. 25
 Толстой Л. Н. 18, 20, 21, 23, 24, 30, 47, 63, 82, 87, 118—121, 159, 261, 268, 287—289
 Топорков В. И. 241
 Тредиаковский В. К. 107
 Трипольский А. В. 69
 Трусов С. П. 255, 260
 Трусова З. Н. 112
 Ту Ж.-О. де 208
 Туманян О. Т. 65, 70
 Тургенев И. С. 126
 Тынянов Ю. Н. 228
 Тычина В. Е. 52
 Тычина Л. П. 52, 72
 Тычина П. Г. 45—72
 Тютчев Ф. И. 23, 74, 157, 174, 186
 Ульяновский Д. В. 133
 Успенский Г. И. 205
 Утков В. Г. 103
 Ушинский К. Д. 57
 Фадеев А. А. 68
 Фальк И. П. 112
 Федоров А. И. 249, 250
 Федоров Д. Д. 256
 Федоренко Н. Т. 87, 88
 Фенелон Ф. 214, 218
 Фет А. А. 172, 174, 183
 Филатов В. П. 60
 Филдинг Г. 219
 Фильштейн М. Я. 290
 Фиолетов А. В. 236—240
 Фицджеральд Ф. С. 23
 Фиchino М. 156
 Флобер Г. 80, 159
 Фома Аквинский 207
 Фонвизин М. А. 115
 Фонтенель Б. 208, 213
 Формей Ж.-А.-С. 209—213, 215—219

Франко И. Я. 47, 48, 57, 62, 67, 68, 70
Франс А. 87
Фуаньи Г. де 218
Фурманов Д. А. 64

Халифман И. А. 38
Халов П. В. 26
Хемингуэй Э. 23
Хитрово Е. М. 100
Хлебников В. (В. В.) 64
Холмушин А. В. 253
Холмушин В. В. 250—254, 256, 258
Хоромин Н. Я. 87
Хузангай П. П. 56, 72

Цветаева М. И. 67
Цейтлин А. Г. 194
Циолковский К. Э. 225, 226
Цицерон Марк Туллий 214
Цявловский М. А. 143, 144

Чаренц Е. А. 51
Черепанов К. 112
Чернышевский Н. Г. 61, 63, 87, 126, 204
Чехов А. П. 23, 31, 49, 64, 82, 196, 261, 263, 286, 287
Чистяков А. Ф. 81
Чичерин А. В. 143

Шагинян М. С. 51, 56
Шалье Р. 218
Шаляпин Ф. И. 270
Шапель К. Э. 208
Шевченко Т. Г. 48—50, 53, 57, 67, 70, 71, 73
Шевырев С. П. 126, 127—130

Шекспир У. 18, 23, 49, 60, 63, 74, 87, 208, 213
Шерешевский И. В. 237, 238
Шестериков С. П. 205
Шехтер М. А. 77
Шибанов П. П. 196, 198
Шибанова Е. П. 198
Шишова Э. К. 238
Шолохов М. А. 18, 20, 25, 124, 125
Шор О. 237, 238
Штукин А. Д. 258—260
Штукин В. Д. 258, 259

Щепкин М. С. 128, 129
Щербина Н. Ф. 201

Эвенсон С. М. 231
Эврипид 208
Элланский В. М. (Эллан-Блакитный) 50
Энгельс Ф. 60
Эпиктет 214
Эпикур 206
Эразм Роттердамский 153, 154, 159, 168
Эрар Ж. 217
Эренбург И. Г. 55, 82, 93
Эттингер Ш. 168

Ювенал 208, 213
Юон К. Ф. 62
Юшков П. Н. 121, 122
Юшкова В. А. 121, 122

Якушкин В. Е. 138
Яхонтов А. Н. 241, 273, 274

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мстислав Козьмин. Учебник жизни</i>	5
--	---

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Петр Проскурин. И книга, и жизнь. Беседу вел Ф. Медведев</i>	17
<i>Игорь Ильинский. Книга переживет века!</i>	30
<i>Е. Николаева. Издание военных лет</i>	32
<i>Евграф Кончин. Спасенная рукопись</i>	39

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Иван Ильенко. Книгоград Павла Тычины</i>	45
<i>С. Кедрина. Любимые книги Дмитрия Кедрина</i>	73
<i>А. Чистяков. Пятьсот томов мудрости</i>	81
<i>М. Сергеева. Все книги о Москве</i>	90

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>В. Утков. Книгочий Дмитрий Корнильев и его журнал</i>	103
<i>Владимир Лазарев. Не распалась связь времен</i>	118
<i>Вал. Лавров. Автографы</i>	124
<i>А. Макаров. История неосуществленного издания избранных стихотворений А. С. Пушкина 1837 г.</i>	136

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Александра Пистунова. Летучий корабль Альбрехта Дюрера</i>	153
<i>Владимир Енишерлов. Из истории книг Александра Блока</i>	169

А. Блюм. Петербургские букинисты	192
М. Разумовская. Библиотека ученого и библиотека романиста в XVIII веке	206

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

А. Палей. Брошюры Циолковского	225
Г. Адельгейм. Загадочное имя	227
Е. Меламед. На острове Гонулулу... в Волынской губернии	229
Р. Александров, Е. Голубовский. Поэт Анатолий Фиолетов	236
П. Стыров. Свет за Дунаем	241
К. Ковалев. Экслибрисы Анатолия Калашникова	243

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Г. Курочкин. Воспоминания старого букиниста. Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Батасовой	249
Николай Дмитриев. Тени прошлого. Публикация Веры Дмитриевой	261

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

Борис Слуцкий. «Перевожу с монгольского и с польского...»	14
Петр Семынин. Сервантес	89
Александр Лизунов. Книги	134
Яков Белинский. Седьмая книга	149
Михаил Фильштейн. Похвала книге	289
Именной указатель	295

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск девятый

Редактор ВОО *Н. А. Незеренко*

Редакторы издательства

Н. А. Тишкова, М. Я. Фильштейн

Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*

Технический редактор *Н. И. Аврулис*

Корректор *Т. Ф. Ртищева*

Сдано в набор 25.04.80 г. Подписано в печать 4.09.80 г.

А08296. Формат 60×84^{1/16}. Бум. офсетная 80 г.

Гарнитура школьная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 17,67. Уч. изд. л. 17,93. Тираж 50 000 экз.

Заказ 1554. Изд. № 3073. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Книга». Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Ордена Октябрьской Революции

и ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 10 к.

**КНИЖНАЯ
ЛАВКА**

ПИСАТЕЛЕЙ

МОСКВА

МОХОВАЯ 22